

Евгений Алехин

**«Я никогда
не блюю
в тазики»**

И ЕЩЕ 46 РАССКАЗОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Я НИКОГДА НЕ БЛЮЮ В ТАЗИКИ.....	7
Я ВАС КАК-ТО НАПРЯГАЮ?	13
ДЕНЬ СВЯТОГО ЭЛЕКТРОМОНТЕРА	16
ЭТО ТЕБЕ НЕ ПОДРУЖЕК ЖЕНЫ ДРАТЬ	22
КРАСНАЯ АРМИЯ ГРЯЗНЫХ ВШЕЙ	33
ПОЭТИЧЕСКИЙ ЗАДРИЩЕНСК (СЦЕНКИ ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКИХ)	42
СТИХИ ПРОЗА СТИХИ.....	56
РАЙ ОТКРЫТ ДЛЯ ВСЕХ	61
ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА	68
БОЙ С САБЛЕЙ	72
КОМНАТА СМЕХА	83
МОЕ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ.....	97
В ЭТОМ ЛЕСУ МЕДВЕДЕЙ НЕТ	105
АВСТРАЛИЙСКАЯ РЫБКА.....	111
ИГРА В ПОЛОМАННЫЙ ТЕЛЕФОН.....	116
БРЕДОВЫЕ РЫЦАРИ	123
ЦАРСТВО ГОМОСЕКОВ	136
«У МЕНЯ ДЫРКА В ВЕДРЕ, ДОРОГАЯ ЛИЗА, ДОРОГАЯ ЛИЗА...»...	141
Я И МОИ БЕЛКИ	160
РОЗОВЫЙ ДНЕВНИК РОМАНИСТА.....	169
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ.....	175
БОТИНКИ.....	180
В ГОЛОВЕ БАГАЖИСТА	184
ЯДЕРНАЯ ВЕСНА.....	198
ДОБРОВОЛЬЦЕВ НЕТ	208
НАВАЖДЕНИЕ	219
ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ	224
ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК	235
ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА РАЗНИЦЫ.....	244
ОТВЕЧАЕТ LINDURIK	253

БУДНИЧНЫЙ АНЕКДОТ	259
НИ ОКЕАНОВ, НИ МОРЕЙ.....	274
КИСЛОРОД.....	282
ВМЕСТО ПУТЕШЕСТВИЯ	287
ДРУЖБА ДРУЖБОЙ.....	294
ПЛЯЖ	303
НОВОСЕЛЬЕ	309
ПОСЛЕ РАБОТЫ.....	313
ПРИЕМ МАКУЛАТУРЫ.....	316
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ	322
СЛОНОПОТАМ И ЕГО СООБРАЖЕНИЯ.....	329
«Я».....	343
БЕЗАЛКОГОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК 2015	346
ТОЛЕРАНТНОСТЬ	369
БУКЕТ АЛЕХИНА.....	377
БРОККОЛИ И ВРЕМЯ	385
ПОШЕЛ ТЫ НА ХУЙ, ТУПОРЫЛЫЙ XX ВЕК.....	388

Я НИКОГДА НЕ БЛЮЮ В ТАЗИКИ

Кто-то бегают по кругу внутри моей башки, сотрясая все ее содержимое (хотя содержимого там не ахти сколько). И каждый раз, когда он пробегает по вискам, я готов послать на хер все. Готов выкинуться в окно. Если бы не на первом этаже жил, этажил, это же. Готов на все, лишь бы это дерьмо закончилось. Но у меня нет сил. Я не могу оторвать свою больную с похмелья задницу от дивана.

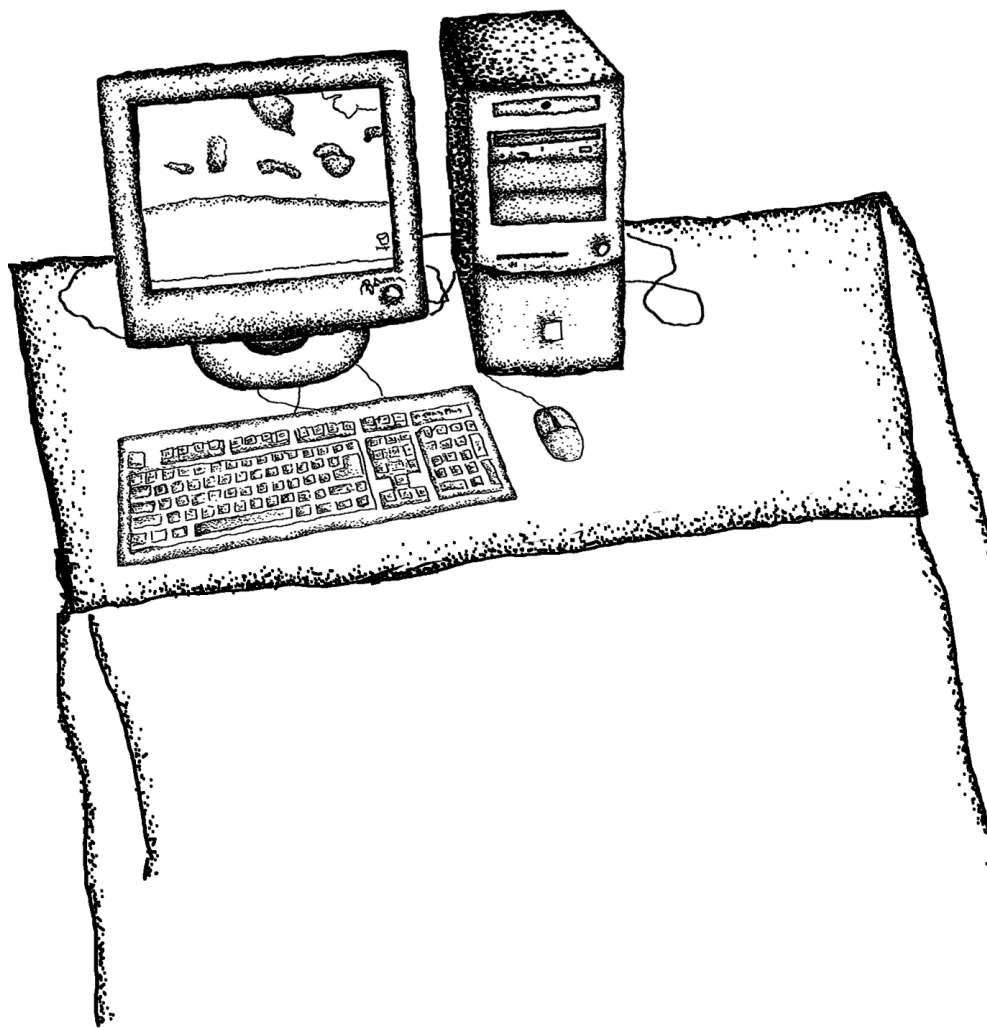
Да, я опять вчера нажрался...

Это как клеймо позора. Опять вчера нажрался. Я пойду чистить зубы, чтоб из моего похмельного рта не так сильно воняло. А на мне будет висеть табличка «Опять вчера нажрался». Я буду пить свой кофе с ненастоящими сливками и буду видеть, как на стене высвечиваются большие буквы: «Опять ты, позорный говнюк, ВЧЕРА НАЖРАЛСЯ».

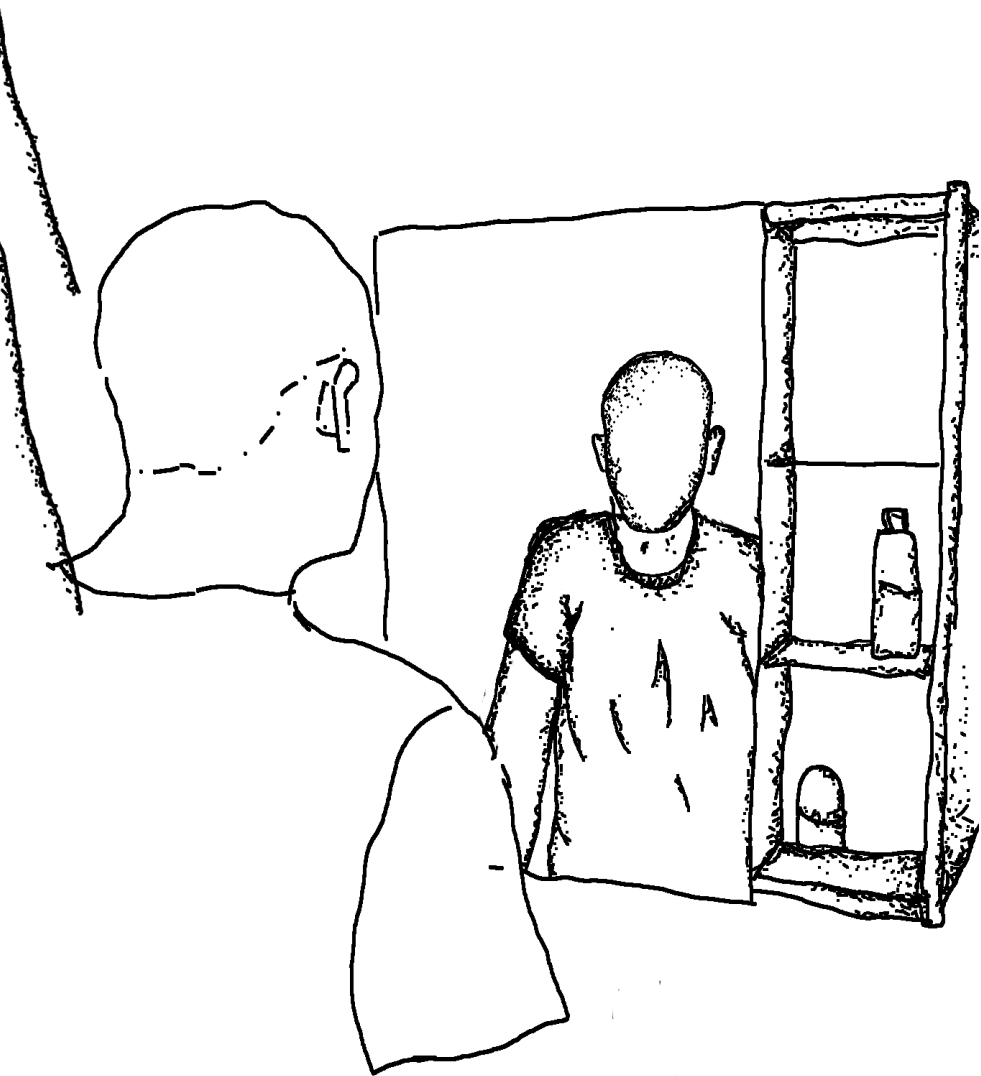
- а) Пытаюсь оторвать свою голову от подушки.
- б) Какая, оказывается, вода вкусная!
- в) Как приятно умываться.

Звоню Сперанскому:

- Здравствуйте, уважаемый.
- Доброе утро.
- Как ваше драгоценное здоровье?
- У нас-то в порядке. У вас как?

— Да живем помаленьку.

— Это радует.

— Как я был вчера? Ты думаешь, с Элеонорой потеряно?

— А что, у тебя виды?

— Были.

— Черт его знает. Ну ты вчера был в ударе. Говорил про Игоря. Что ты мог бы сделать с ним все за то, что он тебя кинул. Раз десять повторил, что мог бы скрутить его и насать ему в рот. Мог бы убить его также. Причем это все рассказывал Мише. Не думаю, что для него это была волнующая тема. Ты уже запускал компьютер?

— Нет.

— Ладно. Потом запустишь — увидишь.

— Хорошо. Что еще?

— Ну много чего... Когда пришел твой брат, ты говорил, что с ним не пил давно...

— Помню. Бальзам мы с ним допили...

— Вот говно. По-моему, его вообще пить нельзя.

— Да, лучше не пить. В общем, с Элеонорой все у меня?

— Не знаю. Не так все страшно вроде.

— Вроде бы?

— Вроде.

— Да?

— Да.

— Пиздишь ты все.

— Нет.

Пауза.

А кто мне тазик поставил?

— Моя идея была.

— Вы меня этим оскорбили. Я НИКОГДА не БЛЮЮ в ТАЗИКИ. Я могу блевать в окно...

— Помню.

— ...Я могу блевать в ванну и в унитаз. Или в сугроб. Но я НИКОГДА не БЛЮЮ в ТАЗИКИ.

— Ладно.

— Как ты думаешь, что сказать Элеоноре?

— Не гони. Не так все страшно.

— Да?

— Да.

— Урод ты... Ладно, давай... И запомни: я НИКОГДА не БЛЮЮ в ТАЗИКИ.

Включаю свой говенный компьютер. Запускается. На экране возникает табличка:

**ЕВГЕНИЙ, ЕСЛИ ТЫ НЕ БРОСИШЬ ПИТЬ, МЫ ТЕБЕ
РАЗОБЬЕМ ЕБАЛО!**

НЕ ПЕЙ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ!!!!!!!

Присоединяюсь к этому замечательному высказыванию,
и хотя ебало тебе разбить у меня не получится, но
НЕ ПЕЙ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ!!!!!!

\\

\

\\

\\

\

\

Мы! и ЭЛЕОНОРА////

/

//

ВОТ.

Какой же Сперанский остроумный. Ладно, хер с ним.

Включаю музыку. Оказывается, у меня в компе есть мутор-
ный древний джаз. Самое то для человека с бодуна.

Ладно, теперь можно позвонить Элеоноре. Попробовать.
Удачи, господин с печатью «Вчера нажрался».

Зашел мой младший брат. Не тот, с которым мы пили баль-
зам (тот старший и сводный), а восьмилетний Ваня. Дал мне

какую-то маленькую херню. Я взял. Это иконка. На ней написано: СВЯТОЙ МУЧЕНИК ЕВГЕНИЙ. Да, это в тему. Евгений — Мистер Жуткое Похмелье.

Он:

— Она будет тебя защищать от плохих снов.

— Она, сволочь, защищает только тех, кто верит в эту чушь. Можешь ее себе в зад засунуть.

— Нет. Ей по фигу, веришь ты или нет. Она будет тебя защищать...

Будем надеяться.

2002

Я ВАС КАК-ТО НАПРЯГАЮ?

Все сложно, когда ты девственник.

— Главное, чтобы была баба, — сказал я однокласснику Ване. — Какая она будет — красотка или нет — уже дело второе.

Я просто прикидывался опытным парнем, боялся сказать, что мне нужен проводник. Мы выпили всю самогонку. Вообще-то, я не мог двух слов связать, когда оставался наедине с девушкой. И вот Ваня ушел с принцессой резвиться у нее в комнате, а мне оставил задротку — соседку принцессы. Тут уж как нам захочется: либо мы просто переживаем их поебку, либо сами тоже беремся за дело. Мне хотелось взяться за дело, и неважно с кем. Казалось бы, задротка должна радоваться мужскому вниманию. Но ей как будто было наплевать. Либо же проблема была в Толе — пассажире, который сейчас спал рядом. На соседней кровати. Короче, чтобы убедить ее, что Толя не помеха, я подошел к нему и пощелкал пальцами рядом с его сладко закрытыми глазами.

— Анатолий отошел в мир снов. Мы можем поцеловаться.

Задротка встала и подошла к Ваниному письменному столу. И стояла ко мне спиной, листала Ванины тетрадки и вот так со своим слегка квадратным задом делала вид, что ей это интересно.

— Я вас как-то напрягаю?

Она не ответила. Тогда я подошел поближе, из-за ее плеча поглядел в конспекты, которые задротка взяла в руки.

— Интересно? — спросил я и обнял ее сзади.

Мы слегка поцеловались. Я ощутил привкус потаенной зубной боли.

— Подожди, — сказала она и положила очки на стол.

Мы продолжили поцелуй. Потом сели на свободную кровать.

— Ты пишешь стихи? — спросила она.

Я слегка напрягся.

— А что такое?

— Ну тебя же зовут Маяковский. Значит, ты их пишешь.

— Пишу.

— Прочитай.

Ладно, если меня пустят в трусики, я готов прочитать. Я начислил ей пару стихотворений.

— Хорошо, — сказала она. — Но у меня уже есть один человек.

— Один человек?

Как это было связано со стихами, я не вкурил.

Она сказала:

— Теперь ты послушай.

Прочитала стихотворение. Грустное, про своего парня, про их разлуку. Пока он был с ней — задротку расстраивало, что он воспринимает ее только как героиню порнофильма, в котором они оба участвуют. Но вот она осталась одна и скучает по этому порнофильму. Такой там был сюжет. Я подумал, что дело почти на мази, что вот-вот у нас будет секс.

— Подожди, — сказал я. — Сейчас приду.

Я вышел из комнаты, сходил до туалета. Ничего не могу с собой поделаться. Даже если не хочу в туалет, я всегда перед дробочкой туда хожу. Это как необходимость — все высать перед эрекцией. Так же и сейчас. Надо было ловить момент, хватать ее, пока горячая, но я сперва отправился мочиться. Когда я шел обратно, я заметил, что задротка вышла из комнаты. Увидев меня, она быстро отбежала к повороту в другое крыло общаги и спряталась за углом. И вот стояла там и выглядывала.

«Поиграть, что ли, хочет?» — подумал я.

Я зашел в комнату и закрыл дверь за собой. Захочет — вернется. Но, вообще-то, я уже знал, что она не вернется, что лучше

она переждет поебку Вани и принцессы в коридоре общаги. Сперва я взял первую попавшуюся книгу, читал при свете торшера. Кажется, это был Сомерсет Моэм. Потом я достал блокнотик и ручку из своей ветровки и попытался записать ее стихотворение, пока не забыл. Но оно уже ушло от меня, лишь совсем крохотный фрагмент удалось воссоздать:

*но ты уходишь
мне остаются эти фильмы
и заменяют мне тебя
и расставание не кажется мне длинным*

Много лет спустя я понял, зачем это записывал. Чтобы сохранить этот день навсегда. Чтобы вспомнить о нем спустя много лет, воскресить его и совершить путешествие во времени. Туда, где я не смог лишиться невинности, и оттого особенно остро ощущал, что я — существую.

2002/2016

ДЕНЬ СВЯТОГО ЭЛЕКТРОМОНТЕРА

С пятницы на субботу электромонтеру Вале, круглому сироте двадцати четырех лет, снились странные сны. Он проснулся — как обычно в субботу — опухший и небритый, но в его лице появилось что-то новое.

Он сел на кровати, нашел на полу рядом с собой последнюю бутылку пива, открыл ее зубами, как всегда, удивился, что это у него так легко получилось, выпил залпом и снова лег. На нем были черные штаны с полосочками в центре штанин (не с лампасами, которые с краев) и с петельками, зацепляющимися за ступни, а еще вылинявшая хлопчатобумажная майка, оголяющая низ его тощего брюха. Пять минут он пытался как-то осмыслить только что приснившееся ему, но логически можно было прийти к тому, что смысл его снов: он чуть ли не Бог. И Валя усмехнулся:

— Сегодня у нас что, День святого электромонтера? — спросил он у люстры.

Ему всегда было странно и забавно оттого, что он электромонтер. У него эта профессия прежде связывалась с определенным обликом. И как-то само собой получалось, что чем дольше Валя работал электромонтером, тем больше он соответствовал этому облику.

Валя все-таки окончательно встал с кровати, нащупал взглядом свои тапочки и пошел умываться.

— А я все-таки чудесно выгляжу, несмотря на всю свою отвратительность, — удивился он, стоя перед зеркалом.

Как вдруг Валя почувствовал странный зуд в лопатках. Он немного потерялся об косяк спиной, и тут в дверь постучали.

Валя с удовольствием выругался, просто чтобы напомнить себе о том, что он это делает прекрасно, и пошел открывать дверь.

Это был Илья, голова его намокла от дождя, он был свежий, взволнованный, да как всегда — глупый на вид.

— Заходи.

Илья зашел, скинул ботинки и пристально посмотрел на Валью:

— А с тобой что-то не то сегодня.

— Я, знаешь ли, чувствую. — Валя горько усмехнулся, подумал о том, сколько осталось от зарплаты, но об этом думать было не надо, потому он попытался целиком отдаться диалогу.

Илья тем временем сказал:

— Да я не в том смысле. У тебя сегодня в лице какая-то... — он не мог найти подходящего слова.

— Чувственность?

— Что-то вроде этого.

— Блин, я тоже что-то типа того подметил. — Валя удивился: вот и Илья заметил в нем новое. — Может, сегодня День святого электрика? Мне сегодня приснилось, что я становлюсь святым.

Илья тут же нашелся:

— Ну раз святой... Ты вчера зарплату получить должен был... Валя скорчился, но спросил:

— Сколько тебе?

— Две сотни до среды.

— На хрен?

— Сегодня футбол с пацанами собираемся смотреть. Столик заказали. А у меня пока больше денег нет.

— Кто с кем играет? — спросил Валя, открывая ящик стола.

Илья ответил, но через две секунды Валя уже забыл, кто и с кем. Он не любил футбол. Он старался не глядя достать

несколько бумажек. Смотреть в ящик нельзя было: вдруг, увидев, сколько там осталось, он поймет, что будущее устрашающе и бесперспективно.

Валя посмотрел: у него в руке были три смятые сотенные купюры и одна пятисотка. Надеялся, что не последняя. Он пятисотку бросил обратно, а три сотни протянул Илье:

— Вот, только сходи пиво купи мне. В бутылочках, «Балтика 3», шесть. Или семь, если хватит. И сигарет. «Балканки».

И вдруг Валя, взглянув на Илью, отчетливо начал понимать, о чем тот думает.

— Ты сказал «в среду», а не «в воскресенье», — добавил Валя строго.

Илья удивился, взял деньги и, ничего не говоря, но моргая, начал обуваться.

Илья вышел, а Валя быстро захлопнул за ним дверь, повалился сразу же на пол, стал кататься на спине по полу, отталкиваясь ногами, но зуд в спине прошел не сразу. Потом он встал, все еще ничего не понимая, но с чувством облегчения.

Илья вышел из подъезда, дошел до ларька, отдал деньги, сказал, что ему надо, улыбаясь своим мыслям. Женщина-продавец лет тридцати, но с какой-то невероятной свежестью в лице, взглянув на него, засмеялась и сказала:

— Ну даешь.

Илья, уже совсем сбитый с толку, поднялся по лестнице и постучал к Вале.

Долго никакой реакции на его стук не было, потом он услышал шум, услышал, как Валя матерится, и дверь отворилась.

— Что это с тобой?

Перед Ильей предстал Валя в идиотском длинном пальто, голова же его была обмотана полотенцем.

— Шаманю я.

— Гонишь ты.

Но Валя разговаривать не хотел. Он протянул руку, взял пакет с пивом:

— Ну давай, до среды. До среды.

И хлопнул дверью.

Так в субботу, в шестнадцать часов с небольшим, электромонтер Валя опять сидел на кровати. У него над головой был нимб, светящийся, теплый, на ощупь как из плоти. За спиной уже была не та ерундистика, что три часа назад, не то жалкое подобие, а самые что ни на есть настоящие крылья.

Он в течение двух часов привыкал к мысли о том, что теперь стал ангелом, потом выпил еще бутылку пива (теперь оставалось три), скурил еще две сигареты и решил лечь спать на несколько часов.

Валя проснулся, когда уже стемнело, со знанием того, что теперь ему надо делать.

Он взглянул на часы: до двенадцати оставалось час двадцать пять минут. Валя пожарил яичницу из семи яиц, поел, и до двенадцати оставалось пятьдесят пять минут. Он подумал, что перед этим грандиозным событием все-таки стоит побриться.

Ровно в двадцать три тридцать Валя вылетел в окно с пакетом-маечкой, в котором было три бутылки пива и полпачки сигарет. Теперь он летел к ближайшей шестнадцатитажке и вспоминал, что и в детстве он уже твердо верил, что ему уготована великая миссия. Однако он думал, что все будет происходить по-другому. Ну хоть бы небо разверзлось, что ли.

Когда он об этом подумал, пошел дождь да где-то вспыхнула молния. Это уже больше похоже на правду.

Он приземлился на крыше, крылья его уже намокли и отяжелели, и у него появилась одышка. Он сел, свесив ноги вниз, не боясь высоты, пил пиво, было хорошо. Валя допивал последнюю бутылку, когда в голове сработало: ПОРА.

Он встал, чувствуя, что уже отходит на второй план, что теперь его тело уже как бы не принадлежит ему. Валя задрал руки и сделал невероятно торжественное выражение лица. Все это он делал, уже не отдавая приказов своему телу. Он просто предоставлял его в аренду, чувствуя все и наблюдая, но без возможности принимать участие.

С небес на него пролился яркий свет, и стало ясно: началось.

Пока вроде бы все было очень хорошо. Он чувствовал, что появляется связь между ним и остальным человечеством. Его

тело стало проводником, сейчас они почувствуют и прозреют. В воображении Вали это все представлялось так, будто паутина постепенно охватывает весь мир. Скоро пойдет ток, польется истина по проводам, человечество шагнет к новому этапу жизни. Человечество пройдет через ворота (как же он был возбужден), пройдет через ворота в новую жизнь. Пора.

Восторг Вали все набирал обороты. Набирал и набирал обороты, Валя думал, что он лопнет от вдохновения, но до сих пор ничего не произошло. Свет с неба погас.

Вдруг Валя снова почувствовал волю над своим телом. Он уже подустал, тело ныло. Это все сопровождается неслабой физической нагрузкой.

Валя снова присел, свесив ноги, и допил остатки пива. Он закурил и, держа сигарету в руке, смотрел на свет от нимба, который на руку падал. Свет как будто был менее ярким, чем некоторое время назад.

И тут Валя понял. Он понял, и сердце упало: НИЧЕГО НЕ БУДЕТ. Человечество в отрубе. Человечество не выходит на связь, потому что человечество СМОТРИТ ФУТБОЛ. Именно сейчас.

Когда он это понял, нимб потух. Потух, а потом упал ему на голову и полетел дальше вниз. Крылья тоже отвалились.

В десять часов утра, в воскресенье, электромонтер Валя, сильно потрепанный и уставший, в черных штанах с полосочками посредине штанин и с петельками, зацепляющимися за ступни, в короткой хлопчатобумажной майке с двумя большими дырками на спине и в домашних тапочках, но тем не менее все еще очень хорошо выглядящий, зашел в ларек напротив своего дома.

— Привет, Наташа, дай мне три бутылки пива. «Жигулевского». И пачку «Балканки».

Наташа внимательно смотрела на Валу, думая, что хочет выйти из-за прилавка и пойти с ним. Но она спросила:

— Что это с тобой сегодня?

— Праздновал День святого электромонтера, — усмехнулся Валя.

Наташа смотрела на него очень удивленно и внимательно. Он смотрел на нее невнимательно и вяло, думал, что хочет, чтобы она вышла из-за прилавка и пошла с ним. Она была сегодня не такая какая-то. Не такая в самую лучшую сторону. «Блин», — подумал Валя.

Наташа сказала медленно, все еще сохраняя удивление на лице:

— А я думала, вчера был День галлюцинирующего бухгалтера. Мне не хотелось называть его Днем ебанутой ларечницы. «Блин», — думал Валя.

Наташа все сильнее хотела выйти из-за прилавка и пойти с ним.

Валя думал, что это все так и должно быть, всегда все так и должно было быть, что теперь все встанет на свои места. Он подумал, что есть какие-то слова, которые он должен сейчас сказать. Он сказал, не зная, те ли это слова:

— Лучше дай две бутылки вина и пачку «Винстона», у нас вечеринка.

«Подошли бы и любые другие слова», — подумала Наташа. Она взяла вино, сигареты, вышла из-за прилавка. Валя думал, что она и есть та самая королева для электромонтера Вали, и улыбался. Она тоже улыбалась.

Они вышли, Наташа закрыла павильон, они дальше пошли за руки.

Возле своего подъезда Валя увидел дворника с метлой в руках. Дворник был задумчив, грустно задумчив.

— Здорово, Виктор Павлович, — сказал электромонтер.

Дворник что-то пробормотал в ответ.

Валя с Наташей зашли в подъезд, а Виктор Павлович выругался, бросил метлу, огляделся по сторонам, потом сел на лавочку. Он вздохнул. Было совсем хреново. Он начал задирать штанину, и из нее вывалился хвост. Отвалился, и ничего не поделаешь.

ЭТО ТЕБЕ НЕ ПОДРУЖЕК ЖЕНЫ ДРАТЬ

— Я, — говорит Андрюха, — вчера трахнул последнюю подружку своей жены. Теперь их больше не осталось.

— А по мне, — отвечаю я, — это дело последнее: подруг жены.

— Это почему?

— Почему? Ну это же твоя жена, все-таки человек близкий, а ты таким образом помещаешь ее в вонючий кисель, даже если тебя нет рядом, когда она общается со своими подругами.

— Да херня это все, я же их не заставляю.

Странно, но у меня нет чувства, будто все, что он говорит, — правда. Хотя не странно: не производит просто он впечатление человека, который может трахнуть всех подружек своей жены. Только если у жены одна подружка, да и та ущербная.

— Ты держи сильнее, — резко говорит он. — Что замечтался? Поди, давно с мохнашкой не общался?

В эти моменты мне особо не нравилось быть подсобным рабочим. И тем более не нравилось быть помощником сварщика, а сварщиком и был этот Андрей. Жара — тридцать градусов. Обеденная зубровка выступает потом на лбу, я держу металлический уголок, к которому он приваривает рабицу. Это мы халтурим — делаем забор для начальницы, которая мне поначалу совсем не нравилась. Мне еще не нравится, что он за эту халтуру получит денег раза в три-четыре больше. Так мало того — еще в довесок ко всему говну слышать слово «мохнашка». Избавьте.

— Кончай это, Андрюха! Ты еще о чем-нибудь думаешь?

— Да, но обед уже закончился, — и добавляет хохотку.

Интересное у него тело: ноги такие, будто на нем не обычные штаны, а галифе, зад малость широковат, плечи узковаты, пальцы длинноваты, рожа глуповата, сам высокий — метр, наверное, девяносто пять. Лет ему двадцать восемь.

— Охренеть, Андрюха, и как ты живешь? Ты задумываешься о чем-то, помимо этих двух вещей, хоть раз в неделю?

— Раз-два бывает. Это ты у нас мудилка-вундеркинд — весь в мыслях.

— Да, не в тапки срать.

— Да уж лучше в тапки.

Хотя в принципе он незлой — это хорошо. Просто ему нравится выпендриваться. Мы доделываем очередную секцию забора, перекур решаем устроить на полчаса. Я сажусь с книжкой и сигареткой в теньке на какую-то деталь от автомобиля. Здесь, на этой гребаной станции дорожного обслуживания, полно всякого барахла.

— Что ты все время читаешь? — спрашивает Андрюха.

— Сейчас — Чехова. Рассказы.

— Да, ты умный парень, я всегда знал, что ты умный парень.

— Это тебе не подружек жены драть, — говорю.

Он кидает в меня рабочей перчаткой, смеется:

— Ты не можешь судить.

— Пошел ты, — кидаю обратно.

Я только окончил десятый класс и устроился сюда благодаря своему дядьке. Я уже работал до этого на двух работах, но эта отнимает слишком много времени. Домой приезжаю часов в семь. Часто приходится гулять и пьянствовать ночами, поэтому мне особо нелегко.

В тот вечер я был на дне рождения, как раз за неделю до своего собственного, все затянулось до утра, я, к сожалению, пришел домой рановато — в семь, отец еще не уехал на свою работу, он наорал на меня, пытаясь убедить ехать меня на свою. И довез до самых ворот. Я зашел на территорию, ни с кем не здороваясь, не заходя в раздевалку, залез в поломанный КамАЗ, в кабину,

чтобы там поспать. Периодически высовывал голову в окошко и блевал. Меня вернул в реальность противный голос:

— Что за дерьмо? Почему не работаешь? Уже десять часов. Тебе надо разгрести кучу деталей в мастерской и помочь Сереге. Ты с ним едешь работать через полчаса. Какого хрена ты спишь?

Это был начальник. Паша, или Пал Григорич. Я мечтал подойти как-нибудь к нему, сделать замечание по поводу того, что его семейные трусы видно через тонкие брюки и что он похож на Пятачка, да пойти увольняться. Но я вылез из кабины, пошел к Сереге, водителю ЗИЛа. Он ждал меня возле раздевалки.

— Серега...

— Вижу, — говорит, — что тебе паршиво. На хрен так пил?

— День рождения был у типа. Может, ты без меня?

— Ну ладно, я без тебя обойдусь, но с тебя завтра трехлитровая банка пива.

Он был лаконичен, когда ему чего-то хотелось.

— Запросто.

— Все, только теперь иди в раздевалку и никому из начальства не показывайся.

Я иду, иду и думаю, какой все-таки отличный мужик этот Серега, ох, отличный, шустрый, находит, что сказать, вовремя, ничего лишнего в нем нет.

Просыпаюсь уже во время обеда на диванчике в раздевалке. Это не то чтоб раздевалка, а гараж, под нее переделанный, один из ряда на территории этой самой станции. Тут же у нас и стол стоит. Сидят Андрюха и Леха, едят, значит. Я-то чувствую, что кроме супа ничего съесть не смогу.

— О, — говорит Леха, — наш главный алкаш проснулся. Ты чего так поганно выглядишь?

Леха — парень лет двадцати пяти, по-моему, даже с высшим образованием, ничего себе типчик, неглупый. Нравится мне больше других.

— У вас нет супа? — спрашиваю.

А у них стоит бутылка водки, не зубровки — странно, на столе.

— Жахни лучше, — говорит Андрюха, — легче станет.

— Вырвет.

— Да ну, легче станет, говорю же.

Андрюха наливает больше половины граненого стакана.

— Ты что, — спрашиваю, — тронулся? Я же тебе не отряд бойцов.

— Кто у нас работает, должен быть отрядом бойцов.

Я морщусь сначала, но выпиваю, не отрываясь, в три глотка. Чувствую, что это не водка, а разбавленный спирт не самого хорошего качества.

— На, заешь лапшой.

Леха с материнской заботой подвигает мне тарелку китайской лапши, я накручиваю на вилку, закусываю. Все равно противно.

— Супа бы, — говорю ему.

— Ну это к Дмитричу, вроде у него суп сегодня, скоро придет, ты и сядь ему на хвост. Выслушаешь про его внуков-бандитов, он ведь любит с тобой говорить, да супцу похлебаешь.

— Ладно.

И тут я начал чувствовать, что становится легче.

Так я открыл для себя силу опохмелки как чудо-средства.

Дмитрич — старый, а бодрый еще, но не на вид. На вид — сморщенный, но еще есть порох. Плохо, что, если напьется, слезливый. А напивается частенько. Через полчаса мы уже ели с ним хорошо разогретый суп, он принес сегодня с собой целую кастрюлю, разогрел сейчас и налил мне славную порцию. Андрюха с Лехой ушли работать, оставив под столом плюсом к пустой бутылке из-под спирта бутылку из-под зубровки. Еще одна бутылка ее же самой, только-только початая, стояла перед нами. Мы доели суп и занялись ею.

— Ты знаешь, сколько мне лет? — спрашивает задумчивый Дмитрич.

Он выглядит жалким в своей задумчивости.

— Шестьдесят, наверное, — говорю я, чтобы поднять ему настроение.

— Шестьдесят девять, — отзывается он, и удовольствие проявляется на его лице.

— Но выглядишь лучше.

И тут он заговорил на неожиданную для меня тему:

— У меня вчера встал. — Он грустно улыбнулся.

— Но это же хорошо.

— Но, — продолжает он, — когда я залез на жену, он опять вниз и ни в какую. А жена потом ругала, что зря раздражил.

Он тяжело вздохнул, глаза его блестели пьяным блеском.

Вот дерьмо.

Но я уже чувствовал себя достаточно хорошо, то есть достаточно пьяным, чтобы его успокаивать и вообще общаться с ним. Пока мы допивали, разливая по очереди по половине того же стакана, я говорил, что все будет нормально. А потом он ушел, а я опять лег спать. В тот день, видно, Пал Григорич был не в духе и, заметив позже Дмитрича на улице смотрящим в никуда, предложил ему больше не ходить на работу.

Правда, на следующий день Дмитрич пришел трезвый и несчастный, и его увольнять не стали. А он несколько дней еще не пил, избавляя меня от слезных разговоров. Вечно мне с ними везет: в школе историк жалуется мне на жизнь, матери двух приятелей тоже находят место своим слезам на моей жилетке. И так, всякие, бывает, в транспорте.

Самый тяжелый рабочий день случился скоро. С отцом я после двух или трех ночных пьянок был в ссоре и, чтобы его не злить, в ту ночь вылез из дома через форточку. Я живу на первом этаже в частном доме. Так вот, провел я несколько часов у одной дамы, почти взрослой и тяжеловатой, с утра еле залез обратно к себе, а через пятнадцать минут отец уже пришел меня будить. Это был как раз день перед моим шестнадцатилетием.

Я приехал, рабочий, у меня болели ноги и все время были ощущения, будто кто-то тянет за член, а она, та, для которой мы варили забор, завхоз, выловила меня с самого утра перед раздевалкой и говорит:

— Женя. Женя, ты мне нужен. — Она меня приобняла.

— Да, — улыбаюсь я ей.

У нас установились своеобразные отношения, по крайней мере, уже два раза за неделю было так: она попросит

о какой-нибудь ерунде, потом отведет меня к себе в кабинетик, нальет чая да будет бормотать своим голосочком обо всяком.

— Жень, — она не скрывала своей симпатии ко мне, часто повторяла мое имя да небось представляла вечерами за штопкой белья, как я лижу ей пуп, — пойдем со мной.

Она мне объяснила, что я должен сделать, и я понял: теперь щебетание этой маленькой женщины будет рождать во мне желание накрыть голову медным тазом и убежать.

Она завела меня за большой гараж и сказала:

— Вот здесь. Тебе просто нужно наполнить пять бочек. Вот ведро.

Там был резервуар, похожий на подводную лодку, тонны на три, он держался на металлических ножках на высоте метра четыре, от него шла труба вниз, был кран, который полагалось крутить, чтобы добывать жидкость из резервуара. Но тогда, как мне объяснила Тамара Михайловна, рабочие бы сливали масло, а это плохо. Мне же предлагалось по лестнице подняться, открыть ключом замок на крышке да зачерпнуть. Потом спуститься, налить в отверстие в бочке масло через воронку. Всего-то. Да потом подняться и спуститься еще где-то около ста раз. А потом придут люди на грузовике, и я помогу им составить бочки в кузов.

— Но ты поторопись, а то они могут приехать часов в десять.

— Ну их в жопу, — тихонько сказал я.

— Что ты сказал?

По ней стало видно, что она больше не позовет меня к себе в кабинетик и не нальет чая.

— Хорошо, — говорю.

— Ты это сказал?

— Да. Так и сказал.

— Ну, в чем дело? — она как будто говорила с непослушным ребенком.

— Все, я иду переодеваться, а потом все на хер сделаю. На два раза.

Она вылупилась, а я пошел.

— И я буду приходить, смотреть, чтобы ты тут не слил, чтобы нахалтурить.

Хотела, наверное, меня задеть этим.

— Да, чтоб я с этим ведром лишний раз лазил по лестнице. Хрен.

Она пошла к себе, а я в раздевалку. Ничего не поделаешь, подчиненный должен слушаться начальника.

Через полтора часа я сделал половину работы. Это было тяжело, ведро казалось жутко тяжелым, голова моя тяжелая еле держалась на шее. Я обливался маслом и матерился, пытаюсь понять, зачем в природе может существовать столько машинного масла. Еще, когда уровень в резервуаре снизился, мне пришлось привязать к ведру веревку и спускать на ней через круглое отверстие ведро, как в колодец. Тамара Михайловна раз подходила и сказала:

— Потом пролитое масло засыпь опилками, а когда впитается, все убери. — И ушла.

Я сидел и курил, когда подъехал тот самый грузовик, вылез тип, только один почему-то, зато кавказской национальности и с акцентом, говорит:

— Ты скоро зальешь, парень?

— Иди, — говорю, — погуляй полчасика.

Я встал и полез опять. Он снизу говорит:

— А ты давно здесь работаешь? Я тебя не видел.

— Около месяца.

— А как попал сюда?

— Дядька устроил.

Мне было тяжело еще и разговаривать с ним.

— Может, уйдешь на полчасика?

— А как дядьку зовут?

— Олег.

— А фамилия?

Я назвал фамилию.

— О, а мы и с ним работали.

Я наливал в бочку масло.

— Может, тебе помочь? Хочешь, я воронку буду держать?

— Нет, не надо.

— Ну тогда я пойду. Скоро вернусь.

— Да, я об этом тебе и говорю.

— Ну ладно.

И он ушел. Немного позже, чем через час, но этот кошмар закончился. А я спал в раздевалке до обеда, затем проспал весь обед и спал бы до вечера, но пришел Пал Григорич и сказал:

— Там у них одного не хватает. Поедешь на асфальт.

После чего меня ожидали часы нового ада. Жара, горячий асфальт, мужики. Уже казалось: все, куча кончалась, но привозили еще. И опять черпаешь лопатой эту черную массу горячих камней, высыпашь, ходишь туда-сюда. В прошлый раз мне было приятно — я был почти одним из этих сильных загорелых мужиков. Я чувствовал себя так, наслаждаясь своим голым по пояс телом. Теперь меня тошнило.

Приехали на станцию позже семи уже. Нам сказали, доплатят за лишние полтора часа.

Я уже переоделся и выходил из раздевалки, когда увидел здесь Андрюху (видать, опять халтурил! — ведь уже поздно), с ним рядом стояла тетка лет тридцати, но ничего, из наших верхов, но ее я не знал. Он увидел меня и попросил:

— Жень, сходи принеси мой паспорт. Он у меня в шкафчике, на верхней полке. А то у меня руки грязные.

Я зашел, попутно подумав: «А ведь там только одна полка», взял его паспорт — валялся вместе с грязными рабочими перчатками и гуталином (зачем он ему в шкафчике?), полистал странички — интересно было, как зовут его дуру-жену. Но этой информации не было. Этот засранец был холост.

Потом Андрюха попросил подождать его, он помылся, переоделся, и мы вместе пошли на остановку.

— А что у тебя там за ерунда, о чем ты с этой теткой болтал? Зачем паспорт? — спрашиваю.

— Теперь будет еще одна вакансия для меня.

— Ты, небось, для нее что-то сделал?

— ...

— Ладно... Бабок будет больше?

— Да, будет, раза в полтора.

— Что это ты для нее сделал? Я бы тоже не обломился...

Он плотоядно заулыбался. «Да ну», — думаю.

Но он вдруг сказал, может, неприятно стало чушь нести:

— Да достали просто, давно еще меня обещали оформить нормально. Я же тут так пока... Уже три месяца. А Лена чего-то задержалась, сейчас меня увидела да подошла. Пообещала разобратся на днях.

Мы пришли уже на остановку.

Я решил спросить:

— А у тебя с женой гражданский брак?

— А с чего ты взял?

— Да так, пришло...

Зачем сочинять всякую чушь?

НЕТ У НЕГО НИКАКОЙ ЖЕНЫ! ЖЕНЫ НЕТ! НЕТ ЖЕНЫ!

Он подумал чуть-чуть, и по его лицу стало видно, что он понял, как роганул только что. Мы молчали. Подъехал мой автобус.

— Дерьмо это все, — сказал я вместо прощания.

Дома я еле доплелся до ванны, а после сразу спать.

Утром отец подвозил меня и спросил, что я намереваюсь сегодня делать. Я, оказывается, забыл о своем дне рождения. Мы договорились, что я отпрошусь раньше, он тоже, я позволю — он заедет. И поедем за продуктами.

Тамара Михайловна по понятным причинам, но неожиданно опять дала мне огромный объем работы, тем самым лишив моей помощи всех остальных. Она открыла один из больших гаражей. Там были металлические полки по периметру и в три этажа, на которых уютно располагалось много металлического хлама. Я должен был весь хлам сложить на пол, сделать, чтобы полки стояли ровно, да потом аккуратненько сложить все обратно. Если учесть, что в длину гараж больше десяти метров, а в ширину не меньше шести, — это надолго.

— Однако, — заметил я, — какое идиотское занятие вы мне придумали.

Она на этот раз не стала вступать со мной в диалог. Я остался один и решил, что есть плюсы: здесь тень, не жарко и никто не видит, как я бездельничаю.

Потом зашел Леха и говорит:

— Пойдем, там, говорят, зарплату дадут.

— О, — говорю, — а у меня день рождения.

— Ну все, ставишь.

— Ладно.

И мы пошли в бухгалтерию, она была в отдельном здании, там тусовалось все начальство. Но нам сказали, что дадут после обеда. Мы вышли из здания обратно. Метрах в десяти от крыльца у машины Главного, в смысле, главного инженера, не знаю его имени, стояли две барышни — одна симпатичная. Мы с ней смотрели друг на друга, и я понял, что я должен хорошо смотреться в джинсах, запачканных мазутом, в грязной майке без рукавов, загорелый.

— Это, — сказал Леха, — дочь Главного.

Я ей помахал рукой. И она мне.

А мы пошли дальше, и больше ничего не надо было. Леша ушел. По дороге к своему гаражу я увидел Дмитрича (он ремонтировал каток или делал вид — вообще, я не знал, в чем его обязанности, — он обычно вроде просто бесцельно болтался по территории, как мне казалось), я подошел к нему.

— Здорово, дед, — говорю, — ну как, не встает?

Я был довольный из-за этой девушки, но Дмитрич что-то пробурчал и посмотрел на меня обиженно.

— Ты чего, — говорю, — дед?

Он садится на корточки и закуривает, я вижу, что он уже поддал.

— Дмитрич, — говорю, — ты не палился бы. Ты же опять уже того, да?

— Хреново все, на самом деле.

— Печени твоей хреново. А мозгов мало.

Он строгим пьяным взглядом посмотрел на меня секунды три и опять скис.

— Я хотел сказать. Да не вставал у меня. Уже два года.

Что такое с вами со всеми происходит?

— Блядь, дед, — только и сказал я.

А что ему можно было сказать?

А сам подумал, что мне не хочется здесь быть, мне хочется быть не здесь. Если все так, то как я завтра опять могу сюда приехать и опять работать здесь? Зачем я завязываю шнурки, зачем ругаю младшего брата, когда он ссыт на стульчак? Есть в этом смысл? Непременно сегодня напишу на стульчак сам.

Я пошел разгрести эту металлическую дрянь, и идиотское занятие отвлекало.

В два часа я вышел из бухгалтерии и бормотал себе под нос:

— Олег, в жопу кол тебе навек, Вещий Олег, в жопу хер тебе навек, добрый дядюшка Олег, иди-ка ты с этой занюханной работой.

Зарплаты мне дали в три раза меньше, чем я ожидал, меня это сердило. И я зло поздравлял себя с днем рождения. Потом я зашел в гараж, где полки уже освободил, но еще не выпрямил, и вместо того, чтобы выпрямлять, пинками пытался погнуть их еще, но не получалось. Тогда я взял какую-то чугунную треугольную штуку и начал раскачивать ее. Она весом была килограммов двадцать. Запустил ее и погнул трубку, на которой вдоль одной стены держались все три этажа полок. Верхняя полка соскочила на среднюю, а средняя тогда — на нижнюю. Грохот меня порадовал. Потом я пошел на проходную, взял у Славы телефон, позвонил отцу, попросил его заехать раньше. Теперь — в раздевалку. Шел обратно, Слава стоял у ворот и курил.

— Ты что, уже все?

— Да.

— Везет.

— Ты не представляешь насколько.

И больше я не видел ни одного из этих людей.

КРАСНАЯ АРМИЯ ГЯЗНЫХ ВШЕЙ

- Тебе нужно послушать наши рэпы — офигеешь.
- По-любому про баб и про водку.
- Нет, на философские темы...
- Зачем бабам водка?
- ...и на социальные.
- Бабы выпили всю водку?
- Даже на социально-политические, я б сказал.
- Кто дал бабам деньги на водку?

НАШ РАЗГОВОР С РОМОЙ ЗАГУЛЯЕВЫМ, МУДИЛОЙ, КОТОРЫЙ
НЕ ВЕРНУЛ МНЕ 40 РУБЛЕЙ, ИЗ-ЗА ЧЕГО Я НЕ КУПИЛ СЕБЕ СТЕЛЬКИ

Если бы вы увидели Синоптика, вы бы поняли, почему мне неприятно думать о том, что он, скорее всего, спит с моей бывшей возлюбленной. Вообще-то, у меня просто есть соображения, чтобы его не любить, пусть даже он мне не сделал ничего плохого, но об этом я расскажу в другой раз или не расскажу вовсе. Хотя, может, дело даже не в нем. А ее любил я долгой мучительной первой любовью. Ну я не о том начал.

Она, если прочитает это, утопит меня в сортире. Она, понимаете, старается окружить свою личную жизнь туманом мозгоебства. Наверное, считает себя такой важной, что люди вокруг только и думают, что обсуждать ее. Уж я-то об этом знаю. И если я при ней и при ком-то говорю, что уж я-то знаю что-то там о чем-то с ней связанном, то она в лице меняется.

Я не Тургенев какой-нибудь, хоть и на филолога учусь, это ничего не значит. В плане языка у меня малость коряво, оратор из меня тот еще. Если же я вам расскажу все это и вы зря потратите время, на ваш взгляд, вы можете нарисовать меня на обоях и кидать в изображение дротики. А можете даже нарисовать задницу, подписать мое имя — Женя — и кидать.

Погоняло у меня Маяковский, и я — это яркий андеграунд-ный персонаж своего факультета.

Значит, наша хренова рэп-команда «макулатура» должна была выступать вчера на так называемой рэп-пати. А позавчера я приходил на Телецентр, там работают наши главные городские рэперы (мне их творчество не нравится, как и вообще рэп, кроме нашего) из группы «58-й размер». Я пришел с болванкой, на которой были записаны мои превосходные минуса, чтобы меня прослушал один из этих самых — двух — главных рэперов. Он включил, я ему показал, какие треки надо, и начал (я) читать. Он сидел с безгливой скучающей рожей. В каком-то кабинете, два стула, большой монитор, и играет мой диск. А я ему зачитывал. Понимаете, надо, чтоб он прослушал сначала, ну чтобы мне можно было выступать. И он так сидел и сидел с этой рожей, а я читал текст, там было про буржуа с волосатыми сосками, и рожа чувака изменилась, перестала быть скучающей, только когда я произнес:

*... .. тупо брюзжащий
о либерализме и муравьином среднем классе
пусть сосет хуй электромонтеру Васе*

Тогда этот тип обернулся на открытую дверь: никто ли не проходил мимо сего кабинета и не впал ли в панику? И сказал он мне:

— Ладно, ясно. Хватит. Завтра к одиннадцати вечера.

Вот. Но я был зол. Зол на его скучающий вид, зол на его нежелание признать, что наши со Сперанским тексты лучше, чем все, что он бы мог сочинить, зол за то, что, когда я приду домой, не будут там меня ждать красивые голые женщины, лежащие пластом.

И еще всю ночь перед моим грандиозным дебютом я пьянствовал.

Сперанский должен был выступать со мной, но заболел. А со мной был этот мутный тип — Синоптик, он чего-то пристал: хочет с нами замутить, чтоб мы зачитывали под живую музыку. Черт его знает, это было бы нормально, если бы он не шпилил мою бывшую девушку. Короче, он почему-то оказался рядом

со мной вместо Сперанского. А как — это скрывает пелена жуткого похмелья.

Вот мы и пошли вчера туда с Синоптиком, прежде попив пива, ладно. Мы увидели возле входа типов рэперского вида. Один тощий, один толстый, один пиздюк.

— Блядь, — говорю, — чуваки, вы в курсе, что да как?

— Да там какой-то банкет идет. Чуть позже запустят.

— Ну что, давайте подождем...

Тот, который тощий, оказался Дрюча. Андрей — мой бывший однокурсник, нас с ним обоих отчислили в прошлом году. Обнялись, он менее пьян, чем я, но тоже не огурчик.

— А ты где сейчас? — спрашиваю.

— Я в Культуру поступил. А ты там же?

— Да опять на этот ебучий филфак.

У них был коньячок (дерьмовый, надо отметить), выпили мы немного. Так, из бутылки, на улице. Они все — возбуждены, настрой боевой. Но я-то пытаюсь делать вид, что я ушлый парень. Что мне плевать на эту вечеринку, я зачитаю рэп, будто сто раз читал.

Мелкий — у них на подтанцовке, брейкер, рожа глупая. Толстый — лет двадцать пять, приятный, добрый, угощает пивом, все время стреляю у него сигареты, погоняло Нигер. Мы уже внутри этого клуба «РИТМ-36». Большой такой зал, много столов, контингент пьяный, сортиры еще обосраннее, чем у нас в универе, мы ждем, до двенадцати сказали сидеть. Играет пока попса. Рэперов уже много, возбуждены.

— Я тут народ подбиваю, — говорит мне Синоптик, — втираю им, что «макулатура» — офигенно. Чувак, ты только зачитай нормально.

— Зачитаю, — говорю.

На хрен я его взял? Мутный тип — весь в пирсинге, кожа — жуткая, поверх штанов шорты надеты, рюкзак у него розовый. Со всеми общается, все ему интересно.

На мне — камуфляжные штаны, на груди на майке Сталин. Также неплохо, даже тупая жиденькая козлячья бородачка отросла. Станок я потерял — за стиральную машинку уронил.

Пьют пиво, веселые.

— А ты как, зачитать сможешь? — один спрашивает, похож на гопника, с издевкой (давно его приметил, вот бы его отмудохать, но не смогу, думаю). — А то ты какой-то талый.

— Да, что по-бродячему, — отвечаю в тон ему, — принял сегодня хорошенько.

— А чувак твой сказал, что ты чем пьянее, тем лучше читаешь. Так?

— Может, так. Посмотрим.

— А. Красавец.

Хер моржовый. С такой рожей говорит, как будто он тут Лев Толстой среди рэперов.

— Евгений, — опять Синоптик, — ты что с таким похуизмом на всех смотришь? Ты с пацанами общайся.

— Они мне не кажутся.

— Да они спрашивают, ты что, такой умный, что ли?

— Да у меня башка трещит.

Опять куда-то он пошел. Курю все время, стреляю у Нигера и у Дрючи сигареты. У Нигера — «Кент». Сам он одет скромно, но по-рэперски, небритый. Не выебывается, но не сказать, что слишком умный. Нравится мне, ну еще Дрюча — накуривал меня в прошлом году, бывало.

Все модные, прикид, модные, это ведь... это рэп, ебись он конем. Не пальцем деланы ребята. Думаю, какой мне текст читать. «Роговые очки» — матов много, текст злой, остроумный. Это и есть про того буржуа с сосками. С волосатыми. Посмотрим.

Вылавливаю Саню. Он-то что тут делает? Не смог пропустить такое тухлое шоу — мой главный и единственный поклонник! Покупает мне банку пива.

— Ты будешь про Карлсона зачитывать?

— Нет, «Роговые очки».

— Не гони, Евгений, зачем? Попрет «Карлсон», самое заебись будет.

— Не.

— Ну ладно. Но ты подумай.

Вижу одного из главных рэперов. Ручкаемся.

— А-а. Макулатурщик. Ну как?

— Да ничего. Что не начинается?

— Микрофон еще ищем. Сломался один. Ты первый. Разминки не будет.

— Ну ладно, я, если что, там сию.

Возвращаюсь к Сане Евичу. Он идет, платит бабки, нам приносят четыре кружки пива. Нормально, еще полчаса можно жить. Бля, Синоптик тут как тут. Отдал ему одну кружку. Через пять минут у меня закончилось, пью у них. Синоптик куда-то уходит, Саня дает мне еще одно пиво.

— Это я тебе два брал. Ну ладно, — говорит.

Синоптик приходит.

— Чувак, ты только хорошо зачитай.

— Да зачитаю я, господи.

Появляется Бадро. Игорь на самом деле он. Чуть ли не единственный настоящий негр в нашем городе. Им, конечно, надо его звать на все тусовки, ну он ничего типчик.

Минуту с ним общаюсь. Дохожу опять до Сани, пива больше нет. Хреново. Хожу, плясую, играет нерусский рэп, наши же рэперы тусуются возле раздевалки.

Сейчас будем начинать. Так, я первый, хорошо. Отдаю болванку с музыкой диджею, говорю: «Третью вруби». Жду.

Так-так-так, небольшая сцена, диджей где-то там, за новогодней мишурой, прячется, но я вижу часть его курчавой башки. Мы же будем читать на одном уровне высоты со зрителями, не будет возвышения, я беспокоюсь. Их не намного больше на вид, чем самих выступающих, им бы лучше, чтобы мы самодеятельность поскорее закончили. Поплясать под нормальную музыку. По-моему, в публику я не попаду.

Наш один из главных говорит:

— Здравствуйте, — ....., — а сейчас, группа МАКУЛАТУРА в составе одного человека.

Я выхожу в центр. Беру микрофон и говорю:

— Так... чувак... из группы заболел. Я пьян, вы пьяны, давайте начнем.

Играет моя музыка, звучание паршивое.
Я начинаю:

*красная армия грязных вшей бегают по голове
Виктора Павловича дворника его тень
пугает только подвальных мышей целый день
проводит в ожидании пенсии чешет хрен себе*

До меня доходит, что играет не то, бя. О зрителях забываю, вижу на метр перед собой, думаю вслух. Я поворачиваюсь к дид-жею, заставляю себя определить, кто есть он:

— Да бя, это не тот минус. Я сказал, третий!

— .....! — орет он, потом вырубает музыку. И говорит громко, таким голосом, как будто считает меня полным мудилой: — Это третий!

— Да? А-а. Вруби второй, я перепутал.

Он врубает второй. Это та музыка, о да. Я начинаю:

*полная луна время убивать человека
полдень трудового дня время убивать
давить человека ужимать обживать
натягивать повелевать им захомутать
западная европа пляшет вокруг трупа...*

Звучание хреновое, читаю, зрителей разглядеть не могу. Слова произношу хреново. Рефрен такой:

*лапшу вешают в ебнутом танце пляшут
человека ебут грозные пидоры со стажем
не хочу вариться в мерзкой помойной каше
мама купи мне калашников Жене нужен калашников*

Вдруг из тумана вылезает Синоптик и начинает вертеться передо мной. Строить мне рожи. Я злюсь, но читать не перестаю. Я уже заканчиваю, он отходит. Я понимаю, что, в принципе, он мне сделал полезное — хоть поинтересней,

но я чуть от удивления не сбилсЯ. Я отдаю микрофон, мне аплодируют снисходительно. Я сажусь на стол рядом с Синоптиком за стеной зрителей, которые успели окружить сцену кольцом. Там начинается другая группа, слов не разоб-
рать. Но что-то веселое.

— У меня так же паршиво звучало?

— Еще хуже. Отчетливо ты произнес только слово «хуй».

Ага. Подхожу к Сане.

— Ты говнюк, Евгений. Надо было «Карлсона» читать.

— Да что уже?

— Ты дурак, вот что.

Выжидаю секунд тридцать.

— Саня, одолжи сотню до стипендии.

— Не, Евгений, я тебе говорил, «Карлсона» зачитывай!

— Саня, да я сейчас умру, если не выпью.

— Не, не одолжу.

— Прошу тебя. Александр в задницу.

— Нет.

Я ему что-то говорил, говорил. Но он опять:

— Нет, надо было «Карлсона» зачитать. Я тебе говорил.

Среди выступающих был тот тип, который сказал, что я тал-
лый. Перед тем как сдать микрофон, он заметил:

— Да, это настоящий рэп. Лучше, чем лажа, прозвучавшая
перед нами.

Я бы с удовольствием убил всех троих или хотя бы кинул
в них что-нибудь. Попробовал встать, но не получилось. Я бы
и сам сейчас мог упасть и умереть, так и не узнав, где находится
Албания.

Я копил силы еще минут пятнадцать, Синоптик сидел рядом.
Выступающие сменялись, я на них внимания не обращал.

— Пошли, — говорю Синоптику.

И мы пошли к Э., моей бывшей возлюбленной, цыпочке, ко-
торую топчет этот неформал, она живет близко. Пошли, чтобы
отоспаться. Я просто хотел ее увидеть.

— Дерьмо, — заметил он, — вся это рэп-пати.

— Сдается мне, я лоханулсЯ, — заметил я.

Потом подумал и решил, что я слишком хорош для этого всего.

— Да тут чушь какая-то. У них тексты идиотские. И у меня в их контекст вообще не вписывается. Смысла слишком много.

— Да тебе, говорю же, под живую надо. Под агрессивную. Я вам сыграю музыку, будет пиздато.

Спать я лег на полу. Они вроде на кровати спали. Квартиру она снимает однокомнатную. Бухенвальд жуткий: пепельницы, одежда.

Я спал на полу, а они на кровати. Стоило им просто чуть пошевелиться в постели, мое воображение подсказывало мне, что они шпилят. Это было невыносимо. Зачем я пришел сюда, в это логово? Встал, ушел в коридор с подушкой и лег там. Хотя она, знаю, при мне его даже не поцеловала бы ни за что. Она конспиратор в таких делах.

Проснулся я, соответственно, в коридоре. Пошел в комнату. Они спали. На этот раз он на полу. Что бы это значило? Холодно, утро. Синоптик завернулся в покрывало, пытаюсь не оставить ни одной щелочки, только макушка осталась на съедение сквозняку. Часов нигде нет. Нашел ее сотовый, посмотрел время: девять. Захотелось в горячую воду, пошел, помыл ванну, но за-тычки не было. Я уже разделся, но не знал, как мне набрать воды. Сходил — голый — на кухню, нашел пепельницу и, так как не было другого варианта, выбрал себе самые лучшие бычки. Потом залез в ванну, заткнул дырку флаконом шампуня, врубил воду. Вода набиралась, я закурил один из бычков.

Мне было вроде и неприятно оттого, что я здесь оказался, — трезвый бы я точно здесь не оказался. Но одновременно было облегчение: я заглянул в ее жизнь. Чуть спокойнее. Не так все страшно, со мной бы ей было лучше. Я набрал полную ванну. И запел:

*I'm a little teapot short and stout
here's my handle, here's my spout
when I hear the teacups, hear me shout:
«tip me over, pour me out!»*

Это мы в пятом классе учили на английском. Почему-то запомнил на всю жизнь. И не факт, что правильно. Еще пел про десять зеленых бутылок. Так прошел, наверное, час, и вода остыла.

Я услышал, что они встали. Нужно вылезти, пойти показать, как я силен и равнодушен, как я могу остричь, насколько я интереснее его. Как человек. Мне совершенно все равно, был у них секс сегодня или не было.

2004

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЗАДРИЩЕНСК (СЦЕНКИ ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКИХ)

В девятом классе я был таким же ленивым, как и все. Книжек тоже, например, не читал. Но тут решил выучить большое стихотворение, выпендриться решил. «Смерть поэта» ведь знаете? Ну должны. Прогогулял я, значит, урок перед литературой, на нем и выучил. И вот один из класса оказался. Вышел и начал читать. Вела у нас директриса, я читаю, интонацией кривляюсь. И тут она вскинула руку. Я замолчал, а она:

— Подожди, — и повернулась к остальным. — Я больше не могу. Вы слышите, КАК он прочувствовал? КАК он точно понял это стихотворение, И КАК он прочувствовал.

Она повернулась ко мне, с чувством:

— Дай я тебя к груди прижму...

Я не дал. Да ей и не это надо было, как я понял. Выразилась она так просто — эмоции. Я теперь многое понимал. Теперь-то я знал, что я в литературе — Яхве Иеговский.

* * *

Вот и поступил я на этот филологический в наш универ спустя два года и сколько-то там месяцев. Мне понравился наш литературовед. Мужик, лет пятьдесят, похож на больную обезьяну и на запущенного интеллигента. Излучает из глаз доброту и ум. Но мне казалось, он не замечает то, насколько неплох я. Потому

что я ни фи́га не готовлюсь. Ну я все хотел к нему подойти да поговорить о том, чтобы можно было почитать. Так вот, была первая пара — литвед. Стоит он, курит. И я подхожу да тоже закурываю.

— Здравствуйте, — говорю.

— Здравствуйте, — отвечает.

— Как ваше драгоценное здоровье?

— При чем тут мое здоровье? — И смотрит на меня снизу и слева.

— Да так, просто поинтересовался, — говорю, смущаясь, и мне кажется, что я смотрю на него еще более снизу и еще более слева.

А он бросает бычок и заходит в универ. Так и не пообщались.

* * *

Игорь, собственно, мой главный поэтический друг. И единственный. Я в очередной раз сваливаю из универа и приезжаю к нему. С собой у меня три литра легкого пива, три крепкого, бутылка водки. Мы сидим и пьем водку с пивом. К пяти мы собираемся в союз писателей, он хочет показать мне любопытные вещи: что с людьми делает поэзия. Он в прошлом году тоже учился на филологическом полгода, потом ушел. А в поэтических кругах он тусуется года три.

— На хрен эта стабильность, — говорит он. — Проснуться утром в хаосе, просрать, передернуть — это и есть моя жизнь. Вот как ты видишь свое будущее?

— Это такой сумбур. Главное — не стать таким, как они. Говнюками, путешествующими из точки А в точку Б. Вот кто они, лучше уж болтаться, как говно в проруби.

Он тоже расходитсЯ, говорит. Мы обнимаемся, мы пьем еще.

(...Мы с ним Поэты. Игорь мне это объяснил. Еще в конце августа объяснил, на дне рождения у одного (еще одного, но плохого, на мой взгляд) поэта. Там была такая атмосфера, именно для этого объяснения. Так мы там читали стихи. А еще был брат именинника, так он-то понял, что мы не шутим.

— Расставляй шахматы, играй, — многозначительно заявил брат именинника, который уже отслужил в армии и женился, но был худоват (и тоже писал стихи, гм-м-м), а, видно, в жизни видел не очень много, потому что на следующий день сказал, что не видел людей, которые бы пили так, как я. Ладно.

— Расставляй шахматы, играй, — так и сказал он Игорю, когда Игорь пошел со мной в подъезд, чтоб объяснить, что глупо мое скептическое отношение к слову «поэт» и что не могу я отрицать, что я им являюсь.

И во всей этой глупозадой атмосфере шахмат я это понял. Понял: никуда не деться мне от бытности поэтом, и зарыдали мы с Игорем слезами радости. Слезами трагедии нашей нескончаемой. Рыдали в обнимку бухие. И теперь я в университете видел всегда в людях, насколько они не такие, как они идут к своим призрачным целям, как тянут руки на парах, и рыдал внутренне без Игоря, и уезжал к нему за взаимопониманием...)

...Потом я просыпаюсь от стука в дверь. На полу в одном стакане есть еще пиво. Допиваю. Игорь, самый бодрый из молодых поэтов нашего города и амбассадор сибирского духа, похрапывает, свернувшись клубочком.

— Игорь, мама пришла, — говорю.

В дверь продолжают стучать.

— Игорь, ебтель, вставай. — Пинаю его по заднице.

Он не отвечает.

Я иду открывать. Это вправду его мама.

— Здрасте, — говорю.

Она смотрит на меня странно. Я иду в комнату к Игорю, подхожу, беру его за плечо и тихонько:

— Игорь, ну мы поедем к Домбаю (это фамилия)?

Игорь не отвечает, но...

— НИКУДА ОН НЕ ПОЕДЕТ, — слышу я голос из коридора.

Его мама стоит и смотрит на меня.

— Давайте я помогу оттащить его в ванну? — говорю я.

— Нет, Женя, иди лучше домой.

И я иду домой.

* * *

Мы с Игорем все-таки попадаем в союз писателей. В курилке пьем со старыми поэтами нашего города. Игорь со всеми ими знаком. Один обнимает Игоря и говорит мне:

— Игорек пишет как мало кто из молодых.

— Да, — говорю, — особенно это стихотворение про Россию. Мы пьем дальше.

— Ох, — говорю я уже другому деду, — знали бы вы, как Игорь пишет стихи про Россию. Это шедевры.

И сам смеюсь. Только я смеюсь. Но никто не обращает на меня внимания. Каждый общается сам с собой. То есть вроде общаются друг с другом, но в действительности — каждый сам с собой. Тут Игорь уже не может больше пить и идет туда, где, собственно, читают стихи. Это не в курилке, хотя и здесь тоже — к счастью, меньше. А я пью с каким-то бородачом.

— Подожди, — говорит он Игорю, — выпей еще.

— Да не хочет он, — говорю я, — оставь его.

— Ладно, Игорь и раньше был слаб на алкоголь.

Он выпивает, занюхивает рукавом.

— Но это ему можно простить, ведь иногда неплохие стихи пишет.

— Особенно про Россию. — И я громко смеюсь один.

* * *

Когда меня отчислили за несданную сессию, я написал свою лучшую поэму и устроился грузчиком. Я в этот день получил аванс. Мне хотелось сходить куда-нибудь с возлюбленной (из-за нее Дима Чемоданов носил в сапоге ножик и хотел резать меня), и я пошел к ней. И по дороге увидел ее с каким-то худым говнюком. Она шла с ним за руку и разговаривала. Я подошел к ним. У нее сделалось недовольное лицо. Он свалил быриком. Она сказала, что, видите ли, хотела выведать у него какой-то рецепт, а я помешал! Ох уж мне эти наркоманские штучки!

Она сказала, что через два часа мы можем с ней встретиться, а сейчас ей надо съездить по делам. В эти два часа япил с одним парнем. Я был поэтом и грузчиком.

Она приехала.

— Пойдем, — сказал я.

Завел ее в магазин. Купил бутылку мартини. Вышел, встал на лавочку. И начал пить из горла, зло глядя на нее.

— И что? — спросила она с обидным (мне) смешком.

— Любишь мартини? — спрашиваю.

— Ну да.

— Вот что я делаю с вашими мажорными напитками!

И опять присосался.

— Вот! ВОТВОТВОТ! Я — ГРУЗЧИК. ГРУЗЧИКГРУЗЧИК-ГРУЗЧИК. Я грузчиком работаю, посмотри на мои руки! Как я могу что-нибудь понимать?!

Я себя чувствовал главным поэтом города, пока не началось утро.

Какое-то время она на меня обижалась.

* * *

Я поступил второй раз на филфак. Второе посвящение, значит, мы выступаем, значит, нам дали какой-то замученный сценарий, я его немного поправил, моей группе вроде нравится. В день самого посвящения прихожу в актовый зал, уже началось. На сцене первая группа, я в третьей. Подхожу к старосте, она в зале.

— Ну что, идем после этой всей ерунды в бар? — спрашивает она.

— Я уже пропил все деньги. — И сажусь рядом с ней, кладу голову к ней на колени.

— А я дам тебе стипендию, — говорит.

— Тогда не вопрос, — говорю.

А сам достаю из своего пакета почти пустую бутылку водки и прикладываюсь.

— Я потерял где-то друзей.

— Ты бы тут не пил, здесь преподаватели.

— Я потерял друзей в бою!

— Алехин, тише будь.

Я встаю, поднимаюсь, по краю сцены захожу за кулисы. Меня останавливает какая-то тетка.

— Молодой человек, вы куда?

— Я должен выступать.

— Вы в какой группе?

— Вроде в третьей.

— Сейчас первая.

— Я должен выступить.

Отстраняю ее, она что-то говорит мне. Она ругается на меня. Появляется моя староста, Ира ее зовут, и мой одноклассник Андрей Жданов. У нас номер с ними втроем. Я — голос за кадром.

— Подожди, чувак, — говорит мне Андрей.

— Жень, Жень, тихо, — говорит мне Ира.

— Ты, ЧУВАК, — говорю я Андрею, — чертов неформал, ты, конечно, извини, ЧУВАК, но моя ЖОПА лучше тебя сыграет. Я решил: я буду один и Бог, и архангел и голос за кадром буду! Ясно?

Они меня пытаются увести. Тетка ругается. Это все за кулисами. Им наконец удастся со мной справиться. Я сижу в зале с брезгливой рожей, когда доходит до нашего номера, они играют без голоса за кадром. Они играют по непеределанному сценарию.

— Что за хренота?! — говорю я потом Ире.

— Нам сказал Леша, главный в профкоме, что в твоём сценарии много обидного для университета и преподавателей.

Какое-то время я ищу Лешу, но, на его счастье, не нахожу.

Потом мы идем в бар, каким-то образом из нашей группы в бар оказываемся только я и Ира. Она вызывает по телефону свою сестру. Я подсаживаюсь за столик к каким-то лесбиянкам, они утверждают, что они таковы. Я утверждаю, что они хотят заняться со мной сексом. Одна говорит, что я ничего, но они

нет, не хотят. Я пью их пиво, потом целую одну, пока другая ходит в туалет. Потом пиво кончается.

Потом мы попадаем в творческую гостиную шестого корпуса, там зажигает весь наш поток. Я отдал остатки стипендии старосте, чтоб все не просадить. Пью на улице с двумя пятикурсниками, одним преподам и еще с кем-то. Я с преподам в обнимку.

— Александр Михайлович, — говорю я, — вы невыебенный типчик.

— Да, я такой, — говорит он.

— Нет, Александр Михайлович, вы по-настоящему невыебенный типчик.

Он смеется, соглашается, пятикурсники смеются, соглашаются.

Потом около двенадцати все заканчивается. Мы прощаемся со старостой, еще с кем-то, с ее сестрой. Я вру ее сестре, что у нее очень красивые зубы, я наседаю, я говорю ей снова и снова, какие у нее красивые зубы. Они опять со мной прощаются.

— Подожди, — кричу я старосте, — наша поэтическая мастерская завтра едет в тайгу к поэту Гержидовичу! Мне нужны деньги.

Она не отдает мне деньги, я начинаю махать руками, много говорить, она отдает мне деньги.

Но к Гержидовичу я не попадаю.

* * *

Мы понемногу начинали ссориться с моей Великой Любовью. Если я выпивал, то мне нужно было от нее много внимания, а она меня им обделяла, она, знаете, к тем относилась, которые сами по себе. Вот, допустим, просто идет по улице, и первым делом она не идет по улице куда-то — первым делом она бойкая, самостоятельная, в интеллектуальном плане приподнятая особа. Чуть. Ну а я гнать начинал, ревновать начинал и т. д. Выпили мы с ней и со Сперанским после универа. Она пошла домой, а нам нужно было съездить кое-куда. Сперанскому репортаж

нужно было написать, он на журналиста (она тоже) учится. Я хотел ее поцеловать на прощание, а она увернулась.

Я напрягся, отвернулся, пошел злой походкой к ближайшему прохожему, хотел дать ему по морде. Сперанский догнал меня и сказал:

— Ты жалок.

— Ладно, — сказал я.

И успокоился, и мы поехали. Это я его предупредил, что, если мне сказать, что я жалок, я успокоюсь. Вот и пришлось успокоиться. Едем в автобусе, а я ему рассказываю:

— Вот мы едем домой недавно с юристом Максом, пьем алко в маршрутке, я встаю на сиденье, открываю окно и закуриваю. Макс смеется, пассажиры пелятся, а водила орет: «Ты что, ебнулся?! Потуши на хер!»

— Ты потише, — говорит Сперанский.

— Молодой человек, — говорит какая-то тетка. — Вы бы не выражались!

— Простите, — говорю я, — мы интеллигентно разговариваем между собой. Нас абсолютно не волнует ваше мнение по обсуждаемому вопросу...

— Умника еще из себя корчит, — сказал какой-то мужик, — совсем охренел.

А мы тем временем уже почти подъехали к нашей остановке. Я смотрю, мужик тоже на выход собирается, и говорю как бы тихо Сперанскому, но громко:

— О, смотри, этот тип тоже выходит. Сейчас мы посмотрим, кто из нас умника корчит.

И мужик почему-то решил не выходить из автобуса. Меня сильно развеселило, что он поехал дальше нужной остановки, я и говорю Сперанскому:

— Ты это видел?! Я несокрушим.

Я ткнул себя в грудь пальцем.

— Я НОВЫЙ НОЙ, вот кто я. Ты понял?

И смеялся громко — так, что люди оглядывались.

— Пошли уже. — И Сперанский сделал большие несчастные глаза.

— Да кто ОНА такая?! — вопрошал я. — Чтобы я суетился?! Я огромен, Я НЕСОКРУШИМ!

Никто мне не отвечал, но этот эпизод с мужиком ничего не изменил в моих отношениях с девушкой. Она была большая, а я маленький — обратно пропорционально нашим физическим размерам.

* * *

Я решил назвать ее Илона. Может, в этом имени нет ничего забавного, но мне кажется, что есть. Может, забавно просто называть знакомого человека чужим именем. Как будто меняешь ее нос на другой, который ей не подходит. А я бы заменил ей нос. Это единственное, как я могу ей отомстить. Отомстить за то, что я был такой маленький рядом с ней, за то, что я плакал в трубку, за то, что, когда у нас все закончилось, я пару месяцев ни с кем не мог. Не хотелось ни с кем, кроме нее. Отомстить за то, что она знает мои слабые места и, зная, что я знаю ее слабые места — или, скажем так, глупые, — она будет в целях защиты (даже если и не от чего защищаться) ударять по ним (моим слабым местам), — ну и предложение.

В универе иногда пройти из одного корпуса в другой для меня было сложной задачей. Например, идешь себе на пару и видишь человека, которому должен тридцатку, поворачиваешь обратно и там видишь человека, которому должен сороковку, заворачиваешь в сортир и там пережидаете. На пару, естественно, опаздываете.

Илоне (хо-хо) я был должен полтинник. Нет, лучше буду писать это имя через Э. Элоне я был должен полтинник. Ее я старался обруливать, у меня это получалось, представьте, больше месяца. И тут иду как-то по переходу, и навстречу она и Сперанский (они в одной группе). У меня сердце заколотилось: БОЖЕМОЙ, БОЖЕМОЙ, ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ: ВСТРЕЧА НЕМИНУЕМА. Я подошел, поздоровался и сразу заговорил со Сперанским о чем-то.

— Евгений, ты совсем ОХУЕЛ! — почти закричала она на меня. — «Я не хочу видеть Элону, потому что я ей должен полтинник!» Так?!

— Нет, — сказал я.

— Давай мне его прямо сейчас!

— У меня нет.

— Меня НЕ ЕБЕТ!

Мы говорили не о полтиннике.

— У меня серьезно нет.

— Давай сейчас же!

Полтинник был хорошим прикрытием. Без него она бы до меня не добралась. Так нечестно.

— Я придумала, — сказала она. — Ты мне отксерить, значит. Мне нужно к экзамену.

Она открыла учебник и стала показывать. Там было до хренища.

— Ты что? — сказал я.

— Ничего, — сказала она. — Мне нужно срочно — завтра учебник сдавать. Если сейчас тебе отдам, когда принесешь?

— Ладно, давай через два часа. Сейчас у бати обед. — Я уменьшался с огромной скоростью.

— Через два часа в первом корпусе.

И она пошла.

— Тут много, — сказал я.

Она не остановилась, но показала мне средний палец. Та еще сука, как вы думаете?

— Все! — громко сказал я.

И бросил учебник на подоконник. Она остановилась.

— Ну Евгений, — сказала она.

— Ну Евгений, — сказал я.

Это прибавило мне полметра.

— Извини, — сказала она.

— Ладно, — сказал я, это отняло у меня больше половины метра. — НО... Я... ТЕБЕ... БОЛЬШЕ... НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН...

— Хорошо.

Мой отец работает близко к универу. Я ксерил, наверное, больше сотни страниц было, а батя ушел из кабинета. «Вот оно, — мелькнула у меня мысль, — встать на стульчик и ксерануть ей свой член. И приложить». Я смотрел на дверь. Подставил стул.

Очко заиграло.

Я отставил стул. Ладно, я отксерил кулак со средним пальцем вне. По дороге я все понял: я срочно занимаю у кого-нибудь полтинник. Она меня видит, думает: «Вот он, говнючок, и отксерил мне». А я подхожу к ней и перед ее лицом выкидываю в мусор копии. Ха. Отдаю ей полтинник. И зло смеюсь. И оставляю только распечатку пальца. От этой идеи я казался себе огромным.

Ага. Хуй на ны. Полтинник мне никто не одолжил.

* * *

Есть люди, которых я называю Каинистыми Авелями. Сам я тоже, вероятно, принадлежу к их племени. Я смотрю из своей головы на мир и как Каинистый Абель, и как Новый Ной, я считаю себя талантом. Можно подобрать синонимы Каинистому Авелю: Попа Из Бронзы, Яхве Иеговский, Аполлон Подводный. Эти слова не полностью синонимы, но все они могут соответствовать этому смыслу тоже.

Я точно помню, как появился этот термин. Два года назад, когда мне еще не было семнадцати, я сидел на остановке и увидел этого парня. Он был моего возраста, было в нем что-то от Пьера Безухова, эта большая несуразность. Он был в очках и с оттопыренными ушами. Он курил и щурился на солнце. Кожа его лоснилась, я подумал, что он, вероятно, может быть, станет великим адвокатом. Или писателем. Я подумал, что стоит он как Каинистый Абель. Да, Каинистый Абель, и я стал завидовать ему.

У нас на курсе была одна девочка, я к ней приглядываться стал после того, как один раз случайно толкнул ее. Я извинился и посмотрел на нее. У нее по лицу было видно, что она смотрит на мир из своего особого мира, ей, наверное, пошло бы помогать зверушкам и все такое. Она была в шлеме словно. Или даже в скафандре. Потом один раз (надо же!) был я на лекции

по одной из литератур, сидел себе с бодуна, умирал, разглядывал людей и заметил эту девочку. Она ничего не записывала, но сидела и слушала с невероятно счастливым лицом. Препад говорила что-то о библейских персонажах. Чего-то там такое. Я подумал, что, может, эта девочка глупа или псих. Или умна.

Спустя какое-то время мы — я с однокурсниками, с Золиной, Бегезой, Гавло (такие вот фамилии), еще с кем-то — сидели в первом корпусе на стульчиках, прогуливали лекцию.

Золина говорила типа того:

— Он приехал вчера. Сначала бах: на целый час. Ну я за этот час раз, наверное, десять. Потом опять. Потом опять. Потом уже легли спать. А он вот так лег, меня приобнял и лежит, и чувствую, что ему спать не хочется...

И так далее. Она всегда очень подробно описывала свою жизнь. Иногда я сидел, слушал краем уха и видел пустоту.

Я сделал из бумаги космолетик и доебывал Бегезу:

— Посмотри, какой невероятно прекрасный космолетик.

— О, какой космолетик!

— Прекрасный?

— Прекрасный.

Она, Бегеза, умная, и еще я хочу ее.

— Он умеет входить в гиперпространство.

И тут подошла эта девочка, о которой я говорил. Стояла чего-то, стояла, а потом — бряк! — и сказала:

— Ультрафиолет убивает бактерии.

— И что? — спросила Бегеза.

— Убивает бактерии.

— И что, что ультрафиолет убивает бактерии?

— Знание такого рода полезно.

— Он может входить в гиперпространство! — сказал я.

— Смеетесь надо мной? — спросила девочка.

Мы не смеялись. Но как будто бы и смеялись.

— Знание ведет к спасению. А может быть, я Иисус Христос, — сказала девочка.

Возможно, это разыгралось мое воображение, но мне кажется, что даже Золина ненадолго прервала свою устную автобиографию.

Мне казалось, что у меня уши горят ярким пламенем. Я громко говорил:

— Ну посмотрите же, посмотрите же! Он — в-ж-ж-ж — вот так входит в гиперпространство!

Я отвлекал от нее внимание, мне казалось, что кто-нибудь плюнет в ее мирок, а она, девочка эта невысоконькая, стояла с таким лицом, будто бы любит зверушек. Не сомневаюсь: любила. Но сессию она не сдала.

* * *

Одним Иисусом дело не ограничилось. Для полноты картины не хватает Князя Тьмы. Таковой тоже оказался. Или таковая? У нас была какая-то странная заочница, первый курс, уродливая девочка с плохой дикцией. Она говорила о себе в мужском роде, называла себя Морганом, ну и Князем Тьмы. Я ее видел на экзамене раз. Она ходила и посылала проклятия на одну девочку, которая, по словам Князя, спрятала ее сумку. Потом нашла сумку, сказала «нафла», и ходила уже довольная, и проклятия не посылала.

Как-то я прогуливал пары с одной девочкой из второй или какой-то там группы, которой я предложил заняться сексом, и не получил отказа. Мы сидели с ней и разговаривали в унисон. Подошел Морган и сказал ей:

— Почему это ты с ним?

— Ну он хороший.

— Ты теперь будешь с ним?

— Не знаю еще.

Морган сел рядом.

Я тихонько спросил у Оли (вроде бы ее так зовут — девочку из второй или какой-то там группы, не Моргана):

— Может, как-нибудь уйдем отсюда?

— Не получится, — сказала она.

Мы попробовали, но Морган ходил(а?) за нами и говорил:

— Почему ты с ним?

И еще что-то. Потом я не выдержал и сказал:

— Разве вы не понимаете, что вам совсем не следует ходить с нами? Нельзя подумать немного и понять? Возможно, она не хочет, чтобы вы ходили и бубукали? Это как заставлять сытого человека жрать жирные пирожки!

Морган смотрел на меня. «Почему она в универе, а не в дурке?» — подумал я.

— Что? — сказал Морган, как будто я сейчас говорил ему не по-русски.

— Ладно, не грузись сильно, — сказал я.

Это было в переходе между корпусами. Мы с Олей пошли в первый корпус и там нашли где сесть.

— Не иди, пожалуйста, за нами, — сказал я Моргану.

Как ни странно, он не пошел.

— Что это с ней? — я спросил у Оли. — Почему ты ее не пошлешь?

— Ну все посылают. А я не могу. Вот она и ходит за мной, рассказывает про ротопопсов.

— Каких ротопопсов?

— Они ходят по цепям.

— О-о-о.

— Это мифологические создания.

Ну тут Морган все-таки пришел и сказал мне:

— Что ты к красивым девушкам пристаешь? Я знаю ушу.

— О боже небесный мой, — сказал я и пошел в шестой корпус.

У меня появилось желание сходить на пару. Пусть себе говорят о ротопопсах.

Пусть хоть все говорят об этих ротопопсах! Я сам же непризнанным гением засяду в уголке и буду чувствовать себя богом, я ведь могу все исковеркать, могу выставить вас всех так, как мне хочется, могу отплясывать на моих представлениях о вас. Просто так. Это удовольствие, недоступное вам, доступно мне. Так я думал тогда, так я думал и до, и после. Нормальная моя реакция на то, что у меня отняли нечто. Я шел и чувствовал себя великим писателем и поэтом, великим ебарем и так далее.

СТИХИ ПРОЗА СТИХИ

Две недели назад проснулся в общежитии. На меня смотрела одногруппница Надя с кружкой в руках. У нее голубые — такие голубые — глаза. Я думаю: «Сейчас не удержусь да и признаюсь ей в любви. Почему бы нет? Она ведь лучше многих». А она сидела на другой кровати в пижаме и с чаем. Да, да, да, да. Но тут пятикурсник Янченко вылезает у нее из-под одеяла и целует ее в шею. Тогда я понял: это знак свыше, я должен бросить курить. Но без этого символического выбрасывания пачки сигарет, да и не было ее у меня — пачки. С тех пор и не курю.

Пока одна девушка читала свои скучные стихи, я думал об этом. Потом заканчивал на фразе «с тех пор и не курю» и начинал думать это заново. Потом у меня сложился в голове уже цельный текст, я и записал его. Получился прошлый абзац. Теперь, если вы меня разбудите ночью и спросите, о чем я думал четырнадцатого января, находясь в поэтической мастерской, я, ни секунды не раздумывая, пошлю вас куда подальше.

Дамочка закончила свою нежную лирику, за что ей огромное.

— Ну, Евгений, — сказал мне главный, наш Александр Ибрагимов, — ты сегодня хотел прочитать рассказ?

Вот лысый дед, сидит, вездесущий, ладно.

— Да, хотел, небольшой.

Я пошуршал своими бумажками с распечаткой этого драматического рассказа. Неуютно я себя чувствую — но сейчас им покажу все равно. Рассказ такой славный получился, мой первый

неплохой рассказ, они тут таких не делают. Особенно этот мужик, не помню его фамилию, но, когда ее услышал, мне показалось СОСИПАТРУБОК. Ох и чушь у него. Да, тут есть круглый стол да несколько молодых и не очень пишущих людей всех существующих полов. И сам Ибрагимов, конечно. Я уже открыл рот и хотел начать, но тут зашла Таня Веселкина. И, пока она раздевалась (мне хотелось, чтоб и она не пропустила ни одного слова моего чудо-детища), Ибрагимов, чтоб заполнить паузу, спросил у меня:

— И давно ты, Евгений, прозу пишешь?

Нашел что спросить. Ну и стесняюсь же я этих вопросов, стыдно мне делается сразу. Давно? Я ее писал, еще когда не было мира, а был лишь ХАОС. Но я ответил без пафоса:

— Ну я написал несколько говенных рассказов год назад, но они были слишком уж говенные. Андрей Иванов вон, — я махнул Андрею, нашему ГЛАВНОМУ ПРОЗАИКУ, — читал их.

Ибрагимов посмотрел на меня:

— Зачем ты говоришь эти слова?

— Моя же писанина. — Я пожал плечами.

— Ну вот, еще так скажешь — можешь больше сюда не приходить.

Таня тем временем уже уселась. Но Ибрагимов не закончил.

— Не читай, — говорит, — свой рассказ.

— Хорошо.

Я встал, оделся и пошел. Каков Ибрагимов. Я сегодня даже не матерился, а он так. Не в духе, может? Ну хотя мне даже лестно, видно, он равнодушен ко мне. А они-то все, СУКИ, уж могли бы и запротестовать, сказать: «Пусть Женечка прочтет свой кал, Алекса-а-андр Гумерович!» Так я шел и все думал: «Ну и славно, потеряет ваша драная мастерская меня, ну кому хуже-то будет?» Да и зря я ходил туда. Ну что за ерунда: собираются калеки, садятся в круг да и ждут возможности почитать свои стихи. Потребность такая — не подойдешь ведь к кому-нибудь на улице и не зачитаешь. Зачем это ему, прохожему? Вот душу и отводят. Йо, а обидно.

Ну теперь все. Теперь я один-одинешенек в борьбе за... В борьбе за что? А черт знает. Но я не отступлю. Г-г-гх-х-х. Р-р-ры.

А год назад я шел точно так же.

Вот, поссорился тогда я со своим главным и единственным поэтическим другом, да просто хорошим собутыльником, Игорем Кузнецовым. А произошло это так. В тот вечер подвыпили мы с парнем с моего факультета, Димой Чемодановым, а потом мне же нужно было поговорить с Игорем, и я заехал к нему. Мы с ним, сволочью, должны были за день до этого словиться, а он меня кинул. Так вот, обиженный, я приехал к нему. Дверь подъезда была закрыта, я обошел дом и начал громко кричать:

— И-и-ига-а-арь!

Он выглянул в форточку, махнул мне, да я опять пошел к подъезду. Игорь вышел, мы пожали руки, я наехал на него, он сказал:

— Пойдем в подъезд зайдем, холодно. — Игорь вышел без куртки.

Мы зашли.

— Я, — говорит, — обдумал вчера кое-какие аспекты. Извини, Евген, но нам не надо общаться. Не надо никаких стихов, я не буду их больше писать. Я еду к отцу в Томск и там устраиваюсь на работу.

И потом он выливал мне в уши это Г. в течение минут пяти.

Мы сидели на корточках, и, когда он закончил, я встал.

Он тоже.

Я хрустнул шеей.

Он кашлянул.

Тогда я ударил его по лицу. Он меньше меня ростом и весом — каюсь. Я опрокинул его и схватил за горло. И начал говорить спокойнейшим тоном человека, у которого истерика:

— Я... я не хочу слышать от тебя это говно. Кто... кто говорил мне: «Ты поэт»? Кто меня привел в эту жопу? Не неси мне эту ерунду. Я тебе не поверю. И не позволю...

Он предложил мне отпустить его, мы покурили. Поговорили, покурили, поговорили. Он поднялся и вынес мне мою книгу и шапку — мы менялись шапками, а книжку, не помню какую, я давал ему почитать.

— Ну ладно, — сказал он.

И поспешил обратно, домой. Я же кричал ему вслед:

— Ладно, спускайся, я передумал, я ДАМ ТЕБЕ В МОРДУ ЕЩЕ, И ЕЩЕ, И ЕЩЕ. Спускайся, ЖЕЛТЫЙ ОБОССАННЫЙ ЦЫПЛЕНОК, НУ СПУСТИСЬ ЖЕ, СПУСТИСЬ, МУДАК...

А потом орать стало бессмысленно — он закрыл дверь.

Я шел тогда в мороз, расстегнутый, пьяноватый, но походка моя была тверда. Я шел в свое будущее, типа, поэт-декадент, мятежный дух и брошенная жена в одном флаконе.

Теперь, через год, все продолжается.

Я стою на остановке, опять мороз, я горд, одинок. И тут слышу непонятное рычание, мычание. Оно замолкает и возобновляется. Я захожу в магазин «Каравай» погреться и вижу источник воплей. Бомж стоит посреди помещения и орет:

— Ы-ы-ы!

— Ну идиот, — говорит продавщица номер 1.

— Ты достал, заткнись уже, — говорит продавщица номер 2.

— Уходите отсюда, больной человек! — кричит продавщица номер 3.

— Ы-ы-ы! Бля! — он мотает башкой и топает. Выходит из магазина, орет там.

Я тоже выхожу. Бомж ходит кругами на остановке. Орет:

— Надоело! Убейте меня! УБЕЙТЕ КТО-НИБУДЬ! Не хочу больше!

Эта опера длится минут, наверное, пятнадцать. Иногда мне кажется, что у него уже кончились силы, но он после короткой передышки продолжает:

— НУ СКОЛЬКО МОЖНО?! Надоело ЖИ-И-ИТЬ!

На остановке еще человек шесть-семь ждут автобусы. Он ходит кругами, они отходят, если он приближается.

— НУ УБЕЙТЕ МЕНЯ, УБЕЙТЕ, УБЕЙТЕ! БЛЯ!

Я подхожу к нему, злой не на него, но злой.

— Дед, а ты сам, — говорю, — хлоп под маршрутку, и готово.

Но он игнорирует вроде мои слова.

— БЛЯ! — кричит.

Отходит и:

— Ы-ы-ы!

А потом выбегает на дорогу, и его сбивает маршрутка, та самая, которую я ждал. Бомж отлетает метра на три. Водитель вылезает, матерится. Люди подходят, смотрят. Идиот — он это сделал, нет, скажите мне, что я не виноват! Я пытаюсь переварить ситуацию.

Но тут я опять слышу:

— Ы-ы-ы-а-а-а! Надоело!

Люди расходятся, бомж встает. Ругается, уходит, одинокий, вдоль по улице, его никто не останавливает. А кому бы и зачем его останавливать?

Тогда я понял, что совсем неплохо было бы вообще ничего не писать. Угадайте, куда я засунул это открытие?

РАЙ ОТКРЫТ ДЛЯ ВСЕХ

С закрытыми глазами я ехал на работу в маршрутке. Не могу ночами спать обычно часов до трех, зато потом весь день хожу как в астрале. Нужно было открыть глаза и посмотреть в окно: не пора ли мне выходить. Я частенько проезжал свою остановку. Тогда маршрутка доезжала до конечной, разворачивалась, а я выходил на обратном пути, опаздывая таким образом на двадцать пять минут. Я ехал и заставлял себя открыть глаза, но они никак не хотели распахиваться, и я вроде уснул еще на неопределенное время. Потом проснулся от неожиданного матерного возгласа, доносившегося издалека, и как будто даже услышал скрип тормозов и удар. Но крик, скрип, удар — видимо, все это было частью уже забытого сна, потому что я не ехал в маршрутке, а сидел на стуле. Огляделся: это было просторное помещение, очень просторное. Потолки метров пять в высоту, большой зал — наверное, пятьдесят на пятьдесят метров. Здесь были столики, за которыми сидели люди, по одному или (редко) по двое. Я тоже сидел за столиком. Недалеко от меня была стойка, за которой стоял красивый, уж намного красивее меня, парень.

Я встал, подошел и попросил бутылку пива. Он поставил ее передо мной.

— Сколько с меня?

— Ничего не надо.

Он вежливо улыбался.

— Как так?

Он улыбался вежливо, но немного снисходительно:

— Все за счет заведения.

— Тогда дайте мне еще две сразу и сигарет.

Он совершенно спокойно, ни капли не смущенный моей дерзостью, поставил передо мной пиво и положил сигареты.

— Все?

— Да, спасибо. А почему? За какие такие заслуги?

— Идите присядьте.

Я пошел обратно за столик, пил потихоньку пиво из бутылки — я люблю пить из бутылки — и смотрел по сторонам, пытаюсь что-то понять. Место какое-то странное было. Люди вокруг были задумчивые, иногда кто-то из них вставал и шел в сторону выхода, находящегося в конце зала. Один мужик зашел туда, и оттуда послышался поток брани. Мужик ругался непонятно на кого, утверждая, что зря пахал «как папа Карло». Только вместо «пахал» он использовал другой глагол.

Тогда я встал, взял одну бутылку с собой и подошел к девушке, которая сидела одна, пила чай или кофе, ее я приметил полбутылки назад.

— Можно сесть с вами?

— Садитесь.

Она была симпатичной.

— Что?

— Нравитесь вы мне. Красивая.

— А.

— Но я хотел у вас спросить: что это за место?

— Так вот же, на столе лежит брошюрка, почитайте, там все написано. И можно на «ты».

— Хорошо. Я просто думал, это реклама.

Я начал читать. Там была написана всякая чушь совершенно нелитературным языком. Я прочитал полтора предложения о каких-то райских пастбищах и отложил эту ерунду.

— Тут, — говорю, — какая-то матерная ерунда.

Она ехидно заулыбалась.

— Как вас зовут?

— Я же сказала, можно на «ты».

— Тем не менее как вас зовут? Тебя.

— Соня.

— Славно. То есть очень приятно, — я представился. — Так где мы находимся?

— Почитал бы это. Там волшебный текст, когда его читаешь, там все объясняется так, как если бы объяснял сам читающий. Это там тоже написано.

Я усмехнулся.

— Да это зеркало души? Это вы намекаете, что я такой матерщинник?

— Не смейся. Это правда. И не выкай, надоел.

Я ответил:

— Ладно.

— Ты что, — говорит, — не помнишь, как здесь оказался?

— Н-нет, чего-то не могу вспомнить.

— И я не помню, — говорит. — Мы попали в чистилище. Или как там это называется? В общем, когда умираешь, попадаешь сюда.

Тут нас отвлек парень. Тип этот, непонятно откуда взявшийся, стоял и кричал:

— Что такое, чуваки?! Что за ерунда?!

— Вот, посмотри, — сказала мне она. — Это уже не первый.

— Что здесь происходит?!

Этот тип был здоровенький, но из дверного проема вошли двое охранников, они направились к нему.

Тип голосил:

— Какого черта? — Схватил мужичка, мирно прихлебывавшего свое пойло, и ударил его.

— Что за хуета такая?!

Охранники резко схватили бунтаря под руки и поволокли к выходу.

— Да отпустите меня, пидоры, отпустите, пидоры!

Случайная жертва дикого парня опять села прихлебывать свое пойло.

— Истерика у него. Тоже, как ты, ничего понять не может,

в раю оклемается, — пояснила Соня.

— Этот кретин попадет в рай, по-твоему?

Парня в этот момент вытащили из помещения, снаружи доносился его крик, невероятно дикий:

— Да что это, блядь, такое?! Где мои ноги?!

И потом заткнулся.

— Ада нет, — пояснила она. — Вот этому ноги отняли. Такая штука: все хорошо, рай открыт для всех, но тебя делают калекой. Как только выходишь, а там в зависимости от того, кто ты, как ты жил и думал, тебя лишают конечностей. Или ушей.

— Ебано, — только и сказал я растерянно. И извинился.

— Ничего. Да, приятного мало. Я сижу здесь уже часа два. Настраиваюсь пойти.

— Так зачем тогда вообще туда идти?

Она так посмотрела на меня, как будто была очень рада, что я задал этот вопрос. Как будто ответ на него она берегла и лелеяла:

— Ты видишь тут туалет?

— То есть? Нет.

— Ну.

Я на нее тупо смотрел. Она улыбалась. Тут до меня дошло, что я ошибся в выборе выпивки.

— Ебано два!

— Вот-вот. А подают тут только напитки, больше ничего. Видимо, чтобы заторов не было.

— Да уж, долго не просидишь. Значит, когда людям захочется в сортир, им придется лишиться конечностей. Остроумно.

Пока мы молчали, я закурил. Она посмотрела на сигареты с сомнением, но закурила сама.

— Получается, повезло, что я до старости не дожил, — говорю. — А то отправился бы в вечность с дряхлым телом.

— Да тут возраст не имеет значения, — возразила она.

— В смысле? Ведь тут вон до фига всяких разных.

Я огляделся, чтоб подтвердить свои слова. Здесь были люди разного возраста.

— Да суть в человеке, — говорит. — Вот мне сколько на вид?

— Двадцать, а может, меньше двадцати.

— А дожила до семнадцати.

— Мой любимый возраст, — ответил мечтательно.

Но она проигнорировала эту мою интонацию: вроде как педофильская шутка и одновременно пробивание почвы.

— Хотя здесь разница невелика — могла так же выглядеть. Вот ты до сколько дожил?

— До тридцати. А на вид сколько?

— Ну лет девятнадцать...

Я взялся за лицо:

— Надеюсь, хоть прыщей нет?

— Прыщей нет.

— На том спасибо. Выходит, права была мама — я не достиг взрослости. А ведь всегда старше смотрелся.

Потом мы взяли две бутылки вина, решили, будем пить вино, пока позволяют наши мочевые пузыри. Трезвыми туда идти не хотелось.

— А тебе, — спрашиваю, — сильно страшно?

— Ну не знаю даже. Сложно себя оценивать. Может, останусь без ног или рук. А ты боишься?

— Не знаю, хорошим человеком я не был и особо с другими никогда не церемонился. Но мне кажется, по сути, по справедливости надо сильно дрючить людей нечестных, подлых, корыстных. Такое. А я был честен с собой и с людьми. Кажется. Хотя, может быть, не до конца. Старался, по крайней мере. Хотя кто знает их систему?

И тут я вспомнил один случай. Видимо, мое лицо исказилось, потому что она спросила:

— Что такое?

— Вспомнил одно нехорошее. Самое. Я на первом курсе учился, поссорился со своей девушкой и подарил зайчика, которого она подарила мне, своей однокурснице на день рождения. Черт.

— Отвратительно.

— Больше десяти лет с этим жил.

Мы так сидели, и я чувствовал, что скоро захочу. Я скоро захочу в туалет, и с этим ничего не поделать. Все вечера с вином неизбежно заканчивались в жизни и, как оказалось, после жизни тоже.

— Ну как, еще выдержишь?

— Нет, уже хочу-хочу.

— Давай по одной покурим.

Но скурили еще по несколько, далеко не по одной, прежде чем пошли. Возле выхода стояли два парня, и один из них уже почти зашел, но все же не решился.

— Ты, — говорю ему, — пива бы выпил побольше, уже бы там давно был.

Он взглянул на меня. Я хотел его в шутку толкнуть, но он отскочил, и они с его другом отошли.

— Зачем ты так, — сказала она, — пугаешь человека? Непросто ему.

— Ладно, готова?

— Готова. Вернее, уже не могу терпеть.

— Возьмемся за руки?

Мы взялись за руки. Впервые прикоснулся к ней.

— Я очень рад, что познакомился с тобой... Соня, — сказал я почти торжественно.

Я чувствовал себя женихом на свадьбе.

— Хватит, пошли. Я сейчас уже того.

Я шагнул вперед, сделал несколько шагов, с удивлением повернулся к ней:

— У тебя тоже все на месте?

— Не знаю, вроде да.

Она потрогала свою голову, прощупала ее руками.

— Кроме одного уха.

И тут я начал падать. Я как будто проваливался сквозь землю. Она сделала испуганное лицо, быстро протянула руки к моей голове и за голову начала поднимать меня.

— Что это со мной?

Она в ответ наклонила меня — у меня не было рук, ног, тела. Ничего, кроме головы. Я стал колобком. Я сказал:

— Блядь! А ведь уже тогда чувствовал, что поступок нехороший. Этот драный зайчик. Я был злой, понимаешь, мне казалось, что это будет остроумно. Чертов заяц!

Она бережно держала меня на руках, лицом повернув к своему лицу:

— Ну ничего страшного. Не все так страшно.

— Ты и такого будешь меня любить?

— Посмотрим.

— Жаль только, мы будем лишены некоторых удовольствий.

— Это точно. Во всяком случае, ты.

— А может, это временно? Может, тело регенерируется, как у червей? А?

— Может, и так.

Соня несла меня на руках в рай. В жизни никто не носил меня на руках, и я подумал, что это все не так уж и плохо. Калеки в вечность, но можно бы было сидеть там, мочиться в штаны и бояться, зато с руками и ногами, с задницей, со всем, что нужно. Бояться и мочиться в штаны.

— Где здесь туалет? Ты подождешь меня? — спросила она.

— Подожду, — ответил я, — конечно, подожду.

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

Нам по четырнадцать лет. Пришли с Пашей на речку в наше специальное место. В хорошее место. Как раз чуть выше постройки, откуда выходили в воду трубы с зелено-бордовым калом. Так что вся гадость текла вниз по течению, а мы купались в почти чистой воде. Паша уселся на большой камень.

— Холодновато, чтобы купаться, — говорит.

— Нужно искупаться. Я еще ни разу не купался перед концом света.

— Ты что, правда веришь в эту хреновину?

— Не знаю. Хочу, чтобы это была правда. Если мы на самом деле попадем на конец света, это же будет интересно.

Я разделся и начал заходить в воду. Солнца не было, тучи, лето заканчивалось. Но было что-то волшебное в воздухе. Я повторял про себя: конец света, конец света, конец света. Внутри меня радостно щекотало. Я медленно-медленно заходил в воду. Паша же посидел на камне, потом разделся и сразу зашел по шею. Он толстый, а я худой был, как глист, поэтому, наверное, и мерз.

— Жень, так если конец света, так все черным-черно. И ничего.

— Ну насчет черноты сомневаюсь. Чернота ведь — это цвет.

— Значит, не чернота, не знаю. Как в космосе — пусто.

— В задницу космос. А я вообще не верю, что ничего не будет после конца света. Мне кажется, мы будем жить совсем иначе.

И мне интересно. Просто я вот не могу себе представить, чтобы ничего не было. Как это? Объясни мне.

— Не умничай.

Паша начал брызгаться, и мне пришлось погрузиться.

— Ну что? Как? Особенно купаться перед концом мира?

— Да.

И тут я увидел мужика в трусах и рубашке на берегу. Он валялся метрах в пятнадцати от нашей одежды, странно, что до этого мы его не заметили.

— Паш, глянь, там мужик либо бухой, либо мертвый.

— Где?

— Да вон.

— А. Пошли посмотрим.

— Сейчас, искупаемся, а то я уже настроился. А то заново заходить в воду.

Потом мы вылезли из воды, вытерлись, оделись. Отсюда мужика видно не было. Нас разделяли кусты. Мы обошли их: мужик лежал на спине, одетый в рубашку и трусы. Рубашка в крупную клетку и с огромным кровавым пятном на груди и животе. Рядом лежал пакет с изображением красных яблок.

— Не воняет, — говорю, чтобы что-то сказать.

Паша скорчился от этой мысли:

— Ему еще рановато вонять.

— Посмотри, как некрасиво смотрятся рыжие усы на синем лице.

— Если соберешься сдохнуть, — ответил Паша, — не отращивай себе рыжие усы.

— Так я уже не успею, сегодня ведь конец света. Они так сразу не вырастут.

— Значит, сегодня прогоняем всех людей с рыжими усами. Встречаем без них. А то они будут некрасивые после смерти.

Мы пошли к вышке, развивая эту тему и смеясь. Там, наверху, стоял тип, может быть, дежурный по отливу какашек в воду. Я крикнул ему:

— Там трупак валяется, посмотрите!

— Я знаю! Сейчас приедет милиция! У него кошелек в пакете, вы не трогали?!

Паша удивленно, оскорбившись даже, крикнул:

— Да ну на хрен! Он же в дерьмовой крови!

— Ладно, идите!

Мы и так шли.

— Взять деньги у него? У этого тела?

— Да, у такого синего, с рыжими усами уродца. Какая безвкусица, — усмехнулся я.

— Ага, — тут Паша немного развеселился. — Вот если бы он был без усов. Или хотя бы у него были черные усы. Тогда бы взял кошелек.

По дороге мы встретили троих пацанчиков класса из пятого нашей школы. Один спросил:

— Вы видели мертвяка?

— Да, — сказал я.

— А где он? Скажите, где он?

— Вон там, рядом с вышкой. Но он жуткий.

— Страшный?

Тут Паша неожиданно зло сказал:

— Не надо плясать! Это вам не музей.

Пацанчик не ответил.

Они побежали в сторону трупы, а мы шли домой. Паша вдруг стал задумчивым:

— Вот для кого-то и настал конец света. Что, интересно, случилось с мужиком?

— Умер.

— Спасибо, а я-то не догадался. Я имею в виду как?

— Наверно, его кто-то того, а потом в воду. Его течением вынесло, — говорю.

— А почему у него пакет с кошельком?

— Этому парню заплатить. Как его? Который через Стикс перевозит.

— Чего?

— Ничего. Может, у него там фотография жены или любимой собаки, в кошельке. Он до самой смерти не выпускал пакет

из рук. Вылез на берег и умер рядом с ним. Или же на берегу увидел пакет. «О, пакет с кошельком» — и умер довольным и не совсем нищим.

Паша усмехнулся — скорее своим мыслям, чем благодаря моему остроумию. Мы шли домой, как часто ходили. И стало ясно, что конца света не будет. Я пытался вызвать в себе волнение снова, но оно не приходило.

2004

БОЙ С САБЛЕЙ*

Очень неудобно, знаете, когда комната располагается так, что, если надо пройти во вторую (у нас двухкомнатная квартира), они проходят через мою. Это лишает меня уединения, чувства, что я — у себя, прочей ерунды. Я как раз говорил по телефону Тане, как сильно ее люблю, люблю ее одну, только ее буду любить всегда, когда заспанная мама высунулась из спальни.

— Я не могу заснуть из-за твоего сраного бормотания!

— Хорошо, я уже заканчиваю.

Мама закрыла дверь.

— У меня тут мама жалуется, — говорю Тане. — Можно перезвонить тебе позже, когда она уснет? Ты не собираешься спать?

— Хорошо, только не очень поздно. И ненадолго, мне надо готовиться к зачету.

— Ладно.

Вот какая — готовится к зачету.

Я встал с дивана и пошел на кухню пить воду. Я был еще пьяный, мы с Вовой выпили за несколько часов до этого литр водки.

---

* Отчего-то этот рассказ понравился не только моим друзьям, но и жюри премии «Дебют-2004», наверное, благодаря ему мне дали денег, которые я пропивал целый месяц. Мне как раз кажется текст надуманным и состоящим из литературных клише. Но, как известно, литературные чиновники такое и любят. Мне повезло в любом случае: я получил не основной приз, а побочный и отделался микроинсультом. Если бы получил главную премию — не составлял бы сейчас эту книгу для вас, милые коллеги.

Таня учится в универе на журналистике, на втором курсе. Она очень симпатичная и так далее. Странная только немного, как будто с Марса или с Юпитера она. Я думал о том, что она сейчас одна в квартире на Ленинградском, и у меня урчало в животе. Она там будет жить одна еще пару недель, приглядывает за кошками какой-то бабки. Ладно.

Времени полпервого, автобусы уже не ходят, ну ладно, минут за сорок, может, дойду, думаю. Оделся и пошел. У меня была почему-то Вовина шапка, она мне мала, уши закрывала не полностью, уши мерзли, было минус тридцать, но я шел ради любви, ради любви большой, чистой и светлой.

Наверное, через полчаса я зашел в подъезд. Подъезд оказался тот. Я зашел в лифт и нажал на пятый этаж — наугад, мне лень было считать, где находится квартира сто двадцать. Так, этаж оказался тот. Я решил, что это все хорошие приметы, и позвонил в звонок. Еще позвонил. И еще. И наконец услышал, как там, за железной дверью, открывается дверь. Я посмотрел в глазок, но в него ничего не было видно. Я попробовал его покрутить — и он начал выкручиваться.

— Кто? — спросила Таня.

— Это я, — отвечаю.

Дверь железную она не открывает.

— Зачем ты пришел? Ну я же говорила, что, когда позову, тогда придешь.

— Таня, мне нужно тебя увидеть перед сном, — говорю.

— Ну зачем ты пришел пьяный? Иди домой.

— Ну открой мне, Танечка.

Я совсем выкрутил глазок и положил его в карман.

— Иди домой, — говорит, — ну, иди. Иди, пожалуйста.

— Открой ненадолго. Мне нужно посмотреть на тебя.

Я всем телом прислоняюсь к двери, чувствую, что она там, за ней, Таня, красивая. Я провожу ладонью по двери с нежностью, но Таня говорит нет.

— Нет. Иди домой.

— Я просто хотел тебя увидеть. Ну Таня.

— Нет. Иди. Сейчас соседи выйдут.

— На хрен соседей, — говорю, — я ведь люблю тебя. Ну встань хотя бы так, чтобы я тебя увидел.

И заглядываю в дырку от глазка. Таню не видно.

— Нет. Иди домой, или я теперь не захочу с тобой общаться и вообще.

Я услышал, как она там, за этой дверью, закрывает ту дверь. Я позвонил еще раз восемь, вкрутил глазок обратно и пошел домой. Шел, казалось, бесконечно, замерз сильно. На кухне сделал себе бутерброд, налил кофе, расправился с ними и опять позвонил Тане.

— Таня, извини меня, — говорю, — извини, из-за этого ведь не значит, что ты меня никогда не будишь любить?

— Ладно. Но, — говорит, — плохо, что ты пьяный пришел.

— Ну извини, ладно? Я ведь тебя люблю, такой любовью люблю, которой никто никого не любил. Разве что...

Я не нашел так быстро, с чем это сравнить.

— Ладно.

— Правда?

— Правда, — говорит.

— Правда-правда?

— Правда-правда.

Хорошо, что я не спросил: «Правда-правда-правда?» — а то мог бы ведь.

— А ты, — спрашиваю, — боялась, что я до тебя домогаться начну?

— Да нет.

— Ты это не думай, — говорю, — это не так.

— Ну ладно, — говорит, — мне нужно идти готовиться.

— А я еще, кстати, Таня, мастер орального секса. Не по-детски делаю.

Она повесила трубку. Даже если бы меня начали пытаться, пытаюсь выяснить, зачем я сказал то, что сказал, я бы не смог объяснить. С Таней надо по-другому.

Утром позвонил Вова.

— Шурик, приходи ко мне, — говорит.

Ему девятнадцать, не учится, недели две назад выгнали с работы.

— Я в школу хотел сходить.

Я учусь в одиннадцатом классе.

— Забей ты на эту школу.

— Не, на литературу я схожу. Хотя вообще не стоило бы прогуливать — конец четверти.

— Все, на литературу — и ко мне приходи. Пива можешь купить.

— Подожди.

Я отложил трубку и крикнул:

— Мам!

— Что?

— Дашь полтинник?

— Зачем?

— В кино с одноклассницей схожу сегодня.

— Ладно, дам.

Я взял трубку:

— Приду.

— В кино, по-моему, подороже. Если с одноклассницей, — заметил Вова.

— С тобой хватит, — говорю.

На том и закончили.

Я учусь в лингвистической гимназии. Считается самой хорошей в городе. Одни мудаки и мажоры. У меня и еще у одного парня в моем классе только нет сотовых. А эти барышни наши за день прожирают бабок столько же, сколько мой отец зарабатывает за неделю. Литература — единственный предмет, который я не прогуливаю. Я открываю пасть на литературе, и кое-кто слушает. Я чувствую, когда начинаю лечить их всех, как наши бабенки возбуждаются. Половина, наверное, хочет меня, когда я говорю о каком-нибудь Булгакове, а может, и не хочет. Единственное, что умею делать, — отвечать на уроках литературы. Остальные предметы у меня паршиво, давно уже хотели меня пнуть из гимназии, но до сих пор почему-то я здесь.

Купив двухлитровую крепкого «Бэгбира» и пачку «Эл Эма» (так-то я не курю, только если выпью), я пришел к Вове.

Он завел меня к себе в комнату, взволнованный, суетливый. Сначала перекинулись левыми разговорами, а потом он давай выкладывать. Знатный бандит. Не погулять вышел. Ну-ну.

— У меня есть, — говорит, — кое-какие мыслишки.

— Да ну?

— Ваша ирония, друг мой, неуместна. Смотри.

Он подвел меня к окну.

— Там, на третьем этаже хрен один живет. Лет двадцать пять, лох, богатенький. Один живет. Я тут уже с недельку за ним наблюдаю.

— Ты что, Вова? Ты болен? Ты бы еще соседа своего вставил бы...

— Да фигня, — говорит, — все нормально будет... Дай сигарету. О, «Эл Эм», хорошо. Вон, новогодние маски наденем, зайдем — так, возьмем немного, и все.

— Вы, Владимир, баран.

— Если очко не заиграет, нормально все сделаем.

— Это, Вова, не наши детские клептоманские фишечки, за это нас ой как натянут.

— Нет. Все, короче, тридцатого идем. Это послезавтра. Все нормально будет.

— А почему тридцатого?

— Ну можно сегодня.

— Нет, давай лучше тридцатого.

Вот, думаю, идиотизм предлагает. Но как отказаться? Да и не хочется.

— Но, по-моему, лучше бы ты на работу устроился.

— Не ссы, — говорит, — все нормально сделаем. Я его вырублю.

Вова не здоровый, но жилистый, мы с ним вдвоем урабатывали нехилых мужиков. «Ладно, — думаю, — все равно ведь нужно на такую чушь пойти, а то ведь вдруг сейчас откажусь, а потом что-нибудь похуже случится».

Он, пока я молча думал, выпил чуть ли не все пиво.

— Эй, — говорю.

Он улыбается своей дурацкой рожей и бьет меня в плечо:

— Я знал, что ты не ссыкло.

— Вова, блин, кончай это дерьмо, ну и словечко, — говорю.

Он смеется своим противным смехом, оголяя сероватые зубы. Люблю его в эти моменты. Он смеется и говорит:

— Не забудь подарок для этого бородатого хмыря.

— Какой подарок? Для какого хмыря?

— На Новый год типу, которого мы идем грабить.

Он включает музыку, я валяюсь на полу, курю, я сейчас чувствую себя счастливым, мы придумали занятие, еще сегодня я, может, встречу с Таней. У меня разноцветные пятна перед глазами, немного болит голова, но мне очень хорошо сейчас, я почти трезвый, но чувствую силу дружбы, какой он все-таки славный тип — Вова.

Я лежал на диване с книгой, когда услышал призыв выйти из своей комнаты — диван у родителей закрипел. Мне слышно все время, когда они начинают, и я иду на кухню минут на пятнадцать-двадцать. Сейчас я сидел на табурете, пил чай и мысленно ругал отца. Хотелось зайти в спальню к ним и крикнуть на него:

— Что это такое? Что? Пятнадцать минут раз в неделю! Под трибунал тебя, засранец! Давай изучай досконально Камасутру, да так все делай, чтоб мама была всегда довольна!

Но я этого, конечно, не делал, не говорил ему. Да и не возымело бы это результата. Тугой он, папик мой. Хотя кто их знает, может, им уже неинтересно. Они просто по разу кончают — и спать.

Потом я говорил Тане что-то по телефону, опять в этом своем извечном ключе, я любитель таких идиотских разговоров.

— Таня, с именем твоим на устах, — говорил я, — пойду в бой с саблей. Знай, любое безрассудство, какое я ни учиню, будет во имя любви нашей учинено. Вот.

— Чего это ты несешь? — спрашивает она.

— Да мы тут с Вовой кое-что замыслили на послезавтра. Ты будь со мной мысленно. Прости за тавтологию.

— Чего вы там решили?

— Да сделать одно дело нехорошее. Но я не это... Не подумай, у меня это все ради высокой идеи.

— Ну чего ты несешь? Ты скажи мне, что вы собрались делать?

...И в таком духе. Чувствовал я себя рыцарем, собирающимся совершить геройство, рыцарем, которого будет ждать женщина, красивая и трагичная.

— Ну, — сказал Вова, — давай. Я надеваю котика, ты поросенка.

— Еще чего. Я буду котиком, — отвечаю.

— Ладно. Тогда ты говоришь. — И дал мне маску котика.

— Все равно говоришь ты. Ты же у нас ушлый тип, а я несовершеннолетний.

— Гомик, — говорит.

— Что ты сказал?

— Ничего. Надевай.

Я надел маску котика. Мы стояли в подъезде перед железной дверью. Адреналин пошел ко мне в кровь. Сердце прыгало.

— Давай, — сказал мне поросенок.

Я нажал на звонок. Прошло сколько-то времени. Я сказал:

— Сейчас он вылезет из постели. Тебя повидать.

— Вылезет, — сказал Вова.

И нажал на звонок три раза подряд. Потом мы услышали голос нашего клиента:

— Кто там?

Я толкнул Вову. Вова толкнул меня. Я тихонько обозвал Вову нехорошим словом и сказал громко:

— Простите, я ваш сосед сверху, я по одному коммунальному вопросу!

— Мне некогда сейчас!

— Пять минут, откройте, пожалуйста!

— Вы на часы смотрели?! Я сплю еще!

— Господи, очень срочно! У меня все затопило! Всю квартиру затопило, мне только позвонить, а не то и вас затопит!

— Затопило, вашу мать... Подождите!

Он поворчал, куда-то ушел там, за дверь. Потом вернулся. Он открыл дверь, тип с треугольной бородкой, интеллигентный такой. Кутается в халат, сонный. Увидел нас, в масках.

— Вас обоих затопило, — говорит.

И Вова дал ему в нос. Мы зашли, этот тип держался за нос. Я закрыл дверь на замок.

Вова заехал этому парню по голове и поздравил с Новым годом.

— Гондоны, — простонал парень.

— Как его вырубить? — суетился Вова. — Выруби его. Я не могу. — Он опять ударил парня по голове.

— Урод, — отозвался бородатый.

Он сидел на корточках и держался за нос.

— Давай, — говорю, — с ним что-нибудь сделаем.

— На троих замутим? — спросил Вова и нервно хихикнул. — Маленько любви?

— Шутник, шутник ты, Господин Свинья, — говорю, — давай его в ковер завернем.

Мы взяли его за руки с обеих сторон, он не сопротивлялся, потащили в комнату, бросили на пол. Ковер был подходящий, но сначала мне пришлось отодвинуть кресло. Мы его завернули и теперь сняли эти дурацкие куртки: я надел свою старую гопническую кожанку — из тех, в которых все ходили года три назад. У Вовы была подобная, только длинная, поэтому он был меньше похож на гопника. Шапку я решил не снимать, а Вова был без шапки.

— Какого хрена вам надо? — спрашивает парень. — Убирайтесь отсюда.

— Убирайтесь? Где у тебя деньги лежат? — спрашивает Вова. — Сейчас бабки заберем и сразу уберемся.

— Идиоты, какие деньги?

— Не выделяйся, — говорю.

Я подошел к бару, в квартирах моих знакомых такого нет. Подхожу, как делают грабители во всех фильмах: с пофигистичностью ко всему в походке, в движениях, даже пожалел, что лицо скрыто, — открыл бар, взял там бутылку вина — наверно, дорогое — почти полную, отодвинул маску чуть-чуть и присосался.

— Это мысль. — Вова забрал у меня бутылку и сел на стол.

Парень лежал на полу, завернутый в ковер, и бормотал:

— Это вам так не сойдет. Не думайте, что это вам так сойдет с рук.

— Да что ты сделаешь? — спрашиваю. — У тебя, наверно, и приятели такие же мудаки-интеллигенты, как ты. Псевдомыслители...

— Я пойду посмотрю, что тут можно взять, — сказал Вова.

— Для тебя ТУТ НИЧЕГО НЕТ! — заявил парень.

Вову его слова не убедили, он пошел в другую комнату с бутылкой. А я начал речь:

— У вас, поди, такая умная тусовка пессимистов-эрудитов. И такому человеку, как ты, нужно сказать: «Я люблю читать Кафку», и ты подумаешь, что я славный парень. Да. И чтобы разубедиться в том, что я славный парень, тебе нужно разубедиться в том, что я люблю Кафку...

Он что-то бубнил и не хотел слушать, но я подошел ближе и стал говорить громче:

— Я как-то ругался с таким же бородатым, как ты, и он мне говорит: «Ты понимаешь, что ты говно?» Я говорю: «А ты интеллигент, что ли?» Он говорит: «Да, я интеллигент!» Интеллигент, когда рядом еще два хмыря, которые за тебя впрягутся, — легко им быть!.. Ты подолгу ухаживаешь за своей бородой, Кафка? Наверное, бреешься долго вокруг, а потом ее стрижешь? От бородатых добра не ждите.

После этого мой собеседник сказал, что я еще огребу.

У него тут стоял и книжный шкаф. Я решил присмотреть кое-что. И пока говорил, кое-что присмотрел. Кстати, Кафка у него действительно был. Трехтомник.

— О. Я прав оказался. Ты любитель Кафки... Ну, расскажи, это у тебя родители так славно зарабатывают? Квартирка неплохая.

Он не хотел со мной разговаривать. Но мне было неплохо говорить и одному. И я бы долго еще распространялся, только тут в дверь позвонили.

— Так. Никого нет дома, — сказал я.

В комнату зашел Вова:

— Ты кого-то ждешь?

— Если это Слава, вам, гондоны, не повезло. У него есть ключ.

Мне как-то стало неприятно от его слов. Мы стояли на месте. Там еще позвонили пару раз, а потом начали открывать дверь ключом.

— Екарный бабай, — изрек Вова и пошел в коридор.

— Слава, гаси этих пидоров! — крикнул из своего ковра мой новый приятель.

Я подскочил к нему, цыкнул на него, дал ладошкой по щеке. А потом встал так, чтобы видеть то, что происходит в коридоре.

Дверь открылась, зашел сильный с виду парень, закрыл дверь. И только потом увидел, что перед ним кто-то незнакомый и в маске, вылутился удивленно.

— Привет, — сказал Вова и пнул парня по лицу.

Выглядело это очень красиво, я не знал, что Вова так умеет. Этот новенький, конечно, не стал разуваться, а ударил моего друга. Вова упал, а новенький залез на него, снял с него маску и начал бить по голове. Я схватил стул и ударил новенького по спине, он вскрикнул. Любитель Кафки матерился себе тихонько. Я еще пнул новенького по голове, он повалился. Вова еще ударил новенького головой об пол. Я от испуга вскрикнул:

— Ай! Осторожнее!

Слава, как его назвал бородатый, отключился. Я дал Вова руку. Вова встал. Новенький был действительно нехилый. Наверное, нам повезло: видно, он возвращался с гулянки и силы его были на исходе. Иначе пришлось бы с ним нелегко.

— Да я тебя знаю, говнюк, — неожиданно сказал Кафка, глядя снизу на Вову, — господи, идиот, я же тебя видел. Ну и кретины же вы.

— Так, все отменяется, — говорю я, — ты его узнал. Мы еще у тебя ничего не сломали. Мы у тебя в долгу.

— Да уж. Ну и идиоты же вы. Давай, распакуй меня.

Вова пошел умыться. Я распаковал любителя Кафки, помог ему встать, теперь нужно было быть с ним вежливым. Я снял маску, и бросил ее на пол, и получил сильный удар в ухо, и тогда

снял и шапку, потому что это жарко — в квартире в шапке, а еще когда ухо пылает. И я подумал, что у этого парня ко мне может быть неприязнь личного характера. И еще я подумал, что не светит мне сходить с Таней в ресторан.

2004/2007

КОМНАТА СМЕХА *

*я декадент Маяковский в театре абсурда
революции некуда пойти только в пляску
выхода нет везде по Ельцину на танке
в марафоне не воткнуть в гусеницы палки*

ИЗ НЕИЗДАННОГО ТВОРЧЕСТВА ГРУППЫ «МАКУЛАТУРА»

Раньше, когда я еще учился на первом и втором курсах, в университете я шел мимо здания, на котором была вывеска: огромный президент, задумчивый такой, и надпись: «Наш Президент всегда думает о нас». Когда я на него смотрел, с трудом подавлял в себе восторг перед ним. И старался скорее отворачиваться. Я начал искать в его лице недостатки: оно не было ни красивым, ни уродливым — обычный мужчина сорока с небольшим лет, но почему-то при виде него внутренности почтительно сжимались и верилось, что партия «Светлого Мира» приведет нас в будущее, которого мы хотим. Понемногу я начинал замечать косяки в этом лице: брови, тонкие губы, невыразительные глаза. Но, если я пытался про себя сказать: «Президент мудака» или «Наш Президент на рожу не вышел», у меня случалась изжога.

Но, так как я ходил мимо этого огромного лица каждый день, я все время тренировался, и к концу первого курса у меня уже получалось думать о нем гадости, а к концу второго курса уже мог позволить себе длинные пьяные абстрактные рассуждения о нем.

---

* Этот рассказ написан весной 2004 года. Помню, в тот день я проснулся с бодуна и мне пришлось обмануть отца — сказать, что я ночевал дома. Мы редко пользовались таким оружием, как ложь, даже в целях самообороны. Стало так паршиво, что я сказал себе: надо написать хороший текст в самом тупом жанре — антиутопия. Писал этот рассказ целый день, ходил курить за общагу. К вечеру отпустило. Не уверен, что текст получился, но подлечил.

Когда я окончил второй курс, мы с Настей сняли квартиру и стали жить вдвоем. Больше я не ходил через это большое лицо и почти перестал думать о нем. Как-то раз мы с ней лежали после секса на нашем потрепанном диване и смотрели в телевизор. Телевизор у нас тоже был старый и уставший, без пульта, поэтому мы лежали и курили, и нам было лень встать и переключить новости. Там начал очередную речь Президент.

— Как тебе наш Президентик? — спросил я у Насти.

— Да неплох. Красив как сукин сын.

— Он-то? При таком невыразительном лице?

— Почему оно у него невыразительное?

— Ну посмотри: замухрышка замухрышкой.

— А мне нравится.

— Прошлые три хоть поинтересней были. У всех там с дикцией проблемы. И генеральные секретари КПСС все были дефективные, а этот — никакой. Неинтересно.

— И Путин? Путин был дефективным?

— ...Ну над ним хоть немного можно было выхватить. Путин был остроумным, непостижимо. А сейчас просто шаблон какой-то. Наш Президент — это шаблон.

— Он лучший.

— А ты вслушайся в то, что он несет.

Он нес что-то о том, как партия «Светлого Мира» нуждается в нашей поддержке, что будет введен дополнительный налог — на нужды партии.

— Насть, ты хочешь, чтобы мы отдавали ему часть твоих денег? Твоего заработка.

— У меня от этих разговоров изжога.

Настя отвернулась от телевизора. Она сделала недовольное лицо.

— Что?

— Правда изжога.

— Охереть, у меня тоже.

Я, когда ее не было, прилепил фотографию Президента на холодильник. Я сидел на унитазе, когда Настя пришла с работы. Мыл уже руки и услышал ее голос из кухни:

— Ты что, собрался стать патриотом? Или кем-то типа того?
Я вышел из уборной.

— Нет, мне нужна твоя помощь.

— Какая помощь?

— Найди несколько недостатков в этом лице. Не сразу, но постепенно присматривайся за завтраком или ужином.

— Это как рекламная акция: найди пять недостатков в лице Президента и выиграй путешествие в тюрьму для врагов государства. — Она начала смеяться.

— Что-то типа того. Я не верю, что он так хорош, как кажется.

— Ты что-то сильно гонишь по этой теме. Ты не патриот — ты, наоборот, подрывной элемент.

— Да, я подрывной элемент — моторчик в заднице. Для любви.

— Не льсти себе...

Настя работала парикмахером и еще училась на заочном. На моем факультете было только очное отделение, он открылся не так давно — здесь обучали специалистов для работы в государственных учреждениях, моя специализация была «связь с общественностью». Отец помог мне сюда попасть, конкурс был большой, место считалось неплохим. Стипендии я не получал, так как учился почти на одни тройки. Я писал всякую ерунду в один паршивый городской журнал, что давало мне очень немного денег, но это было лучше, чем ничего. Я как раз занимался псевдописательством, когда Настя вечером подошла ко мне и обняла:

— Я поняла: у него неинтересные глаза, скучные.

— У кого? Какие глаза?

— Как у кого? У Президента.

— А-а. Вот оно что.

— И что, ты не скажешь мне, что я молодец? Я полпачки мезима, между прочим, съела, пока пыталась это понять.

— Вот, — говорю, — это не он лучший. Это ты.

Я тогда уже учился на пятом курсе, мне оставалось только защитить диплом. Мы пили пиво с моим одноклассником Ячменевым Костей, потом собирались пойти писать какой-то

тест Баранова. Три дня назад повесили объявление, что наша группа в это время пишет тест.

— Может, не пойдем? — уговаривал я Костю.

— Нет, надо сходить.

— Лучше еще пару литров пива давануть.

— Задолбал, Емеля, все, пошли писать.

Он тоже был редкостным троечником, но тут почувствовал близость диплома и, видно, думал, что глупо, если человека отчисляют с последнего курса.

— Подождите, — сказала наша староста, — нужно, чтобы удовлетворительно написали тест девяносто процентов человек. Так что вы можете не ходить.

— А что за тест? — спросил Костя.

— Вроде что-то связанное с аттестацией вузов.

— Отлично, мы не будем писать, — сказал я, и мы с Ячменем пошли пить пиво дальше.

Затем через два дня я увидел объявление, что нас с Костей вызывают в деканат.

— Что такое? — кричала замдекана по учебной части. — Вы решили, что вас это все не касается? Если не напишете, вам никто не выдаст дипломы. Что вы думаете?

— Хорошо, — сказал Ячменев, — мы можем написать хоть сейчас.

Она усадила нас прямо у себя в кабинете, раздала листки с вопросами и бланки для ответов. Вопросов было около двухсот. Сказала:

— У вас час. — И ушла.

Я начал отвечать. Чуть редкостная, вопросы были такие. Например:

Какое предложение из предложенных ближе мыслям, посещающим вас во время утреннего бритья?

а) Варвара готовит мясо лучше, чем рыбу;

б) западная культура оказывает все-таки негативное влияние на мое сознание;

в) вода жесткая — у меня может случиться раздражение.

Или же:

Как, вы думаете, лучше назвать средство для мытья посуды?

а) «Ласточка»;

б) «Нептун»;

в) «Чистая радость».

— Что это за хреновина? — спросил я у Кости.

— Не знаю. Но ты не отвлекайся, надо быстрее.

Еще там были простейшие математические задачи и прочая муть. Я решил, что, может быть, это тест на проверку рациональности моего мышления или подобной ерунды, и начал отвечать.

Потом защитил диплом худо-бедно. Теперь нужно было ждать: наши выпускники были востребованы, отличников разбирали сразу. Троечникам же давали перечни мест, куда их могут взять, они писали заявления и ходили на собеседования. Как правило, нас все-таки тоже принимали на работу. Однако меня — хоть я и считал себя самым умным среди тупых — никто на собеседование не звал. Я просидел три месяца без нормальной работы, хотя вся моя группа получала уже неплохие деньги.

Я проработал полтора месяца в магазине. Продавал бытовую технику.

— Но почему вы с таким образованием пришли к нам? — спросил у меня директор, когда я пришел устраиваться.

— Я думаю, что каждому человеку было бы неплохо освоиться с торговлей.

— Да, согласен, это верно.

— К тому же мне это будет, думаю, более интересно, чем любое другое дело.

И так, немного полизав этому жирному мудиле задницу, я заработал хорошее отношение к себе с его стороны и рабочее место. И потом деньги, конечно. Пусть не очень большие, но теперь нам с Настей хватало, мы даже хотели купить новый диван.

И вот через полтора месяца я стою, разговариваю с молодой женщиной, покупателем. Пытался вычислить, нужен ей пылесос или она просто со скуки гуляет. И мы с ней ведем совершенно пустопорожний разговор, ведь оба ничего в пылесосах не понимаем.

— Это очень добрый и порядочный пылесос, — говорю.

— Именно добрый и порядочный?

— В нем есть благородство. Будь у меня деньги, я бы тоже его купил.

— А у вас их нет?

— Ну недостаточно.

— Может, вы плохо работаете?

— Э... Видите, мне приходится говорить только правду об этих приборах, и покупатели думают, что я вру. Думают, что тут какой-то подвох, ведь не может такое хорошее качество быть по столь умеренной цене. А это так. А они не верят, и в итоге я почти ничего не продаю.

— По-моему, вы на ходу сочиняете. Не очень хорошо получается, между прочим.

— А? Тем не менее разве вы не чувствуете, что он ждал вас? Он вам необходим. Он ждал вас, и я тоже.

— Теперь лучше. Расскажите еще.

Я уже был уверен, что она купит пылесос или хотя бы предложит мне выпить, но тут подошел парень, Серега, тоже из моего отдела, и говорит:

— Тебя срочно дирик к себе хочет.

— Ой, — говорю дамочке, — пообщайтесь-ка пока с Сережей, он человек добрый и хороший. Почти как пылесос. А я скоро приду.

И пошел к директору, думая: «Бля, что ж ты меня отвлекаешь от продажи пылесоса?»

— Здравствуйте, — сказал жирдяй холодно.

— Да? Что-то случилось?

— Присаживайтесь, Емельян Емельянович.

Я сел.

— Мне нужно поговорить с вами... Видите ли, нам придется...

— Да, я слушаю.

— М-м-мо.

— Да? Что придется?

— М-мо. Гм-м-м... Сократить вас.

— Как сократить? Что произошло?

— Ничего личного. Просто это сейчас необходимо.

— Как необходимо? Я разве плохо работал? У меня нормально все идет.

— Извините, я ничего не могу поделать.

— Да что за ерунда, мужик, — я начал беситься.

— Послушайте, — он тоже начал, — мы не можем держать у себя ВАС. Нам не нужны проблемы.

— Какие, на хрен, проблемы?

— Да ВЫ НЕ ПРОШЛИ ТЕСТ, тест на политкорректность мышления. Мне лично сегодня пришли бумаги!

Я совсем взбесился и начал обходить стол, чтобы приблизиться к нему. Он тоже стал обходить стол, но для того, чтобы я к нему не приблизился.

— Я тебе покажу тест.

Мы прошли раз вокруг стола. Тогда я расстегнул ширинку и начал мочиться:

— Вот он, тест. Тест, блядь.

— ОН ССЫТ В МОЕМ КАБИНЕТЕ! Не ссы на мой ковер! ОХРАНА!

Меня лишили расчетных. И не только: я просидел сутки в милиции, потом Настя внесла за меня выкуп.

Потом я устроился грузчиком, но ненадолго.

Ходил за продуктами. Открыл дверь квартиры, и передо мной стоял здоровый мужик:

— А вот и ты, родимый.

«Меня грабят, — подумал я, — или типа того. Или мстит директор». Я ударил мужика пакетом, разбилось мое пиво, но мужику особого ущерба я не причинил.

— Ах ты говнюк, — сказал он и ударил меня в челюсть.

Я сразу присел на задницу, а мужик подошел ко мне, поднял, обхватив под мышками, — у меня все вертелось в глазах — потащил из коридора в комнату. Там какой-то второй урод держал Настю, держал ее рот, чтобы не орала. Она вырывалась и мычала. У нее под носом была кровь.

— А вот и наш Емелечка пришел, — сказал он, — сейчас посмотришь, как я выебу твою бабенку.

На эти слова я так рванул, что первый тип меня выпустил. Я схватил светильник и стукнул по башке урода, державшего Настю. Она тоже вырвалась и с криком пнула его своей маленькой ножкой по яйцам. Я совсем забыл тем временем о первом мужике и получил удар по затылку. Первый начал заламывать мне руки.

— Ах ты сука, теперь тебе будет еще хуже.

Я начал дергаться, руке было очень больно. Он еще раз зарядил мне, и, выключаясь, я слышал Настин крик.

— Что вы делаете?! Отпустите его! ЧТО ВАМ НАДО?! ЗАБИРАЙТЕ, ЧТО ВАМ НАДО, И УХОДИТЕ!

А потом она громко и тяжело всхлипнула и перестала кричать.

— Ебаные мудаки, — то ли успел я сказать, то ли не успел.

Но уж точно так подумал.

И темнота.

Это была небольшая комната — примерно девять квадратных метров. Все стены были кривыми зеркалами, и я сразу подумал, что, наверное, они снаружи для них прозрачные: они видят меня кривым и получают от этого удовольствие. Будто они не уроды вроде меня — там они нормальные, а я здесь кривой. Здесь ничего не было, кроме раковины, унитаза, раскладушки и запертой снаружи двери. Я недолго сидел с головной болью на раскладушке, не зная, сколько пробыл в отрубе. Затем решился присесть на унитаз.

Дверь отворилась, заглянул мужичок в очках.

— Ой, ты только проснулся и сразу срать?

Он повернулся назад и сказал кому-то:

— Наш красавчик сел посрать.

Послышался ржач как минимум двух человек. Мужичок смотрел на меня.

— Можно мне это сделать в одиночестве?

— Ты еще поговори — жопу зашьем.

Опять этот тупой смех.

— Дайте мне спокойно посрать. Это единственное, что у меня осталось.

Мужичок усмехнулся, но дверь закрыл. Я закончил, помыл руки. Этот тип опять отворил дверь и засунул сюда свою очкастую рожу:

— Ну, красавчик, иди к нам.

Я пошел. Меня взяли под руки двое ментов, усадили довольно невежливо на стул. Здесь не было окошка на мою комнату. Здесь были только две двери: ко мне, еще куда-то. И два стула. Менты стояли по бокам рядом со мной. На втором стуле, напротив меня, сел Очкарик:

— Господин Емельян Володин — Младший?

— Третий слева.

— Что вы сказали?

— Что мое имя — Емельян Володин — Младший тре...

— Не паясничайте.

— Вы меня спутали с моим братом: нас много близнецов, все Емельяны, я третий слева.

Один мент поставил мне чилим. Слабо довольно — я сильней могу.

— Ну раз вы так, мы для начала оставим вас наедине с другим человеком. Не менее интересным собеседником, — сказал Очкарик.

Все вышли. Вошел мужик — я его узнал: тип, которому я дал светильником.

— Ну что, габонец? — задал он риторический вопрос.

Я в бешенстве вскочил и кинулся на него.

— Мудила, — со слезами в голосе кричал я, — что ты, сука, с ней сделал?!

Он нанес мне несколько сильных ударов, я, по-моему, ни разу не попал ему по гнусной роже.

— На этот раз вы будете говорить нормально?

Я лежал на раскладушке, тупо смотря в потолок, у меня все время текли слезы.

— Будете?

До меня доперло, что обращаются ко мне. Это опять был Очкарик. Я встал и начал ссать в унитаз. С кровью, конечно же.

— Я к вам обращаюсь. Почему вы всегда справляете свои нужды, когда не надо? Вы БУДЕТЕ говорить нормально.

— Буду, буду.

— Ну вот и чудненько.

Опять так же: два мента за мной, Очкарик напротив.

— Вы понимаете, почему вы здесь?

— Примерно. Только не понимаю зачем.

— То есть?

— Какой смысл держать меня здесь?

— Мы каждому даем шанс исправиться. Здесь вы пройдете адаптацию. Мы понимаем, что вы человек неплохой и можете быть полезным для общества.

— И как я буду проходить адаптацию? Получать по башке?

— Ну для вас сейчас разрабатывается индивидуальная программа. — Он с удовольствием хмыкнул.

— И кто ее разрабатывает?

— Не поверите, но в этом принимает непосредственное участие наш хороший сотрудник. И ваш знакомый, он был огорчен, что вы сломали об его голову светильник...

— Идите все на хер! — я опять взбесился.

— Что? Опять?

Менты начали лупить меня, я упал рядом со стулом, получая ногами по ребрам.

— Идите в жопу!

Я ревел, как ребенок, и вообще выглядел неблагоприятно, немужественно. Не от боли, а от того, что вспомнил о Насте.

— Я думаю, мы подселим к вам одного человека, — сказал Очкарик.

Длительное время я снова валялся на раскладушке. Нужно было не думать о том, какой я несчастный и как у меня все паршиво. Поэтому я пытался, чтобы отвлечься, сосчитать свои половые акты. Так, начиная с первой своей девушки, я вспоминал, как развивались наши отношения и так далее. Плохо вспоминалось. «Мне бы сейчас прижаться к моей Насте», — думал я. Тут дверь открылась.

— Ты живой еще? Эй, ты живой еще?!

Я приподнял голову: это был мент, один из тех двух.

— Что, опять хотите размяться? — спросил я без улыбки.

— На, пожри. — Он поставил на пол перед дверью тарелку с кашей — не очень аппетитной на вид. — Тебе силы понадобятся. Скоро Борис придет.

— Какой еще Борис?

— Ты узнаешь какой.

У мента в голосе звучало сочувствие. Это что ж за Борис такой, если даже у мудака, который с удовольствием в паре с таким же мудаком пинал лежащего человека до потери сознания, в голосе звучало сочувствие? Мент захлопнул дверь. Я посмотрел на еду, не потому что хотел есть — времени еще прошло немного, как я был здесь: сутки или чуть больше, — а из любопытства: это была овсянка, мне кажется. На ней вместо масла были отчетливо различимы плевки.

Я поднял тарелку и запустил ей в свое уродливое кривое отражение. Кривой чертила в грязной одежде и весь в синяках.

Через несколько не самых приятных в моей жизни часов ожидания познакомился с Борисом. Это был здоровый тупой парняга в клетчатой рубаше.

— Это ты, значит, хер, выделяешься? — спросил он, как зашел.

Сдернул меня с ложа и начал лупить. Моя кровь осталась на зеркалах и на плитках пола. Я потерял сознание на время, а когда очнулся, не стал открывать глаза. Мне уже надоело постоянно вырубаться. Я лежал на спине и через маленькую щелочку между веками смотрел. Борис сидел надо мной и тяжело дышал. У меня появилось немного времени — он устал.

Мне нужно придумать способ справиться с этим чмом.

Но он как-то заметил, что я не сплю.

— Проснулся, сука, — сказал он и снова начал бить меня.

Он бил меня кулаками по корпусу, потом выдыхался, делал паузу и снова продолжал. Я опять терял сознание еще раз или два. До меня доносились как будто издали его простые, чистые, тупые рассуждения.

— Из-за таких пидоров, как ты. Все из-за таких пидоров, как ты. Ты предатель, вонючий засранный предатель, но ничего.

Никогда раньше ты не встречал таких, как я, так бы давно понял, что не так уж сладко быть сраным предателем... Я — патриот, ты понял? Я — патриот, и патриот сейчас трахнет тебя в задницу...

Я сразу пришел в себя после этих слов. Он как раз сидел на раскладушке, тяжело дышал. Я зажался в угол рядом с унитазом.

— Борис, подожди-подожди. Почему ты меня бьешь?

— Попизди мне еще, говно, — говорил Борис, — сейчас я тебе устрою.

Борис уже сильно устал. У меня же было сломано несколько ребер, еще я не мог толком шевелить пальцами правой руки, но, так как болело все тело, боли на отдельных участках я не чувствовал. Мое отражение было сильно некрасивым, у меня даже мелькнула мысль, что в кино так выглядит тот, кто уже не выживет.

— Подожди, Борис, что они тебе навешали? Ты знаешь, один парень из них, он изнасиловал мою жену... Я просто ударил его светильником, я не...

— Заткнись. — Он, судя по виду, собирался встать.

— Подожди, дай я помочусь хотя бы.

— Ссы, ладно.

Он сидел, а я со стоном пустил струю. Я смотрел на унитаз, у меня дома такой же бачок. Теперь это уже не мой дом. Да и не был он моим. Теперь толстая Валентина Ильинична придет за деньгами, а там только погром.

Я тихонько выкручивал ручку слива.

— Борис, я ведь ничего такого не сделал.

— Заткнись и ссы!

Тут я выкрутил ручку и, быстро сняв крышку с бачка, развернулся и ударил Бориса по башке. Крышка раскололась, Борис упал, а я начал стучать его тупой башкой об пол. Его кровь на полу смешивалась с моей, а я все бил и бил увлеченно, пока не понял, что он уже мертв. Скорее всего, я убил его сразу, с первого удара. Пока я с ним расправлялся, даже забыл, что болит кисть правой руки.

Я лежал на раскладушке, рядом на полу лежал труп патриота. Я все ждал, что кто-нибудь придет и прояснит мое будущее,

но никто не приходил. И тогда я уснул. Пока можно было радоваться тому хоть, что самый нежелательный половой акт в моей жизни сейчас не свершился.

Я опять сидел напротив Очкарика, опять эти менты рядом.
— Давайте уже, говорите что-нибудь.

Очкарик смотрел на меня внимательно. Мне хотелось спать, я очень устал от этого всего, мне хотелось, чтобы мне дали выспаться или хотя бы убили, но только бы не мучили этими разговорами и не били меня больше.

Очкарик встал, подошел ко мне и сказал:

— Я поздравляю вас.

— С чем? У меня нет кожных паразитов?

— Я поздравляю вас, вы прошли испытания.

— То есть прошел адаптацию?

— Нет, не совсем так. Все это говно было с этой адаптацией и все прочее. Мы вас проверяли, достойны ли вы того, чтобы работать на нас. На партию.

Он подошел и положил руку мне на плечо.

— Вы один из нас, Емеля.

— В смысле?

— Все это было уловкой. У вас все будет в порядке, теперь вас ожидает неплохой оклад и квартира. Мы вас заметили уже давно. Мы тщательно отбираем кадры и подстраиваем ситуации.

— То есть с Настей все в порядке? — спросил я дрожащим голосом.

— Да, все в порядке.

В этот момент лицо Очкарика стало как родное.

— Вы сейчас направитесь к врачу, а на следующей неделе будете работать почти на самую престижную организацию.

Я по своей детской привычке спросил:

— Правда?

Он убрал руку с моего плеча, сел опять на свой стул и смотрел на меня понимающим взглядом. Затем его лицо изменилось и он начал смеяться.

— Нет, я пошутил... — он заливался, — ...мы казним вас как еретика.

Мне не было смешно, но его это абсолютно не смущало, он-то считал свою шутку удачной. Ох, как он любил в этот момент себя и свое остроумие.

Меня завели обратно в комнату с трупом. Наверное, убирать и не собирались. Я сразу лег на раскладушку. Я подумал, что надо бы встать и построить во все зеркала рожи, еще громко обматерить всех этих мудаков, но вставать уже было влом. Я просто лежал, не закрывая глаз.

МОЕ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Миша жил в Пиздопропащенске. Город примерно на сто тысяч жителей. Но, поскольку город располагался на пути из столицы в областной центр, здесь, как и почти в любом другом месте, можно было подхватить разнообразные венерические заболевания, хотя Мише и казалось, что все эти заболевания имеют свойство беспокоить только его. Значит, как-то Миша в очередной раз пришел к дерматовенерологу, который уже знал Мишу в лицо.

— Ох-ох-ох, опять Мишанька пожаловал, — сказал дерматовенеролог, — ну садись.

Миша сел, удивившись приветливости врача. Обычно этот лысый тип (врач, а не Миша) был нервным, поскорее пытался выпроводить, был даже груб, а один раз второпях выписал неправильную мазь.

— Что ты нам принес на этот раз, Мишаня?

— У меня какие-то красные прыщики тут. — Миша ткнул себя в пах. — Чешутся как бешеные.

— Так-так-так. Ну вставай, снимай штаны. — Лысый стал оглядывать Мишины причинные. — Умгм. Что-то ты часто меня навещаешь. Стало быть, один живешь да баб водишь?

— Ну да, — ответил Миша.

Лысый позволил натянуть штаны, Миша опять сел.

— Хорошо.

— Что это у меня? Не серьезно?

— Хорошо, все будет хорошо. А что с твоими родителями?

— Умерли. Я с семнадцати лет один живу.

— Хорошо. Очень хорошо.

Врач странно смотрел и тер ладошки.

— Что, — спросил Миша, — хорошо? Что мои родители умерли?

— А, нет-нет, — быстро проговорил Лысый, — это я так задумался. Я о своем задумался.

— Ладно, скажите уже мне, что это за прыщики? Что мне делать?

— Подожди-подожди, — оживился лысый, — сейчас я схожу за мазью, она тебе быстро поможет. Намажешь свою несчастную пиписку пару раз, и все будет хорошо. — И вышел из кабинета.

Миша ждал, ждал и думал: что это с врачом? Дерматовенеролог, бля, ну и словечко. И тип сам тоже. Ну и тип, что с ним? Что это он сегодня с Мишей как с родным? Мише это все не нравилось, но он сидел и ждал, ждал, наверное, минут десять, и по истечении десяти минут это все ему не нравилось еще больше. Неспроста себя так ведет лысый. К чему он это спрашивал? Тут Мишино внимание притянуло нечто похожее на мусоропровод, выделяющийся из одной стены. Только дверца у этого мусоропровода была большая слишком, туда можно было бы впихнуть телевизор, большой телевизор. Миша открыл дверцу, ему показалось, что снизу из темноты доносятся голоса.

Тут дверь в кабинет открылась. Вошел врач, да так и застал Мишу.

— О, отлично, — сказал врач, — Мишанька уже сам туда собрался.

— Куда? — спросил Миша.

Тут вошел здоровенный детина за врачом.

— Сам собрался? Славно. Но я все равно ему помогу.

Детина подошел к Мише и столкнул его в мусоропровод.

Миша летел вниз, в подвал летел, летел, думая: «Ну так я и знал, знал ведь, что все неспроста, вот идиот, дурак ты, Миша, ну их на фиг, лучше уж пользоваться платными услугами

у хороших специалистов, а то тут хоть и бесплатное лечение, но лечение у лысого ублюдка». Думая так, разве что снабжая свои мысли отборными матерками, Миша падал, труба была не совсем вертикальной, он падал и катился вниз, катился и падал, пока не вывалился из трубы. Его тут же подхватили два водолаза и поволокли куда-то в этом подвале. Ну, вообще-то, они не были водолазами, но Миша их так мысленно окрестил, потому что на них были костюмы типа водолазных, одни только лица были открытые. Они его волокли, а он пытался вырваться.

— Не рыпайся, — сказал один из них.

Но Миша рыпался, а его тащили по длинному коридору, тут было много камер, в каждой по четыре койки в два этажа, как в поезде, еще по столу и по унитазу, там были люди, они разговаривали, играли в карты и так далее, короче, радовались жизни. Миша был не очень слаб и один раз вырвался, заехал водолазу, но прибежал третий водолаз с автоматом, и Миша решил пойти, куда его ведут. Его завели в одну из камер. Там было два парня: один сидел, взявшись за голову, второй валялся на верхней полке со скучающим видом и пивом. Миша сел на свободную койку.

— Что это, к ебням, такое?! — спросил он.

Тот тип, который держался за голову, ответил:

— Я ничего не понимаю, ничего, к чертям, не понимаю, я просто выпил лишнего недавно, а потом у меня это... Она казалась мне приличной девушкой... А сегодня утром пришел сюда... Я ничего не понимаю, ничего, к чертям, не понимаю...

— Заткнись уже.

— Я ничего не понимаю сам, к чертям, ничего...

Миша подошел к нему, отвел одну руку этого парня от его же головы, а сам влепил ему пощечину. Парень замолк.

— Объясни, что происходит, — сказал Миша лежащему наверху.

Тот посмотрел на Мишу безразлично, усмехнулся и стал изучать потолок, как бы объясняя, что даже туда ему приятней смотреть, чем на Мишу.

— Я к тебе обращаюсь.

Тот опять не ответил.

— Ты что, глухой? Ты не русский?

Этот хмырь повернулся и усмехнулся насмешливо и очень обидно со своей верхней полки.

Мише это совсем не понравилось, он сдернул парня с койки. Тот с криком упал. Миша добавил по заднице. Парень сразу заговорил:

— Я не знаю, что это и зачем мы здесь, но нас тут хорошо кормят, водят к теткам, выдают сигареты и спиртное. Только с утра ставят уколы...

Миша уселся на кровать, закурил. Тип залез на свою верхнюю полку обратно. Миша курил и думал в течение двух с половиной часов, но его не посетила ни одна умная мысль.

И тогда пришли водолазы, трое, и один из них сказал:

— Вываливайтесь, пора делать великие дела.

— Ему-то укол еще не ставили, — сказал парень с верхней койки и показал на Мишу.

Мише поставили укол в задницу. Двое держали матерящегося Мишу, один колол. Попутно Мише зарядили несколько раз, и он успокоился.

— Ну, покажи член, — сказал водолаз Мише.

Миша вопросительно вылупился на водолаза.

— Показывай-показывай, что как барышня?

Миша помедлил, но извлек. Никаких красных прыщиков у него больше не было.

— Готово, — сказал водолаз.

И водолазы повели всех троих сокамерников по коридору. Завели в какой-то кабинет. Там на кушетке лежала симпатичная молодая девушка, голая.

— Ну, — сказал водолаз — один только водолаз и разговаривал из троих, — кто первый?

— Я, — сказал парень с верхней полки.

Он вообще оживился и повеселел с тех пор, как водолазы пришли за ними. Верхняя Полка без разговоров скинул с себя одежду и приступил. Миша распалялся, даже этот нытик распалялся. Верхняя Полка закончил. Девушка пошла в соседнюю

комнату и подмылась, потом приступил Миша. Он все так же ничего не понимал, но теперь это все не было так важно, ведь здесь выдавали сигареты, выпивку, по словам Верхней Полки. И эта девушка. Она так хороша.

Так оно и пошло в дальнейшие дни. Их кормили отличной едой, выдавали пиво и вино. Каждый день выводили в ту чудесную комнатку, где всегда была новая девушка. КАЖДЫЙ ДЕНЬ НОВАЯ ДЕВУШКА. Потом в душ. Миша уже забыл о своей прежней жизни и не хотел к ней возвращаться. Здесь было хорошо, спокойно, сытно, не надо было работать. Только каждый день эти уколы в задницу — болючие.

У Верхней Полки (у него было имя — Витя, но Миша звал его Верхняя Полка) был небольшой загон, как он сам и признался. Так-то он был парнем ничего, но каждый день за три примерно часа до вылазки к очередной тетке впадал в задумчивость и почти переставал разговаривать. Полка объяснял, что он начинает представлять, как будет выглядеть девушка, с которой произойдет случка в этот день, что ему непременно хочется угадать. Вообще, Витя был немного больше озабочен, чем допускают пределы разумного, он пришел лечиться в одиннадцатый раз, когда его столкнули в мусоропровод. Это он так надоел лысому, видно, что тот решил скинуть Полку несмотря на то, что он сиротой не был. А этот Валера — так звали нытика — Мишу как собеседник не интересовал. Валера был беспонтовый: наедался быстро, напивался быстро, трахался быстро. И плакался пьяный постоянно. Миша и Витя иногда не без удовольствия попинывали его перед сном.

Водолазы оказались парни ничего. Они выдавали на каждую камеру одинаковое количество алкоголя, и, так как здесь одно место было свободно, а Валерик пил немного, Миша и Витя напивались здорово. Только водолазы не хотели говорить, зачем здесь держат людей и когда отпустят, но вскоре Мишу это перестало волновать. Его вообще ничто не волновало до того момента, пока он не проснулся как-то раз через два месяца с очередного бодуна, не подошел к решетке и не крикнул:

— Эй, ВОДОЛАЗИКИ, несите мой пивасик! МИШАНЯ ХОЧЕТ ПИВАСИКА!

Пивасика не приносили. Миша закурил и крикнул еще раз: — Господа, меня жрет бодунище, и я очень несчастен!

Тут подошел водолаз — но без пива — и сказал неожиданно недобро:

— Все, закончились твои счастливые деньки, говнюк. Никакого вам больше пивасика, — и засмеялся.

Миша уселся на койку. Его сердце сильно билось, он почувствовал что-то недоброе. Он разбудил Верхнюю Полку и рассказал ему.

— Я ждал чего-то подобного, — сказал Полка и отвернулся к потолку.

Разговор, видимо, был закончен. Да и Мише самому не очень-то хотелось болтать, он был слишком печален. Его тошнило, началась депрессия. Он был несчастен и одинок в этом мире.

Вскоре водолазы стали выводить из камер. Они выводили всех, открывали все камеры и выводили всех, и водолазов было много в этот день, и водолазов с автоматами было много. И много несчастных людей, как Миша, с похмелья. Никогда еще Мише не доводилось видеть так много несчастных разбитых людей одновременно. Ему представилось, что все страдание мира сконцентрировалось в этих людях. Примерно сотня мужиков — и все как одно целое, все всего лишь части грандиозной трагедии. Всех мучит сушняк. У всех головная боль. Ну что вам это объяснять? Ясное дело.

Их привели в просторное помещение со множеством сидений. И с экраном. Как в кинотеатре. Только никому кино смотреть не хотелось. Но стояли водолазы с автоматами в каждом ряду. Кино поехало. Там было про Америку. Просто показывали разные сюжеты из американской истории, а голос говорил про Америку. Это было невыносимо. Но водолазы следили, чтобы никто не заснул. Они подходили тихонько и били прикладом в челюсть, если ты закрывал глаза. Миша держался и смотрел на экран, смотрел и начинал ненавидеть Америку. Это все продолжалось час, или полтора, или восемь часов, или никогда не заканчивалось. Хрен с ним. У Миши мозги заворачивались в трубочку, когда всех развели по камерам. И ДАЛИ ПИВА.

— Я думал, я умру. Мне казалось, это не закончится, — говорил Валерик.

— Заткнись, — сказал Миша.

— А бабы, как насчет баб? — крикнул Верхняя Полка водолазам.

Их отвели после пива на случку, а после этого выдали водки. Много. А утром киносеанс повторился.

И потом в течение недели они смотрели это дерьмо с похмелья, а только потом получали свое пиво.

Они хотели всех надурить и просто не напиваться вечером, чтоб было легче, но дурить было некого, а напиваться хотелось. Америка была ненавистна. А на пивных бутылках были надпись: «Осквернить их культуру, плюнуть им в лицо, поиметь их баб». Эта дебильная надпись проникала в мутно-пьяные сны. Она прокручивалась в голове во время сеансов, и помогала их пережить, и не казалась дебильной уже. Повторять это про себя, надеяться на это было способом борьбы.

Но потом случилась ужасная вещь.

Однажды до самого вечера их не выводили на случку. Верхняя Полка орал:

— Что это такое?! Я уже не могу! Водолазы, вашу мать, у меня ТУТ ТАК ВЫРОС!

Один водолаз подошел и сказал:

— А теперь, ребятки, драть. Не будет больше вам ласки!

Сказал он это с таким удовольствием, что Полка не выдержал и плюнул ему в лицо.

На самом деле должны были сводить всех еще один раз, но Мишу, Витю и Валеру из-за этого плевка лишили этого раза.

Верхняя Полка вообще больше не разговаривал, хотя Миша и пытался его успокоить. Но и сам Миша лез на стены, раз даже хотел дернуть Валерика, но водолазы не позволили...

...После двух недель полового воздержания Миша был в самолете. Их еще два последних дня продержали трезвыми, и он был зол. С ним было еще несколько собратьев по тем мукам

и тем радостям, по тем женщинам. Их водолазы по одному вышвыривали из самолета.

— Давай, давай. Тебя ждет служба родине.

Очередь дошла до Миши, его схватили и выпихнули. Он падал и все еще ничего не понимал, кроме того, что внизу была Америка. Миша дернул за кольцо.

В небе были еще самолеты. Изо всех сыпались парашютисты, внешне совершенно здоровые, но на самом деле каждый из них был болен уже множеством венерических и кожных заболеваний. Множеством. Каждый из них был одержим сексом и ненавистью к Америке. А лысый врач сидел и потирал ладошки у себя в кабинете в Пиздопропащенске. Все дело в этих его чудесных уколах: они ничего не лечат, они создают видимость. Никаких признаков с виду, но столько заразы! Теперь у него достаточно денег на старость. Можно свалить уже из этой клоаки и прошвырнуться по миру. Не в Америку, конечно. Может, в Европе отдохнуть? Хо-хо-хо, дерматовенеролог потирал ладони ручек.

В ЭТОМ ЛЕСУ МЕДВЕДЕЙ НЕТ

Странные вещи происходят, когда болеешь с похмелья. Мы с Петром, другом моим давним, возвращались с дачи. Он постоянно жевал жвачку, но не сомневайтесь: от него все равно несло перегаром. Петр страдал сильнее, значит, чем я, ведь я был не за рулем и мог позволить себе постоянно пить пиво. У нас случилось срочное дело, нам пришлось оставить всех остальных праздновать мое двадцатитрехлетие на второй день без нас.

— Блин, — стонал мой друг, — когда же пройдет это жуткое похмелье...

— Да выпей пива, — говорю я, еще пьяненький или уже.

Говорю, скорее чтобы поиздеваться. Он ведь человек такой — за рулем не пьет.

Петр поворачивает ко мне свое уставшее лицо с красными паутинками на белках глаз, и я чувствую себя подлецом.

— Все будет нормально, — говорю, — скоро приедем.

Он жалобно смотрит на меня секунд пять, я уже думаю, что пора бы ему смотреть на дорогу, когда мы что-то сбиваем. Это что-то ударяется о лобовое стекло, оставляя трещину, затем ударяется о крышу и падает за машиной. Петр со скрипом тормозит.

— Вашу мать! — говорит он. — Еще этого не хватало!

Я достаю по сигаретке — себе и ему. Зажигаю спичку не сразу дрожащими руками, теперь мы решаемся выйти из машины, но сначала я допиваю пиво в последней из моих трех бутылок.

На дороге лежит медведь, что необычно — ехали-то мы по трассе рядом с лесом, но в этом лесу медведей нет. Зайцы, может, и есть, но медведей нет. Но еще более необычно: медведь встает, подходит к нам и говорит:

— Вы смотрите, куда едете, гомики!

— Мы не гомики, — возражает мой друг.

— Вы же здесь не водитесь, — говорю я.

— Еще скажите, что мы не разговариваем... — заявляет нагло медведь. — Что с вами будем делать? Какого хрена меня сбили? Я вам что, мешал? Нахалы.

— Извини, пожалуйста, — говорю я, — мой друг Петр себя не очень хорошо чувствует, мы не нарочно.

Петр — парень очень и очень нехилый, но рядом с медведем он казался невнушительным и даже женственным, а уж обо мне-то и говорить не стоит.

— Ну да, плохо себя чувствует... Небось нажрались вчера?

— Да нет, — говорит Петр.

— Ну ладно, не заливай, — говорит Медведь, — а мелкий, — это он про меня, — вон до сих пор пьяный.

— Ну, Миш, пойми, — вступаю я, — у меня день рождения, у нас тут дело появилось, мы всех и оставили на даче, а сами...

— А, день рождения, говоришь, ну ладно, пойдем, тут есть одно местечко неподалеку.

— Да я за рулем... — неловко заметил мой друг.

— Не звезды, раз уж сбил, так пошли, а то я с тобой по-другому заговорю. Думаешь, суд не на моей стороне будет? А если Красный Крест подключу? Я, между прочим, к ре-е-едкому виду отношусь.

— А сколько лет-то тебе исполняется? — поинтересовался наш новый знакомый, когда пришли.

— Двадцать три.

— Зовут вас как?

— Шурик.

— Петр.

— Ну ладненько. Садитесь за тот столик, а я сейчас что-нибудь выпить принесу.

Мы пошли за тот самый столик. Посетителей здесь было немного, но из тех, кто был, ни одного не смущало, что медведь так вот расхаживал, заказывал спиртное и говорил на самом человеческом из существующих языков.

— Вот. — Медведь вернулся, а под мышкой у него было несколько разных бутылок. — У меня здесь неисчерпаемый кредит. Поэтому я взял спиртного разного. Если что — еще закажем.

Он расставил на столе: две по пол-литра «Кузьмича», 0,7 красненького, 0,75 коньяку и литр мартини.

— Пиво, — говорит, — сейчас принесут.

Петр просветлел.

— Ни разу я не пил мартини. А ты, Шурик?

— И я нет, — ответил я.

— Ну ничего, — улыбается Медведь, — сейчас попробуете.

Тем временем девушка принесла нам пиво в кружках, пустые стаканы и стопки, Медведь сказал ей:

— Ну наконец-то, Катенька. — И хлопнул ее по заднице.

Катенька хихикнула, погрозила ему пальчиком и отправилась обслуживать других.

— А меня, кстати, зовут — только не смейтесь — Цинциннатом, — сказал Медведь.

— А что, нормальное имя, на Сенатора похоже, — отозвался Петр, он уже прихлебывал пиво.

Я же с удовольствием смотрел, как Цинциннат наливает мартини в стакан, да пытался вспомнить, у кого еще было такое имя. Я глотнул мартини, и вкус оказался знакомым.

— О, — говорю, — а я знаю этот вкус. Вернее, я читал одну книжку, а мужик там пил алкоголь какой-то, ну и я так себе это представил. Точно так же.

— А что за книжка, может, я читал? — спросил Цинциннат, уже разливая водку.

Петр сделал несчастное лицо — не любил он всегда эти разговоры о книгах.

— А ты что, еще и читаешь? — удивляюсь.

— Еще бы, — говорит Медведь.

— И что? — тупо спрашиваю я. — Сказки, небось, какие-нибудь?

— Обижаешь. Я на четырех языках, включая русский, читаю. А вот мама моя любила Набокова сильно и меня назвала именем одного из его героев. Только плохо, что именем этого, — ведь герой-то так себе, посредственность, да и имя говенное... Вот Гумбертом бы назвала, насколько жилось бы мне лучше.

Я вылупился на него. «Точно, — думаю, — это ведь из «Приглашения на казнь».

— Ну извини, — говорю, — а книжка та с этим вкусом — это Оруэлл, «1984», так там главный герой пил синтетический джин «Свобода» (или как он там назывался?), и я представил себе именно такой вкус, как у мартини, когда читал.

— Да, ты прав, — соглашается Цинциннат, его обида забывается, — только там намного крепче. У мартини вообще вкус алкоголизма, истинного алкоголизма.

— А ты как, — спрашиваю, — сам-то к Набокову относишься?

И тема разговора на ближайшие два часа определяется.

Когда мы пьем последнюю из вышеперечисленных бутылок, а последним остается коньяк, который мы пьем как водку, Петр уже спит, сложив голову на стол.

Мой новый друг Цинциннат и я сидим уже в обнимку. «Да, — говорит он, — славно, что мы познакомились, ведь я не такой, как все люди, не такой: со мной можно нормально общаться». Он сразу меня подметил, а то они, все остальные люди, самые дикие животные из всех. «Да, — говорю я ему, — они и меня путают каждый день». И мы чуть не плачем. «О, все-таки какие мы теперь будем друзья офигенные», — говорит он. А приеду, говорит, в гости, будем в баньке париться у его друга, Васи, он хоть и человек, но тоже славный. А потом я не выдерживаю и иду плясать, Цинциннат мне хлопает, а меня все колбасит, мир уже вертится, потом я пляшу с Катенькой, потом мы где-то в укромном месте занимаемся с ней сексом, а потом опять пьем — уже новые бутылки «Кузьмича», к нам присоединяется и Катя, и еще компания из двух или трех медведей. Меня то прижимает к полу, то подбрасывает, и мы все говорим и говорим с моим новым другом-медведем, он понимает,

как мне было непросто в этой жизни, и я становлюсь легким, ох как мне легко становится. А потом меня кто-то бьет по щеке, я открываю глаза, вижу перед собой пиво, протянутое чьей-то рукой, пью его, а потом вижу Петра. Мы в машине, он ведет.

— Ну, — говорит он, — хорошо, что мне дали пива бесплатно. Это благодаря твоему приятелю. Сам-то он ушел, но сказал, чтобы двум спящим типам дали пива, как проснутся. А ты и глаз-то не открыл, пока до машины шел. Я тебя и в машине уже четвертый раз пытаюсь разбудить.

— Так ты же не пьешь за рулем?

— Да если даже медведи так бухают, почему бы мне не выпить за рулем?

— Ах вот что за приятель... А где он сам? Куда он ушел?

— Домой пошел.

— А времени сколько?

— Восемь. Леша уже нашел номер моего сотика, позвонил и обругал меня. Так, говорит, дела не делаются, на сутки опаздываем.

— А, так уже утро...

— Ну.

— А умные все-таки, — говорю, — люди эти медведи.

— Да вы, — отвечает, — задолбали: Набоковы, Хемингуэи, Кафки-хуявки...

— И психолог Цинциннат, — говорю, — хороший. Мы с ним так поговорили, что меня теперь ничто не тревожит. Охрененное облегчение.

А потом мы с Петром выходим из машины и направляемся к Леше через дворы, Петр все торопится, спешит, я за ним еле успеваю, да еще и ветер дует в лицо, знаете, сильный такой. «Ну уж нет, — думаю, — я успею за ним, а то ведь Леша всю работу даст моему другу, а я останусь с писькой в руках, но без денег». Но ветер дует еще сильнее.

— Ты что тормозишь?! — кричит Петр.

Но меня уже подносит ветром и несет от него. Уносит на пару улиц назад, но тут я понимаю, что это не ветер меня уносит, а просто я умею летать. И еще решаю пролететь кружок. И у меня

получается — нужно так: вниз, набираешь скорость, а потом поворачиваешь тело и опять набираешь высоту. Но надо теперь догнать Петра, и я лечу в ту сторону, но не могу найти нужную улицу, я лечу слишком быстро и, видимо, случайно пропускаю ее. Торможу в воздухе, смотрю: где она? Я делаю несколько кругов, уже ругаюсь на свои умственные способности, но тут все-таки замечаю машину Петра. Теперь нужно снизиться, но скорость у меня слишком большая, я приземляюсь, но по инерции бегу, потом спотыкаюсь, падаю, чувствую слабость и отключаюсь.

Просыпаюсь я опять в машине, опять от пощечины, опять от пощечины Петра.

— Ну ты даешь, так вырубился.

«Слава богу, — думаю, — все это был сон. Как меня достали чудеса».

— Устал я, — говорю.

Петр смеется и протягивает мне бутылку пива. Люблю его за это.

— Еще бы, — говорит, — тут устанешь. Так летать. Не на пользу тебе общение с медведями — слишком легким становишься.

ПОСТСКРИПТУМ

Я еще в небе тогда встретил парня лет четырнадцати на метле, вот уж чего не ожидал, но дай, думаю, спрошу. И спросил:

— Я вот не могу найти одну улицу. Прямо вот знаю, где она, но не получается на нее попасть. Не знаешь почему?

А он:

— Да ты не ищи ее, ты теток цепляй...

— Но мне нужно найти эту улицу, а я не могу.

— ...Цепляй телок. Но телкам нравится метла. Возьми себе тоже метлу и увидишь, как они на это ведутся. Какая тебе улица? Вот я с этой метлой вообще с бабами бед не знаю. — И улетел.

Но мне кажется, в это вы уже не поверите.

АВСТРАЛИЙСКАЯ РЫБКА

У меня есть брат, которому девять лет. Мне недавно исполнилось 19. Мы сидели с ним перед телевизором, и брат держал меня за руку, немного улыбаясь, но и он волновался. Он держал меня, потому что мне было страшно. Вернее, держал, чтобы я не боялся. Дело даже и не в страхе, меня просто трясло. У меня что-то не в порядке, я не могу воспринимать некоторые штуки. А в телевизоре научная программа: парень рассказывал, что он проглотил личинку червя, червь там растет, а парень его подкармливает эксперимента ради.

— Может, выключим? — спрашивает Ваня.

— Нет, я еще терплю.

Он улыбнулся. К горлу уже маленько подступало, но я пока держался. «Ничего страшного», — говорил я себе. Ты должен это выдержать. Будь мужчиной, трус, будь мужчиной, твой папа в этом возрасте был уже женат! А ты боишься червей! Они показали, до каких размеров дорос червяк. Я издал звук.

— Ты чего-то бледный.

Ваня горд. У него ответственная миссия. Он сейчас старший товарищ.

— Я вытерплю.

Ваня пожал плечами. Интересная передача только набирает обороты. Ай да передача! На экране появилась женщина. «О, знаете, дело было так. Мы с мужем поехали в отпуск. Да, мы частенько ездим в отпуск с мужем. Все было отлично, пока у меня

не вздулась такая штуковина на голове. Неприятно. Болела страшно. Да, ну и врач извлек у меня из головы личинку мухи. Он положил ее в баночку и отдал мне на память». Показали баночку с личинкой. Я встал и запрыгал. Ваня смотрел на меня.

— Выключать?

— Нет.

Это становится интересным. Странное дело: сам я могу рассказывать такие вещи, могу видеть кровь, пару раз сдавал кровь за деньги. Но когда мне рассказывают что-то такое, это невыносимо. На биологии я частенько пребывал в панике. Еще я всегда боялся прививок, уколов и прочей ерунды. То есть если в меня вставляли иглу, чтобы взять крови, — пожалуйста, мне не жалко. А вот вводить мне что-то — увольте! У меня спрашивали медсестры, почему это я такой зеленый. «Я с другой планеты», — отвечал я. И я желал в те моменты оказаться на другой планете. Я бы легко поменял эту планету с уколами, прививками, биологией, рассказами историка на другую планету, пусть с безобразной гравитацией, с некрасивыми и умными девушками, но без этих ужасных штук. А еще историк-то наш школьный, он любил поболтать не по теме. Отменный пивной алкоголик и неплохой рассказчик. Одну историю он лучше бы не рассказывал. Про его знакомого, у которого была жена того. Один раз знакомый историка проснулся ночью, а жена сидит с ножом и смотрит на него. «Мне, — говорит, — уже несколько раз снится, что ты мне изменяешь». Потом она начала гнать все больше. Оказалось, что в юности она уже побывала в дурничке. Короче, знакомый историка, боясь, что его зарежет жена, свалил на несколько дней к своим знакомым — не знаю, были ли они знакомы с историком, но это не столь важно. Еще не знаю, о чем думал сам этот человек, но уж о ребенке если и подумал, то явно неосновательно! Когда он пришел домой, то застал жену глядящей в одну точку. Сына она проткнула вязальными спицами насквозь в нескольких местах, в результате чего тот, естественно, умер. Вот что рассказал историк. А я выбежал в коридор. Но не успел добежать до туалета. Меня вырвало на лестнице. Мне пришлось убирать.

И теперь мы сидели перед телевизором с братом. С ним все в порядке. Со мной — нет. Итак, я уже прошел два уровня. Червя в желудке и личинку мухи в голове. Что будет дальше? Что они еще могли придумать? Австралийская рыбка. «Я, — говорит парень, — был в Австралии. Купался в реке. И... помочился в воду. Да, помочился в небольшой речке, но тут испытал такую боль!» Парню в мочеиспускательный канал заплыла австралийская рыбка. Рыбка длиной двенадцать (!) сантиметров была у него в члене почти целиком! Вы проверялись на венерические болезни? Наверное, то, что случилось с парнем, куда менее приятно, чем соскоб! И даже, думаю, чем (боже упаси меня) катетер! Эту рыбку привлек запах мочевины. Это объясняет эксперт. Ай да эксперт! Рыбка заплыла и раскрыла шипы. Чтобы ее не вытащили. Принцип гарпуна. Хорошо ловится австралийская рыбка! Даже лучше, чем рыбка-бананка. Я никогда не поеду в Австралию. Мне неинтересна Австралия, там все равно слишком жарко.

— Нормально, все нормально, все очень хорошо, — бормотал я.

— Осторожнее!

Ваня показывает взглядом, чтобы я не сломал ему рыбку. Тьфу, руку. Я ослабляю хватку. «Все нормально, — думаю, — какой я молодец, что никогда не мочился в воду. Как чувствовал». Я всегда выходил на берег. Мне казалось, что это может быть заразным для меня, если я начну мочиться в воду. Я понимал, что, наверное, многие так делают и ничего, но сам так никогда не делал. И правильно: вон как мужика за это наказали!

Они рассказывают дальше. Я уже не очень улавливаю смысл. Ваня смотрит на экран, на меня, на экран, на меня. У меня гудит в ушах, но я дотерплю, дотерплю. Дотерплю!

— Ты чего? — спрашивает Ваня.

— Что?

— Евгений, очнись!

— Я в порядке.

— Все, мы справились, передача закончилась.

— Понятно.

Реклама. Я отхожу в туалет, меня маленько шатает. Но я выдержал! Мне не стало дурно! Не началась истерика, как когда я увидел сюжет о вирусе Эбола. Там показывали людей, у которых через поры текла кровь. И рассказывали про вирус. Я нормально просмотрел тогда, но зашел в комнату и сломался. Я валялся по полу, рыдал, бил кулаками в пол. Меня трясло минут двадцать. Но сейчас я выдержал три сюжета! Пусть не таких жутких, не таких волнующих, но тоже не сахар. Меня не вырвало, я не потерял сознание! Я толстокож, я накатал себе нормальную человеческую броню! Конечно, у меня чуть помутнело в глазах и я затормозил немного, но этого с кем только не бывает. Я вышел из туалета и умылся. Первый поединок я победил, это дорогого стоит!

— Идите есть! — орет батя из кухни.

Я заглянул на кухню. Гм, у меня даже остался аппетит! Мы у ourselves. Я, Ваня, батя, Люба. Я отправил себе в рот первую ложку супа.

...И вскочил. В коридоре я надел первые попавшиеся ботинки, выскочил в палисадник, упал на траву на локти и стравил эту ложку супа, а с ней вместе и завтрак под яблоньку. Потом лег на спину и расслабился. Был теплый летний день.

Эта моя проблема как-то связана с тем, что я трус? Я потрогал себя за подбородок и опять огорчился, что у меня растет не густая борода, а куцая щетинка, как у татарчонка. И баки не растут!

Связано ли это с моей трусостью, эти мои заморочки? С тем, о чем отец так любит рассказывать? Он говорит, что, когда мне было лет пять-шесть, я боялся смотреть даже мультфильмы. Диснеевские. То есть как только напряженный момент, я — хлоп! — голову под подушку или встану и пойду в другую комнату.

— Ты куда?

— Да мне чего-то стало неинтересно, — отвечал я.

Хотя, честно говоря, это я и сам помню. Вот так я лежал, смотрел на небо, думая, потихоньку отходил. Разбудил меня Ваня, когда я досматривал серию приключений невероятно

храбрых уток и мне почти не было страшно. Оказывается, я уснул, пригревшись на солнышке.

— Давай, Евгеша, вставай, — говорил он и тряс меня за плечо, — вставай, блевун.

— Мне было видение! Я больше не стравлю по пустякам.

— Ну конечно! Сто раз еще стравишь. — Он снисходительно улыбался.

— Нет. В следующий раз получится.

И мы пошли в дом, я и мой смелый (он уже может смотреть даже фильмы ужасов) девятилетний брат. Но отнюдь не во всем смелый, так-то он не меньший трус, чем я или вы.

ИГРА В ПОЛОМАННЫЙ ТЕЛЕФОН

Меня и моего бывшего одноклассника Вову связывают некоторые удивительные воспоминания. Мы с ним — два контуженных в голову самурая, летчика-камикадзе, космических идиота. Это он был со мной, когда я учился в одиннадцатом классе, а Вова в технаре, в тот день, когда в баре я узнал, что можно за вечер выпить больше десяти кружек пива. А эти знакомства с девушками. Вова всегда находил, пока я отлучался в туалет, слова, которые заставляли девушек вставать с места и уходить. И еще это мы с ним были на моем последнем звонке, напились зубровки, когда эти две барышни с юридического факультета намекали, что мы должны сводить их на ночную дискотеку. Мы сидели в дешевом кафе. И вышли с Вовой посоветоваться. Денег-то у нас было маловато.

— Так, — сказал я. — Это какие-то неправильные пчелы.

— Да. Но пиво-то мы им купили.

— Это плохо. Сходи забери.

Вова подумал.

— Ладно, — говорит, — хрен с пивом. Пойдем куда-нибудь.

— Ну уж нет.

Я зашел тогда обратно в кафе. Подошел к нашим дамам.

— Ну что, посоветовались? — спросила та, что умела говорить.

— Ага.

Глядя невинно ей в глаза, как будто думая о чем-то, я взял у нее бутылку пива, прихлебнул из нее, рассеянно забрал пиво

у второй тоже и пошел. Меня подмывало повернуть голову назад, посмотреть на их лица, но тогда это все было б не так эффектно. Я вышел.

— Ничего себе ты красавец, — сказал Вова.

Мы потом смеялись и смеялись над этим. А еще гуляли по городу, там была вывеска, реклама какая-то на доме, метрах в двух с половиной от земли, так я разулся, встал к Вове на плечи и пытался сломать эту рекламу кулаком.

— Вот вам! — кричал я. — Ненавижу рекламу, ненавижу американизацию, обожаю мастурбацию!

Так и долбил кулаком, пока не свалился. И еще много чего происходило интересного. Вова ко мне относился всегда как-то особо ревниво, что ли. И теперь, когда он окончил технарь и собирался ехать в тюменский какой-то универ поступать, мы его провожали с пьянством. Зря я взял с собой Элину, глупо было с моей стороны. Да еще глупее было, пока Вова с Тимофеем ходили за водкой, начать заниматься с ней любовью. Посреди этого действия заходит Вова и говорит:

— Вы что, не можете это делать, когда я уеду?

— Подожди ты, — говорю ему.

А ему обидно. Элине обидно тоже. «Иди, — говорит, — пей с Вовой». Первая моя любовь, Элина. Вредная Элина, по которой у меня руки трясутся. И я сижу голый, волнуясь, не знаю, что сказать ей, а Вова под дверью кричит:

— Ну где ты?! Иди сюда, быстрее иди пить!

И Элина все больше обижается, я ее глажу по голове. Ну когда, когда, когда ты уснешь? И потом она отправляется в свой обиженный сон, и я иду пьянствовать. Я пью водку со всеми по очереди, и Вова вроде уже на меня не сильно обижается, а вот Элина завтра мне устроит взбучку, а я заткну язык в жопу, вместо того чтобы поставить ее на место. Не знаю, до нее я не встречался с девушками. Я не умею, не знаю просто, как надо себя вести. Нужно быть крутым, но я боюсь остаться без нее. Пьем и пьем, пока все не расходятся. Вова говорит, что в семь утра придут родители, но нам с Элиной он позволит спать, пока не выспимся. Ничего страшного. Мы начинаем

собирать грязную посуду, я шатаюсь, я еле стою на ногах, Вова тоже пьян. Вытираю со стола, он моет посуду. Я страдательно пьян, он пофигистически пьян. Мы выходим курить на веранду. И я начинаю тираду, я чувствую себя несчастным, я говорю, слезы катятся.

Я говорю и плачу. «Вот, — говорю, — ты поедешь в свою Тюмень. Отлично. Поступишь. Открывайте все дороги. А как быть мне? Я не поступлю второй раз. Из-за какой-то случайно-сти меня отчислили. А мог бы учиться дальше, поступить снова. А это все ты. Из-за тебя я пропил последние деньги на фотографии. Послезавтра или когда-то там заканчивается крайний срок подачи документов. Меня это бесит, меня заберут в армию. Ты слышишь, сраный тюменец, все из-за тебя!»

Но Вове все равно, он не понимает моей трагедии, он курит и тупо смотрит в потолок.

— Из-за тебя, говночист, на меня обиделась Элина. Как мне быть? Я люблю ее, обоссанку эту. Я тебе говорю, тюменец!

Вова курит и смотрит в потолок.

— Ну черт с тобой, пьяная сволочь, — говорю.

И иду в комнату к Элине, она спит. Я склоняюсь над ней. Слезы текут у меня, в глазах двоится.

— Элиночка моя.

Она вздыхает во сне. Мои слезы каплют ей на лицо. Я поливаю ее очищающим дождем. Она спит.

— Прости меня. Я не хотел тебя обидеть, я его не хотел обидеть. Я никогда никого не хочу обидеть.

Вова говорит мне откуда-то сверху:

— Двигайся.

— Ты тоже будешь тут спать?

— Да, это мой диван.

— Ты не будешь тут спать, я же тут плачу.

— Давай спать. — Он садится на диван, усталый и пьяный.

— Спи в зале.

— Ложись давай.

— Спи в зале.

— Успокойся. — И ложится.

— Спи в зале, Вова!

— Скоро родители придут!

— Все равно спи в зале!

Он вдруг взбесился, встает. Будит Элину.

— Не смей ее будить!

Она что-то мычит.

— Как ты меня достал, — говорит мне Вова. — Иди отсюда.

— Я тебе сейчас покажу, кто пойдет. Пойдем со мной.

— Забирай ее, и валите оба отсюда. В жопу идите!

Я по-настоящему обижаюсь, вывожу его на крыльцо и медленно, как в бассейне, ударяю по рожу.

— Это тебе за то, что Элина на меня обиделась. Это тебе за то, что я никуда теперь не поступлю. Это тебе за то, что ты не понимаешь моей трагедии.

Второй и третий раз я не попал. Потом я уже лежу. А он пинает меня. Со всей обидой, со всей любовью ко мне. Страстно пинает. Я иногда поднимаюсь и пытаюсь его ударить. Мои руки очень тяжелы. Он гораздо шустрее, но у меня больше кулаки. Но он больше занимался спортом. Мне лень. Я лежу, отдыхаю. Мы плюемся друг в друга, материм друг друга. Мы никого больше так не ненавидим, как друг друга. Я остаюсь лежать за оградой. Я отдыхаю в крови и грязи.

— Вставай. Ну, пойдем, — это уже появилась заспанная Элина.

Я встаю, она тянет меня к моему дому, но я говорю, чтоб она стояла и ждала меня. Я отламываю штакетину от забора. Теперь я бравый воин с деревянным мечом. Я иду и колочу по двери к Вове.

— Вали отсюда! — орет он мне.

— Открывай, коняга! Открывай.

Я долблю по двери. Штакетиной. Потом штакетина мне надоедает, я выбрасываю ее. Иду в его баню, нахожу там лопатку для угля и теперь долблю по двери ей. Сейчас убью этого уроды. Элина орет мне что-то из-за оградки. Я все долблю в дверь, дергаю ее, пока она не открывается. Замок сломал, что ли? Захожу в дом, ладно, бросаю лопатку. Своими кулаками справлюсь.

Вова в это время набирает номер по телефону. Впоследствии окажется, что он хотел позвонить соседям, чтоб они помогли меня утихомирить. Я подхожу и хорошенько даю ему по роже. Он падает на диван, так и держа в руках телефон. Возвращается в стоячее положение и дает мне этим телефоном по голове. Это старый телефон, с крутилкой, тяжелый. От него отваливается кусочек. Я падаю на пол в коридоре. Он садится на меня и продолжает бить телефоном по голове. Я лежу на животе, и мне не очень удобно, но я дрыгаюсь и пытаюсь достать его все равно. Я слышу, как в истерике кричит Элина. Кричит Алена, Вовина старшая сестра, которую мы разбудили. Они кричат. Вова в агонии. Я его матерю и бью кулаками куда-то за спину. Он все бьет меня телефоном по голове. Телефон разваливается на вот такусенькие кусочки, и мне удивительно, что я до сих пор не отключился. Но я все-таки отключаюсь, и, когда прихожу в себя, меня, батона, Элина ведет по дороге домой. У нее истерика.

— Хочешь, я найду людей, которые его избьют?! Они могут убить этого мудака. Обоссать и убить!

Я что-то бую и порываюсь пойти обратно подраться. Мне хочется еще подраться. Я должен его загасить, но у Элины сил больше, чем у меня, она плачет и тянет меня домой. А вокруг ясное небо, только рассвело. Я по дороге придумываю историю, которую она должна рассказать моей мачехе. Отца сейчас дома нет, он в командировке. Потом они о чем-то разговаривают. Элина что-то объясняет, когда мы приходим. Я запоминаю только то, что мачеха обращается к Элине на «вы». Я сижу на диване и плачу: мне хочется еще пойти подраться, но я бессилен перед женщинами. Они вызывают скорую, но скорой долго нет, и Элина выходит ее встречать через дворы на широкую дорогу. И пока ходит, меня увозят в больницу. Я очухиваюсь в приемной палате на кушетке, надо мной нависает врач.

— Смотри за пальцем.

Я пытаюсь смотреть.

— Раньше были сотрясения?

— Два раза.

— Ладно. Полежи пока. Теперь три.

Он отходит. Я встаю, тут рядом какой-то мужик стонет на каталке. У него из живота выковыривают железяку. Я смотрю.

— Ты не смотри сюда. Иди полежи.

Потом я очухиваюсь в другой палате. Я встаю, меня качает из стороны в сторону. Я выхожу покурить. Ко мне подходит парень.

— Проснулся? Мне понравилось, как ты с ментами.

— Что с ментами?

— Общался.

— Я общался с ментами?

— Ты не помнишь?

— Нет.

— Ну приходили тебя допрашивать. Хотели узнать, не хочешь ли ты подать в суд. И что с тобой случилось.

— И что дальше?

— Ты начал им нести какую-то чушь, что любишь читать книги ночью, а потом прогуливаться, если книга хорошая. Что ты под впечатлением от книги упал в канаву и получил от кого-то по башке. Они все это записали. А ты спрашиваешь: «Вы что, всю эту чушь так и записали? Хоть бы поправили». А они говорят, мол, ты очень хорошо все рассказал, что они не будут.

Пообщались с этим парнем. Вася. Окончил юридический в Москве. Очень умный тип. Поговорили о книгах. Он гулял с утра с собакой и получил по затылку от малолеток арматуриной.

Потом я лежал в палате, когда приехала Элина. Она села на кровать и рассказывала, что сегодня подобрала раненого голубенка и он сидит у нее в сумке. Она мне казалась маленькой и хорошей, я лежал в похмелье и в головной боли. А она говорила про голубенка. Было очень хорошо слышать, у меня аж там разлилось тепло внутри.

— А он не сдохнет у тебя в сумке? — спросил я.

— Не сдохнет. Нагадить может, но не сдохнет.

И стало еще лучше. Она уехала. Я вышел на крыльцо больницы. Тут было много молодых медсестер и врачей. Они пили пиво

и весело общались. Я смотрел на них. И тоже купил себе пару бутылок пива. Когда привозили больных, некоторые из молодых и красивых врачей, медсестер отрывались от пива и занимались пациентами. Потом возвращались и продолжали пить пиво. Я стал думать, какую медсестренку я бы поимел, если бы у меня не было фингалов и уши не были бы фиолетовыми. Сидеть так и думать так было очень комфортно.

Через три недели ночью я сидел в комнате, когда в окно ко мне постучали. Я вышел, метрах в трех от крыльца стоял Вова и неловко улыбался своей детской рыжеватой головой.

— Привет, ниндзя, — говорю.

— Здорово.

— Как дела?

— Нормально. А у тебя?

— Нормально. Ты что там встал?

— Да страшно подходить.

— Ладно, подходи уж. Чего там.

Он подошел, и мы, дебилы, улыбаясь, пожали друг другу руки. Он поступил в Тюмени. Я поступил здесь — второй раз на филфак.

БРЕДОВЫЕ РЫЦАРИ

Мы, наверное, уже немного выпили перед тем, как поехать с Лешей Павлюком на Пионерку. Мне тогда оставалось чуть больше месяца до семнадцати, а ему только-только исполнилось восемнадцать. Мне оставался один экзамен в школе, а ему — сдать диплом в технаре. Мы поехали в поселок Пионер, в гости к его сестре Жене и ее мужу Васе. Я с ними познакомился на Лешином дне рождения. С Женей мы, как тезки, особо подружились.

Так, купили несколько бутылок паленой водки, несколько полторашек пива, сидели и пили. Там еще была бабка, Васина мама у них тоже жила. Леха сказал ей:

— Это со мной Женек, он хороший парень, к тому же поэт. Пишет стихи и поэмы.

Так мы сидели и пили в этой деревенской избушке. Потом мы с Лехой пошли в баню, мылись, говорили, парились, выбегали, ныряли в бочку с холодной водой, потом опять парились.

— Хочу бабу, — потом сказал Леха.

— Знаешь кого-нибудь здесь?

— Уже поздно. Надо было с ними заранее.

— Ну и ладно, сам себя удовлетворишь, да все нормально будет.

Он на меня посмотрел настороженно. Я:

— Только не надо мне гнать эту телегу, что ты нормальный пацан и не делаешь этого...

Он расслабился и сказал:

— Странно. Ты первый мой знакомый, который так об этом говорит.

— Бог ты мой, а я-то думал, мы живем в двадцать первом веке.

Мы сдружились с Лехой еще сильнее. Все эти пьяные разговоры, в которых нет видимого смысла, на деле помогают проникнуть к человеку.

Мы оделись. Я курил в оградке, когда подъехал какой-то тип на БМВ. Леха стоял и говорил с ним на дороге. Смеялись. Было необычно видеть здесь такую машину. Может, этот парень у своего отца взял покататься? Потом задняя дверца открылась, оттуда вышел еще один парень, судя по тому, как с ним говорили, лоховатый. И тут я не заметил, как начался шум.

— Дайте мне бабу! — кричал Леха.

— Леша, отпусти! Это моя дырка!

— Нет, не твоя!

Парень, который вылез первым, смеялся.

Я вышел за калитку, чтобы все это рассмотреть. На заднем сиденье сидела пьяная проститутка, Леша тянул ее на себя, а лоховатый парень пытался загородить. На крики выбежала Женя.

— Женя, скажи ему, — кричал лоховатый парень, — скажи, что это моя дырка!

Я тоже стоял и смеялся. Никогда такого не видел.

Женя теперь пыталась оттащить Леху, он кричал:

— Нет, мне нужна баба!

Вышел еще Вася, и мы все оттащили Леху. Я заметил, что его сильно повело. Меня? Мы пошли выпить еще.

Когда вышли покурить — я и Леша — в следующий раз, он сказал:

— Я же совсем забыл!

— Что?

— Вон сосед напротив, Сютин, он должен мне тыщу рублей.

— За что?

— Да он, урод, сидел на зоне, петухом был. Петушарой был, понятно?

— Ну раз петушарой, тогда все ясно.

Мне не очень все это нравилось, хотя во всем этом было что-то манящее. Мы перешли дорогу, там стоял такой же деревенский домик. Лаяла собака. Зашли на небольшую веранду, там с двух сторон было по большой раме, в каждой много маленьких квадратных окошечек. Леха постучал в дверь.

— Что надо? — спросил недовольный женский голос через какое-то время.

— Где сынок? Сютин где?!

— Нету его. Уходите! Ночь на дворе!

— Как это нету?!

— Нет его дома!

— Откройте, я знаю, что он дома.

Леха вдруг стал ужасен. Мне стало страшно.

— Где он? Вы в погребе его прячете?

— Ты что, придурок ненормальный?! — кричала тетка из-за двери. — Вали домой.

Леха долбил в дверь.

— Где этот педрила?!

— Вали отсюда!

— Откройте! Откройте! Где он?!

Леша выбил несколько окошек, и тогда я вдруг перестал волноваться. Меня подхватила волна удивительного. Откуда-то сбоку еще лаяла и все норовила дотянуться до меня собака, но ей не хватало цепи. Я подошел и крикнул на нее:

— Заткнись!

Она укусила меня за ногу, я рассмеялся и пнул ее. Не со злостью пнул, а просто пнул, даже с жалостью, она ведь не знала, что мы с Лешей бредовые герои, бредовые рыцари без страха и упрека, внутри у нас сидит бредовый героизм, что нам предначертано судьбой совершать бредовые подвиги. Собака заскулила, залезла обратно в будку да там осталась. Леша тем временем выбил все окошки с одной стороны веранды.

— Подожди, подожди, можно мне маленько? — спрашиваю.

И со второй стороны берусь я. Бью в первое маленькое окошко, но промахиваюсь, попадаю только в деревянную рейку. Кулаку больно. Второй раз — и опять в рейку.

— Да что это такое?!

Бью с локтя. В результате вываливается вся рама.

— Ты че чудишь?! — кричит Леха.

За дверью все еще слышна эта тетка, непонятно, что кричит, ясно одно: она недовольна. Мы с Лехой выходим за калитку, идем, обнявшись, нам очень смешно, нам хорошо, и летние звезды горят для нас безумным пламенем. Мы все смеемся и никак не можем остановиться. Проходим несколько улиц, и черти жмутся по кустам от нашего хохота. Нам никто не попадает на пути.

Мы возвращаемся обратно в дом, Женя нам что-то объясняет, но мы не понимаем ни слова, все остальные уже говорят не на том языке, мы допиваем водку, а потом меня кто-то назойливо тычет в спину.

Я сплю, мне неинтересно, у меня вертолетики в голове, я катаюсь на каруселях и никак не могу спрыгнуть. Но мне повелительно говорят:

— Проснись. Вставай, блядь!

Я нахожу в себе силы и отвечаю:

— Не стоит. Я хочу немного подумать.

— Вставай, сука!

Голос мне не знаком. Я поворачиваюсь и вижу огромного, толстого мента. Рядом с ним небольшой ухмыляющийся хрен не в форме. Мне не хочется ни смотреть на них, ни тем более разговаривать с ними. Я отворачиваюсь, но мне дают по спине. Я сажусь на кровати.

— Давай собирайся.

Я вижу сонного похмельного Леху, который сидит в кресле и ничего не понимает. Лицо у него опухшее. Он сидит и вяло пытается натянуть штанину на ногу одной рукой, второй — держится за голову.

— Собирайся!

Вяло надеваю штаны. Потом кофту. Чувствую, что надо тянуть время. Ищу что-то в течение секунд сорока.

— Быстрее! — говорит здоровый.

Второй все стоит да ухмыляет свою рожу. Из другой комнаты слышу невнятные голоса Жени и Васи.

— Не видишь, что я собираюсь? — нервно говорю.

Здоровый хватает меня за шею.

— Не выводи.

Мне тяжело дышать, я с трудом:

— Да дай мне носки найти.

Потом нас сажают в машину, в собачник. На улице рассвет, свежее красивое утро. Только я далек от этого — не чувствую себя свежим и красивым. Рядом с ментовским бобиком стоит седая тетка.

— Да, это они! Эти уроды! Закройте этих зверей!

Неужели это о нас?

Я понимаю, что нас сейчас повезут в милицию. Мое лицо само собой принимает скорбное выражение.

— Ты что? — говорит Леха. — Ну у тебя и морда.

— Так, просто.

Потом он:

— Значит так, Женек. Я беру все на себя. Если что, меня переключило, я полез, а ты пытался меня оттянуть, но я тебе прописал и начал бузить. В таком духе.

— Ага.

Мы все едем, и едем, и едем, настроение лучше не становится, говорить неохота, к нам подсаживают какого-то алкаша, нас привозят куда-то. Вот так мы и оказались в милиции какой-то там деревни: то ли Ягуновка, то ли Ялыкаево — неважно, что-то на эту букву. Нас закрыли за решеткой, минут через пять снова пришли эти двое, которых мы хорошо запомнили, но еще не успели полюбить, и вывели алкаша.

Толстый алкашу:

— Ну что такое? Ты же обещал не трогать ее больше?!

— Да я это, я все... Ну, мужики, понимаете...

Тот, который не форме:

— Нет, не понимаем, она сказала, что ты опять ударил ее в челюсть.

Толстый:

— Что нам делать? Ты что, не можешь запомнить, что жену бить нельзя?! Что с ним делать?

— Мы тоже ударим его в челюсть.

Они вели себя как в кино. Крутые ребята.

Мы через решетку наблюдали сцену, как алкаша немного побили и отпустили. Я надеялся, что с нами поступят так же. Сначала вывели Леху, увели, потом привели, потом вывели меня. В соседней комнате посадили на стул, спросили имя и фамилию. Я сказал, что меня зовут Рома Молчанов. В прошлый раз меня задержали — с этим именем прошло все гладко, я счел его за счастливое имя.

— Где живешь?

— Ленинградский, 13–10.

Тип без формы вышел, толстый остался. Без формы вернулся.

— Там же Ефимович живет.

Ага, значит, у них тут есть компьютер? Шикуют ребята. Я хотел было соврать, что это мой отчим, а на него оформлена квартира, но толстый уже поднял меня и ударил под дых. Мне вспомнился мой первый опыт общения с милицией: мне было четырнадцать, я ходил на хоккей, на игру я внимания не обращал, зато там было чище и безопаснее, чем в дешевых кабаках, и веселее было пить пиво. Я сочинял матерные кричалки, и мы их с народом орали: «Амур» еблом об лед! «Энергия», вперед!»

Это, пожалуй, самая мягкая. Один раз я даже почувствовал себя сраным принцем: сидел себе, положив ноги на сиденье впереди своего, щелкал семечки на пол, когда ко мне подошел мент и сказал:

— Все, пошли отсюда!

— С какой стати?

— Пошли, я сказал!

— Почему я должен идти?

Тогда он схватил меня и повел.

— Я хоккей смотрю, разве не видно? — бормотал я, упираясь.

Тогда он меня вывел, там рядом стояли еще менты. Мой новоиспеченный друг спросил:

— Ты что, принял меня за пожарного? Ты думал, я пожарный? — И ударил в лицо.

Мне тогда не сыграло на руку, что я выглядел старше своих лет и, пытаясь изобразить скептическое отношение к миру на лице, был похож скорее на наркомана.

— Я милиционер, ты понял?

— А что тогда форму пожарного надел?

Пока закрывался от ударов по лицу, получил такой удар в пах, какого больше не пожелаю получить. Этот тип был настоящий психопат. Я осел на задницу и уже не слышал, что он там говорил, мне было все равно. Его оттащили от меня сослуживцы, я встал и на ватных ногах пошел прочь, думая: «Ну чем ему не нравятся пожарные?» Он еще хотел меня зацепить пинком под говно, но его держали, и мент не дотянулся. Учитель по праву рассказал мне потом, как подать в суд, но нужно было ходить по медэкспертизам, а я выпил на следующий день пива и спирта и положил на это все. Теперь, когда этот толстый мент ударил меня, я очень пожалел, что положил тогда. Не надо было класть.

От удара теперь я вспомнил свою фамилию и свое имя.

— Учишься или работаешь? — спросили у меня.

— В школе. Оканчиваю сейчас.

— Теперь уже не окончишь, — усмехнулся Толстый.

Мне эти слова его не понравились.

— Ладно, хватит пока.

Только меня почему-то повели не обратно в клетку, а закрыли в маленькой комнатке. Там было темно, только окошечко, откуда шло совсем немного света. Там был стол, но не было видно, чистый ли он, поэтому я, боясь всяческих паразитов, не рискнул к нему прикоснуться. Полчаса, час или, может, полтора я просто ходил из стороны в сторону, хотя разгуляться было особо негде, со своим огромным и страшным сушняком, сидел на корточках, потом уставал сидеть, вставал, когда уставал стоять — ходил. Когда я уже не мог терпеть сушняк, я крикнул в окошечко, и мне открыли дверь и вывели меня в сортир. Хотя я думал, не выведут. Там, к счастью, оказалась раковина, я напился невкусной воды, хорошенько умылся, вымыл руки и почистил зубы мокрым пальцем.

Завели обратно, и я опять начал метаться и думать, что же теперь, как же так, Господи, для чего теперь, ну за что ты мне такое? Ты решил напомнить мне о своем существовании, Господи, мать твою? Ну зачем мне это? Как я теперь выпутаюсь? Как поступление в университет и все остальное? Я все ходил, и думал, и думал, и думал, но ничего, понятно, придумать не мог. Ходил и ходил. И тут до меня дошло — как бы вам сказать? — ну, что я уже минут двадцать хожу со злостной утренней эрекцией. Постепенно все мои мысли о том, как все безнадежно, вытеснил лик медсестры из порнушки, которую я смотрел уже достаточно давно, но не бесследно. Медсестра, уже голая, сидела сверху на парне, а на зад у нее была помада от поцелуя. Так вот, она так искренне играла (?) удовольствие. Теперь я ходил как никогда возбужденный в наименее располагающих к этому условиях. Все эти милиции и деревни на букву Я перестали существовать. «Ладно, — думаю, — руки в туалете я помыл, кожную заразу занести себе не должен...»

...Но через какое-то время вернулись все размышления по поводу участи, а в довесок к ним еще появилось чувство собственной нелепости. Какое-то время боролся с нелепостью, какой же я дровича. Дверь открывается, и мусора видят, как я наяриваю во мраке со спущенными штанами, — это был бы номер! Но скоро уже забыл об этом, и все мысли направились на сложную мою ситуацию. Как к единственно доступному собеседнику пришлось обращаться опять к Богу. «Ну сделай так, чтобы все обошлось, я буду вести себя иначе». Нет, не идет. «Помоги мне, не забывай обо мне, как я забывал о тебе!» Опять не то. «Помоги! Кто из нас, в конце концов, Бог?» Я стоял, пытаюсь подобрать правильную формулировку, пока не устал и не вытянул руку, чтоб опереться на стену. Зажегся свет. Здесь, оказывается, был выключатель. Чисто, даже обои есть. Что это за комната такая? Я уселся на стол, который оказался обычной партой. При свете все стало казаться сначала оптимистичным, но потом я посмотрел на свои кулаки, поцарапанные, со сбитыми костяшками, и вспомнил опять, почему я здесь.

То пытаюсь заснуть, то вставая, то садясь, то расхаживая, но ни на минуту не прекращая бурный внутренний монолог,

я провел несколько часов в этой милой комнате. Пока меня не отвели к участковому. Он оказался весьма интеллигентным на вид мужиком лет тридцати.

— Ну присаживайся.

Я подумал, как много людей начинают разговор со слова «ну». И я тоже, ладно, посмотрим.

— Рассказывай.

— Что рассказывать-то?

— Что вчера случилось? Да ты не волнуйся так.

— Да это меня просто так трясет. Выпил вчера, почти не поспал, а сегодня почти не пил воды.

— Куришь?

— Да.

Он протянул мне пачку «Балканской звезды». Я закурил, стало лучше, только рука у меня тряслась, как дура.

— И что вы там делали?

— То есть?

— Зачем вы приехали туда с Алексеем? На Пионерку?

— Так. В гости к его сестре.

— Знаю к кому. Сейчас они тоже здесь. Они здесь часто бывают. Тебе бы вообще не стоило туда ехать, ты же неглупый парень. Они там пьют, потом их привозят к нам. Сейчас и Вася, и Женя тоже у нас.

— А они-то что начудили?

— Неважно. Лучше расскажи, что вы вчера начудили.

— Ну выпили немножко.

— Это я понял. — Он подумал, подумал, подумал. — Вам повезло, что я вам попался. Попался бы кто другой, вы бы по группухе (здесь я невольно хмыкнул) на пару лет загремели.

— За что?

— Как? Вы там такой погром устроили. Собака полудохлая из будки не выходит. Раму выбили непонятно чем.

— А.

— Вот тебе и «а». Еще повезло тебе, что несовершеннолетний... Ладно, напишем так: ты у нас будешь как свидетель, Леша же твой просто перепил и чего-то напутал. Ты пытался

его остановить, но не получилось. Ему должно повезти, на первый раз простят. Тебе повезло, что я с ним знаком.

Мы немного подумали, как это оформить. Потом написали бумаги какие надо. И участковый сказал мне, что через пару дней мы должны поехать извиниться, включить свои способности, чтобы понравиться этой тетке, вставить стекла. И велел мне выметаться.

— А Леха? — спросил я, чувствуя себя идиотом.

— А Леха твой суда будет ждать. Но ему там нормально, они там всем семейством, скучно не будет.

— Вот как.

Мне хватило мелочи на один автобус, а до дома надо было с пересадкой. На втором я проехал несколько остановок, пока контролерша меня не выгнала. Дальше я шел пешком почти час, пришел домой уже около восьми вечера. Слава богу, дома никого не было. Я посмотрел на себя в зеркало: лицо у меня было странное, взрослое и не очень привлекательное. Под глазами были мешки, да и сама рожа была слегка сиреневая. Тут я вспомнил, что нужно сделать: пошел на кухню и выпил две кружки воды. Поел. А засыпая, чувствовал себя младенцем.

Леха пришел не на следующий день, как я ожидал, а через день. Пришел с новостями.

— Дали три месяца условно, — сказал он. — Только тебя еще ждет самое интересное.

Я вышел на улицу, и он все рассказал за куравом. Как Васина мама, увидав, что нас вяжут, решила тоже накатать заяву на Васю с Женей заодно. Написала, что они над ней издеваются. Что Вася с топором бегал за ней. Всякую чушь.

— А такое было?

— Ну что-то такое было, но она еще приукрасила. Дали нам всем троим по три месяца условно. Но я тебе не об этом хотел рассказать. У нас проблемы.

И он рассказал. Они вышли после суда, прогулялись, выпили, зашли еще в один ларек. Купили еще водки, выходят, а там стоит некто Витя — пьяный в кал. Второй сын этой седой тетки, веранду которой мы разбомбили. Помимо петуха Сютина, у нее

есть сынок Витя, бывший боксер, не в порядке с головой. И она сыну уже пожаловалась. Ко всему Витя держал ларек, в котором Леша, Женя, Вася купили водки. Стоит он там с двумя амбалами-приятелями. Как увидел, так и с ходу вдарил Лехе. Леха аж отлетел, вскочил и побежал, сиганул в кусты — и дальше деру. Тот достал пистолет и начал палить, слава богу, был пьян, не попал. Потом друзья уговорили его убрать пистолет, и Витя за неимением другого человека дал пару раз Васе. Леша же бежал и бежал.

— Еще с утра мы с дядей Валерой съездили с ним на стрелу, вроде все в порядке, только Витя, может быть, еще подъедет к нам. Он знает, где я живу...

— Это плохо.

— И тогда нам не повезет...

— И еще Витя хочет познакомиться со мной?

— Это точно. Что нам не сиделось? Нырjali бы себе до утра в эту бочку вонючую.

Так мне подумалось, что по логике я теперь самый интересный для Вити человек. Взялся непонятно откуда, наделал ерунды и даже по голове не получил. Не.

Мы весь вечер сидели на лавочке возле Лехиного подъезда. Леха не знал, на какой он может приехать машине.

— Снимет тачку и катается весь день. Водиле кинет денег.

Мы сидели и ждали. Один раз подъехала «Волга». Вдруг у Леши лицо побледнело, он весь побледнел.

— Это он.

— Где?

— Вон.

Я увидел здоровенького мужика и вжался в себя. Этот мужик выходил из машины, я видел это в угрожающем рапиде, как в фильмах. Я приготовился встать, пойти ему навстречу, получить, но это было не так-то просто. Не такой уж смелый я парень.

— Нет, это не он. Я ошибся, — сказал вдруг Леха. Он был очень рад.

Потом, ночью, я лежал у себя в кровати с открытым окном, отбивался от комаров и прислушивался, не подъезжает ли кто

к дому. Вдруг он уже знает, где я живу? Например, может просто разгромить мне веранду, как я ему. Но мне нужно бы было выбежать поскорее на улицу, чтобы перепало мне, чтобы не вылез отец и не получил тоже по лицу. Если этот Витя действительно не очень дружен с головой, ждать можно было всего. Я и сейчас очень отчетливо помню свои ощущения, когда мимо дома ехала любая машина, хотя прошло много времени. Иногда я вспоминаю очень четко какой-то момент из этой вечности под одеялом в ожидании. Или из той вечности в милиции, потом уже все было легче, все подобные ситуации, но тогда все было по-настоящему. Частичка меня так и осталась там, в ожидании, взаперти, в страхе. Как-то Басалаев, мой куратор и препод по режиссуре, сказал, не помню, что именно иллюстрируя этим примером, короче, сказал он, что, если бы любой из нас бежал за троллейбусом, как волк в «Ну, погоди!», с головой, застрявшей в дверях, нам бы запомнился зрительный ряд в мельчайших деталях. Запомнили бы каждую морщинку на лицах пассажиров. Может, в этих словах был смысл.

Мы еще два дня провели таким образом, ожидая худшего, потом немного успокоились. У Леги на балконе были стекла, мы собрались с духом, взяли их с разрешения его бати, прихватили стеклорез и поехали на Пионерку.

Мы шли как партизаны, боясь напороться на Витю. Удачно дошли до Васи. Он один был дома.

— Вы, — говорит, — за каким хреном приехали? Оставляйте стекла и валите. Сегодня будет Витя, вы получите таких люлей, что без больницы не обойдетесь. Я сам все почию.

Мы немного отпирались для виду. Показали, что мы не особо трусы, потом пошли обратно.

— Только давай пойдем по другой дороге, — сказал Лега, когда мы остались одни. — А то встретим этого говнюка.

— Ладно. — Мне меньше всего на свете хотелось с ним увидеться.

Пошли какими-то полями, короче, черт знает где. Шли так, чтобы уже точно не встретить его. Мы шли километра три по полям и по оврагам, курили, смеялись, болтали — два

новорожденных. Правда, мне приходили в голову подловатые мысли, мол, зря обращался к Богу, все получилось хорошо, только непонятно, в долгу ли я перед ним. Я старался отгонять эти мысли мухобойкой. Это же чудесно: мне бесплатно дали очень полезный опыт, я смогу оберегать себя от плохих ситуаций. Каждый должен получить такой опыт, но я его получил довольно безболезненно.

Мы уже вышли к дороге, потом подошли к остановке. Ждали автобуса, все еще не веря в свою удачу.

Я стоял и курил, а Леха зашел помочиться за остановку. Мимо медленно ехала машина, единственная за все время.

Леха вышел, увидел ее и сразу спрятался. Потом вышел.

— Там сидел Витя.

— Да ну?

— Говорю тебе.

По его виду я поверил.

— Теперь точно говорю: нам повезло, что он меня не заметил. Тебя-то он не знает. Давай лучше ждать за остановкой. Вдруг он обратно поедет.

И мы стали ждать автобус за остановкой. Леха сидел на корточках напряженно, а потом облегченно рассмеялся, а я подхватил его.

Первый месяц я ходил в кольчуге целомудрия, как мне казалось.

Было так, будто я уже поумнел и будто больше не попаду в подобную ситуацию. Чушь.

ЦАРСТВО ГОМОСЕКОВ*

Пытаясь пролезть в общагу через решетку на окне, Говехин, ваш покорный, повис между небом и землей, между улицей и помещением, между сном и головной болью, между подушкой и попыткой вспомнить, что делал ночью, то есть на перекрестке миров, в точке отсчета, в мгновении почтенного замирания всех вселенных, фиксирования, понимания и непонимания, короче, одним словом, в бодуне. Мир скручивался и раскручивался, я болтал ногами в воздухе, но ничего положительного не случилось. А сонный Серега С Косичкой смотрел на меня, смотрел на меня, смотрелнаменя. Изнутри.

— Да сделай ты что-нибудь, я застрял здесь на восемь лет, — сказал я тогда, чтобы он уже занялся.

Он просунул руку через решетку и отцепил мою кофту. Поцарапанный, я залез, сразу лег на кровать и отключился

---

* Этот рассказ был написан в январе 2005 года, через две недели после того, как я впервые скатался в Москву и получил литературную премию «Дебют» — номинация «Голос поколения». Хотелось написать что-то простое, доброе и дурацкое, после того как я увидел, что такое есть литературный процесс; все эти писатели-попрошайки, меценатские деньги, актер из фильма «Бумер», который тебя объявляет со сцены, и ты в недоумении высказываешь туда брать конверт на потеху соломенным куклам и журналистам. Ну и алкогольный кураж, а также роман с поэтессой, которая была старше на шесть лет и одареннее на шесть тысяч миль. Но вот я опять у себя в поселке Металлплощадка, в тяжелом похмелье пишу этот рассказ и смеюсь. Вроде бы все события рассказа реальные, это произошло с реальным человеком по имени Е. Алехин летом 2004 года во время вступительных экзаменов на театральный факультет кемеровского университета культуры.

до прояснения обстоятельств. Мне несколько часов снились разнообразные удивительно трезвые сны.

Проснувшись, я выпил воды, выпил водыводыводы. Уже легче. Сереги не было. Тут спал тот парень, длинный, похожий на обезьяну с загудроненными глазами, не помню, как его зовут. Я уселся на кровать, на этой кровати я занимался сексом как-то раз с дочерью директора сети магазинов, не скажу каких. Только она потом сказала, что я ее плохо того. Я старался всю ночь, она лежала бревном. Безобразие. И я виноват еще! Помню, кончил ей на живот, вытер своими трусами и выкинул их в окно. Вообще-то, я летом не ношу трусов, но тогда был в них. Мне еще до этого сказала Макарова: «Ты же не носишь трусов». Защищала этого гомика Малышева, когда я показал ему и сказал: «Воттебевоттебе, ебила». А я сказал Макаровой, что мне приснился сон, что я прищемил хрен ширинкой. А Макарова говорит: «Да ты выделялся, когда сказал, что не носишь трусов».

Тут я прервал свой внутренний монолог ради того, чтобы начать вспоминать, что было этой ночью. С утра у меня не оказалось денег на проезд, и я полез в общагу, чтоб отоспаться у Сереги, потому что идти пешком до дома было лень. Ладно, до этого нас выгнал из дома этот гомик, у которого мы вписывались. Ах вот в чем дело — и тут гомик. Зачем я поступил в эту культуру? Еще учеба не началась, а уже в гости к гомосекам ходим.

Так-так-так. Мы были с Симановичем, с Вахтеевым, с Ивановым, сначала выпивши спирта. Симанович и Иванов тоже похожи на гомиков. Не меньше, чем сам гомик. Да дались мне эти гомики, что я о них уже пять минут думаю! И тут я вспомнил. Чертчертчерт!

Ага, мы все пили пиво, я еще изрядно приложился к коктейлям. Настя была холодна ко мне, Симанович мутил с этой тощей, а я курил на балконе с этим малолетним пидором.

— У нас, — говорю, — Симанович всем гомосекам нравится. Ты можешь мне авторитетно объяснить чем?

И тут гомик говорит:

— Почему Симанович? Мне ты нравишься.

И поближе подходит — толстоватый шестнадцати- или семнадцатилетний педр распахивает объятия, значит.

— Дай я тебя поцелую!

Я успеваю вытянуть руку и упереть ему в лоб.

— Прошу не сокращать эту дистанцию.

Он вроде успокаивается. Курит молча. Я стою в шоке, у меня идет переосмысление мира. Человек я любознательный в принципе, спрашиваю:

— И как это? Вот вы возите там, это же нехорошо. Ну говно там всякое, то есть сосете, потом трахаете друг друга в жопу, потом опять сосете. Таким образом, во рту говно у вас, что ли?

— Нет у нас говна во рту.

— И еще я не верю, что парень может сосать лучше, чем девушка. Что типа там вот парень знает, чего хочет парень. Да ну на фиг.

— Лучше, — заверил он. Даже сделал три энергичных кивка.

— Да ну. Я, например, не знаю, чего хочу. У девушек, не у всех, конечно, заложено веками умение это полезное. То есть они должны это делать, а мы должны делать это им. Поэтому по логике они должны делать это лучше.

— Давай проверим.

— Чего-чего?

— Ну.

Господи, куда я попал. Я заценил свои ощущения: я скорее склонен дать ему в рот, чем нет. Не латентный ли я гомик? У меня что-то подленькое было ли на душе? Нет, я с чистой совестью сказал себе: мной движет исключительно любознательность.

— Подожди, — говорю.

Я открыл дверь, зашел в зал, хлебнул пива, пошел в комнату, где Симанович мутит с этой барышней, говорю:

— Симанович! Симанович, Егор хочет у меня отсосать! Дать ему в рот?

Симанович оторвался, сказал:

— Давай.

И опять начал целовать свою даму.

— Симанович, это исключительно в исследовательских интересах!

Он не ответил, ему было все равно. Я пошел обратно, в зале хлебнул пива, Вахтеев с Ивановым вели себя подозрительно. Может, их развлекало то, что они в гостях у голубого, поэтому они тоже корчили из себя? Ладно, я вышел на балкон.

— Хорошо, — говорю, — только без всяких там поцелуев.

Мы с ним прошли в одну свободную комнату. Я лег, положив руки за голову. Он расстегнул мою ширинку и принялся за свое дело. Лучше моей первой девушки, но намного хуже последней. Он пытался делать с заглотом, но у него не получалось. Как это жалко. Он был жалок. Зачем это ему? Просто у него не было ни разу в жизни секса с девушкой, а нежность свою надо было куда-то деть. Вот, может быть, в чем дело? Или мода? Они не знают, чем выделиться, и становятся голубыми? Чувствуют себя тонкими натурами, избежлопыми эстетамы? Я все смотрел в потолок, парень работал. Жалко его. Скучно. Я сам почувствовал себя жалко: к чему меня склонили! Я рукой надавил ему на голову, чтобы он перестал. Я был зол на него.

— Мне девушка две недели назад делала это гораздо лучше.

Вышел разбитый, жалкий, пошел вымыл руки. Выпил. Выпил еще. Я обратил внимание на Вахтеева с Ивановым. Они целовались. Бог ты мой. Егор уже был тоже здесь. Я подошел к Вахтееву и тоже поцеловал его. Или Иванова? Вроде Вахтеева. «Ну, — думаю, — смотри, сука, Егорчик». Пусть говнюк думает, что я прожженный педрила, просто он не в моем вкусе. Пусть обидится на меня. Тут смотрю: Вахтеев с Ивановым уже целуются в полную силу, по-настоящему. Черт, зачем? Зачем Егор нужен на белом свете? Зачем я хочу ему отомстить за то, что он открыл черные дыры в душе? Убеждать, что ли, его, что я тоже гомик? Тьфу! Глупо! А ведь они тоже вроде младше меня все! Пусть на год, но младше. Балагурызатейники! Что за люди пошли. Я еще выпил и лег спать на диван, последнее, что мне помнится: я кричал Симановичу:

— Это засада! Они настоящие гомики! Забери меня, Симанович! — а потом уже бормотал: — Приведи мне красивых девственниц...

Пока я это вспоминал все, уже вышел из общаги. Серега С Косичкой говорил с незнакомым мне парнем на крыльце. Серега увидел меня и спросил:

— Выспался?

— Да. Есть сигарета?

— Нет. Что вид у тебя такой потерянный?

— Болею. Да еще совесть.

— Чего это?

— Да я вспомнил, что ночью в рот дал гомику.

— Ничего. С кем не бывает.

М-м-м. С кем не бывает, правда, чего я парюсь?

Я посмотрел на Серегу: в нем тоже есть маленький петушок? В его друге? В прохожих? Во всех. Этот петушок заставляет нас говорить басом, быть мужественными, спать на спине, чтобы не задом, а членом к миру. Он там, мы чувствуем его и ненавидим, ненавидимненавидим голубых, презираем их, воспринимая их как насмешку над количеством трахнутых нами женщин. Над нашими девушками и их оргазмами. Грязная насмешка... Так и надо, ладно, ничего не поделаешь. Надо, чтобы ежедневно было чему удивиться. Если нечему удивляться, все равно найдется удивительное, если приглядеться даже к обычным вещам. Хотя в мире, наверное, есть много интересного: женщины в мужских телах, наполовину кошки, наполовину собаки, люди, которые не мастурбируют... Мой эмоциональный мир — это песни пьяного Колумба. «Я познаю мир». «Папа, папа, если с жуткого бодуна пукнуть под куртку, даже из рукавов пахнет!» Типа того.

**«У МЕНЯ ДЫРКА В ВЕДРЕ, ДОРОГАЯ ЛИЗА,
ДОРОГАЯ ЛИЗА...»**

Иду себе по улице и иногда украдкой поглядываю на свои светло-коричневые ботинки или смотрю на прохожих, мне хорошо, но там где-то сидит детеныш легкого беспокойства внутри, и я пока его не замечаю. Я не люблю черную обувь. У меня красивые коричневые ботинки, рост выше среднего, я неплохо сложен, умен, талантлив как сукин сын. Я отличаюсь. Мои шаги отличаются от шагов всех остальных людей. Ага, вот это я себе мысленно и впариваю, погуливая, и чувствую себя хорошо. Я думаю о повести, которую скоро напишу. Я представляю, как она будет смотреться у меня на экране монитора. Вот что держит меня на плаву — четыре рассказа, которые я написал, и повесть, которую я напишу. Мне нравится, когда не написано «глава». Мне нравятся просто цифры: 1, 2, 3... Так и пойдут главки. Так выглядит строже и изящнее. Не надо название каждой главе. Может, я поставлю фигурные скобки только: 1), 2), 3)... Это самое приятное: я иду и думаю об этом. Повесть созревает где-то внутри, и я знаю, что напишу ее скоро. Об этом думаю и я не в курсе, насколько сегодня будет бредовый день. И что он мне готовит.

Мне мешали только мысли о Марине.

Вдруг врзаются в безоблачное небо моего настроения и все портят. Я останавливаюсь на секунду, то есть просто замедляю шаг.

— Мне некогда.

Или:

— Перезвони попозже, я сейчас не могу с тобой разговаривать.

Со мной? А с кем это мы можем, ежели со мной не можем?!

Или же еще хуже:

— Почему ты думаешь, что я должна с тобой встречаться, когда тебе хочется? Если у тебя все время свободное, это не значит, что я должна подстраиваться, когда это тебе захочется меня увидеть.

— Но ведь мы почти не видимся уже около трех недель, — отвечаю я.

— И что? Есть определенный минимум раз, сколько мы должны видеться?

Посылает ли она меня? Она, моя Мариночка, маленького роста, красивая, добрая. Она, которая приезжала ко мне в больницу, когда я валялся с сотрясением. Которая всегда обижалась на меня, когда я говорил не то.

Нужно перебороть себя. Относиться ко всему спокойней. «Просто до Марины ты не встречался с девушкой», — говорю я себе. Не было отношений, любовей. Ничего страшного. Относись ко всему проще. Не обращай внимания. Ну и посоветуйся с ней, чего, не найдешь, кому утеплить дырку? Но я уже не думаю о своей повести. Я еще раз прошелся вокруг универа, мое сердце забилося. Так, да я ведь не гуляю, я ее пасу! Да, хочу как бы случайно встретить! «Не надо, Алешенькин, будь горд. Не бегай за ней», — убеждаю я себя. Подумай, как это выглядит со стороны! Ты будешь жалким рядом с ней. К тому же она ведь не любит этого. Она не любит, когда я вылавливаю ее ни с того ни с сего. «Ведь можно договориться о встрече сначала», — говорит она. Ага, договоришься!

Я сижу в холле, ходят разные, я все жду и жду. Я иду посмотреть расписание, скоро у них закончится пара в такой-то аудитории. Я еще жду. Появляются ее одноклассницы. Нет, Марины нет. Марины сегодня не было. Я опять жду в холле. Чего, манны небесной? Денег? Счастья? Своей очереди? Смерти в очереди? Не знаю, чего жду. Я нахожусь в универе не как все остальные, я нахожусь

здесь как человек бесполезный и бессмысленный, как лишний сапог, второй левый или даже второй правый, и думаю о том, что, может, и неплохо знать, что тебе сейчас нужно сделать что-то определенное: пойти на пару, пойти в библиотеку. Я не знаю, куда мне пойти. На хрен? На пары-то мне не надо: в прошлом году меня отчислили, а сейчас я восстановился опять на первый курс и почти все предметы у меня сданы за первый семестр.

Но я встречаю своего приятеля. Знакомого — не сказать, что хорошего, но и не сказать, что плохого. Он идет, не видит, как я тут сижу, или делает вид, что не видит.

— Эй, Нежданов.

Я встаю.

— Нежданов-Негаданов! Куда идешь?

— Здорово, Алехин.

Он не очень-то рад, он должен мне сто рублей. Как-то он пропил стипендию вперед меня и попросил в долг.

— Как дела?

Мы пожимаем друг другу руки.

— Сколько у тебя есть?

— У меня только тридцать, — говорит Леша.

Леша Жданов его зовут.

— И у меня двадцать, — говорю.

— А, вот чего ты хочешь, — говорит он.

— Как ты смотришь?

— Да можно выпить. Недолго. У меня потом дела.

И оглядывается, ища взглядом потенциальных кредиторов. Я говорю:

— Попробуешь у кого-нибудь одолжить?

Леша идет в столовую, а я остаюсь в холле. Но тут вижу одного парня, которому я сам должен денег. Я быстренько иду вверх по лестнице, и (о удача!) мне на пути попадается Саня с третьего курса. У меня уже пятьдесят. Спускаюсь. А в холле уже стоит Жданов.

— У меня сто.

Отлично. Мы выходим, разговариваем. Выпиваем две полторалитровые бутылки девятиградусного коктейля. Потом еще

пива, замерзаем, заходим в универ погреться, ну там он еще у кого-то спрашивает денег. На улице холодно, но он говорит, что можно выпить в одной аудитории. Там сейчас никого нет. Мы закрываемся и пьем. Потом Леша открывает окно и закуривает. И я тоже.

Я пьянею и вдруг с важностью информирую его, что написал несколько рассказов, что это удивительное чувство. Но он непрост, доложу вам! Он будто бы и ждал, что я могу об этом начать.

— Алехин, — говорит он, — я напишу летом книгу. Тоже недавно подумал об этом. Мы с тобой посмотрим, у кого получится лучше!

Хотя я уверен, что он не собирался сроду писать книгу.

— А как мы будем определять, у кого лучше?

Он выходит в коридор, выцепляет там какую-то девушку и говорит:

— Привет, Лена. Давай ты будешь судить, кто из нас напишет книгу лучше?

Она что-то отвечает. Вроде не понимает, что от нее нужно, но соглашается. «Ладно, только отпусти меня», — говорит.

— Но я же ее не знаю, она же твоя знакомая. Вдруг она скажет, что у тебя лучше, хотя лучше будет у меня, — говорю.

— Это Лена, — говорит Жданов, — это Алехин. Теперь вы знакомы.

Мы с ним сжимаем друг другу руки, она разрубает своей рукой наш спор на ящик пива. Она торопится, она уже слегка недовольна, но Леша хочет, чтоб она выпила с нами — скрепить нашу сделку. Привести в действие нашу затею. Но Лена уходит, он ругает ее. Мы выпиваем дальше.

— Роман пишем? — спрашивает Жданов.

Я собираюсь повесть.

— Давай роман!

— Пиши роман, если хочешь.

— Но тогда и ты должен писать роман!

Мы договариваемся, что просто нужно написать полноценную книгу. Хоть цикл рассказов, хоть повесть, хоть эссе.

— Побоялся Алехин за роман взяться! Знаешь, что я напишу круче!

И скоро я засовываю еле живого великого романиста в его автобус, надеясь, что он узнает в лицо свою остановку. Он забыл о своих делах. Если увидите книгу автора Алексея Жданова в книжном, значит, он выиграл спор и я остался без ящика пива.

И я оказываюсь на улице. Мне не хочется домой, я немного протрезвел, хотя еще довольно пьян, и у меня немного болит голова. Я сажусь на лавочку и снова начинаю думать о Марине. Вдруг мне очень хочется побыть с ней вместе, мне хочется обнять ее. Хочется полежать с ней голым под одеялом. Да я бы отдал что угодно за это! Последний рассказ? Зачем он ей? Он не так уж и хорош! Тебе самому, мой милый, нужен этот рассказ? Литература сильнее утренней эрекции? Литература страшнее момента, когда Марина тебе сообщает, что сейчас не хочет с тобой говорить? Если и сильнее, то это явно не твоя писанина!

Сижу и покуливаю. В кармане у меня оказывается немного денег. Сдача почему-то осталась у меня. Ладно, хватит себя мучить. Я еду в гости к своему другу Косте, предварительно покупая двухлитровую пива. «Опять с пивом», — бормочет его мама. Костя поздний ребенок.

— Ладно, мама, иди к себе в комнату.

— Без пива уже не могут общаться. Все время Женя с пивом приходит.

Мы заходим в Костину комнату. Он выходит за стаканами, пока его нет, я тоскливо смотрю на телефон. Я набираю Марину. «Ее нет». Костя возвращается.

— Мне понравился рассказ про то, как грабили мужика, — говорит он.

Костя с удовольствием пьет пиво. Он считает несправедливостью, что я уже поддат, а он нет, пока я пью один стакан, он уже наливает себе третий.

— А этот последний — так это что-то не то совсем. То есть написан нормально, может, даже интересно написан — неинтересна сама тема.

Но я не слушаю, о чем он говорит.

— Ты чего, может, фильм посмотрим?

— Принеси мне что-нибудь пожрать лучше.

Пока он на кухне, я звоню Марине на мобильный. Она не велит звонить ей с домашнего на мобильный, это дорого для нее, но я все равно набираю.

— Привет, — говорю, — как у тебя дела?

— А, это ты? Чего хотел?

— Как чего хотел? Тебя!

— Ну давай, быстрее говори!

— Я хочу сегодня тебя увидеть.

— Зачем?

— Мне надо.

— А мне?

— Понятно! — Я бросаю трубку.

Телефон звонит, и я по инерции беру трубку. Обычно-то в гостях я этого не делаю.

— Не бросай трубку, когда говоришь со мной! Кто тебе позволил бросать трубку?

И она сама бросает.

Ну а я здесь кладу трубку на аппарат — на этот раз плавно. Сердце делает удар за ударом. Я чувствую, будто меня поместили в ледяной кусок дерьма. Костя приносит по бутерброду мне и себе. Мы допиваем пиво.

И я опять оказываюсь на улице. Я иду к драмтеатру, курю, я втаптываю почву со злостью, я уверен, что Марина там вместе с этими типами, с которыми она играет. Пианистка великая. Группа парня, которого зовут Синоптиком. Что за прозвище? Синоптик. Что за тип?

Уже начинает темнеть. Я тороплюсь. Интересно, я наваляю Синоптику, если придется? Почему я об этом подумал? Группа. Репетиции. Знаю я эти репетиции: курят траву весь день. И Марина с ними?

Я иногда не против покурить, если есть что, но она хотела бы, чтобы я вместо пьянства любил накуриваться.

Говорил бы: «Отличный план».

Или: «Ничего себе махорочка».

Или: «Нет, та, вчерашняя трава, была лучше, эта явно разбодяженная, но курить можно».

Марина, наверное, чувствует себя гурманом. Как эти элегантные мужчины, в существовании или, по крайней мере, в утонченности которых я сомневаюсь. Те, что говорят о вине: «Гм, смелое, но наивное, доброе, но немного наглое», типа этого ерунду. Нет, помню момент истины, когда Марина месяц с лишним назад позвала меня затираться. В смысле, тереть коноплю за «Химпромом». Да ни фига не умеет она затираться! Я, человек, специализирующийся на пьянстве, затираюсь в двадцать раз лучше нее!

Но сейчас я сижу на лавочке возле драмтеатра, мне холодно, чтобы радоваться, обстоятельства не те, я сижу и курю. Я курю и матерюсь. Курю и матерю Синоптика. Я отхожу за сигаретами, мне хватает только купить поштучно. Я сразу закуриваю возле киоска.

Вот они. Вижу Марину и трех типов. Синоптик, полагаю, и есть этот странный тип, на котором надеты шорты поверх штанов. У меня хорошее зрение, он весь в пирсинге, я вижу это отсюда. В беседе он лидер, думаю, его слушают два остальных идиота. И Марина. Я подхожу к Марине. Привет, мол.

Она недовольна, это видно.

Синоптик вопросительно произносит мою фамилию, протягивая руку.

— А ты Синоптик, что ли? — отвечаю без радости этому знакомству в голосе.

Он смотрит на меня, будто я недостаточно вежлив с ним.

— Пойдем, — говорит Марина.

И мы отходим метров на десять.

— Зачем ты пришел?

— Гуляю.

— Говори.

— Что говорить?

— Что ты хотел сказать? Говори, что хотел сказать, или гуляй дальше!

— Что с тобой такое?

— А что с тобой такое?

Она отворачивается, чтобы уйти, но я хватаю ее за локоть.

— Отпусти.

— Марина, что случилось?

— Ничего, с тобой что?

— Пойдем прогуляемся. Что происходит?

— Почему ты приходишь так, не предупредив, я тебе что-то должна? Ты хочешь мне что-то предъявить?

— Я хочу понять, что происходит. Мне нужна ты.

Мог ли я когда-нибудь подумать, что так буду говорить? Заплясал перед ней я. Вот как заплясал, ссыкун.

— Ты хочешь, чтобы я жила у тебя в шкафу? Хочешь поставить меня на полку?

Я набираю воздух.

— Скажи мне просто, если ты хочешь, чтобы все закончилось.

И тут я жалею, что это сказал. Я вспоминаю, с чего все у нас началось: это почти год назад, нет, месяцев девять назад, тогда я неудачно сдавал сессию. И меня познакомил с Мариной Чемоданов. Высокий, тогда он учился на третьем курсе филфака. А его девушка училась в институте культуры на третьем или еще каком-то курсе. И он говорил, что их парочка влюблена в Марину. Что они так хотят замутить на троих. «Ах ты, Чемоданов, — думал я, — грязный ты пронырливый жулик! Одной тебе мало, засранец ты этакий!» Губешку он не на шутку раскатал, зубы точил-натачивал.

В один прекрасный день, в день моего очередного провала зачета по фонетике, мне сказала однокурсница (моя), что Чемоданов ждет меня на крыльце. Я вышел. «Пойдем, Евгений», — сказал Чемоданов. Мы молча дошли до магазина. Он купил маленькую, пол-литровую, бутылочку крепкого пива, выпил залпом и заговорил:

— Сегодня я сказал ей, что люблю ее. Я сказал, что так нельзя!

Он говорил и пинал сугроб.

Я стоял и смотрел.

Чемоданов, человек с бородой.

— Я сказал, что нужно что-то решать!

Он пинал и пинал сугроб.

Чемоданов, человек с бородой, стекающей с подбородка на шею.

— Я сказал ей: либо все, либо ничего! И она сказала: ладно, ничего.

Он остановился отдышаться.

Чемоданов, человек и пароход.

— Хорошо, мне должны дать компенсацию за проездной. Только нужно найти мою старосту, — сказал я тогда.

И мы пошли с ним за деньгами, чтобы залить его горе. С этого и начались мои отношения с Мариной, с того, как я сказал Чемоданову, что мне она тоже нравится. После спектакля Чемоданова я сказал это честно. Я вдруг понял, что она красивая. Чемоданов был убедителен. И скоро мы пошли с ней гулять.

И теперь я задал вопрос как-то немного по-чемодански, мол, все или ничего, давай, дескать, вот мы какие. И я стою, замерзший и пьяный, и нас с Мариной будто не связывает все это время (хоть и с перерывами).

— Просто, — говорит она.

— Что просто?

Она отвечает раздраженно, как человек, который должен пояснить свою остроту:

— Ты сказал, если все закончилось, сказать «просто»!

Она отворачивается, чтобы уйти, но я хватаю ее за локоть.

— Отпусти меня! — она вскрикивает свое отпустименя специально так, чтобы услышала ее музыкальная братия.

Они поворачиваются на нас, а я быстро отворачиваюсь, пинаю что есть силы урну и ухожу. Чуть ли не бегом бегу, лишь бы скрыться от них, лишь бы найти убежище, местечко укромное какое-нибудь.

...Я просыпаюсь позже двенадцати с похмельем и без особого желания что-либо делать. Очень противно мне, маленько брезгаю быть собой, вот что происходит. Хорошо еще, что дома никого нет, не ходят, не гремят. Знаю, что скоро настанет момент, когда я от начала до конца промотаю в голове вчерашний день, что мне придется столкнуться со всем этим бредом лицом к лицу.

Дело в том, что домой я попал только утром. Вчерашний день растянулся до сегодняшнего утра, и то, как он тянулся, меня не радует. Меня не радует, что я окончательно изуродовал этот и без того некрасивый день.

Смотрю в зеркало в коридоре. Весь мой лоб в царапинах, которые сделал я сам. Чтобы посмотреть на затылок, мне приходится сходить в ванную за еще одним — маленьким — зеркалом. На затылке у меня проплешина. Такая дебильная, каких в жизни я не видел. Ее я сделал не сам, но косвенно помог ей там появиться. Только, пожалуйста, пусть все забудется. Но нет: мне еще не раз в мыслях придется пережить основные события этой идиотской ночи. А потом я буду возвращаться и возвращаться к тому счастливому началу моей вчерашней прогулки, когда я вдруг обратил внимание на свои ботинки. Я бы отдал их, к чертям, чтобы убрать этот день. Выкинуть его из истории человечества куда подальше! Зачем мне приспичило встретиться с Мариной? Гулял бы себе, радовался бы, что у меня есть светло-коричневые ботинки, мечтал бы о том, как напишу повесть какую-то говенную. О-о-ой, писатель херов! Мои внутренности стонут от отвращения, что им приходится быть внутренностями такого мудака.

Мне нужно было пойти в парикмахерскую. Вот что нужно было — привести себя в нормальный вид для начала. Чтоб найти денег, пришлось порыться по отцовым карманам. «Но я верну, — думал я, — положу обратно до того, как он заметит. Полтинник всего-то».

...Теперь я в парикмахерской — жду своей очереди. В кармане я нашел жвачку. Фруктовая, подловатая, конечно, вкус подловатый, но лучше, чем ничего. Сижу, и армия жужжащих, зудящих больных огненных мыслей стучится в дверь моя. Видишь, дома нет никто! Но они не видят этого, они видят, что кто-то есть.

Пытаюсь использовать один прием, о котором читал года три назад в книжке. Фантастика, взял наугад ночью в кладовке, прочитал и забыл, но оказалось, что не зря. Вспомнил теперь. Будущее. Мужик хотел совершить преступление,

но специальные охранники читали мысли. Чтобы заблокировать свои намерения, ему пришлось заучить мерзкую песенку из тех, которые если начнешь напевать, то уже не остановишься. Он тараторил ее про себя, и песенка не давала охранникам проникнуть глубже в его голову. Знаю я одно стихотворение, на английском учили в школе. Ну его хоть на японский переводите, хоть на суахили, по-моему, нужно ой как сильно постараться, чтобы испортить этот шедевр. Диалог Генри и Лизы:

- У меня дырка в ведре, дорогая Лиза, дорогая Лиза,
у меня дырка в ведре, дорогая Лиза, что я должен делать?!
- Ну возьми и залепи ее, дорогой Генри, дорогой Генри,
возьми и залепи ее, дорогой Генри, залепи ее!
- Но чем мне залепить ее, дорогая Лиза, дорогая Лиза,
чем мне залепить ее, дорогая Лиза, что я должен делать?!
- Ну залепи ее грязью, дорогой Генри, дорогой Генри,
залепи ее грязью, дорогой Генри, залепи ее!
- Но где я возьму грязь, дорогая Лиза, дорогая Лиза,
где я возьму грязь, дорогая Лиза, что я должен делать?
- Ну смешай пыль с водой, дорогой Генри, дорогой Генри,
смешай пыль с водой, дорогой Генри, залепи ее!
- Но где мне взять воду, дорогая Лиза, дорогая Лиза,
где мне взять воду, дорогая Лиза, что я должен делать?
- Ну принеси воду в ведре, дорогой Генри, дорогой Генри,
принеси воду в ведре, дорогой Генри, залепи ее!
- Но у меня дырка в ведре, дорогая Лиза...

И все с самого начала. Закольцовано, как в том анекдоте, где воробей на спор влетает слону в хобот, чтобы вылететь из задницы, но слон засовывает хобот себе же в зад, обрекая воробья на бесконечный полет, и говорит: «Вечный кайф». У меня, в отличие от слона, радости немного, но стишок про Лизу и Генри — лучший вариант сейчас для меня, вот что я думаю. Это будет куда круче, чем «У попа была собака». Отличный макет отношений между любыми мужчиной и женщиной. В зад все отношения, дорогая Лиза, дорогая Лиза! Дорогая Марина... Блин!

Я сажусь в кресло.

— Ой, что это? — спрашивает женщина-парикмахер с чуть видными усиками.

Это она про мою проплешину.

— На работе опалили волосы. Подстригите так, чтобы не было видно.

Не рассказывать же ей правду. Хотя хотелось бы. Хотелось бы вскрикнуть: «Тетенька-парикмахер! я такой нелепый! я такой несчастный! как мне жить и смотреть в глаза людям?!» — и разрыдаться, и рассказать все как было.

У меня плешь на голове, дорогая Марина, дорогая Марина. Плешь на голове, дорогая Марина, которую ты мне сделала!

— Налысо стричь?

— Ну коротко, но не совсем налысо.

— Под спортивную? Но будет заметно.

— Долго?

— Через несколько дней, наверно, зарастет.

— Давайте.

Дружелюбная такая тетка. Но я сижу напротив зеркала. Смотрю в него, вижу там свой расцарапанный лоб. Теперь стихотворение просто становится фоном у меня в голове. Оно стучит, своеобразный и нелепый речитатив, задает ритм, становится фоном моих же своеобразных и нелепых воспоминаний то есть. И мне никак не отделаться ни от стихотворения, ни от воспоминаний. Сейчас я невольно засовываю хобот себе в зад, и воробей памяти будет летать кругами по моему нутру, а я буду опять проживать раз за разом кульминационный момент наших с Мариной отношений. Но в этом нет никакого кайфа.

Дорогая Лиза, что мне делать? Я дурак, после того, как я вчера пнул урну, я не поехал домой. А только отошел на расстояние, откуда меня не было видно, и наблюдал за компанией, в которой находилась Марина. Злой, долго стоял и смотрел. Представлял себе, как я побью Синоптика, как запиная его. Полчаса я смотрел с другой стороны дороги, с остановки на другой стороне. Где-то через полчаса Марина и Синоптик отделились от двух других парней. Уже стало темно.

— И кем это вы работаете? — спрашивает дружелюбная тетка.

— Да так. Не по специальности, — говорю.

И она стрижет молча. По специальности я как раз таки работаю, балду пинаю днями и ночами! Хо, работничек. Блин. «Надо было говорить с ней о чем-нибудь, — думаю, — отвлекайся, Евгеша, отвлекайся разговором, вылезь из этой коробочки, в ней пахнет компостом! Не вороши!»

И я шел, дорогая Лиза, за ними на расстоянии, исключаящем мое разоблачение, но позволяющем мне видеть их. Они присаживались на лавочку, курили, проходили еще немного, опять присаживались, опять курили. Я подумал, что они идут на остановку, с которой Синоптик мог бы уехать домой. Он тоже живет в пригороде, насколько я слышал, только в другой стороне, не там, где я. Там они и репетируют, там дешевле или совсем бесплатно. И я решил поджидать их на остановке. И вот я встал, чтобы ждать непонятно чего. Их долго не было, я начал нервничать, решил, что упустил. Но я ждал, ждал, ждал. И наконец они появились. У меня к тому времени уже кончились сигареты.

Не вороши!

Синоптик заговорил со мной. Он не был настроен враждебно, но Марина была. А Синоптик хотел спросить, почему я так настроен. Мы перебрасывались разговорной шелухой, потом он спросил, чего я жду тут. «Не знаю, — ответил я, — домой не хочу ехать, не знаю, что делать». Марина молчала. Он сказал, что у него тоже такая ситуация, и предложил мне выпить с ними. Я спросил: «А Марина не будет против?» «А что Марина?» «Мы поссорились», — говорю. «А что у вас?» И я начал рассказывать Синоптику про наши отношения — специально, чтобы позлить ее, потому что она очень бесится от этих разговоров, а мне надо было отомстить ей. Синоптик оказался очень шустрым в разговоре. По ходу, ему там у себя приходится много терпеть из-за своего пирсинга. Сейчас я вспоминаю и думаю, что он меня подкалывал, а я, пьяный, не замечал этого. Я пытался увидеть его глазами Марины, и мне казалось, что он

в сравнении со мной не такой идиот. Мы купили бутылку водки и два литра пива. Почти на Маринины деньги, еще у Синоптика было чуть. И пошли в подъезд к Марине. Я и Синоптик запивали водку пивом, Марина просто пила пиво. И не говорила со мной, а только смотрела с неприятной полуулыбкой. Марина живет в двенадцатизэтажке, там большие окна на лестничных площадках, дверь в подъезд на ключе. Мы сидели на площадке двенадцатого этажа и пили, когда настала ночь.

А потом я сильно опьянел, дорогая Лиза, но это не оправдание, с пьяного спрос вдвойне, как говорится!

У меня дырка в голове, дорогая Лиза, и что я должен делать? Залепи ее, дорогой Алешкин. Залепи ее.

Я позволял всякие намеки себе в отношении Марины.

И она наконец не выдержала, встала и сказала:

— Урод, вали отсюда! Вали из моего подъезда!

Всего три этажа отделяли меня от большой кровати, на которой мы раз за разом, все сильнее погружаясь в мир удивительного, занимались одним из самых лучших среди существующих дел перед большим зеркалом. Кровать Марининых родителей. Но помимо этих трех этажей было еще много чего-то, что я упустил.

Теперь я стоял и тупо смотрел, не зная, что сказать.

— Что улыбаешься? Что ты лыбишься?! Вали отсюда!

Я не понял, как это произошло, но вскоре она уже била меня по лицу. Я пытался обнять ее. Но она выворачивалась. Потом толкнула меня, я схватил ее за руку крепко, она стала вырываться так дико, что я испугался и сразу отпустил ее. Она, видно, не рассчитала сил, так рвалась, что упала, когда я ее отпустил. Упала и заревела.

— Ты меня толкнул!

Она уже стояла за спиной Синоптика.

— Я не толкал!

Я сел и положил лицо, которое я потерял, как мало кто терял свое лицо, на ладони.

— Ты ударил моего пианиста!

Я повернул голову вверх, надо мной стоял Синоптик.

— Мне нет дела до ваших отношений, — говорил он, — но ты ударил моего пианиста.

— Ты не видишь, что тебе не стоит здесь находиться! — ответил я.

Каким бесстыжим должен быть человек, чтобы без зазрения совести присутствовать в такой ситуации.

— Это ты мне?

Потом:

— Тот, кто ударил моего пианиста, должен иметь дело со мной!

Но тут Марина начала обзывать меня такими словами, что я вскочил, оттолкнул Синоптика и побежал вниз по лестнице. На восьмом этаже я остановился. «Проучу эту маленькую сволочь! Она поймет, что к чему!» — с такими мыслями я разбежался, чтобы выпрыгнуть в окно. Меня — ту часть меня, которая наблюдала за всем идиотизмом со стороны, — охватила паника: «Неужели из-за какой-то маленькой дыры?..» Но я уже попал в ситуацию, как герой «Консервного ряда», который сказал повару, что хочет покончить с собой. А когда повар ответил: «Я слышал, что те, кто так говорит, никогда этого не сделают», он взял нож и зарезался, ощущая себя последним кретином. Я ощущал себя не лучше, тем более у меня даже повара тут не было, я сам себя подначил, сам себе захотел что-то доказать. Сам себе режиссер и сам себе повар, я бежал вперед головой, чтоб сигануть в большое окно, чтоб пролететь некоторое расстояние, и то ли споткнулся, то ли струсил, но мне не хватило силы, я пробил только одно стекло, а их было два. С грохотом стекло разбилось. Меня могло убить осколком сверху, такой он здоровый отвалился, или осколком снизу перерезать артерию, но этого не случилось. Я лежал в этих осколках, ощупывал лицо и шею, но не нащупал ни царапины. Какой позор! Даже этого не смог сделать! И я побежал дальше вниз по лестнице, пока не оказался на улице.

Но и тут мои помойные приключения, мои сортирно-лирические страдания, этот бред сивой кобылы не кончаются! Теперь я оторвал фонарь, который освещал вход в подъезд,

выкрутил из него лампочку и стал бить ей себя по голове. Я был самым невероятным клоуном в ночи, какие только существуют. Но сил у меня не хватало даже разбить ее. Тогда забежал с лампочкой за дом, нашел там какой-то кирпич, встал на колени. Я паренек изобретательный. Положил на кирпич лампочку, зажмурил глаза и с размаху опустил свой лоб на нее. Зачем я это делал? А потом лег в кучу листьев и смотрел на звезды.

Господь Бог даже не выглянул с небес, не высунулся из-за облака, чтобы покрутить пальцем у виска, хотя я был бы не прочь с ним пообщаться. У меня было что ему высказать, потолковать с ним маленько, кинуть говешкой-другой яркой ругани. Только он не вылез, ну да ладно, бог с ним. Но мне и так стало почти неплохо, и я даже вздремнул, подумав, что это как раз то место, на котором в рассказе можно поставить точку, а в действительности моему бредовому дню закончиться. Но не тут-то было: вскоре я проснулся и вскочил, стуча зубами от холода. Я обошел дом и стал пинать входную дверь, дурак, я ведь захлопнул ее, лишил себя возможности попасть в тепло. Со злостью пинал ее и пинал, но потом отошел и решил подтянуться на козырек над дверью, выбить окошечко в подъезд и пролезть. Что я и сделал. И у меня получилось — пьяные психи способны на многое. Я оказался в подъезде, побежал наверх, добежал до восьмого этажа. Марина и Синоптик были почему-то там, а не на двенадцатом, разговаривали рядом с лужей битого стекла, но я прибежал, им было уже не до разговоров, когда я прибежал, я прыгнул к моей Любимой Вечно и Безысходно Марине в ноги, вцепился в них. Она вскрикнула, перепугалась, видно. Стала бить меня по голове моей многострадальной, жечь волосы зажигалкой. Они вспыхивали то с одной, то с другой стороны, я тряс головой, чтобы затушить маленькие пожарчики, а Синоптик сзади тянул меня за ноги, я целовал Маринины колени, она была в слезах. Страх Страхович Страхов скрутил ее не по-детски, кишки набил ей льдом, видно. Люди боятся ненормальных. Но Синоптик все-таки смог меня оторвать от Марины. Я лежал в луже стекла, пытаюсь отдышаться.

— Что это с тобой? Ты нормально? — спросил Синоптик.

Он тоже дышал тяжело, физкультурой мы занялись неплохо, только без толку все равно. Я слышал, что спорт на водку плохо ложится, но, если бы и не слышал, додумался бы. Эти штуки надо по отдельности, не стоит совмещать. А лучше совсем ее, матушку, уничтожить всю, водку уничтожить, спрятать, увезти на остров Дураков!

Синоптик тоже был испуган. Он дал мне платок. «Вытри, — говорит, — лицо». Ах да, я и забыл, оно же в крови у меня, вот чего она так визжала — выглядел я невесело! То есть слишком весело.

Я, все еще лежа, немного вытер лицо. Потом я сел на лестницу, они смотрели на меня, но мне надоело чудить, я совсем сдулся, устал, если хотите, моторчик заглох. Сидел, и сидел, и смотрел в никуда. Потом я стал ощупывать голову, я думал, что волос на ней почти не осталось, но нет же: волосы еще были, Марина, как оказалось, спалила меньшую часть, хотя пламени было много и я думал, что стал чуть ли не лысым. Но тут я нащупал жвачку на затылке — я и не заметил, когда Марина залепила, — и стал ее (не Марину, а жвачку) выдирать, но так, на автомате, не думая о ней, она меня не напрягала, просто руки работали, а я все смотрел себе, все продолжал пялиться в никуда. И уж чего там мне виделось, кто разберет.

— Давай помогу, — сказал Синоптик.

Я положил руки себе на колени. Синоптик пытался теперь отделить от меня жвачку. Потом присоединилась Марина. Они вдвоем там что-то делали. Марина стояла, я сидел, я обнял ее ноги, она не сопротивлялась.

— Теперь тебе придется подстричься, — сказала она сверху.

— Ну ведь ты все равно будешь любить меня? У нас все хорошо будет? — спрашивал я из своего мутно-лилового далека, в которое вдруг попал.

Из детства в мягкой кровати со сладким чаем и печеньем, со сгущенкой, с кефиром в древних бутылках с широким горлышком — я говорил с другого берега, с кисельного берега. Но слова хоть и перелетали через молочную реку, оценивались не так, как мне бы хотелось.

— Конечно, буду. Еще как буду. Больше, чем прежде.

Я даже не замечал ее интонаций, не хотел замечать.

Я был трехлетним ребенком, или трехдневным младенцем, или не знаю кем. А они колдовали у меня на голове — помогали мне избавиться от жвачки, сволочи, зажимали стекляшками, осколками, на которые я разбил стекло, склеенные жвачкой клоки волос и выжигали их зажигалками. Я-то ничего не сообщал, я так и сидел, пока они не собрались за сигаретами. И мы все пошли вниз по лестнице. Но, выходя из подъезда, Марина увидела еще одну лужицу осколков и стала материть меня так страстно, что я даже очнулся и пошел на остановку, и, пока ждал своего автобуса (они как раз начали ездить), у меня в голове все еще жили выражения, которые она там поселила. Они и до сих пор живы, и надолго останутся, думаю...

— Семьдесят, — говорит приветливая женщина с усами.

Опс. Я смотрюсь в зеркало: меньше волос, лучше видно царапины.

— У меня только пятьдесят.

Приветливая женщина с усами становится просто женщиной с усами. И даже, я б сказал, неприветливой женщиной с усами.

— Вы смотрите на прейскурант, когда приходите в парикмахерскую! У нас не благотворительное общество!

Моя рука повисла в воздухе с полтинником между пальцами. Нелепая, долго. Я начинаю опускать уже руку, но женщина, заметив это, берет деньги.

— До свидания, — говорю.

Но она не отвечает, она недовольна. Я кинул ее на двадцать рублей. Это мне немного поднимает настроение.

«Может, есть и плюс», — говорю я себе. Теперь к определенной разновидности нелепых ситуаций у меня иммунитет. Но с другой стороны, возможных нелепых ситуаций — бесконечное множество. И разновидностей бесконечное множество. Так что какая разница? Лучше не болеть совсем, чем проболеть и стать неизлечимым для этой болезни, так я думаю. «Ну ладно, — говорю я себе, — посмотри на это по-другому, ты же писатель, ты должен

знать все стороны. Смотри на все как на опыт. Отрицательный результат тоже результат и прочее». «Но получается, — отвечаю я себе, — что тогда можно мне начать целенаправленно вести себя как последний мудака, выдумывать все новые трюки, специально попадать в происшествия и, получив интересный новый опыт, писать об этом?» Чушь. Чушь полная. Это как соевое мясо, резиновые женщины, как фаллоимитаторы! Вагины из сверхреалистичного материала! Хо, дорогой Евгений, дорогой Евгений! Все должно быть по-настоящему, не пудри мозги, не надо. И не думай даже создавать подделку!

Сжал зубы. Мне нужно стать новым человеком. Я должен быть Евгеном, который тверд, как камень. Который может постоять за себя, который знает, как себя вести, который найдет что сказать. С ним больше такого не произойдет. Вот моя сверхзадача. Моя повесть (роман?) будет не писком желторотого пацанчика, жалкого мудака, который машет кулаками фонарному столбу! Отныне никаких слюней с барышнями, никакого пьяного нытья. Пора разгрести место для твердости, настоящего мужества и литературы! ...Правда, этот подленький скептический предатель внутри меня веселился по полной программе. Держался за живот, пел гимн Советского Союза, кривляясь. Потом разошелся совсем: показывал хилые мышцы, даже пару раз пукнул подмышками, но я сжался и не поддавался ему. Удавалось не очень хорошо, но и это лучше, чем ничего.

Залепи ее грязью, дорогой Генри, или дорогой я, или дорогой еще какой-то хрен с горы. Любая проблема — ерунда, главное — не суетись. Стань уже мужчиной, тебе уже 18. Я буду трогать затылок, там еще чуть заметен выжженный участок, но с каждым днем он будет зарастать, с каждым днем я буду чувствовать себя все лучше. Я скручу воспоминания о Марине, хотя ее не так зовут, и, вообще, хватит о ней, наверное, уже. Скручу воспоминания в бараний рог, значит, растопчу их, плону, забуду, засмеюсь на них так, что стены содрогнутся, выбьет пробки, да чего там, ну ее...

Я И МОИ БЕЛКИ

На днях я уезжаю в Москву, и поэтому мне сегодня позвонила девушка и сказала, что надо меня проводить. Я не хочу говорить, как ее зовут, а придумывать ей другое имя у меня нет настроения, поэтому я буду называть ее Капустой. Это глупо, я это понимаю, но ладно. Хорошо, говорю, бери с собой Морковку и приезжай к Игорю, там все вместе зажжем. Мы пойдем в гости к Игорю. Когда я уеду, говорит он, я все равно должен быть редактором прозы в нашем журнале. Присылать ему суперавторов. Мы делаем сетевой журнал вообще-то, но мы уже на месяц тормозим выход второго номера. Сидим и ждем Капусту и Морковку, едим картошечку и выпиваем. С нами еще наш друг, гей Андрюха, у нас есть персональный голубой друг как показатель качества жизни: мы писатели, редакторы журнала, есть друг-гей, мы продвигаем культуру. Такая брехня.

— Евгений, — говорит Игорь, — я зарекся не пить, а тут ты. Но с другой стороны, уезжаешь — дело святое.

...А, ну все такое, ладно, я лучше перепрыгну часа на четыре вперед... Мы с Морковкой закрылись в комнате, лежим себе с ней на кровати голые. Она в чулках только. И я ее обнимаю и целую, мы только что занимались сексом. И я опять ничего не понимаю, как мне жить. Дело в том, что меня терзают чувства, у меня что-то трещит внутри, я хочу, чтобы это позже произошло с ней у меня опять обязательно. Я уже два года как

знал, что мы обязательно займемся с Морковкой этим, хотя и ухаживал за Капустой периодически, но это не назовешь ухаживанием, это бред. Но у Морковки такой взгляд, как будто она в любой момент может сойти с ума, разбить бутылку, сделать розочку и нарисовать что-нибудь у себя на теле ранами. Капуста симпатичней, но у нее нет этого страстного крика, который застыл на лице у Морковки. Блин, я пытаюсь сказать о чем-то важном Морковке, мы лежим с ней, и я спрашиваю:

— Как ты думаешь, Капуста на меня обиделась?

— Да. Она мне сказала, что она любит тебя, а ты любишь ее.

Меня съедивает изнутри, я чувствую себя сволочью.

— Да с чего она это решила?

— Ты сказал.

— Да? Наверное, правда, сказал.

— Сказал-сказал.

— Да, я, по ходу, говорю лишнее. Но мне кажется, что я всегда говорю изнутри, понимаешь, когда я говорю о чем-то, я верю в это, а потому все превращается в говенную кашу.

Мы так лежим, я ее обнимаю, мы опять занимаемся сексом. Я не знаю, что там делают в соседней комнате Игорь, Андрей и Капуста. Безграничный космос вокруг меня, мне страшно, мне прекрасно и невозможно, Морковка в чулках. Тьфу ты, имена. Морковка, пуговицы от штанов, журналы, поэзия, общественный транспорт, измена, любовь к женщинам, любовь женщин, мне очень вкусно целовать ее в промежность, потом мы делаем это на полу, а я все не могу кончить — наверное, от растерянности.

А потом я слышу, что в коридоре началась какая-то суета, я встаю и собираюсь выйти.

— Ты оденься, — советует Морковка.

Я надеваю штаны, выхожу, там, в туалете, какой-то дед орет на Игоря, что его затопили. Они вдвоем ползают вокруг унитаза. Я захожу опять в комнату к Морковке, говорю: «Никуда не уходи». Надеваю что-то из ее гардероба — типа бюстгалтера, выхожу и смотрю на деда. Он вот такими глазами смотрит на меня, но все равно они с Игорем ругаются. Не очень-то дед испугался, хоть и удивился сильно.

— Где? Тут у меня ничего не протекает!

— У меня с потолка течет!

— Да посмотри! Где? Целый бачок!

— У меня течет с потолка!

И тут Игорь совсем что-то несет:

— Вы и так все мою мать тут мучили! А теперь я вам не позволю! Она всегда молчала, а теперь я вырос! Ее заливали сверху, и вы снизу долбили по батарее...

И мне надоело смотреть, и я пошел к Морковке. Мне захотелось, чтобы она была еще более женственная, и я снял с нее чулки.

А потом Капуста среди ночи собралась куда-то уезжать. Домой. Я, наверное, окончательно просрал ее доверие, я ей звонил и признавался в любви, а мы тут устроили с ее подругой черт-те что. И у меня даже не заиграла совесть, я решил, что я теперь люблю их обеих, а еще люблю Олю кое-какую. И еще люблю Аню, с которой прожил три месяца в Москве, на которой собирался жениться. Но еще я собирался жениться на Наташе, моей бывшей подгруппнице. Боже мой! Капуста забрала Морковку, они же подруги.

— Ты что, уедешь?

— Да, я уеду. Ты же понимаешь?

— Нет. Может, не стоит? Я понимаю, что вы подруги, но, может, не стоит?

Я поцеловать только и успел на прощание и записать имейл успел.

Я надел шапку и сел на кровать. Голый и в шапке сидел. Пришел Игорь.

— Пошли к нам в зал.

Я зашел в зал к Игорю и Андрею, и мы скурили по последней сигарете. А Игорь рассказывал:

— И вот я спускаюсь к ним, пока вы там... А они говорят: «Ну вот, посмотри», а у них и не протекает-то ничего в туалете, а я зашел. Там пятно-то — у меня так постоянно на кухне. Ну я с собой фотоаппарат взял. Я щелк, щелк. Они: «Что ты делаешь, Игорь?!» «Да что у вас тут протекает-то?!» Я щелк, щелк!

Они: «Что ты делаешь, прекрати фотографировать». Правда, я объектив забыл открыть, ну это ничего страшного. Ну я говорю: «Это я буду использовать против вас в суде!»

И еще он рассказал:

— А один раз мы так же сидели, пили. Тебя не было, да? Вон Андрей был, Патра был... А у нас музыка играет. А они снизу стучат по батарее, чтобы тише сделали... Я им в ответ постучал. А они опять. Тогда я беру трубку и звоню им. Патра чуть со смеху не подох. А я еще голос сделал серьезный, такую чувшь... Это, говорю, вас беспокоят с первого этажа, из кафе «Встреча», администратор. Вы стучите по батарее? Ваш стук вызывает вибрации у нас в зале. Вы не могли бы прекратить? Ну они извинились, сказали, что «понимаете, мы не хотели вам помешать, это соседи сверху музыку крутят».

— И они не поняли?

— Ну дней через пять я встретил бабку, жену деда, который приходил сегодня... Он, наверно, в шоке: девчонки, гей на кухне да еще ты надел эту штуку женскую... Ну вот, я встречаю бабку, она: «Игорь, ты зачем нас так обманул?!»

— Наверно, дней через пять поймут, что ты им опять впаривал тут...

А потом я сижу на кровати, на которой больше нет моей Морковки. Сижу все еще голый и в шапке. Мне тоскливо. Я сижу, одной рукой держу бутылку из-под водки, а в другой зажигалку, опалил ей немного волос на лобке у себя. Игорь заходит.

— Ты что, Евгеша? Пойдем в зал спать.

— Я борюсь со своими делириями, — говорю.

— Ты себе член поджаришь.

— Я голый суперкороль в короне. Мои делирии, мои белки пришли за мной, но я буду сражаться!

А потом мы всплакнули в зале. У Игоря проблема: он прогнал свою гражданскую жену Таню, любит Соню, а она живет в Томске и все такое. Знаменитая истерика а-ля Кузнецов в его собственном исполнении. И у меня то же самое. Я лег и в подушку издал всхлип, который долго вырывался из меня. Игорь с Андреем, может, поняли, что в этом всхлипе: то, что я хочу все

поменять, что я уже третий раз уезжаю в Москву, что я не знаю, как быть. То, что я уже черт-те сколько раз учился на первом курсе. Что я хочу писать рассказы, которые бы взрывали мозги, что я схожу с ума из-за того, что на нашей планете изобрели секс. Что я, прошу прощения, срал в уши Капусте уже два года, а занимался любовью с ее лучшей подругой. Что мы все очень одиноки, а мир страшен. И еще я сегодня соврал, что написал произведение, а на самом деле я уже месяца три не садился ничего писать.

— Давайте спать.

И тут я заметил, что я все еще голый и в шапке. У меня склонность к эксгибиционизму. Я гоняю голый и в шапке. И моральная склонность к эксгибиционизму. Поэтому я пишу автобиографические рассказы от первого лица. Мне нужно показывать свою жизнь кому-то, в этом дело, или она пройдет совсем бессмысленно. Игорю тоже надо, поэтому он сейчас плачет, что прогнал Таню. Она-то все время была рядом, смотрела на его эксгибиционистские пляски, на то, как он размахивал своим внутренним миром.

Игорь отправил Тане на телефон сообщение, что теперь он хочет ее вернуть, что он бросит Сою.

— Тут по телевизору показывали ужасы, — сказал он со слезою в голосе, — а я смотрю, вспоминаю, как мы смотрели с Таней. И ей стало страшно пойти в туалет, и я пошел с ней...

Он ждал ответа от Тани, но ведь было пять утра. И тогда он еще отправил сообщение Таниной сестре на телефон: «Скажи своей сестре, что я ее люблю».

А ведь с нами Андрей, он очень одинокий гомик, но он неприметный, он, видимо, страдает, потому что он один раз напился и предлагал нам минет, но мы сказали: «Чего ты, Андрюха, прекрати!» Но обычно он неприметен для меня. Я не слышу, о чем он говорит, я не запоминаю его разговоры, а только его контуженый смех.

— Осторожно, ребята, — говорю в подушку, — на меня могут напасть белки! Убейте белок, я ненавижу только этих животных! Стреляйте, стреляйте белок! Убейте феномен запоя!

Игорь дал мне Сонину рубашку и сказал, что спасет меня от белок. А зачем еще нужны друзья?

— Гонял тут голый в этой шапке, пока я не дал тебе Сонину рубашку.

— Это шапка ебаря, — говорю.

— Шапка ебаря?

— Да, я овладел Морковкой в шапке ебаря.

— У тебя теперь появилась и шапка ебаря к очкам для кун-нилингуса... Ты скоро так без этого не сможешь.

— Да скоро мне понадобится целое снаряжение: шапка ебаря, очки для куннилингуса, шнурки для анального секса, наколенники и налокотники для секса на полу... Мое снаряжение будет весить больше, чем форма хоккеиста!

— А как я спасал тебя от белок вчера?

— Помню. Страшно стало.

Вдруг я подумал, что мне уже 20, я уже взрослый.

— А как ты думаешь, у тебя с барышнями перевалило за 50 по количеству?

— Да, конечно. А у тебя?

— Не знаю, — говорю, — по-моему, нет. Хотя, может, и да. Но мне можно простить, я позже тебя начал, и ты меня на два года старше. Еще наверстаю. Хотя это ерунда какая-то. Может, лучше, если меньше? Всегда как будто отрываешь от себя кусище.

Мы докуриваем бычки, пытаемся прибраться.

— Давай-ка журнал доделаем, — говорю.

— Нет, давай сейчас не будем.

Утро, Андрей уже ушел. Хотя какое там утро, уже полчетвертого. Игорь чистит картошку. Жарит. Потом мы пытаемся ее поесть, но что-то не очень получается. Я беру вилку и борюсь с едой.

— Не очень получается.

— И у меня.

— Давай чуть позже.

У нас по здоровенной порции, мы делаем перерыв, чтобы потом с ней, картошкой, расправиться.

— А все-таки легче становится, чем ты старше, — говорю Игорю, — понимаешь, что старый добрый сунь-вынь — это всего лишь он.

Ну-ну. Почему я это сказал? Враки, ничего не понимаешь.

Игорь говорит, что мы культуртрегеры. Я не знаю, где он откопал это слово, но, судя по всему, оно значит, что мы продвигаем культуру. Еще он говорит, что он хедлайнер. На вопрос, что это такое, он гордо отвечает: «Я». Да вы бы послушали наши беседы, и правда — настоящие культуртрегеры. Мы говорим о вагинах, о том, как здорово было бы, если бы из одного крана текла водка, а из другого пиво, и еще о машинке, останавливающей время. Что вот было бы неплохо: остановил время, зашел в магазин, взял что надо, нашампурил какую-нибудь девушку. Жизнь! Так мы и продвигаем культуру: накидываемся, сидим без работы и говорим о всякой ерунде. А еще мы недавно провели поэтический фестиваль, к нам приезжали иногородние поэты. У Игоря в туалете даже грамота висит. На этом фестивале, на неофициальной его части, я и мой друг Симанович изобрели очки для куннилингуса. Мы запатентуем идею и наладим выпуск. Потом в ход пойдут очки для минета. А потом унисекс: «Вам с женой надоело, что вы путаетесь? Она надевает ваши, а вы ее? Теперь эта проблема решена! Очки КИМ (куннилингус и минет) унисекс! Вы просто будете надевать их по очереди, доставляя друг другу удовольствие!»

Короче, мы вносим вклад в культуру, выпускаем сетевой журнал «Знаки». Я придумал слоган: «Литература, которой можно забивать гвозди».

Мы недавно проснулись. И едим картошку, в несколько заходов мы с ней обязательно справимся.

Игорю пришел ответ от Тани, где она сказала, мол, чего это ты. Ведь ты же любишь Соню. Игорь сидел и был озадачен, что бы ей написать в ответ. Она, наверно, поймет, что спяну это он любви опять захотел. Я посоветовал ответить: «Правда, чего это я». Он так и сделал.

А потом Капуста написала Игорю, что забыла шапку. «Как мне забрать?»

«Приезжаешь, занимаешься со мной сексом и забираешь», — ответил я за него. «Проще новую связать».

— Ты скажи ей, что это не я, а ты ей эсэмэски пишешь, — говорит Игорь.

«Это не я, а Женя, так что подумай еще», — пишу я. «Вчера был его последний шанс».

— Хм... Это не я, а Женя... — говорит Игорь. — Это Саня ко мне приходил Фильку покормить, когда я к Соньке ездил. А мне дядька Юра звонит, спрашивает: «Игорь, это ты? Ты приехал?» А Саня: «Нет, я еще в Томске». Юра не очень-то понял.

И еще Игорь поведаль:

— А еще Саня один раз рассказал, как он шел со своей девушкой куда-то и ему захотелось в туалет... Он сказал ей, что у него срочные дела, договорился встретиться через полчаса. А сам он сорвался куда-то за гаражи и ходит, думая, как же это он справится без туалетной бумаги? Но тут наткнулся на какого-то гопника, тот спрашивает, что, мол, ты, парень, суетишься? А Саня отвечает, мол, покакать охота... Гопник сказал ему, что у него тоже такая проблема. Они сели в две каски — зарубились, гопник дал ему туалетной бумаги, пожали друг другу руки и разошлись...

— Телефон у парня не взял?

— Нет. Я тоже расстроился по этому поводу.

Картошки потихоньку становится меньше. Я бы очень хотел рассказать что-нибудь важное обо всех девушках, которых я упоминал, но я думаю, что у меня не получится. Но это важное для каждого свое, и мне не хватает слов.

Я решил пойти от Игоря пешком. Скоро я буду в Москве. На улице холодно. Внезапно я очень обрадовался, что протрезвел. Очень жаль, что так получилось с Капустой, что она обиделась, но я очень рад... Нет, не буду называть ее Морковкой! Это был самый идиотский ход. Короче, что у меня с ней получилось. Может, она вспомнит, как нам было хорошо, и у нее не возникнет желания резать себя битой бутылкой... Батек сказал мне как-то, не помню к чему, вот, мол, знаешь,

я один раз иду с парада домой в обход, другой дороги не знаю, мне десять или чуть больше лет, я очень счастлив, что я живу в этом городе, что меня приняли в пионеры, что у меня есть папа и мама, что небо голубое, а асфальт серый, солнце и Ленин. Вот так и я сейчас возвращаюсь в дом, который через пару дней опять надолго покину. У меня светлая действительность, все как у Сарояна. Я смотрю на мир сквозь волшебные очки для куннилингуса, гуляю по Внутренней Ебландии, люблюсь природой. Космос вокруг.

2005

РОЗОВЫЙ ДНЕВНИК РОМАНИСТА

Рейс на несколько часов задержали. Но мне хватило силы воли, чтобы в баре выпить только одну кружку, потому что известно, какие цены в барах аэропорта. Я зашел в книжный, но там не было моих книг, и тогда я зашел в магазин сувениров. Там вообще было непонятно, чем заниматься, хотелось скорее попасть в самолет. Я уже изрядно устал от Москвы, к тому же затянулись дела с этим дурацким разводом. И еще мне не дали «Букера» за роман «Внутренняя Япония», хотя он был значительно лучше того, что написала Z*****, которой «Букера» дали. Ладно, я был впервые в финале премии, я был слишком молод, а в моем романе, несмотря на то что я продал душу дьяволу и написал его с определенной долей расчета, осталось в нем еще что-то свежее, и они не могли дать премию мне. Ладно, я где-то полтора часа прождал в аэропорту, думая о литературе, думая о моей бывшей жене, даже один раз всплакнул чуть. Но потом все-таки я попал в самолет, и настроение тут же поднялось. Я люблю летать. Мое место было возле иллюминатора, я уселся, собрался вздремнуть, но тут появилась молодая мама с говнистым ребенком лет семи. Он сел посередине, рядом со мной, критически оглядел меня и решил не вступать со мной в контакт. А она села, соответственно, возле прохода. Лет 30, мой любимый возраст. И пока мы взлетали, я все смотрел ей в вырез блузки. Паренек, видно, запалил, куда я смотрю, и заревновал, потому что он таки дернул маму за рукав, сказал:

— Мам, — и прошептал ей что-то на ухо.

Жадный говнистый ребенок.

Она тут же резко посмотрела мне в лицо, отрезав моему взгляду путь к ее груди, ожидая, видимо, что я вспыхну ярким пламенем и отвернусь к иллюминатору. Но я ведь не вчера родился, я не вспыхнул, а вместо этого спокойно, благодарно моргнул, даже кивнул веками, говоря спасибо. Поэтому она сама слегка смутилась даже и взяла какой-то журнал. И сделала вид, что ей интересно это читать. А я же продолжал поглядывать на ее грудь, но теперь исподтишка, потому что сынок стоял на страже и, как я уже сказал, выглядел говнистым и из-за него могли возникнуть проблемы. Тем не менее к тому моменту, как мы взлетели, у меня стоял так, что я боялся, как бы мой член не лопнул. Поэтому я взглянул еще раз в вырез, пытаюсь сфотографировать в сознании то, что вижу, поднялся, выбрался, повернувшись задом к моим спутникам, чтобы не выбить молодой маме глаз членом, и помчался в туалет драть.

Самолет тряхнуло в ответственный момент, и я не мог сконцентрироваться. В туалете было неудобно, я был возбужден, но не мог кончить. Если бы мне выйти, дойти до своего места, еще разок взглянуть на нее. Такой шаг может быть неправильно истолкован. Но образ молодой мамы стал рассеиваться, я слишком малую все-таки ее часть увидел, хотя и думал, что я уже запечатлел ее достаточно. И теперь я будто тягал гирию, и ничего у меня не получалось. Поэтому я стал вспоминать случаи из своей практики. Пока я был женат, я ни с кем не спал, кроме жены (а последние полгода даже с женой — а воспоминания о сексе с ней меня больше вообще не трогали), поэтому приходилось выуживать из архива как минимум четырехлетней давности. Порнографии я тоже посмотрел много, но она мне помогает только в момент непосредственного просмотра. В случае же отсутствия экрана с совокупляющимися людьми, когда приходится рассчитывать только на свои руки и мозг, я использую исключительно свои воспоминания о былых подвигах. Но я их уже давненько не совершал.

Просмотр слайдов. Кто был у меня до жены? Я жил с очень доброй девушкой, хотя и слегка летящей, как говорится. Слегка

не в себе. Был очень хороший раз в душе съемной квартиры, но ощущения от того раза я уже слишком много использовал. Не получится.

Я пытаюсь нащупать, но все это было так давно. Все это уже неинтересно, ощущения забыты.

Я расслабился и сел на крышку унитаза. Я думал, наверное, минут десять, занимаясь при этом жалкой физкультурой, перебирал, пока не наткнулся все же на одно воспоминание почти десятилетней давности.

Ощущение кривой вагины.

Я встал, оперся о стену, и все получилось. За 40 секунд или даже меньше у меня промчался маленький фильм в мозгу, мне быстро удалось ухватить самую суть наваждения, я вытерся, вымыл руки и пошел на свое место. Вожденная мама уснула, а говнистый сынок смотрел на меня так, как будто знал, чем это я занимался только что в сортире.

А там мне помог случай, о котором я бы, наверное, мог бы никогда не вспомнить, если бы не этот полет.

Мне было 17, я тогда учился на первом курсе, и моя подруга была двустолкой.

— Давай пригласим Олю, — говорила она.

— Мне не нравится Оля, — говорил я, — предложи кого-нибудь получше. У нее слегка челюсть выпячивается. И она слишком глупая.

На самом деле я побаивался этой затеи. Чтобы сообразить на троих. Потому что всегда был ревнив и мне не хотелось делить свою девочку даже с другой девочкой. И я даже знать не хотел, насколько далеко заходили их педерастические выходы. Но на Восьмое марта (или это было 23 Февраля?) у моей подруги не было дома родителей, мы выпили, я сдался, и она все-таки позвала Ольгу.

— Делаем так, — распорядилась моя подруга, — когда я выйду в туалет, ты занимаешься с ней сексом, я возвращаюсь, удивляюсь и подключаюсь.

Я с вялым энтузиазмом кивнул и стал ждать. Однако, когда пришла Оля, я выпил еще и, не дожидаясь даже, когда моя

подруга отойдет куда-то там, плюнув на наш план, забрался на стол и заявил:

— Я буду обеих вас драть как на конец света!

Потом прыгнул, поцеловал Олю и потащил в спальню родителей моей подруги. Оля слегка смущалась сначала, а моя подруга и бровью не повела. (Тогда я впервые усомнился в достоверности информации, которой я располагал о ее — моей подруги — половом опыте.) Я раздел Олю, разделся сам, моя подруга разделась, и они целовались. Я решил не оставаться в стороне, залез к ним, немного поерзал на своей подруге и перебрался на Олю. «Сейчас у меня будет секс со второй женщиной», — подумал я и ушел вправо. Попробовал еще раз, сделал толчок — точно. Кривая. Я сказал:

— Кривая.

И у меня все желание пропало, я попытался еще, но нет. Не должно все так глупо получиться. Я был слишком напуган. Не был готов к такому.

— Что с тобой? — спросил я.

Мы сели втроем на постели.

— Что такое? — спросила моя подруга.

— Я пошел в душ, — ответил я и пошел в душ.

Я мылся, Оля ушла, моя подруга зашла ко мне в ванную, отругала меня. Ага, ей было стыдно, что я упал в грязь лицом. Но потом я затащил ее к себе, и мы занялись любовью.

Потом я забыл про кривую вагину на десять лет, пока неожиданно не вспомнил о ней в туалете самолета. Только, естественно, в туалете я немного изменил сценарий. И я еще думал об этом во время всего полета, жалел о том, что ничего тогда не случилось. Сейчас бы, конечно, не испугался. Самолет приземлился, и все это вылетело у меня из головы. Но в мире все странно устроено.

Позже все было так. Я месяц пробыл у себя в городе, гостил у родителей, у друзей, пил, потратил почти все деньги, переспал со старой знакомой, переспал с проституткой, потом крестил сына друга, а потом мне позвонил мой приятель из «Российской газеты».

— Давай выпьем завтра, и я у тебя возьму интервью, — предложил он.

— Давай.

— Только Расскажи мне, о чем твой роман. Я слышал, что про Китай.

— Ты пидорас, — сказал я, — сначала прочитай, а потом уже бери интервью.

— Да ладно. Расскажи мне в трех словах.

— Он про Японию, — сказал я.

— И? — спросил он.

— Это три слова.

— Ладно. Остальное завтра.

Мы встретились в баре. Выпили немного пива, потом решили пойти к нему. Взяли литровую бутылку водки, еще, конечно, немного пива и лимонов. И вот, значит, открывает нам жена приятеля — а это и есть Оля с кривой вагиной. «Вот те раз, — думаю я, — все-таки есть у меня что-то от ясновидца». Вот что я думал.

— Привет, — сказала она.

— Ты же знаком с Олей? — спрашивает приятель.

— Да, — отвечаю ошарашенно, — настолько хорошо, что даже дрожил в самолете, представляя ее.

— Вот как, — ответил он, не обратив на мои слова внимания, — она говорила, что знает тебя.

Мы прошли на кухню. Оля выпила с нами, потом пришла ее непьющая подруга, пришли еще какие-то парень с девушкой, чуть выпили, потом ушли. Мы пили с приятелем, мы говорили о Москве, о провинции, об институте, обо всем, короче, кроме моего нового романа. Интервью не состоялось, потому что приятель быстро опьянел, а я тоже думал совсем о другом. Я все пытался выйти на разговор о сексе. Мне хотелось, чтобы он вдруг начал секретничать и рассказал про кривую вагину своей жены. Но ничего не получилось. Потом мы сходили еще за алкоголем, он немного поругался с Олей и заснул в одежде на диване.

— Я тогда поеду, — сказал я.

— Оставайся, — сказала Оля, — уже поздно.

Она велела мне сдвинуть два кресла и лечь. Получилось сносно, я сказал, что постельного белья не надо, и лег. Оля выключила свет и пошла греметь посудой. Я встал, подошел к дивану, на котором спал мой приятель — неважный журналист. Дал ему несколько пощечин. Он не реагировал. Я пошел на кухню, схватил Олю и стал целовать. Она как будто того только и ждала, отвечала мне пылко, и мы занялись любовью, это было удивительно — постичь всю кривизну, все было, как я и представлял в туалете самолета.

...Нет, все было по-другому. Она визжала и отталкивала меня, пока я не оказался в подъезде, потом выкинула мне мою куртку и сказала проваливать ко всем чертям, если я такая скотина, что пристаю к жене своего друга. За те десять лет, что мы не виделись, она стала менее сговорчивой. Мой приятель так и не проснулся.

— Пусти меня, — говорил я, — ведь мы еще не закончили с интервью!

Я вкратце обрисовал входной двери в их квартиру фабулу «Внутренней Японии» и побрел домой к родителям. Еще через несколько дней вернулся в Москву. Когда летел обратно, ничего выдающегося со мной в самолете не произошло.

На днях позвонил мой старый друг Костя С. — он полгода назад вышел из тюрьмы (там он написал сумасшедшую книгу, которая скоро выйдет) и теперь живет в Питере. Мы проболтали около часа, и я рассказал ему эту историю. Он ответил:

— Весь трагизм в том, что быт и скука утаптывают даже аномальных гуманоидов с кривыми вагинами.

А потом еще добавил:

— Кривая пизда стирает провинциальному журналисту носки и штопает их. А пьяный и стойкий писатель одиноко уходит в сумерки!

Сейчас я почти все время провожу дома в одиночестве, бывшая жена звонит мне исправно раз в день.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

В воскресенье в первой половине дня Тимофей лежал у себя в зале на диване. Это была обычная комната, в меру прибранная, в то же время в меру неприбранная. Он лежал с книгой в руках, но если и читал, то очень уж невнимательно, и, если бы вы спросили через полчаса, что он читал: «Путешествие Нильса с дикими гусями» или «Печки-лавочки», — он бы вообще едва ли вспомнил, что держал в руках книгу. У него болела голова, и он думал. Пока не вошла жена и не начала говорить, продолжая прерванный свой рассказ:

— А потом я побежала в метро... Но я не успела, то есть не успевала... Но я была в самом начале поезда, то есть двери уже закрыли, но меня увидел машинист... Они открыли мне, и я села к ним... Их было двое... Володя и Володя, так они сказали.

Тимофей посмотрел на нее полсекунды, потом стал смотреть на стену и сказал:

— Володя и Володя.

— Да... Сначала один сказал: «Володя», и тут же второй: «Володя». Очень смешно...

— Очень смешно.

Как она всегда может всему радоваться? Что с ней? Почему бы ей кого-нибудь хорошенько не возненавидеть? С какой она планеты?

— Ну что ты бурчишь? — сказала жена. — Что ты все время недоволен?.. И они позволили мне поехать с ними, только

сказали пригибаться на станциях, чтобы им потом не влетело, и дали порулить...

— Порулить? Там есть руль?

Дались ей эти Володи. У него было чувство, что он старше ее, хотя ему было 20, а ей 26. Жена подошла к дивану, присела к нему и положила руку ему на лоб.

— Болит опять?

— Не болит.

— Давление смерим?

— Вот забава, нашла игрушку...

Жена встала.

— Что с тобой?

И губы вытянула.

Тимофей положил книгу на пол рядом с диваном, глядя в окно, спросил:

— Что с тобой?

— Просто хотела смерить тебе давление.

— В жопу смерть давление.

Это он, конечно, погорячился. Надо бы поаккуратней, она же все-таки тоже живой человек. Она же, возможно, его любит. Он, возможно. Возможно?

Жена села в кресло. И молчит демонстративно. Обратно старая добрая игра в обидки. Тимофей даже соизволил встать и оглядеть комнату.

— Что там случилось с твоими Володями?

— Сам в жопу со всеми Володями.

— Мне правда интересно.

— Почему ты бурчишь? Бурчишь и бурчишь.

Тимофей почему-то опять занервничал.

— Мне интересно, что там произошло с тобой и с Володями. Два Володи. Ладно бы один, но их два, мне интересно.

Жена откинулась на спинку кресла. Глаза закрыла, устала, бедная, от него. Тимофей сказал:

— Расскажи.

Не отвечает. Тимофей несколько раз повторил просьбу с разными интонациями. Жена игнорирует, значит. Спокойней.

Ну поболит твоя голова, перестанет. Никаких больше запоев. Гипертония в двадцать лет. Увольте. Жена. Почему она не отвечает? Тимофей вышел из комнаты, погремел на кухне секунд десять, вернулся с ножом и уселся на свой диван.

— Я придумал: если ты не расскажешь, я буду чертить палочки у себя на руке этим вот ножом.

Жена открыла глаза. Посмотрела на него. У нее ясные глаза, все-таки она не глупа. Она, может, поумнее его будет. И симпатичная, красивой можно даже назвать без зазрения совести, серьезно, можно.

Жена сказала:

— Придумал. Молодец. Опять началось. А почему этим?

— Я думаю, получатся красивые такие черточки.

— Ну раз красивые.

— Точно не хочешь рассказать? Мне правда интересно. Целых два машиниста, да еще и оба Володи.

— Читай свою книгу.

— Но ведь они дали тебе порулить. Со мной такого в жизни не случилось. Такой опыт исключительный. «Володя и Володя. Машинисты мира».

Не ответила. Тимофей про себя досчитал до тридцати. Сказал «ладно» и провел себе по руке ножом. Наверно, он и правда не очень умный человек. Ребенок он еще. Ну его. Появилась красная неглубокая полоска, и вправду довольно красивая, даже немного крови вытекло. Жена закрыла лицо руками.

— Прекрати. Что ты делаешь?

Тимофей настроил свой голос на спокойнейший тон.

— Пожалуйста, расскажи мне, что было дальше.

— Что ты делаешь?

Открыла лицо, она не заплакала, это хорошо.

— Что я тебе сделала?

— Мне нужно знать, что произошло с тобой и двумя Володями.

Жена не ответила, тогда он опять провел по руке. Да, с головой у него явно не все в порядке. Раз на днях он сел на балконе на парапет, почти не держась, когда жена спала. Упадет, думал,

так упадет, не упадет, думал, так не упадет. Ночь была. Зачем он ее доводит? Тимофей подождал ответа, или реакции, или манны небесной и ушел на кухню отнести нож. Жена, когда он вышел, легла на диван лицом в подушку. Тимофей вернулся и сказал:

— Извини... Я не хотел.

Жена не ответила. Он опять извинился. Еще несколько раз извинился. «Уходи», — говорит она. Вот так. Приехали.

— Пожалуйста, извини.

— Пожалуйста, уходи.

— Куда?

— В туалет.

— Ну что ты? Я же извинился.

— Ну что ты? Я же извинился. — Обиделась совсем.

— Ну что ты?

— Что «что ты»?!

— В туалет?

Он опять начал нервничать. Почему он такой псих?

— Угадал, — говорит она.

Вот, значит, как она. Вот. Вот так.

Тимофей пошел в коридор, обулся, вышел в подъезд, хлопнул дверью. Вышел во двор, подошел к своей машине и открыл ее. И сел в нее. И куда ехать теперь? Плохо все-таки быть идиотом. Он попытался завести. Не заводится. То ли облегчение, то ли злость. Но он ее заведет. Ни одной машине на свете он не позволит мешать ему ссориться с женой. Захочет — сам помирится, без машинного участия. Не заводится, сволочь. Ни в какую не заводится. Тимофей закурил. Вышла жена, встала недалеко от машины и говорит:

— Пойдем домой.

Возможно, она поплакала маленько. Тимофей сказал:

— Она не заводится.

А жена стоит и смотрит на него как на больного ребенка. Да и сама — как ребенок. С родителями бы жить вам, дети. Жениться. Туда же.

— Она правда не заводится.

Стоит и смотрит. И смотрит.

— Она правда не заводится. Попробуй сама.

Стоит и смотрит. Тимофей еще раз повторил. Свою просьбу. Он вылез. Тогда жена подошла, села в машину, Тимофей, наоборот, зачем-то встал на ее место. Жена с первого раза завела машину. Всегда так. Все через жопу в этой жизни происходит. Она посидела немного, вылезла, не выключая зажигания. Свободу выбора предоставляет, значит. И молча пошла домой. Тимофей посмотрел на машину, закурил еще сигарету, потом подошел к машине, выключил зажигание, посидел немного, вытащил ключи. Закрыв машину, пошел домой, выкинув бычок по дороге. «Нужно быть спокойней», — думал он. И еще думал, что пора бы уже обед готовить, наверное, курицу сделает с луком в сметане. Только в магазин придется сходить. Да, курицу приготовит так, как жена любит. Как Таня любит. «Ее ведь Таня зовут», — напомнил он себе.

БОТИНКИ

Мне не терпелось выйти из этого магазина, а Сигите-то, моей подруге, ведь нужно все посмотреть. Это у нее имя литовское, папа литовец, неважно. С ней все в порядке. Только, пока все не пересмотрит, палками не выгнать из этого магазина. А магазин огромный. Черт-те сколько техники разной. С ума сойти, как подумаешь, сколько надо денег, чтобы купить компьютер, телевизор, пылесос, электробритву, чайник, соковыжималку... Ну их.

— Смотри, — говорит, — что это?

— Это машинка для срезания катышков.

— Нужно купить такую. С твоей олимпийки срезать.

— Со сценария, — говорю.

А потом подошли к полкам с ноутбуками. Она давай мне показывать, какие есть в природе ноутбуки.

— Ну пойдём, — говорю ей.

Мне нужно было срочно выйти на улицу и добраться до ближайшей лавочки.

— Смотри, как тебе этот? Нам нужно будет купить такой.

Это она, значит, уже ноутбук присмотрела.

— Со сценария, — отвечаю.

Может, когда-нибудь у нас и появятся деньги, не знаю. А пока я, радуясь покупке новых ботинок, скакать стрекозлом готов. И все тяну ее из магазина, тяну ее. Она говорит: «Вот бы нам это. Вот бы нам то». «Со сценария, — отвечаю я. — Со сценария».

Со мной тут вправду связался один мужик из сценарного агентства. Он прочел в толстом журнале мой рассказ, который самому мне не нравится, и говорит: «Отличная идея. Сценарий про электромонтера, который становится святым!» Я теперь хожу и думаю: «Электромонтера бьет током. Электромонтер становится святым. Электромонтер ходит по улицам, выпускает из глаз молнии и вершит кару божью». Бред. Отличный будет фильм! Может, я и напишу такой сценарий, но это как душу продать свою. Посмотрим, сколько за нее предложат. А потом получу денег, засяду за бессмертные романы и буду по частям выкупать душу обратно.

Наконец-то мы пошли к выходу. На улице мы обошли дом, в котором находится магазин, и вошли во дворик.

— Где? Где бы нам сесть с тобой?

— Пошли на лавочку, — говорит Сигита.

— Нет, там кто-то сидит. Пойдем на качели. Я стесняюсь.

Мы хотели было пойти на качели, но там грязь такая была, что мы пошли к лавочке. Но там сидел только слепой дед, и свободного места нам хватало. Я сразу уселся с размаху, достал из пакета коробку, а из коробки — ботинки. Ботинки, вот они, очень уж красивые. Я аккуратно поставил их рядом с собой и снял кеды, которые были у меня на ногах. Слепой старик спросил нас:

— Не подскажите, сколько времени?

— Пять часов, — ответила Сигита.

— Вы что, устали?

— Простите? — сказал я.

— Отдохнуть решили? — спросил дед.

Я тем временем обул новые ботинки. Какие же они красивые и удобные!

— Нет, — говорит деду Сигита, — мы решили ботинки переобуть.

— Зачем переобуть?

— Новые купили, — пояснила она.

— Пофорсить хотите? Купили и не можете дотерпеть?

— Они очень красивые, — сказала Сигита.

— Гениальные. Такие, что до дома не утерпишь, — говорю я. Дед, улыбаясь, покачал головой.

— Никогда такого не слышал. Сколько сижу на этой лавочке, никогда ничего подобного... А почему в магазине не переобули?

— Не подумали, — сказал я.

Я положил старые кеды в коробку. Встал, потоптался на месте. Как удивительно, ну и чувства во мне — как у заправской домохозяйки. После шопинга.

— Ладно, — говорю, — приятно было. Мы пойдем.

— До свидания, — сказала Сигита.

Дед попрощался, а потом спохватился, что забыл, сколько времени.

— Скажите мне еще раз. А то вы меня сбили с толку ботинками.

— Пять часов, — сказала Сигита, — начало шестого.

И мы пошли. Нам было недалеко идти, через три дома всего-то. Мы пока живем у Сигитиной мамы. Надеюсь, что скоро съедем. Со сценария. Электромонтер призывает силу неба, грешники испепелены, а он утомлен. Ради чего он? Зачем он в этом мире? Что ему делать со своим даром дальше? А, ладно, мы с Сигитой подошли к дому, но я говорю:

— Нет, я еще погуляю минут пятнадцать.

— Да пойдем уже, — говорит, — я есть хочу.

«Иди», — говорю ей. Мне же хочется еще в ботинках побыть, в новых.

— Ботинки снимать не хочешь? Бедный мальчик!

— Так, — отвечаю, — всем молчать. Какие ботинки?!

Я ее поцеловал, и она пошла к подъезду, только еще повернулась у дверей и сказала:

— Ты псих. Такого шмоточника в жизни не видала.

— Никому не рассказывай, — крикнул я ей вдогонку.

И пошел. Я вышел на проспект Мира, прогулялся. Людей-то было достаточно, но только никто, кроме меня, не смотрел на мои красивые ботинки. Никому я со своей новой обувью нужен не был. Я прошелся немного до перехода, перешел на другую сторону, там прошелся. Потом опять перешел и собирался

идти домой. Но шел я по той же дороге и опять увидел слепого старика на лавочке. Он все так же сидел. Настоящий философ. Я решил посидеть с ним. Может, спрошу что-нибудь, интересно, как у них, у слепых.

— Можно с вами посидеть?

— А. Это вы? — спрашивает старик.

— Да, это я. Тот тип с ботинками. Подругу отправил домой. А сам прогуляться решил еще.

— Да-да. С ботинками. Садитесь, конечно.

Я сел и закурил. Еще чуть взглянул на ботинки. Единственный человек, которого хоть как-то ими можно заинтересовать, увидеть их не может. Вот так все и происходит постоянно, понятно через что. Но тут старик — эх и умный же попался, в самом деле философ — спрашивает:

— Удобные?

Я даже вздрогнул, он как будто внутрь моей головы залез.

— Как?

— Ботинки. Что за ботинки-то?

Ну я и описал их. Не без удовольствия, между прочим. А ночью я три раза ходил курить на кухню и шесть раз по дороге останавливался в коридоре...

В ГОЛОВЕ БАГАЖИСТА

В мои планы никогда не входило работать в сфере обслуживания. К тому же за чаевые. Ты лизнул жопу — тебе дали купюру. «Это не для меня», — думал я. Конечно, не для меня. Я правдоруб и поборник истин — не нанимался лизать жопу кому бы то ни было.

— Посмотри, — сказала мне Сигита.

Я посмотрел.

Носильщики багажа. Есть смены с трех до полдвенадцатого. Одиннадцать тысяч рублей плюс чаевые. Сигита-то, само собой, все это дело романтизировала. Я в золотых лучах таскаю чемоданы, улыбаюсь туристам и получаю валюту. Не поддавайся, Женя. Ты прирожденный тунец. Нельзя. Но я же должен заработать денег. Две сломанные пломбы. Потом передний резец сточился, потому что мы со Стасом, моим соседом, сощелкали столько семечек, сколько вам и не снилось. Мне самому никогда не снятся семечки. Этот предмет недостоем моих снов. Лично мои сны закрыты для семечек, им туда не проникнуть, уж будьте уверены! Я презираю семечки, если вам интересно. Я собираюсь внять просьбе Димы Булатова и не сдерживать себя в выражениях. Драл я эти семечки в хвост и в гриву! Они испортили мне передние зубы, и теперь я должен работать. Хотя дело не только в зубах. В моей простате. В моей чертовой простате, я должен отработать полгода, взять кредит и вылечить ее раз и навсегда. Или взять кредит и снять кино. Что дороже:

искусство или моя физическая оболочка? Я должен снять кино до того, как мне исполнится 24, вот в чем дело. Мне все осточертело, я хочу быть молодым и признанным гением, плевать я хотел на все остальное. А еще дело в том, что пора бы уже подумать о детях. Хотя это позже. Но с другой стороны, если я еще буду это откладывать, у меня не останется ни одного сперматозоида, способного оплодотворить яйцеклетку. И еще у моей девушки — Сигиты, — у нее неполадки со здоровьем. Она стала нервной и не может находиться одна, у нее учащенное сердцебиение. Так что не скуки ради я покупаю «Работу и зарплату», заручите это себе на носу. И никаких шуточек по этому поводу, если надо будет, я подпишусь на это издание и не спрошу вашего мнения. И глазом не моргну, пока не найду лучшую работу в мире.

«Возраст 18–27 лет, приятная внешность, базовое знание английского».

— По-твоему, у меня приятная внешность?

— Ты очень красив.

— Как сукин сын? Как Михайло Фрузенштерн?!

Я не помню, что она ответила. Я, вообще, не занимался бесплатным диалогистом, оставьте меня в покое. Мне глубоко насрать. Что за бредовая фраза? Я должен думать о стиле. Кто выдумывает все эти выражения? Да ладно, вам прекрасно известно, что я не ошибся, а специально так сказал. Доверьтесь мне, я мастер по этой части, знаю, когда надо сесть в лужу, а когда воспарить. Ну так вот.

— Базовый — это какой? — спрашиваю у Сигиты.

Мой голос нарисовал для нее в воздухе два вопросительных знака. Не надо считать это пустым хвастовством, я вам так скажу. Я у нее спросил, и в моем голосе прозвучало два вопросительных знака, я так умею. Может, это понты, но я писатель. Вот что я скажу: я писатель, а поэтому мне и в жизни надо быть бдительным каждую секунду, в игре крупные ставки. И всегда заботиться о стиле. Но Сигита срать хотела на мой стиль. ОНА НЕ ЗАМЕТИЛА моего писательского мастерства в моей манере разговаривать в этот момент. Сказал бы «в манере вести диалог»,

но я не нанимался к вам бесплатным диалогистом, как я уже сообщил. Если я захочу стать диалогистом, пойду работать на сериал и буду две тысячи баксов в месяц делать. А душа моя отправится прямехонько в ад. Сигита бы хотела, чтобы у нее был парень, который мог бы сводить ее в ресторан. Вернее, чтобы я мог сводить ее, мог быть ей опорой. Неужели ей недостаточно того, что я считаю ее самой красивой женщиной на свете?

— Базовый — это твой, — вот что она сказала.

Польстила мне, чтобы я водрузил себе на шею заботы о нашем очаге.

Она сказала мне, что напишет мне все слова, которые мне надо знать, чтобы быть багажистом высшего уровня. Чтобы быть багажистом-ниндзя. Чтобы рвать других багажистов. Я попросил, чтобы она написала по-английски и по-русски. Чаевые — типс, багаж — бэгидж, или лучше — лэгидж.

— Ладно, — говорю я.

Оркестр. Музыка. Е. А., Писатель и Просто Хороший Человек, отправляется работать!

И я приехал в гостиницу.

Может, если бы я не понравился девушке, с которой проходило мое первое собеседование, меня бы не взяли. Но она так на меня смотрела, как будто хотела съесть. Я понимаю ее: здоровый приятный парень 22 лет, мой голос любят женщины, разговор по телефону со мной заставляет их ссаться кипятком. Я здоров и красив, красив и здоров, если только можно назвать здоровым человека, который после пивной пьянки может сходить 22 раза за ночь в туалет. За каждый прожитый год я расплачиваюсь ложным позывом в туалет. Такая у меня валюта. Такой валютой я и буду давать вам чаевые. Стоп. Я и унитаз. Смертельный бой. Моя простата, моя мочеполовая система против того, чтобы я пил от шести до десяти литров пива за день. И что, я должен ей поддаться? Не могу ей поддаться, потому что я думаю о стиле. Потому что у меня рост немного выше среднего, шняга немного длиннее среднего и интеллект немного развитее, чем у среднестатистической обезьяны. Если я не буду писателем, если я не напишу Серьезный Роман, Великий Русский Роман,

о котором — мне это известно — мечтает каждый встречный, ведь в каждом встречном сидит латентный графоман. Если я это не сделаю, все провалится. Мне придется покончить с собой, как это сделали Владимир Маяковский и Геннадий Шпаликов. Шпаликов бы не зассал, если бы смог дописать роман. Его бывшая жена себе преподает, а он, я уверен, Лучшее и Худшее, что Было в Ее Жизни, — мертв. И мне тоже, может, придется застрелиться и повеситься. Или спятить, отчего, впрочем, при любом развале, может, и не удастся спастись. Но если мне удастся, тогда все будет иначе. Тогда, ребята, пеняйте на себя. Тогда-то я спляшу.

— Вы можете рассказать о себе на английском?

— На английском?

— На английском, конечно, — ГОСПОДИ, ИДИОТ, НУ НЕ НА РУССКОМ ЖЕ И НЕ НА КИТАЙСКОМ?! — Давайте. Расскажите.

И тут я как в школе, на экзамене в третьем классе. Хотя в те поры я еще немного знал его, я был с ним не в таком разладе.

Уже пять лет прошло, как я окончил школу и не занимался английским. Пять лет коню в жопу. Май нейм из Евгений Алехин, айм 22.

(БЛЯДЬ, МНЕ УЖЕ 22. И ЧЕМ Я ЗАНИМАЮСЬ?)

Ай вос борн ин Кемерово, зэ сити ин Вест Сайберия, май дэр френдс. Ин Москов айм ту еарз. Ноу. Ту виз э хаф.

Да не знаю я английского. Русским языком я овладел, английским нет. Зато я знаю машинопись (опять-таки только на русской раскладке клавиатуры), вот что я мог ей предложить. На хера багажисту знать машинопись?! Как тебе это поможет дотащить чемодан?

— Хорошо, — сказала девушка.

Не для того она сказала «хорошо», чтобы оценить мое знание английского на четыре, а для того, чтобы прекратить этот жалкий цирк.

— Достаточно, наверное?

— В общем, знаете на таком уровне. Ми-ни-мальном.

Тут я посмотрел в сторону. Не на нее. Вот она: Ольга, так она представилась. 25. Тощая как селедка. Я смотрю в угол.

Я бы, возможно, мог ее драть в хвост, как говорится, и в гриву. Знаю, что я уже щеголял этой фразой, просто захотел еще раз использовать. Сыграть на разнице. Сейчас заговорю о высоком. О том, что у меня есть любимая девушка. У меня есть любимая девушка, которой я планирую не изменять. ПЛАНИРУЮ. Не изменять. Так что я смотрел в сторону, мимо похотливой, но в чем-то симпатичной селедки. В чем-то. На хер мне не упал этот праздник, если к моим услугам в любую ночь, когда я этого пожелаю, Самая Красивая Женщина в Мире.

Ольга. Вернемся к ней. Вот что она говорит:

— Тебе придется, — перешла на «ты», лиса, — еще переговорить с директором службы приема. И если все будет хорошо, то до встречи.

И я пошел ждать директора службы приема. Полчаса. Ну его? Свалить? Нет, смотри по сторонам. Приглядишься, подумай, тут славно, в этой гостинице. Смотри по сторонам, и назад смотри, и убей всякого, кого встретишь, если встретишь Будду, убей Будду, если встретишь патриарха, убей патриарха... Как там дальше? Спокойно, приглядишься... Одни иностранцы. Кэн ай тейк йо лэгидж, плиз? Улыбочка. И пять баксов чаевых. Хэв э найс дэй! И еще червончик. Буду рубить капусту.

— Здравствуйте. Я Оксана. Простите, что заставила вас ждать.

— Да ничего страшного. Женя.

Да она же моя ровесница! Директор службы приема.

Мы поболтали пятнадцать минут, я еще раз ей прочитал сочинение на худшем английском, который ей доводилось слышать. «Кто я». Эту мадам я не интересовал как мужчина, поэтому в ее глазах появилось сомнение. Нужен им такой багажист? Но потом я рассказал ей, что учусь в институте кинематографа, и ее оценка стала чуть выше. Она меня расспрашивала об «этой интересной профессии». Учусь, и мне нужна работа во второй половине дня.

Я снова на работе. Меня приняли.

— По поводу чаевых, — сказала Оксана, — я спрашивала у ребят. Говорят, что выходит от трех до восьми тысяч.

— Хорошо, — ответил я.

И отправился домой. А назавтра уже надо работать.

Недавно из зеркала на меня глянул 22-летний мужик, по лицу которого было видно, чем он занимается ночами. Дринкингом, само собой. Да этот мужик (я) выглядел на 29, просто я знал, что ему 22, и даже это слишком много. Мне исполнилось 22 месяц назад, и пришло время задуматься о прожитом. У меня нет высшего образования и опыта работы. Нет ничего, кроме комнаты в общежитии на время обучения, компьютера (правда, оперативной памяти теперь хоть жопой жуй!), девушки, проститута и моей паранойи. Стас (сосед мой) обожает рассказывать эту историю, как я порезался о консервную банку и плакал, что умру от СПИДа. Просто я был с похмелья — был ранимый. Я расплакался, как девочка, у Сигиты на плече, но этого больше не повторится. Синька может погубить меня, а может не погубить.

«Мне 21 год, но скоро уже будет 22, что для меня странно. Видимо, как было 16, так исполнится и 40. По характеру я вспыльчив, но отходчив. Близкие считают, что я ипохондрик, потому что я чешусь от синтетики, почти не говорю по мобильнику во избежание рака, мою с мылом куриные яйца перед тем, как пожарить яичницу, читаю медицинскую энциклопедию перед сном и раз в полгода сдаю анализы на сифилис, гепатит и ВИЧ. Плохим или злым человеком, слава богу, никто меня не называл. Еще с детьми неплохо лажу вроде бы. Потому что семья была большая. Люблю книги, написанные от первого лица, и длинные кадры».

Всего два месяца назад я с этого начал свою автохарактеристику, когда собирался втихую свалить со сценарного факультета на режиссерский. Когда я писал, мне был 21 год. И тут мне уже 22. Я написал эту безделицу, а на самом деле изобрел машину времени. Вот в чем штука. Ладно, я зря старался, на режиссуру меня не взяли, этого я не предсказал, зато предсказал свой день рождения. Игорь Масленников (автор лучшего сериала о Шерлоке Холмсе!) сказал мне, что у меня прекрасное чувство юмора и стиля и что я отличный писатель, а как я вышел из аудитории, впиздюрил мне двойку за самый важный экзамен. А мне уже 22, вашу мать, и ни богатств, ни славы, ни хрена.

Просто ты можешь сломаться, если у тебя нет денег и ты пьешь. Главное — не сорваться, ИНАЧЕ ВЫ УВИДИТЕ АД НА ЗЕМЛЕ. Черт, мне исполнилось 22. Бертолуччи уже снимал кино в этом возрасте. Он был младше, чем я сейчас, когда начал снимать, а я еще не снял ни минуты. Время уходит, осторожнее. После трехдневной пьянки на мой день рождения осталась только гипертония и чувство вины, что у Стаса украли ноутбук, а у меня ничего не украли. День рождения был мой, и лучше бы украли что-нибудь у меня. Но огромный калмык унес ноутбук Стаса в неизвестном направлении. А еще я хотел подарить себе роман на день рождения, но я его не написал. Я даже не добил сценарий, мог ведь, но не сделал этого. Ладно, ненавижу, когда кто-то ноет насчет своей писанины. Заткните мне пасть. Но, собственно, теперь у меня будет работа. Так я думал.

Я думал так, а мой хитрый мозг меня подставил. Сука! Он все продумал. Мой мозг хочет покоиться в голове тунеядца, он не хочет, чтобы я работал. Он не дал мне спать. Мы ночевали не в общежитии, а у Сигитиной мамы, поэтому у меня не было возможности с кем-нибудь выпить и я просто маялся всю ночь перед компьютером. Прочел «Форреста Гампа». Дрочил, все знают, чем занимаются писатели. Я, например, когда пишу, не даю себе подрочить, пока не допишу две-три страницы. Так я могу писать что-то и дважды прерываться для онанизма. Так что можете рассчитывать, на каком промежутке я этим занимался.

Суть одна. Перед первым рабочим днем я не спал ни одной минуты.

Утром я спустился в ад на двадцать пять минут и вышел на станции «Павелецкая». Каждый день час на метро. Каждый. Ненавижу метро. Я его ненавижу за то, что меня там все время спрашивают:

— Вы выходите?

А я, во-первых, не обязан разговаривать с незнакомцами, а во-вторых, не хочу рассказывать им, где я выхожу. А тут мне, человеку с вымотанными от бессонной ночи нервами, опять под руку попался такой умник, который спросил:

— Вы выходите? — И даже руку на плечо положил.

А зачем руку класть мне на плечо? Вы, может, тоже играли в детстве в такую игру, когда кладешь человеку руку на плечо и спрашиваешь: «Ты знаешь, чем отличается крокодил от пидораса?» «Чем?» — спрашивает бедный наивный албанский юноша, ваш собеседник. «Тем, что крокодилу нельзя положить руку на плечо!» — отвечаете вы коварно. Поэтому я сказал этому челу в поезде метро, скинув его руку с моего плеча:

— ВЫХОЖУ. ВЫХОЖУ.

И вышел на «Павелецкой». Я жил тут неподалеку раньше с девушкой, уже прошло два с половиной года, как мы расстались. Блядь, да сколько я уже торчу в этой вонючей дыре, имя которой Москва? Что теперь случилось с моей бывшей девушкой? Она вышла замуж за сына редактора. Сын редактора, парень, наверное, даже на год младше меня. Я видел его однажды, один год и девять месяцев назад. Придется сделать лирическое отступление.

Это было в доме художника, на выставке интеллектуальной литературы. Я, Стас Иванов (писатель Стас Иванов, также известный как Зоран Питич, второй (после меня) писатель современности, а не мой сосед, которого я называю просто Стасом), Сигита и Инна Амирова. Мы приехали забрать книгу, а Сигита с нами за компанию. Господи, как я ждал этой книги, хотел увидеть себя напечатанным! Я раскрыл ее и увидел, что редактор вставил туда мои рассказы правленными. Я стал грызть эту книгу зубами.

— Виталий, ты ПИДОРАС! — закричал я на редактора.

Он стоял среди всех этих стопок книг. Сборники, в которых издавались лауреаты и финалисты премии «Дебют». А сзади, за спиной у него, стоял его сын.

— Ну зачем? Зачем так делать?! На хуя?! — кричал я.

А сын редактора стал брыкаться, хотел, понятно, заступиться за отца. Хотя отец бы его мне накидал, в нем веса в полтора раза больше. И так мы орали там друг на друга. Стас Иванов сказал, что мог бы помочь мне накидать редактору. Он его не любил. Но до этого не дошло.

Просто редактор, Виталий, сучонок, опубликовал мои рассказы в том виде, в котором их исправили для журнала «Октябрь».

Я не знаю, кто их там правил, мне не хотелось идти ругаться, это было давно, и я боялся, что при встрече снесу этому человеку башку и меня посадят в тюрьму. Поэтому могу ему (ей) передать только одно: ИДИТЕ НА ХУЙ. Если это женщина, то извиняюсь за грубость выражения. Просто я вас заочно ненавижу, как и всех остолебневших мне кретинов, которые считают себя умнее других.

Ладно. Так вот. Редактор сначала мне сказал:

— Алехин. Ты ничего не понимаешь. Тебя правил лучший редактор в городе.

Липа, скажу я вам. Я даже не уверен, что он знал того человека, кто меня правил. Виталик вытащил это из своей головы наугад. Я облил его в ответ матерным поносом. И тогда он закричал:

— Ты еще придешь ко мне и поблаговаришь меня, как Рясов! Он через два года только понял и сказал мне спасибо за то, что я его редактировал!

И другая линия его защиты, которая к первой отношения не имеет, но должна была вымолить прощение через лезть:

— Алехин, тебя ждет великое литературное будущее! Какая тебе, в пизду, разница?! — так и сказал, спросите у Сигиты или у Стаса Иванова.

На том и разошлись. То есть меня еле отволокли оттуда, изрыгающего ругательства во все стороны. Вышли на улицу, и я швырнул книгу «День святого электромонтера» — сборник короткой прозы финалистов конкурса «Дебют-2004» — о стену дома художников. Книга ударилась о дом, отскочила. В рассказе «День святого электромонтера» поменяли два абзаца местами, просто этим броском я хотел вернуть абзацам свои законные места, только и всего. За каким хером вы их поменяли, кем бы вы ни были?! Но Сигита схватила книгу и больше мне ее не давала. Мой план не удался. Абзацы остались на неправильных сиденьях. Через дорогу был бар, и Стас Иванов предложил туда пройти. В тот день я единожды видел сына редактора.

Будущего мужа моей бывшей девушки.

Так что меня предали, это как если бы бывшая девушка Штирлица вышла за фашиста.

Поэтому теперь, когда я шел в гостиницу, вспоминая все эти дела, написал бывшей девушке СМС-сообщение, в котором спрашивал, правда ли она вышла замуж за этого человека, за сына злого редактора, испортившего мне счастье увидеть себя любимого напечатанным в книге. Или же Зоберн меня обманул. Пошутил, и у нее другой муж, а не сын моего редактора от лукавого. (Зоберн, кстати, — это еще один писатель, наплюйте на него, я их много знаю, писателей, на самом деле каждый человек — писатель, и только мне пророчили ВЕЛИКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ БУДУЩЕЕ.) Ответа на мою СМС я до сих пор не дождался. Как, впрочем, и не дождался литературного будущего.

Ладно, я пришел на рабочее место. (Если не заметили, теперь я вернулся к основной линии, в которой описываю опыт работы багажистом, — не ссать, держать одновременно несколько линий мне по силам.) Я прошел на территорию гостиницы. Туда, где только для персонала. Оксана встретила меня, отвела в раздевалку, я надел форму.

— Раньше в любой день нужно было носить пиджак, но теперь мы позволили багажистам в жару работать в футболках.

А стояла настоящая жара. Пекло, как будто ад вырывается все ближе к поверхности с каждым днем. Ад такой, коварный, он все время ходит за мной по пятам, но Оксане до этого дела никакого. Она подвела меня к парню в костюме, который был младше меня на пару лет. Ну, само собой, парень, а не костюм был МЛАДШЕ МЕНЯ. Сечете?

— Это Саша. Менеджер. Он сам был багажистом, он тебе сейчас все объяснит.

И он мне все рассказал. Я стою в дверях, у самого входа в гостиницу, и улыбаюсь, там есть специальная кафедра. Я должен был улыбаться и приветствовать людей на всех языках, которые мне не мешало бы знать: русском и английском. Он дал мне листок А4, на котором было написано, как я должен себя вести. Текст не настолько интересный, чтобы я его стал сейчас пересказывать. Еще он сказал:

— Почитай пока. Там еще есть журнал учетных записей под кафедрой. Его тоже полистай и поймешь, зачем он нужен. Когда будет клиент, я тебе покажу, что к чему.

На полке еще были ручки, бумага, книга Ника Перумова, которая явно уступала журналу учетных записей багажистов по своей художественной ценности. На журнал было наклеено несколько наклеек, которые прилагаются к жвачкам, и надпись «Супербагажисты». Я, не отрываясь, прочел журнал от корки до корки. Вернее, отрываясь только для того, чтобы говорить каждому заходившему:

— Доброе утро!

Или, если это был иностранец (их сразу видно, они улыбаются как полоумные), говорил:

— Гуд монин!

В журнале же в основном были записи ребят, которые раньше были багажистами, двое из которых поднялись, а двое уволились. Теперь же пока я был единственным новым багажистом, и в ближайшие два дня обещали взять еще троих. Записи в журнале были такого типа: «Из номера 405 оставили два чемодана в камере хранения. Один большой, с ним осторожнее. Сергей».

Но не все. Были и очень интересные для меня записи, например: «Этот француз сегодня дал мне на чай 22 бакса. Я радостно схватил их и пошел от него скорее, но он нагнал меня, положил мне руку на плечо и сказал: «Сори. Итс май». И с улыбкой забрал двадцатку, оставив мне, черт, два доллара. Саня». Или: «А мне один русский человек сегодня дал на чай 4 рубля 50 копеек. Когда-нибудь я скажу одному такому все, что думаю. В последний день работы... Рома». И еще кто-то из них все время дописывал комментарий: «Забурел?!» Который, видимо, выражал силу впечатления от прочтенного послания.

И было одно душевное письмо, которое написал этот самый Рома перед тем, как уволиться, письмо я не буду пересказывать, поскольку это чужое произведение, которое можно поставить в ряд с некоторыми рассказами старика Эрнеста.

Ладно. Первыми были две пуэртиканки, возможно, лесбиянки, но приятные, несмотря на это. Хотя я гомофоб, я против пидорасов, я их просто не люблю и хочу, чтобы разврат исчез с лица земли и чтобы все занимались сексом в презервативе и только в миссионерской позиции, но по восемь раз в день.

Опять заболтался. Я оттащил пуэрториканкам чемодан и стал спускаться по лестнице. Я стеснялся стоять в ожидании чаевых с улыбкой на лице, как Тим Рот. И через два этажа я почувствовал руку на плече. Это была более приятная рука, чем у мудака в метро.

— Итс фо ю.

И одна из пуэрториканок протянула мне деньги. Сто сорок рублей. Самые большие чаевые в моей жизни, вот что я вам скажу. Первые и самые крупные.

— Сэнк ю вэри мач! — ответил я и пошел на свое место.

Говоришь «багажист» — подразумеваешь «обезьянка в мундире». Говоришь «обезьянка в мундире» — подразумеваешь «багажист».

Потом я оттащил еще пару чемоданов, за которые не получил ни рубля. Старые подлые иностранцы. Потом-то Сигита мне объяснила. Они с ее мамой были богаты, когда Сигита была подростком, и разъезжали по заграницам. «И ВСЕГДА, — говорила она, — багажисты стояли в дверях и ждали чаевых». Я пообедал. Не так вкусно, как я ожидал, но неплохо. Суп, толченая картошка с курицей, компот. Вонючий советский компот. И это пятизвездочная гостиница? Потом я стоял за этой подлой кафедрой, когда подошла Оксана и сказала:

— Женя, улыбайся. Улыбайся, Женя. Ты что, охуел? Ко мне заходил директор и сказал, что он, заходя сюда, поздоровался с тобой, а ты с ним — нет! Я не знаю, что делать. ЗДОРОВАЙСЯ СО ВСЕМИ... И почему ты не побрился?!

Сейчас я пошлю вас всех в жопу и уйду.

— Выпало из головы. Надо было напомнить.

— Может, я должна тебе напоминать мыться и чистить зубы?!

— Нет. Это я делаю автоматически. Есть привычка.

— Ты не смог догадаться, что надо побриться.

И я здоровался со всеми. В жопу. Если у вас осталась хотя бы частичка уважения ко мне, вы неправы. Иногда секретари просили меня с бумажкой подняться на пятый этаж, там женщина, которая называла меня ласточкой, ставила печать. Я спускался в подвал, там женщина, которая ничего мне не говорила,

ставила печать, и я возвращался на свое место. Я лучше целый день бы ходил на пятый этаж и в подвал, там не надо улыбаться, как крестину.

Успокойся, Женя. Ты же не хочешь опять ходить на массовки? Или ты хочешь пойти работать рабочим на сериал «Солдаты»? Уж лучше массовки. Массовки?

— А что вы снимаете тут?

— Сериал «Татьянин день».

— «Татьянин день». А мы его три месяца смотрим. Так что, они поженятся?

— Я не знаю. У меня нет телевизора.

— Как не знаете? Снимаетесь и не знаете?

— Ладно. Просто нам нельзя рассказывать. Но вам я скажу по секрету. Вы никому не расскажете? Тогда слушайте сюда. Он на самом деле изменяет ей, хотя они и женятся. Но потом она узнает, что у него есть любовник!

—?

—!

Я играл в стольких вонючих сериалах, что поделом насрать мне в башмаки. Еще в передачах. Я был маньяком, который убил своих родителей и свою девушку ножом, а собачку — кухонным молотком. Я убивал несуществующую собачку 35 дублей и получил за эту роль всего тысячу. Я был гопником, который поджег негра и получил 1200. Я нищий человек. Теперь я багист. Я червяк: разрежьте меня пополам и будет два червяка.

Русская дала мне десять рублей, и рабочий день закончился. Я выпил литровую банку «Балтики 7» по дороге домой. Вкусно. Это реклама, дорогая «Балтика», будет секундочка, вышли мне немного денег (5536 9140 0882 0809 — номер моей карточки), и я готов расхваливать тебя. Десять-пятнадцать тысяч рублей за лучшего писателя современности — не такая большая цена, ведь правда? Нет, я не продамсья, мне твои деньги не нужны! Нужны. Они мне нужны.

Сигита расстелила мне, и я пытался спать. Я хотел спать, но не мог. Напиться? Не пей. Я промучился до восьми утра... Сигита спала. У меня уже начинались глюки. Меня абсолютно

не волнует внешняя фабула, меня волнует только то, что в голове у багажиста. У одного меня. Вот в чем дело. Я бы хотел, чтобы все это было вам известно, когда вы разбогатеете и будете думать, сколько дать на чай. Я разбудил Сигиту. Я спячу: две ночи без сна, какая работа? Меня еще не успели оформить. Ерунда. Я разбудил ее и спросил:

— Ты обидишься, если я не пойду на работу?

Конечно, ведь ты должен тысячу Доктору Актеру, тысячу Теплыгину, три тысячи Стасу Иванову. Конечно, мне будет обидно.

— Я не обижусь. Это твое дело.

— Правда?

— Правда не обижусь. Спи, пожалуйста.

Прости меня. Я не выдержу этого.

Потом к нам постучала Сигитина мама.

— Жень! Ты почему не встаешь?! Тебе же на раб-б-бот-т-ту-у-у.

Это слово, это место, эта дыра, в общем, эта реплика звучала так, будто бобину внезапно начало зажевывать, звук голоса моей вероятной тещи превратился в вой адских демонов, монстров из игры DOOM, ебическая сила, но моя милая девушка спасла меня. Вот так, спасла, она обнимала меня, кажется, не смотря на то, что я тунеядец, она была нежна со мной, она не сопнула меня на хер с лежанки.

— Мама! Он сегодня не пойдет! — сказала Сигита.

— Ты очень добрая, — сказал я.

Слишком длинным был тот единственный день, в который я работал. Я уснул в один момент, как только перестал быть рабочим человеком.

ЯДЕРНАЯ ВЕСНА

Элина для меня была человеком, несомненно, талантливым. Я восхищался ею. Ее независимостью и смекалкой. Например, она впаривала пиздюкам — школьникам и первокурсникам — таблетки от радиации по сто двадцать рублей за стандарт, выдавая их уж не знаю за что. А ей они доставались по десятке. Вот вам и математика: сто десять рублей как с куста. Еще она успевала ходить на учебу, пописывать статьи и бывать на тусовках — последнего я не одобрял, хотя и не говорил ей. Притом что она сама тоже была первокурсницей. Как и я, впрочем, только я не успевал ничего. И еще она была моей девушкой, самой первой. Первой, не считая пары случаев, когда все произошло, как говорится, на пол-Федора. Но это не имеет отношения к делу. Я любил Элину, мне хотелось плакать, смеяться, прыгать, падать, расшибиться, содохнуть и при этом выжить.

— Хотите? — спросила она, когда стало ясно, что пиво скоро закончится, а нам еще надо достичь высот и низин.

И достала таблетки.

Мы с Егором переглянулись. Я никогда не думал, стану ли я употреблять колеса, если представится случай. Полсекунды подумал и решил, что стану.

— Это и есть торен, просто ничего лучше у меня с собой нет. Да и этого всего стандарт и еще две. Маловато будет.

— Хорош, — говорю, — маловато! Сколько же их надо съесть? Двенадцать на четверых — маловато?

— Почему двенадцать? — спросила она. — Восемь. В стандарте шесть. Шесть и два равно восемь.

Она показала две таблетки на ладони. Положила их на стол, достала пластиковую упаковочку, открыла, высыпала еще шесть штук.

— Было бы по три — в самый раз. Но можно сделать так. По одной выпить. А по одной занюхать.

Егор спросил:

— Занюхать таблетки?

— Ага. Так они быстрее и сильнее подействуют. Надо их растолочь и занюхать, как порошок.

— Это не вредно для здоровья? — спросил я.

Оля издала смешок. Да, тут же была еще подруга Элины — Оля. Вообще-то, Олю я не очень любил, так как подозревал, что Элина изменяет мне с ней.

— Дай какой-нибудь листик, — сказала Элина Егору.

Потому что это была его квартира, а, ясно, не потому что он ей мог нравиться. Это было исключено. Пока Егор искал тетрадку и выдергивал листок, я, Элина и Оля (лучше бы ее с нами не было) выпили по таблетке, запив из бутылок. Егор посмотрел на нас с сомнением, потом тоже выпил таблетку. Элина растолкла мне кучку на листке в клеточку.

— Будешь?

— И масла побольше, — ответил я.

Я был ее парнем, поэтому я тут же снюхал это говнище. Из носа в голову пронесся холодный и сухой торнадо. Но я не подал виду.

— Не, я лучше выпью вторую, — сказал Егор.

— Напрасно, — сказал я ему и показал кулак с оттопыренным большим пальцем.

В туалете я прислушался к себе. Ничего. Торен пока не действовал. Это хорошо — если они поплывут, я повеселюсь от души. Мой организм сильнее, во всяком случае, алкоголя и плана я могу потребить раза в три больше Егора. Я помыл руки и выпил воды из-под крана. Конечно, я знаю, что из-под крана нельзя пить, но что поделать: так сильно захотелось и очень срочно, что я выпил.

Выходя в коридор, столкнулся с мамой Егора, тупо ей улыбнулся. Не здороваться же второй раз. И проходить мимо нее как мимо пустого пространства мне показалось глупым. Хотя глупо улыбаться было еще глупее. Я зашел в комнату глупого Егора на глупых ватных ногах.

Егор сидел за компьютером. Элина и Оля хихикали о чем-то, сидя на его кровати. «С твоим другом Егором не о чем говорить», — подумал я о своем друге.

— Школьники проникли в кабинет с целью похитить аптечки, — сказала Элина.

— Школьники проникли в кабинет с целью похитить аптечки, — повторила Оля.

И они опять засмеялись. Определить, прикидываются они или нет, я уже не мог.

— Что за херню вы, тупые сучки, несете? — сказал я.

— Ого, — сказал Егор.

— Это цитата, — сказал я.

Егор повернулся ко мне и сказал:

— Они тоже сказали цитату.

Он прочел мне текст с какого-то сайта: «Школьники проникли в кабинет с целью похитить аптечки. О действии вещества узнали на уроках ОБЖ. Испробовав таблетки на себе, подростки попали в больницу с диагнозом «отравление». По инструкции в аптечке должны находиться не настоящие таблетки, а пустые капсулы. Но в слободской школе таблетки почему-то оказались настоящими. Сейчас сотрудниками службы Госнарконтроля проводятся проверки в школах области. Аптечки, содержащие капсулы с тореном, изымаются».

Элина и Оля опять засмеялись.

— И что? — спросил я.

Элина пошла в туалет. Вместе с Олей. Они хихикали и держались друг за друга. Мне это не очень-то нравилось.

— Ну как тебе? — спросил я у Егора. Имея в виду его состояние.

— Не знаю, — ответил он.

— А как тебе Элина? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Егор.

Он повернулся к монитору — переключил на компьютере одну песню на другую. Я спросил:

— Тебе не понравилась Элина?

Он вскочил и пошел к туалету. Через несколько секунд вернулся и сказал:

— Блядь. Они закрылись в туалете и ржут там. У меня мать дома.

И опять вышел. И опять зашел. Мне, в общем-то, было все равно. Пусть ходит туда-сюда сколько ему угодно. Я трогал свои ватные ноги, по ним бегали большие теплые мурашки. Я сказал Егору:

— Школьники проникли в кабинет с целью похитить аптечки.

Он снова вышел, а я закурил. Егору тоже было семнадцать, но у него дома можно было курить. Если по очереди. Не говоря уже о том, что была почти ночь, а мы находились тут и занимались черт знает чем.

Егор привел-таки Элину и Олю. Элина сказала:

— Просто мы не могли оторваться от крана.

— Ты слишком красива, — ответил я, — чтобы пить воду из-под крана.

Я посмотрел на Олю. По ее щеке катилась огненная слезинка. Как капелька горящего полиэтилена, от этого на коже оставался серый ожог. Я решил никому ничего не говорить, пусть сама разбирается. Мне эта Оля, хоть она и была хорошей подругой моей любимой, повторяю, не нравилась. Она была всего лишь присоской. На мой взгляд, у нее не было ни одного достоинства.

Егор включил телевизор. Только он не мог определиться с каналом: щелкал с одного на другой, как полоумный. Я смотрел, не успевая ничего понять ни из одной передачи, затормозил немного и, по ходу, вздремнул в кресле. Очнулся, когда почувствовал у себя на лице руки. Это была Элина. Я сначала не мог понять, чего она хочет и кто вообще она такая. Она сказала:

— Проснись.

И поцеловала меня.

— Ты чего спишь?

Я даже очнулся. Потому что она меня не целовала при посторонних, как правило. А когда целовала, у меня сразу вставал.

Я огляделся — понял, где я. Егор и Оля спали на кровати. Отвернувшись друг от друга — и я их за это не виню: ни в первом, ни во второй не было ничего заманчивого.

— Сколько времени?

Элина посмотрела на мобильном и сказала:

— Уже полвторого.

— Пойдем ко мне? — спросил я.

— Пойдем.

Я встал и потряс Егора.

— Егор. Егор. Мы пойдем.

Он поднялся и проводил нас до двери. Я сказал:

— Ольга останется у тебя. Хорошо?

Егор ничего не ответил. У него был очень сосредоточенный вид. И очень сонный в то же время.

Мы спускались по лестнице. В подъезде я позволил себе взять Элину за руку. Она была не против, и это было приятно. Я поднес ее руку к губам. Если бы не эта сухость в носу и во рту, все было бы хорошо. Я вспомнил, что мы нюхали эту гадость.

— Не буду больше их нюхать. Мне, знаешь, показалось, что твоя подруга плачет огненными слезами.

— Огненными слезами? — только и переспросила Элина.

Мы вышли из подъезда. Пройти немного до меня: пройти мимо ЖЭКа, далее гаражи — гаражный кооператив, его начальник продает самогон и не дает в долг — и начнется частный сектор. Там и живу.

Я и моя девушка покидали зону поражения.

Ночью под фонарями шли, и все было как-то не так, но не сказать чтобы плохо или хорошо. Просто не так. Как через толстое стекло выглядел мир. Я представил, как человек съедает целый стандарт торена, его сердце замедляется, чувства работают иначе, ум отказывает и человек на ватных ногах пытается свалить из зоны с убийственным уровнем радиации. У человека галлюцинации. Он видит, как яркими кислотными пятнами радиация попадает на его одежду и тело.

Подожли к моему дому. Я тихонько приоткрыл калитку, впустил Элину, закрыл. Если смотреть с высоты, мы напоминали двух убегающих от преследователей: за нами гонятся на вертолете и кричат в рупор: «Остановитесь, остановитесь, вам некуда бежать». Окно в мою комнату было ближним к крыльцу. Я подошел к окну, а Элина встала на крыльце. Я и она, мы действовали так слаженно, и я чувствовал, что наши тела — часть одного пазла, который нужно как можно быстрее собрать. Соединить нужные детали. Горячие сгустки энергии циркулировали по жилам.

Я сказал:

— Мне придется лезть. Стой.

Элина ничего не сказала, она уже была свидетелем этой ситуации дважды. Я еле забрался на карниз, потом ухватился за форточку. Осторожно, нужно было делать это осторожно, потому что окошко форточки отваливалось раз. Я просунул руки в форточку, ухватился за раму изнутри своего жилья. Все, дальше — легче, до этого можно было и упасть. Я напряг руки, просунул туловище внутрь. Потом вытянул руки и уперся в подоконник. Это напоминало путешествие между мирами. Я оказался в своей комнате. Я слез с подоконника, стянул обувь, пару раз зажмурил и открыл глаза. Привык к темноте и тихонько вышел в коридор. Свет не включал, естественно. В коридоре было темно, но можно было все разглядеть, если напрячься.

Дверь в мою комнату была прямо напротив двери в комнату родителей. Комнату отца и мачехи. Отца сейчас не было, он, слава богу, уехал в командировку. Но мачеха спала дома. И, к сожалению, дверь в их комнату была открыта. Я прислушался. Мачеха сопела в темноте — спала. Я постоял пять секунд. Сопит, спит. Я подошел к двери из коридора в сени и, потянув ее вверх и на себя, чтобы не так сильно скрипела, приоткрыл. Еще раз прислушался: среди прочих шумов — от включенного холодильника и тиканья часов на кухне до давления воды в батареях — выделил сопение мачехи. Все в порядке. Тогда я вышел в сени и отворил дверь на улицу.

Все это мне приходилось проделывать, потому что у нас был один ключ, который открывал дверь с двух сторон. Если все уходило из дома, ключ прятался в бане. Я не знаю, почему мы не сделали всем по дубликату. Такие важные вещи, как сделать лишний ключ, всегда забываются. Иногда я гуляю ночью, а отец и мачеха думают, что я сплю. Так повелось, что же поделать. У Егора все проще. У меня сложнее. Раз я привел к себе Элину, хотел, чтобы она ночевала у меня, но отец не позволил.

Мы с Элиной тихонько прошли обратно. Мы оказались у меня в комнате. Она разулась в темноте и тихонько сказала:

— Я хочу пить. И писать.

— Сейчас, — ответил я так же тихо.

Мне тоже срочно нужно было попить. Я вышел в коридор, прошел на кухню. Теперь я особо не шифровался. Может, я просто вышел на кухню попить ночью, что тут такого? Я включил на кухне свет и попил воды из трехлитровой банки. О дно звякнула серебряная монета. Говорят, что серебро очищает воду, вот и положили ее туда. Только сейчас я догадался прикрыть дверь в родительскую комнату. Наверное, она отворилась сама, такое случалось. Вряд ли мачеха специально спала с открытой дверью. Я погасил свет, вышел в коридор и закрыл родительскую комнату. И принес воды Элине. Всю банку. Мне тоже еще не раз нужно будет приложиться, во рту и в носу у меня раскислась пустыня Сахара. Элина отпила воды, и я вывел ее в туалет. Нужно было все делать предельно осторожно. Пока она мочилась, я стоял в коридоре и прислушивался. Звук холодильника, звуки в трубах, тихое журчание струйки. Все в порядке. Она выходит, мы возвращаемся в комнату.

Наконец мы оказались вместе. Я быстро раздел ее, мы поцеловались, я снял с себя все, и вот мы уже совершенно голые. Только этот сушняк. Две жажды. У нас по две жажды на брата, мы сразу находимся в двух мирах. Один совершенно не похож на другой — как ад и рай. Сначала я поцеловал ее грудь, я поцеловал ее живот и поцеловал ниже живота, я крепко обнял ее руками. Лег на нее. Элина попыталась мне помочь, но я уже сам попал в нее. Это самый важный момент, ничего лучше никогда

не было и не будет. Я как смотрю на каплю и вижу океан, это вечность, которую нельзя удержать. А потом нужно было уходить, потому что было уже около семи часов. Утро уже освещало комнату, и надо было идти до того, как проснется мачеха.

Все по той же системе, только наоборот. Мы быстро оделись. Я вывел Элину сначала в коридор, потом в сени. Выпустил ее на улицу, закрыл дверь на ключ. Все так же тихо и серьезно. Спецназ. Я вернулся в комнату. Вылез через форточку на улицу. На улице выпал снег. Это было невозможно, потому что был май месяц. Но мне так хотелось, и снег выпал.

— Ядерная зима, — сказал я.

И поцеловал Элину.

— Весна, — поправила она.

Мы тихонько вышли из ограды, я прикрыл калитку. И пошли на остановку. Снег скрипел под нашими ногами, а подошвы оставляли на нем небольшие воронки от ядерных взрывов. Нужно доехать до центра, там погулять немного. В восемь тридцать Элинины родители уйдут на работу. Мы пойдем к ней и немного поспим. Потом проснемся.

Уже на остановке Элина вдруг вспомнила:

— Мы забыли Ольгу.

Мне не нравилась Ольга. Я ревновал к ней. Один раз Элина предложила, чтобы мы занялись сексом втроем. Я не хотел, но согласился. И у меня не получилось. Я застенялся втроем. Вдвоем — нет. Когда мы были вдвоем, я был Элининым киборгом модели Fucker 2003.

Сейчас я сказал:

— Может, Оля сама доберется?

Я думал, Элина не согласится, но она ответила:

— Хорошо.

И ядерная снежинка упала на ее ресницу.

ДОБРОВОЛЬЦЕВ НЕТ

This is fucked up, fu-a-acked up.

ТОМ ЙОРК

У Сперанского были какие-то дела в Петергофе, значит, выходило, что я буду ночевать один на новом месте. Честно говоря, я боялся. Боялся, что вот так я войду в новое жилье, проведу один ночь, потягивая пиво или вино. И моя жизнь совсем не будет отличаться от жизни Генри Чинаски. Я все-таки не персонаж, а настоящий человек, но иногда уже перестаю это чувствовать. Я позвал Кирилла, но он сказал, что не поедет ко мне. Понимаю, ему бы пришлось добираться два часа. Что, он будет через весь город пилить, чтобы поддержать меня за ручку? Он же мне не мамочка.

Так что мы выпили немного пива, Сперанский уехал, и я пошел на новую квартиру. Всего десять тысяч, я боялся, что нас развели. Где-то тут должен быть подвох. Я вставлю ключ в замочную скважину, и ключ не подойдет. Или ночью меня разбудят менты и поведут в отделение. Я боялся, что напьюсь один и выброшусь в окно. Я сидел и думал. Обдумывал еще, что я могу написать отцу.

Я часто думаю, что ему написать, но не часто пишу. Зато постоянно про себя проговариваю варианты писем.

Сам он на днях написал, что моей сестре сделали укол и теперь год она не будет пить. Ее выгнали с работы после последнего запоя, а она была директором парикмахерской.

Я не знал, что ответить отцу.

«Привет. Я сломался. Мне уже все равно, кем я буду. Я вдруг

перестал бояться, что ничего не выйдет, и вообще чем-то интересоваться. Я читал, что это первый симптом депрессии. Депрессия — это когда человек не интересуется вещами, не заслуживающими интереса. Уже ничто не заслуживает моего интереса. Каждые выходные я схожу с ума от безделья, мне хочется только пить. Лучше бы не было выходных, я бы работал и работал, так легче. Я уже не хочу печататься, я ничего не хочу. Я так долго хотел иметь книгу, а ее нет и нет. Я кажусь себе чем-то вроде девственника, который решил не трахаться.

Я живу только из-за того, что тебе и Сигите будет больно, если я покончу с собой. У тебя хотя бы останется Ваня, а у нее никого не останется, с кем она сможет поговорить так. Хотя кто-то появится, наверное, со временем, нечего себя переоценивать. Раньше я всегда считал тебя счастливым человеком. Но когда зимой ты мне сказал, что это не так, что тебе так же больно и невыносимо, почва ушла у меня из-под ног. Я не знаю, как жить без этой иллюзии. Зачем ты мне это сказал? Ты сидел в этих трусах напротив телевизора, сказал мне, что ты тоже несчастен, а смысла в жизни нет, и я увидел тысячи горьких жизней, которые будут повторяться без толку поколение за поколением. Мне стало так одиноко, меня просто бросили одного в лесу. Я потом расплакался, когда ушел в комнату, ты мне дал по голове, короче говоря. Единственный счастливый человек оказался несчастен, я не знал, куда мне деться. И жить неохота, и сдохнуть страшно.

Вчера я видел человека без глаз в метро. Я хотел дать ему тысячу, но мне стало жалко тысячи, и я дал ему сторублевку.

На день рождения тоже пойду зашиваться, у тебя будет два зашитых ребенка-алкаша. Я уже звонил, за две тысячи мне введут физраствор, и я останусь один на краю вселенной. Странно как-то все получилось.

Мы со Сперанским сняли квартиру, и теперь у нас адрес: Добровольцев, 181, квартира 237. Так что есть и хорошие новости. Всего за десять тысяч. Будет где отдыхать по выходным.

Привет всем. Не падайте духом».

Я бы на хуй застрелился, если бы получил от сына такое письмо. Ничего не стал писать отцу, да и подключиться к интернету

мне не удалось. Посидел, поплакал, посмотрел порнуху, подрочил, взбодрился и пошел в магазин.

Милостивый читатель, я продолжу свой добрый рассказ после онанизма. Советую и тебе отвлечься от моей истории ради того, чтобы порадовать себя этим простеньким удовольствием. Огненные буквы летят мне навстречу, я жму «вниз», «прыжок», успеваю или не успеваю увернуться.

Мне хотелось поесть, но не хотелось готовить. Помимо двух бутылок Holsten купил какую-то шляпу быстрого приготовления. «Биг ланч». И пошел от магазина домой. Был первый час ночи. В этом районе полно гопоты, я надеялся, что будет конфликт, это бы меня взбодрило. Хоть какое-то развлечение. На углу дома я как бы случайно, но и нахально задел парня плечом, но из этого ничего не вышло. Бить меня не хотели. Вид у меня был действительно безумный, говорю же, я был на пределе. Наверное, это было видно по моим глазам. Ад полыхал в них ярким пламенем, он сгруппировался, как перед прыжком, и пружина готова была сработать в любой момент. Это значит, что я могу больше не бояться пустяков. Зачем я буду бояться получить по башке, если каждый день мне приходится сталкиваться с непрошибаемой пустотой, пожирать ее, сгорать от тоски?

Я решил подняться на шестой этаж по лестнице. В подъезде, или, как здесь говорят, парадной, пахло мочой, что напоминало: «Ты в Питере!» — все как положено. Я поднялся и вставил ключ. Сердце мое замерло, мне послышались голоса из квартиры. Я открыл дверь. Нет, это я забыл выключить порнографию на ноутбуке, а шарманка так и шла. Какой-то белобрысый парень ебал Лэнни Барби уже по второму или третьему кругу. Говоря начистоту, актриса она неважная. Мне нужен женский оргазм, а Лэнни Барби как будто вообще не кончает. Но сейчас у меня была записана лишь одна порноновелла — и та с ее участием.

Я обломал им секс, разогнал их праздник, включил вместо этого группу The Scarabeusdream, и отчаяние хлынуло в квартиру из колонок ноутбука. А я вскипятил воду в кастрюле и заварил себе «Биг ланч». Сама вермишель была ничего, но вот прилагающийся мясной соус на вид сильно напоминал дерьмо.

На вкус тоже оказался дерьмом, я думаю, что у дерьма именно такой вкус, как у этого соуса. Но мне хотелось есть, а еще раз выходить не хотелось, я устал. Работаю всего второй месяц, а уже чувствую, что дохожу до ручки. Хотя дело не в работе, наоборот, в выходных: нарушается ритм, а потом приходится ехать на залив, входить в ритм заново, но он нарушается.

Превозмогая отвращение, съел порцию.

Немного привык. Мне уже было не страшно. Квартира мне нравилась. Комната квадратов 18, шкаф-стенка, стол, раскладушка, кресло, туалет с тремя разными стульчаками (не знаю, откуда они там взялись: деревянный и два пластмассовых), ржавая ванна, кладовка — там есть даже гиря и велосипед со спущенными колесами, очень маленькая кухня. Лучше и не придумаешь. Здесь я напишу второй роман или хотя бы первый, если найду в себе еще желание этим заниматься. Нужно найти желание, иначе в моей жизни не останется ничего.

И я тут же состарюсь, как мои друзья.

Позвонила Сигита, поговорила со мной, она переживала, что я тут сойду с ума в одиночестве. Она тоже чувствовала, что я карабкаюсь из последних сил и что мне уже все осточертело. Ее поддержка мне нужна, она была совершенно права. Она назвала меня кисонькой-мурлысонькой и посоветовала поехать в гости, если есть возможность.

Я и так думал поехать в гости, чтобы не сидеть в одну каску, как лох. Но я вымотался. Девушка Маша предложила приехать к ней и ее приятелю. Вроде это было не очень далеко. Они там бухали. Я собирался поехать, но передумал. Я любил Сигиту, а пить с Машей, как я подумал, может быть чревато сексом. Если я изменю Сигите, я должен буду ей рассказать об этом. Если я буду иметь кого-то втихаря, от меня ничего не останется. Сейчас я поговорил с Сигитой и точно понял, что не поеду к Маше.

Я набрал Машу.

— Извини, я, наверное, уже не приеду. Устал и я уже пьян.

— А что так? Мог бы и приехать.

На фоне кто-то сказал Маше, чтобы я взял бухла.

— Не, я лучше в одного посижу, как лошара, — сказал я. — Пока.

— Ну пока. Как знаешь, — ответила Маша и отключилась.

Я просто сидел, потягивал пиво и смотрел перед собой. Ни телевизора, ни интернета. Были книги, но я про них просто забыл. Я сидел и сидел. За окном люди еще продолжали жить. «Занимались жизнью», как сказал Сперанский. А я медленно пил Holsten калужского розлива. Это и есть стать взрослым. Одну выпил, а вторую бутылку мне не захотелось. Я и так уже чувствовал себя нетрезвым. Девять бутылок все-таки за день я уговорил. А перед рабочим днем это многовато.

Я лег на раскладушку и закрыл глаза. Мне показалось, что я проспал минут пять, когда зазвонил будильник на телефоне. Началось утро.

Похмелье было несильным, но я не выспался. Вокалист «Скарабеусов» до сих пор надрывался. Позвонил Сперанскому. Абонент не отвечает или временно недоступен.

Я использовал метод Шерлока. Значит, он на другой сим-карте, значит, он еще сидит в интернете с телефона за своим ноутбуком, а значит, этот мудака до сих пор не вышел из общаги.

Я позвонил ему на «Билайн».

— Блядь, ты еще не вышел? Уже девять!

— Да все, я уже выхожу. Пятьдесят минут ехать.

— Ты будешь только через час десять. Не пизди. Быстро выходи.

— Хорошо.

Я почистил зубы, убрал свой маленький Asus в сумку и вышел. Уже на улице я понял, что забыл зарядить телефон. Поэтому я написал начальнику: «U menya mozhet sest' telefon, budu kak obychno». Я сел в трамвай, который идет до метро «Автово», и подкатило. Меня затошнило так, что чуть не стравил прямо в трамвае. Моему организму хотелось избавиться от «Биг ланча» как можно скорее. Нужно было что-то выпить, сок или чай, тогда станет легче. Я зашел в «Чайную ложку» возле метро и заказал себе зеленый чай и салат.

— Вам один чай или двойной? — спросила девушка.

— В смысле?

Я стоял как вкопанный, не понимая, чего она от меня хочет. Кассирша смотрела на меня с сожалением и тревогой.

— Вам чая на одну чашку или на две?

Я вдруг заеблил. Ничего не понимал. Ни слова.

— Чаю на одну чашку? — спросила она еще раз.

Одну чашку, две чашки, чашки крутились в голове, кажется, я сошел с ума. Мир вокруг замер, время никуда не двигалось. Мне стало страшно, что я забыл русский язык.

Вдруг я понял.

— Я же один, — сказал я.

Расплатился и сел за столик.

Салат поможет желудку заработать. Нужно было зарядить мобильник, но розетки я не увидел. Написал Сперанскому: «Ya v chaunoy lozhke». Я съел салат, стало легче, было уже ровно десять, а Сперанского не было. Через сорок минут электричка, мне еще надо ехать на залив, из-за Сперанского я мог остаться без работы. Она мне нужна, без работы я теперь уже не смогу. Я отнес поднос с грязной посудой куда следует и вышел.

«Ya u vhoda v metro».

И зарядка кончилась, все, теперь телефон не включить. Больше всего я не люблю опаздывать.

Сперанский опоздал на восемнадцать минут.

На электричку я опаздывал уже по-любому. Женя будет целый час ждать меня в Зеленогорске, а потом поедет на залив один и распахнется, это как пить дать. А созвониться я не смогу с ним. Я не догадался, что мог бы позвонить Жене, вставив сим-карту в телефон Сперанского. Слишком я был зол, чтобы думать.

Сперанский шел, как всегда, ничего не видя. Со зрением у него неважно.

Я пошел ему навстречу, показывая средний палец вместо приветствия.

— Пидорас, — сказал я. И швырнул ему в туловище ключи.

— Ты совсем охуел? Мы же в десять договорились?

— В десять, блядь, а не в двадцать минут! — сказал я и пошел прочь от него, пошел в метро.

Жетон у меня был. Уже спустившись в зал, я стал высматривать Сперанского, но не нашел его. Опять я сорвался, хорошо хоть не ударил его. Он бы выбил из меня эту дурь, удар у него хорошо поставлен, пара лет тайского бокса изменила его. Я искал взглядом красный кардиган Торман и его стильные джинсы Cheap Monday, но не мог найти. Мне хотелось извиниться.

Но я сел и поехал на станцию метро «Черная речка». Там я могу сесть на маршрутку и через час уже буду в Зеленогорске. Женя подождет минут десять. Ничего с ним не случится.

Но когда бытие наваливается на меня, все становится сложнее. Я не знал, где останавливается маршрутка на «Черной речке». А спросить у кого-то я не мог. Психологически не мог. Если я подходил к незнакомому человеку с похмелья или просто не в духе, у меня не хватало духу спросить:

— Простите, где останавливается маршрутка до Зеленогорска?

Я ездил только из Зеленогорска в Петербург на ней, то есть оттуда сюда. Отсюда туда я всегда ездил на электричке. И, видимо, из Петербурга в Зеленогорск маршрутка ехала немного по другому маршруту. Поэтому я прождал минут пятнадцать и не дождался. Время терять нельзя. Я снова пошел в метро. И доехал до станции «Удельная».

Вошел на железнодорожную станцию и изучил расписание электричек. Я опоздал, начался перерыв, и следующая будет только в два часа дня. Мне хотелось плакать, хотелось кому-нибудь жаловаться, но телефон не работал. Я знал одно заведение тут, «Блиндональдс». Пародия на «Макдоналдс», но там есть дешевое пиво, и я там часто бывал. Я надеялся найти там розетку. Но я обошел весь зал и не нашел розетку. Я снова не знал, что делать. Уже нужно было работать. Мне вдруг этого сильно захотелось, работать легче, чем жить. Женя будет давать мне нагрузку, я буду точно знать, что должен сделать. Я буду пилить бензопилой, крутить шуруповертом, резать болгаркой. Это лучше, чем стоять у выхода из «Блиндональдса», как будто в штаны навалив, не зная, где зарядить телефон.

Я набрался смелости и зашел в магазин. Диски, музыка, игры. Продавец был молодым симпатичным парнем.

— Можно я воспользуюсь розеткой? — спросил я.

— Пользуйся.

Я сел на диванчик. И воткнул зарядку в тройник. Розетка не работала. Следующая. Тоже не работала. Я посмотрел и увидел еще одну розетку.

Она работала. Я спасен. Я набрал Женю.

— Я отравился немного. Извини. Приеду завтра или вечером. Ты меня не уволишь?

— Ты где? — спросил Женя.

— Я на «Удельной» еще. Тут нет электричек... Немного затупил, мне стало плохо, и я опоздал. Я приеду вечером или завтра утром.

— Хо... Хо... Хорошо... Отдохни то... То... Тогда еще денек. Завтра приезжай.

— Спасибо. Пока.

Все нормально. Кроме того, что я потерял тысячу четыреста рублей за рабочий день. Я позвонил Сперанскому.

— Извини, что я на тебя наорал. Я тут опоздал, больше не будет электрички. Ты сможешь отдать мне ключи через полчаса?

— Смогу.

— Давай тогда ровно через полчаса? Ты на «Василеостровской» работаешь?

— Да. Ты тогда позвони, как будешь подъезжать.

— Хорошо.

Только я выключил Сперанского, позвонила Сигита.

— Что у тебя с телефоном?

— Сел и, вообще, он глючит.

— Ты уже на работе?

— Я отпросился.

Мы еще обменялись несколькими фразами и распрощались. И я выдернул зарядку, сказал продавцу спасибо и вышел.

Что там думает Женя по этому поводу? Я уже второй раз его так подвожу. И снова не по своей вине. Я потыкался в телефон — он опять отказался включаться.

Вышел на «Василеостровской» и не знал, что мне делать. Можно было позвонить с автомата, но я знал только Сигитин

номер наизусть. Трех рублей, закинутых в автомат, хватило, чтобы сказать:

— Скажи Упитышу, что я его жду. Сел телефон.

Ответа ее я не расслышал.

Сперанский пришел минут через десять. Он не только дал ключи, но и спросил, не хочу ли я есть.

— Хочу, но у меня кончились деньги.

Он сказал, что купит мне обед. Мы пошли в бистро. Я съел борщ. Он съел борщ и салат. Я зачем-то сказал, что хочу бросить эту работу. Вдруг я подумал, что больше не хочу ездить на электричках и долгой маршрутке. Сперанский предложил попробовать журналистом устроиться в какой-нибудь журнал. Я сказал, что попробую что-то подыскать и, если меня возьмут, брошу работать с Женей.

— Мне нужно хотя бы двадцать. После тридцати, правда, все равно мало получать двадцатку.

— Двадцать-то будут платить, — сказал он. — Только нужно не в такую газету, как моя. А в журнал. Напишем тебе резюме в выходные и разошлем.

Мы вышли из бистро, зашли в магазин. Сперанский купил мне кефир. Желудку стало легче. Я дошел до его работы, а потом пошел в метро. Добираться где-то час, я хотел попасть в наше жилище, хотел оказаться там. Нужно отдохнуть, чтобы завтра работать. В метро было душно, я чувствовал, что усталость вот-вот добьет меня. Но все-таки дотерпел до «Автова». Хотя мне хотелось спрыгнуть или кричать еще на Балтийском вокзале. Хорошо, что я не в Москве. Но плохо, что Сигита не со мной. Она нужна мне, она спасет мой рассудок. В Москве метро хуже, чем в Петербурге. Мне кажется, в Петербурге метро уютней, наверное, уютней, или мне кажется — раз два три четыре пять точка точка точка тире тире тире тире точка точка точка.

Вышел из метро и не сразу нашел остановку. Но потом вспомнил и побежал, догнал трамвай и запрыгнул. Расплатился, и денег у меня не осталось. Но это оказался не тот трамвай, я это понял, когда он свернул не туда.

И я вышел. Дремучий лес, и никаких ориентиров. Нас просто бросают в эту жизнь, как параноика Эрнеста, и дождь смывает клей, на который приклеены волосы к нашей груди, и клей с волосами течет по пузу, не предвещая ничего хорошего. Мне придется идти час пешком. Отдохнуть, а потом помочь перевезти вещи из Петергофа Сперанскому. Я должен поспать. Так я шел, не приспособленный ни к чему. Когда я увидел компанию гопников по курсу, я перешел на другую сторону. Сегодня я боялся всего. Философские вопросы выпотрошили мне кишки.

Добрался. Почти потерял день. Уже почти четыре.

Сначала хотел зайти не в тот подъезд, но потом до меня дошло, я вспомнил номер квартиры. В лифте пахло мочой, как небо синее, а трава зеленая.

Ключ подошел.

Я был дома, мне удалось спастись. Мне нужно было срочно помыться, срочно зависнуть в ванной, и все наладится.

Разулся и открыл сумку, чтобы достать гель и зубную щетку. Но флакон открылся, гель вытек и залил книги, и мои чистые трусы, и носки. На ноутбук, к великому (ха-ха) счастью, не попало, он был в другом отделе.

Я бросил книги на стол, носки и трусы на пол. Нужно их прополоскать. Сумка пахла как кусок мыла. Вытащил протекший флакон. Стоял и пялился на него.

Стоял и пялился, я не знал, что мне с ним делать. Я вдруг забыл все. Все, чему учился в течение жизни, не имело смысла. Выронил необходимый фрагмент пазла. Мой мозг не мог отправить подходящую команду, дать телу верное распоряжение.

Сигнал потерян, сигнал потерян. Я не знал, как людям удаётся справляться. Не знал, как надо реагировать на этот пролитый флакон. Я больше никогда не буду счастлив. Этому парню больше не давать! Я не смогу жить. Все мечты обречены. Как облегчить страдания? Я не умею быть счастливым, мне нужно срочно работать. Я не могу думать. Рука моя стала липкой от геля. А я стоял посреди чистого поля и смотрел на флакон Palmolive for men, а ледяной ветер забирался под одежду и дальше, под ребра. Я висел в открытом космосе, меня скрутили, я пустышка,

машина пережевала меня, ничего не оставив, от меня уже ничего не осталось. Машина уничтожила человека. Через две недели мне исполнится двадцать три года, и неважно, допишу ли я роман, добью ли я последние десять страниц или нет, поставлю я себе укол, чтобы не пить год, или полгода, или три года, — ничто не имеет значения, ведь я даже не знаю, что мне делать с этим флаконом. Двадцать три года, я мог бы быть отцом или директором магазина, молодым бизнесменом или начинающим политиком, пикапером или верным мужем и мог бы уже умереть от СПИДа или даже стать известным актером, но это все было бы неправдой; люди всю жизнь только и делают, что прикидываются кем-то, и я не знаю, что с этим делать, как ни верти, а ничего с этим нельзя поделать. Что, я должен его себе в задницу засунуть, этот флакон?

Это крик, я кричу о помощи. Помогите мне.

2008

НАВАЖДЕНИЕ

Ольга надула губки и сказала, исподлобья глядя на дорогу:
— Детишков родить. С ними веселее.

Она смотрелась за рулем как слабоумная с бубликом. Одета и накрашена — настоящая соска.

— А как же всеобщий пиздец?

— Не знаю никакого пиздеца, — ответила она.

Я смотрел через стекло на улицу. Было очень холодно. Я пару дней назад прилетел в Кемерово, и у меня чуть лицо не треснуло, так было холодно. И сейчас смотрел из автомобиля на улицу, на этот обжигающий снег, заледенелые урны и тротуар и вжимался в кресло. Наверное, так холодно бывает только в открытом космосе.

— Мне кажется, что он не за горами, — сказал я рассеянно.

С Ольгой я мечтал переспать, когда мы вместе учились. У меня, помню, просто зубы сводило от желания. А она говорила: «На гуманитариев у меня не встает». Как же она меня тогда бесила своей тупостью, но как же я хотел ее.

— А твой супруг? — спросил я.

Никогда я не был гуманитарием. Точно так же не был и технарем. Я не понимаю такого деления. Людей можно разделить на мужчин и женщин, например. Но не на гуманитариев и технарей. Считала, может быть, что, если я прочел всего Джона Стейнбека, отчасти Кнута Гамсуна и еще нескольких авторов, член мой поник, не выдержав красоты литературных стилей?

— Высрал круг, — скаламбурила Ольга. — Что супруг?

— Хочет детишков?

Она глянула на меня, потом опять на дорогу.

— Вроде бы хочет, а вроде бы и нет. Скорее да.

Мы встали на светофоре. Это было на Октябрьском проспекте. Когда-то я ходил по этим улицам, жил в этом городе и в общем-то особо не задумывался, для чего все это так. Пил синьку и мечтал, чтобы счетчик телочек крутился быстрее.

Электронные часы, возвышающиеся на пустоши, — они же и градусник — напротив издательства «Кузбасс» показывали 18:50, минус 29. Люди, дома и машины — все как будто ненастоящее в сумерках. Стоит попытаться вовлечь их в беседу, ударить или просто дотронуться до них — исчезнут. Я потянул Ольгу за лицо к себе, у нас еще была пара секунд, пока не загорится зеленый. Она повернулась, в ней была какая-то нежная горечь, что ли. Или не было ничего, все это я сочинил сам, не знаю. Я поцеловал ее аккуратно, чтобы она вдруг тоже не оказалась наваждением.

— Я боюсь, что скоро ничего не будет, — сказал я.

И мы поехали дальше в сторону центра. В универе Ольга зачем-то рассказывала мне про своих ебарей, а я говорил, чтобы лучше заткнулась и дала мне. А она даже не воспринимала мои слова всерьез. И так несколько лет. В общем-то много чего происходило в то время. Понятно, что у меня помимо разговоров с ней была какая-то жизнь. Хотя сейчас я чувствовал по-другому. Как будто кроме нас ничего в мире уже нет. Как подтверждение — за окном за время проезда от издательства до центрального бассейна я не увидел ни одного человека.

— Мне жутко, и я немного жалею, что приехал. — Мне нужно было успеть сказать самое важное. — Я встречаюсь с друзьями, но они уже не те. Пью с ними водку, но не успеваю опьянеть, потому что засыпаю или не хватает сил. Или они начинают нести какую-то хуйню о том, что я изменился не в ту сторону. Или говорят, что я ношу узкие штаны, как пидор. Разве об этом говорят друзья после трех лет?

— А мне нравятся твои штаны, — сказала Ольга.

— Я даже не смог поговорить с отцом, — продолжил я, — вроде бы сели, выпили и обоим хочется. Но не могу нащупать, как

ему все это рассказать. То, что я чувствую. Вдруг мы видимся в последний раз?

Я замолчал до следующего светофора. Ольга очень щедро меня поцеловала, меня проняло от кончиков волос до пяток. И когда мы снова поехали, она спросила, неровно дыша после поцелуя:

— Зачем ты приехал?

— Пропрощаться, — ответил я.

Но тут же добавил, предчувствуя, что она может поскукнеть:

— Хотел оказаться с тобой.

Когда я поднимался за ней по лестнице, я шел чуть ли не на карачках. Она пыталась невозмутимо идти по ступенькам, а я при этом держал ее под шубой, сильно сжимал талию в своих объятиях, мешая ей идти, как пьяная жопа кентавра. Я грелся об нее, но тут дело было не только в температуре воздуха. И она не возмущалась. Я был как маленький, меня как по голове стукнули и отбили все признаки цивилизации. Просто слюной истекал, вот и все.

Разогнулся, только когда Ольга открыла дверь в офис.

— Входи.

Я вошел. Она включила свет и заперла дверь. Я быстро повесил куртку на крючок, разулся и прошел в туалет помыть руки. Ольга расстегивалась медленно и смотрела из коридора в толчок. Я помог ей высвободиться из шубы. Ольга повела меня за руку к дивану. Мы немного целовались, я снял с нее блузку, она расстегнула мне ширинку, чуть приспустила мои джинсы, трусы и глубоко взяла в рот. Немного погодя я отстранил ее, наклонился и поцеловал. Мне захотелось посадить ее на стол. Стянул сапоги, колготки, плавно и нежно — трусики, задрал юбку, усадил. Склонился перед ней — вернувшееся домой дитя — и нырнул в пилотку. Голова кружилась, я принялся лизать жадно, как голодный волк, даже запихивать язык в вагину и тереться носом о клитор. Она сжимала мою голову коленями, пока вдруг легонько не оттолкнула меня рукой, чтобы не кончить раньше времени.

Я спустил штаны и потерял шнягой о входное отверстие.

— Где презерватив? — спросила Ольга.

Я достал из кармана штанов и подал ей. Она быстро прыгнула со стола и встала на колени. Разорвала упаковку, положила гондон на шляпу и ртом развернула по стволу. Я потянул за подбородок ее лицо к себе, поцеловал и опять посадил на стол. Сначала она лежала на столе, а я трахал ее, поднимая и отводя ногу одной рукой, второй рукой глядя по груди. Лифчик был на Ольге. Мне бы хотелось любить голое женское тело, но какое-то искажение психики заставляло меня больше возбуждаться от бюстгальтера. Я наклонялся, целовал живот и опять выпрямлялся. Потом притянул к себе, и она обхватила мою задницу ногами. Вот мне показалось, что она кончила. Тогда я немного замедлился, вытащил, опять разложил ее на столе. Поскребся у порога и, получив позволение, аккуратно вставил в дымоход. Скоро мы кончили, как мне показалось, уже вместе.

И теперь сидели на столе, отчасти голые, отчасти одетые. Я гладил волосы Ольги, какая же она была красивая. И наконец-то смотрела на меня просто. То есть как будто я обычный человек, а не лунатик, ослицей рожденный.

— Может, пиздец уже наступил? — проговорил я, не веря в происходящее.

Еще раз поцеловал Ольгу, впитал вкус ее губ, щек, носа, лица и волос. И пошел в туалет. Чтобы спущенные штаны не мешались, я вышагнул из них и трусов. Стянул презик — я не удержался и понюхал его, но он почти не пах, как будто она специально проклзмила тухлую вену перед встречей или просто вообще не было в ней неприятных запахов, — и кинул в мусорный бак. Шашка все еще дымилась, пока я купал ее в раковине.

— Как у технаря, поршень еще рабочий, — сказал я Ольге, когда вернулся.

Она уже сняла с себя все и сидела на столе совершенно голая. Я даже обрадовался, как ей к лицу нагота. Тогда я тоже стянул носки и — разом вместе с футболкой — толстовку.

Мы перешли на диван и развалились. Я просто целовал Ольгу, исследовал руками тело, дышал в вагину, как дышат на замерзшее стекло в трамвае, чтобы увидеть мир за окном. Нам было хорошо.

Но когда я собрался снова вставить, она требовательно сказала:
— Презерватив.

У меня, вообще-то, был только один, который мы уже истратили. Честно говоря, я думал, что мы либо обойдемся без него, либо в первый раз с ним, а во второй раз Ольга будет уже стоворчивей.

— У меня больше нет.

Она поднялась и стала шарить в ящиках стола.

— Давай без него, — сказал я, стоя рядом голый со шпагой, как сирота. — Ты думаешь, я заразный?

Ольга не нашла. Она покачала головой.

— Нельзя, — сказала.

Когда я, уже одетый, стоял в дверях, Ольга (она накинула шубу на голое тело) дала мне пропуск.

— На вахте показать нужно при выходе и входе.

— Ты куда не уйдешь? — спросил я.

Мне стало тревожно. Плохо, если вдруг я больше не увижу ее.

— Я же даю тебе свой пропуск. Я не уйду без него.

Я еще раз быстро поцеловал Ольгу.

На вахте не было охранника. Я весь съезжился, глубокий вдох-выдох, и приготовился к рывку. На улице уже стемнело, от этого пространство еще сильнее походило на ледяной космос. Метров двести — бежать быстрее и дышать только через варежку. Перебежать дорогу, потом немного вдоль корпуса университета, еще раз перебежать дорогу, и вот магазин «Чибис».

Я прошел в торговый зал, трясясь и слегка поколачивая себя руками по корпусу, чтобы согреться. Вдруг до меня дошло, что вокруг нет никого. Полки с товарами, продукты, продукты, мертвый свет ламп — и ни одного человека в помещении. Ни покупателей, ни охранников, ни кассиров. Как во сне. Я быстро прошел к выходу и взял презервативы в сопутствующих товарах.

Расплачиваться, видимо, было не нужно, я набрал полные легкие воздуха, вышел из магазина и побежал. Мне нужно было попасть обратно к Ольге как можно скорее.

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

1

Меня разбудил шум, возня и споры за открытым окном. Вернее, я уже не спал и еще не бодрствовал, когда услышал звуки потасовки. До этого лежал, чувствовал приближение дня, чувствовал, что нужно находить силы что-то делать, зачем-то продолжать дальше барахтаться и ныть. Вчера Сигита не поехала ко мне, и, как только я начну день, придется столкнуться с этим: теперь мы не вместе и больше я не прошу ее. Сколько можно морочить мне голову, пусть найдет себе какого-нибудь жирного тупого кретина и морочит ему голову, такое мнение у меня было на этот счет.

— Ну-ка! Ну-ка, дай сюда телефон! — орал кто-то за окном.

Орал, и притом таким тоном, как будто воспитывал. Владелец этого голоса и тона был учителем труда на пенсии, не иначе. Очень я не люблю этот тон, слышал его и обнаружил, что проснулся. Голос этого пидораса создал меня, извлек из небытия. Как оказалось, я уснул прямо на полу при открытом окне, не снимая одежды. А ночью стало холодно, и я укутался в покрывало, которое тоже валялось на полу. Теперь я резко откинул покрывало и встал.

Стоял между занавесок и смотрел на улицу. На дороге под моим окном толкались двое: пожилой советский гражданин с зонтом в руках и молодой гастарбайтер. Обычный узбек,

может быть. Он был в спортивной куртке с нашивкой BMW... А может, и не узбек, я не очень в этом разбираюсь.

— Не трогай мэня, — сказал он совку.

Склока происходила на дороге под самыми моими окнами. Они спорили и топтались по страницам распечатки моего романа, которую я несколько дней назад выкинул в окно.

— Я тебе повторяю: пошли со мной, — сказал совок, пока тянул узбека в сторону. — Сейчас пойдем с тобой в отделение. Шустрый такой нашелся!

Узбек резко скинул с себя руку совка и зло сказал:

— Иди ты в жоппу, а?!

И попытался пойти в сторону, обратную той, куда его тянул совок. Но совок снова схватил его и крикнул:

— Я тебе повторяю: пошли в отделение!

А я стоял спросонья и смотрел из окна. Вернее, я лежал, привязанный к рельсам, и ко мне мчалось с шумом и страшным скрежетом осознание того, что с Сигитой у нас все кончено. Она меня предала. Когда я вчера позвонил, оказалось, что она не в поезде и не едет ко мне.

И теперь я был один в квартире, Сперанский уехал в Москву на «Пикник» журнала «Афиша», мое утро должно было начаться с любимой женщины, а началось с двоих полудурков и их ничтожной членососной ссоры за окном. Все это высохшего говна не стоило, как они этого не понимали.

И мне они оба были несимпатичны, но все-таки совок был больше. Поэтому вдруг я крикнул сверху:

— Сто рублей на черного! Совок говнюк!

Они на секунду замерли, прислушиваясь. Думали, показалось им это или не показалось. Это глас божий, ребзя. Совок огляделся, а узбек ожил, достал телефон и стал набирать номер. Вдруг и совок опомнился — убедившись, что да, действительно, мой унижительный для него комментарий есть галлюцинация, — и как даст узбеку зонтиком по хребту. Тот явно не ожидал такого, взвизгнул «У-у-уа-а-ай», изогнулся и смотрит на совка, может, как на НЛО или на увеличенного червяка. Или не знаю как на что, могу только домысливать отсюда, с шестого этажа.

— А ну-ка, не звони! — высоким от волнения голосом пояснил совок, за что он всыпал узбеку.

И еще раз замахнулся зонтом, но узбек успел увернуться.

— Кому говорю, не смей никуда звонить!

— Пашель в жъепу!

И узбек резко пнул совка в живот. Совок сложился пополам, а узбек рванул в сторону, обратную отделению.

Я услышал женский крик.

— Милиция-а-а!

Значит, был еще один зритель, мой антагонист-болельщик, отдавший свой голос не узбеку, а совку.

— Видите, что творится! — громко и отчаянно простонал совок, так и не разгибаясь.

Он стоял раком, держался за живот и смотрел прямо себе под ноги. А под ногами у него, повторяю, валялись страницы распечатки моего романа. Интересно было, вдруг в мерзком старикане обнаружился бы литературный вкус, он бы начал вглядываться в текст, прочел бы сначала одну из страниц моего великого романа, а потом бы собрал их и забрал бы домой. Какого хуя, я это заслужил, хорошо было бы, если бы этот старик оказался не стариком, а Крусановым или Бояшовым, а еще лучше — покойным Ильей Кормильцевым, моя книга бы возродила издательство «Ультракультура», рассвет русской словесности тысячи человек сейчас встречали бы под моими окнами.

И я шутки ради крикнул в окно:

— Это я написал!

Совок не ответил. Наверное, он не был издателем. Поэтому мне надоело смотреть в окно, и я пошел умываться. Суббота в данной точке пространстввремени.

В прошлые выходные, в воскресенье, я позвал друзей выпить, потому что я дописал роман. Нужно было это отпраздновать, ну и заодно отпраздновать день моего рождения. Собственно, роман был моим подарком самому себе на двадцать три года. Я даже купил принтер, сделал несколько распечаток и раздал всем. Гостей было немного: Маша, Валера, Сжигатель Трупов и Женя Варенкова. Еще был Сперанский, но он не гость, а ныне

мой сосед. Но он все равно, конечно, получил распечатку. Потом мы поругались с Варенковой, потому что она захотела уехать раньше, чем обещала. И я заорал, что, раз она хочет уехать раньше, чем обещала, я не хочу, чтобы она читала мой роман. Я сказал: пусть даст мне распечатку и я сожгу ее. А она кричала, что не даст, и что вообще она поехала, и «Отстань, отстань, ты с ума сошел!». Я пытался поднять ее и потрясти вверх ногами, чтобы хоть как-то вразумить, но она не давалась. Тогда я вырвал у нее сумочку. Отбиваясь от Варенковой, достал оттуда распечатку романа и выкинул в окно. В том, как разлетелись страницы, была настоящая красота, возможно, даже продолжение текста, эпилог, если хотите.

Вот почему распечатка была разбросана под окном — по листам, которые не унесло, топтались люди, марали их подошвами, дождь чуть подпортил бумагу, но наверняка на многих страницах еще можно было разобрать текст. Роман не единственное, что я выкинул за три недели жизни в этой квартире. До этого я в основном жил по гостям, а тут сразу обжился, был постоянно не в себе, и в окно летело все. У обочины, уже смятая и пыльная, валялась гоупка Camelot (диагноз: «нестильная даже для надевания дома»), не оправдавшая моих надежд книга «Школа для дураков», и где-то в траве можно было найти поломанный плеер Da Zed (я уже купил новый iPod, ведь зарабатывал я последнее время значительно больше, чем когда-либо прежде).

Я выпил воды прямо из-под крана и залез в ванну. Долго сидел задницей об дно, и поливал себя, и снова и снова переживал этот звонок Сигите. Как вчера я ей позвонил, и она сказала:

— Извини. Я правда приеду к тебе, но не сегодня, а завтра утром, я сяду завтра утром и приеду к тебе. Вечером я уже буду у тебя. Честно, у Даши случилось тут важное дело, она попросила меня побыть с ней...

Наверное, сама не захотела ехать. У них была какая-то вечеринка, и она обменяла меня на тупой праздник. А Даша была нужна для прикрытия. Я лишь попросил Сигиту приехать, сказал, что, если она не приедет, это будет все равно что убить меня, но она все равно не приехала. Я ждал Сигиту слишком

долго, она собиралась переехать сюда насовсем уже месяц назад, но она не сильно спешила, все ее что-то задерживало. Наверное, она любила меня, но ей было наплевать на меня, как же она смогла так просто и жестоко со мной поступить. Я сказал: либо сегодня (то есть уже вчера), либо никогда. Но потом я пил и звонил ей и мы ругались. Все это продолжалось бесконечно и больно. Это была страшная, глупая ночь, но, но это было вчера, а теперь я сидел в ванне и было странно, как это я сорвался в пропасть, полетел и разбился насмерть, но боль осталась.

Почему?

Я выпил чашку каркаде и пересчитал деньги. Деньги еще были, тысяч шесть, я мог себе позволить кураж. Сразу я решил не напиваться, а сначала пойти прогуляться до парикмахерской. Но перед выходом включил ноутбук, проверил пустую почту, зашел во «ВКонтакте», заменил информацию в графе «Семейное положение»: «Холост» вместо «Помолвлен с Сигитой М.» — и дописал музыку на плеер. Чтобы «мчаться, как безумный», я дописал к тому, что было, культовый пост-хард-кор Drive Like Jehu и At the Drive-In и еще несколько групп со словом «драйв» в названии. Вырубил ноутбук, обулся, врубил плеер и вышел.

Наверное, я оболванюсь наголо и, может, забью партак себе на спину, и станет немного легче. Проколю ухо и не узнаю больше себя в зеркале. Ведь это большая удача. Мне кажется, что каждый человек мечтает о любви, даже если кого-то любит. И теперь у меня появилась возможность не бороться с этим обстоятельством, а воспользоваться им как спасительной форточкой, поддаться своей блядской сущности, как в кино. Мне нужно утопить Сигиту, поехать купить себе шмоток, бежать коридорами разврата — вот самый верный способ выкарабкаться.

И я вышел на улицу с полным говнобаком экзистенциального говна, не подающий вида, но готовый в любой момент обсосаться.

Было очень жарко. Я ведь люблю ее. Посмотрите на этого нытика. Я зашел в ближнюю к моему дому парикмахерскую, но там была очередь в десяток рыл.

— А как скоро мне удастся подстричься? — спросил я.

— Тридцать или сорок минут, — сказала администратор. — Будете ждать?

— Не буду.

Тогда я решил пройти по проспекту Ветеранов. Зашел в секонд-хенд, но там, как всегда, висело в основном такое барахло, что мне неловко стало даже подходить к шмоткам и разглядывать их. Я знал: если хочешь найти что-нибудь в секонде, надо сначала потрогать все эти бабушкины штанишки и кофточки, потрогать дедушкины треники — и вдруг тебе попадется жемчужина. Но я стеснялся рыться в этом. Я снова вышел на улицу. Было совершенно нечего делать. Было очень жарко и душно, наверное, самый жаркий день за это лето. Мне стало нечем дышать, я шел к магазину очень маленькими шажками. Воздух слишком горячий и влажный, этот день невозможно провести без выпивки. Только когда я жадно выпил полбутылки холодного пива, сосуды мои пришли в норму, стало легче.

2

Я увидел, что на светофоре стоит маршрутка номер 195. Я вдруг подбежал к ней, махнул рукой и забрался в открывающуюся дверцу. Я расплатился и тогда уже позвонил Маше. В три секунды у меня родился план с ней напиться. Все, что мне нужно было, так это большая женщина с луженой глоткой и луженой вагиной.

— Можно я приеду к тебе и твоему географу в гости? — спросил я.

— Какой еще географ? — спросила она.

— К тебе и твоему парню. Он же географ.

— Он продавец. А ты что-нибудь купишь?

— Да, я куплю вина, ликера, мартини и еще какого-нибудь дерьма. Я уже подъезжаю.

Она напомнила мне номер квартиры. Я выключил телефон, что-бы Сигита не могла мне позвонить. Плевать, если географа не будет дома, начну помогать Маши. Я знаком с ней дольше, плевать.

И скоро я приехал на «Нарвскую», где она жила. Она мне открыла, я зашел и обнял ее в коридоре. Она хохотнула и провела меня на кухню.

— А где географ?

— Работает. Да почему же он географ?

Я объяснил ей, доставая бутылки из пакета и расставляя их по столу:

— Мне Сперанский сказал, что твой парень раньше был географом и был очень толстым. Что, дескать, ты сама ему присылала фотографии. Там стоял твой парень и весь класс, классным руководителем которого он был. И что там он жирный очень.

Маша поставила стаканы на стол и сказала:

— Понятия не имею, о чем говорит Сперанский. Он сошел с ума, по-моему.

— Твой парень не был географом? — разочарованно спросил я.

— Только аптекарем.

И мы начали пить. Я не очень помню, о чем мы дальше разговаривали. Обсудили новые альбомы Portishead и Tricky. Сошлись, в общем-то, во мнениях. Еще вроде бы я сказал, что хочу написать рассказ про нее — совершенно вымышленный. О том, как мы выпиваем вместе, потом я шампурю ее — интеллектуалку — целый день, а в конце схожу с ума. Я старался пить ровно столько же, сколько пила Маша. Мне было интересно, кто из нас упадет первым. Мы выпили две бутылки ликера, бутылку мартини, допили коньяк, который нашелся у них на кухне, и я рассказал ей, что расстался с Сигитой. Так себе сидели и болтали. Она снимала отличную квартиру с высокими потолками и большой кухней. Вернее сказать, не она снимала, а они. Потому что она жила в одной комнате со своим парнем, с этим географом-аптекарем, а в другой комнате были две соседки. Они не совали носа в коридор и на кухню, я увидел только одну из них, когда она ходила в туалет. Молодая, наша с Машей ровесница. Или, может, правильнее сказать, уже немолодая — наша с Машей ровесница?

— Привет, — сказал я соседке.

Она мне как-то смущенно кивнула и зашла в туалет.

— Хорошая девочка, — сказал я Маше.

Маша рассказала мне, что у этой соседки два парня, каждый из которых считает себя единственным.

— Срамota какая, — сказал я.

Маше было все равно. О чем она и сказала. Соседка вышла из туалета. Я подумал, что мы, наверное, говорили так, что соседке было все слышно из толчка. Но это было неважно, мы не были трезвыми и стыдливими. Алкоголь подействовал и закончился, и мы пошли на улицу. На лестнице я поцеловал Машу. Теперь я стал объективно плохим человеком. Я поцеловал девушку человека, с которым пил коньяк. Теперь точно гореть в аду, я ведь даже похлопывал его по плечу и называл сынком.

— Ни хрена себе сынок! — только и говорил в ответ географ, аптекарь и продавец бытовой техники.

В общем, он был ничего, только нудноват, как мне показалось, нормальный парень, которого я предавал без зазрения совести.

Теперь точно в ад.

Маша ответила на мой поцелуй, мы немного пососались, спустились по лестнице с третьего на первый и вышли из подъезда. Мы набрали вина в магазине и пошли зачем-то сначала до Обводного канала. Там нам не понравилось, и мы пошли до Фонтанки. Было так жарко, невыносимо жарко, душно, мы купили еще по бутылке пива в дорогу, и шли, и шли, отхлебывая пиво, шли. Мне казалось, что мы идем целый час. Иногда останавливались, вытирали пот со лба, сосались через эту невозможную духоту и шли дальше.

Наконец мы попали на набережную Фонтанки. Мы укрылись в уголке за перилами с видом на воду и стеной за спиной. Уютное место, если ты хочешь нажраться и поставить пистон, который навеки сделает тебя плохим человеком. С помощью веточки я умудрился протолкнуть пробку в бутылку, мы сделали по глотку и снова начали сосаться. Маша позволила стянуть с себя штаны. Я поставил ее раком, она взялась за перила и смотрела на воду. Я немного полизал и стал тыкаться в нее

полувялым от синьки членом. Кино не задавалось. Весь мир вокруг уже расплавился, я увидел катер и воду, увидел людей на другом берегу, общественный транспорт и грязное цветение Северной столицы. Мой член ненадолго приобретал необходимую твердость, а потом я снова опускался и лизал ее вагину. Она подсасывала немного, а потом я опять стоял сзади нее, сзади этой бессовестной стовосьмидесятипятисантиметровой девушки с широкими бедрами, луженой глоткой и луженой вагиной. Пьяный и пытаюсь удержаться в ней. Теперь всегда будет так. Я смогу заниматься сексом со всеми девушками, никто не будет мне отказывать. Никто не будет говорить, что у нее натирает, никто не будет запрещать мне запихивать палец в жопу, ни одна не позволит себе брать у меня в рот лишь на полшишки. Напихивать с размаху, теперь все будет только так.

Все-таки это было слишком неудобно. Мы разъединились и снова принялись за бухло. Я закурил и сказал:

— Поехали к тебе.

Маша немного подумала и согласилась. Мы поймали машину.

Потом очень долго барахтались на диване, я обливался потом, но должен был кончить. Вроде бы чувствовал приближение, ускорялся, но в нужный момент, доставая член, чтобы обтрухать ей живот, как будто терял где-то заряд. Тогда Маша разрешила кончить в нее, потому что это был для нее вроде как неопасный день. И тогда у меня получилось. С сегодняшнего дня я решил больше не бояться венерических заболеваний. Какая разница, если скоро все закончится?

Я поцеловал Машу и спросил:

— Тебе понравилось?

— Да, понравилось.

Больше я не знал, что спросить. Окно было распахнуто, и автобусы, трамваи, машины свободно разъезжали у меня в башке.

— А скоро придет аптекарь? — спросил я, как будто теперь проснувшись.

— Нет, думаю, еще есть время.

Я надел штаны и футболку, еще раз поцеловал Машу и вышел в ванную. Я мыл член и смотрел на себя в зеркало. И немного

всплакнул, стоя так, со спущенными штанами, как плакали, возможно, подмываясь, миллионы шлюх в тысячах борделей. Надел штаны, не вытираясь, чтоб было похоже, что я слегка обоссался. Когда вышел, на меня с любопытством смотрела вторая — та, которую еще не видел, — соседка из кухни. Я не стал ее приветствовать, просто прошел в комнату. Если бы потолка не было, небо бы обрушилось на меня, это как пить дать. Маша уже немного прибрала себя и комнату.

— Я пойду, — сказал я нерешительно.

Она открыла дверь, поцеловала меня не в засос, и я вышел в подъезд. Она закрыла дверь. Я вспомнил, что так и не спросил у нее мнения по поводу моего романа. Это, конечно, не имеет значения, но Маша читала книги на русском, английском и французском, и поэтому я как-то подсознательно был уверен, что она очень умная, и хотелось бы знать ее мнение. Иди к черту со своей писаниной.

В маршрутке я включил телефон. «Можно я приеду к тебе?» — пришло только такое сообщение. Я не знал, что написать в ответ, и, пока я думал, телефон зазвонил. Но это была не Сигита, а Валера.

— Да, дорогой? — спросил я.

— Приезжай сегодня ко мне на Энгельса! — сказал он, как говорится, тоном, не терпящим возражений.

Меня застал врасплох вихрь его жизненной энергии. Внезапно — посреди пустыни.

Волосатая рука, спасающая утопающего.

— Когда?

— Да прямо сейчас и приезжай.

«Хорошо», — подумал я. Сегодня я переночую у Валеры, завтра у Сжигателя. А в понедельник уже придет Сперанский. Или же я поеду на залив работать.

— Ладно, буду где-то через час, — сказал я Валере.

Я не смог придумать ничего лучше, чем ответить Сигите: «Ne priezchaj. Poyavilas' drugaya devochka». Отключил телефон и вышел из маршрутки. Пересчитал деньги: оставалось еще около трех тысяч на кураж.

Я воткнул наушники в голову и включил плеер в режиме shuffle. Выпало нечто подходящее моему настроению, кажется, это были 65daysofstatic. Окружающий мир с грохотом навалился на меня со всех сторон, раздавил хрупкое стекло капсулы, и дождевая вода вперемешку с осколками и пылью хлынула вовнутрь. Музыка и одиночество ненавязчиво размазывали по улице, пока течение сносило в сторону метро.

2009

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК

Я лежал в позе зародыша на подушках от дивана. Понимал на ощупь, что это подушки от дивана, и в то же время не понимал. Старался занимать как можно меньше места, сгруппироваться на средней подушке — первая с последней неизбежно расплывались в противоположные стороны, я это чувствовал — и отчего-то боялся соскользнуть с айсберга и соприкоснуться с полом. Глаза я не открывал и не предпринимал попыток укрыть свои ноги, которые обмывало волнами и обдувало ветерком из открытой форточки. Плюс было чувство, что меня немного укачало, — это от беспорядочного болезненного сна, и я правда почти был уверен, что плыву на осколке льдины.

— Жука!

Я понял, что обращаются ко мне, и сгруппировался, как перед ударом, но глаза пока не открыл. Сначала нужно было понять, где я и кто это говорит.

— Ты же не спишь. Вставай!

Я понял, что это голос Насти Матвеевой. Но я подождал, пока она опять произнесет мое прозвище. Хотел быть уверенным на сто процентов, что это именно ее голос.

— Жу-у-ука, — подманила она в реальность.

Сначала я увидел ножки ее кровати, потом саму кровать и постель, разгибаясь, скинул покрывало, увидел ковер на стене, оборачиваясь — письменный стол, занавески на окнах. Вдруг что-то нежное: это комната Насти Матвеевой, единственной

симпатичной девочки в моем классе. И, наконец, я увидел саму Настю. Она стояла возле открытой двери в коридор. Была уже одета и накрашена. Я попытался поприветствовать ее, но удалось только прохрипеть:

— Ие-э.

Тогда я протяжно зарычал, чтобы прочистить горло, кашлянул несколько раз, и удалось сказать:

— Можно мне попить?

— Будешь чай?

Я встал посреди комнаты — я был в джинсах и толстовке, но без носков — и посмотрел ей в глаза. Как будто увидел ее в первый раз. Она смотрела на меня спокойно и по-доброму, хотя мы никогда не были друзьями.

— Можно кипяченой воды? — попросил я.

— Пойдем на кухню, — ответила Настя.

Я наклонился, чтобы прибрать подушки.

— Оставь, — сказала Настя.

Но я все равно сложил их стопкой. И надел носки, которые валялись на полу рядом с моей ночлежкой, — зачем-то я стянул их во сне.

В ванной я снял с рук бинты. У меня было ощущение, что я позабыл что-то важное. Кисти были обработаны йодом, царапины не кровоточили, но выглядели внушительно. Глядя на свои руки, не сразу вспомнил, как мы с Мишей вчера выбили все окна в нескольких подъездах. Просто заходили в подъезды и выбивали окошки на площадках между этажами. То есть сперва поднимались на самый верх, а спускаясь вниз, разбивали все окошки и шли в следующий подъезд. Тимофей, по-моему, в это время просто плакал на лавочке во дворе. Раз Миша даже сцепился с каким-то возмущенным мужиком в подъезде, но тот быстро перепугался и дал задний ход. Потом, вспомнил я, Настя промочила йодом и перебинтовала мне поврежденные осколками руки, но я почему-то не мог вспомнить, как оказался у нее.

Я почистил зубы пальцем, и немного подкатило к горлу, но я сдержался, чтобы не стругануть в раковину.

— А твоих родителей нет? — спросил я, нерешительно заглядывая в кухню.

— Мама ушла. А брат еще спит.

Хоть у нее и был старший брат, мне не было до него дела. Опасности он для меня не представлял. Я сел за стол, выпил стакан воды и взял чай.

— Скажи, пожалуйста, как я сюда попал?

Настя растерянно смотрела на меня.

— Позвонил в дверь. Я вышла в карман и перебинтовала тебе руки. Считай, ночью. Но ты сказал, что не хочешь никуда идти. И остался.

— И твоя мама разрешила?

Настя пожала плечами.

— Потом ты попросил позвонить тебе домой и сказать, что не придешь. И уснул. Я сказала твоему папе, что Леша Балашов убил себя.

Только теперь я резко проснулся.

Позавчера мы узнали, что Леджик повесился. Сначала мы пытались выяснить какие-то подробности. Мы — его друзья: я, Миша, Тимофей — не видели его несколько дней. Оказалось, что на днях он вставил Максима Зотова. Леджик был клептоманом, самым настоящим, и это происшествие нас не удивило.

После какой-то пьянки он прихватил ключи от недостроенного коттеджа Макса, а потом, когда там никого не было, вернулся с саквояжем и вытащил кое-что из инструмента тысяч так на пятнадцать. Леджика быстро вычислили, и Макс с отцом приехали к нему домой на машине. Леджик пару раз получил в живот и обещал все вернуть (что-то деньгами, а что-то он еще не успел слить) в течение двух-трех дней. Вот и вся история.

Только если бы позавчера утром дядя Леня — отец Леджика — не пошел бы в гараж перед работой и не обнаружил своего сына повесившимся в гараже. Официальная версия такая: Леджик ночью выпил бутылку водки в гараже в одно рыло, а с утра повесился. Леджику было семнадцать лет, на год старше меня, на полгода старше Миши и на год младше Тимофея.

Я, Миша и Тимофей сначала ходили в гараж, ходили к Максу, расспрашивали знакомых, кто видел Леджика в последние дни. Мы хотели понять, как он провел последнее свое время, но так толком ни черта и не прояснили.

Мы прикидывали версии:

— Леджика замучила совесть. (Маловероятно.)

— У Леджика были еще какие-то проблемы, о которых никто не знал. (Вполне вероятно, но странно, что он не рассказал нам или хотя бы Тимофею.)

— Леджика кто-то убил. (Миша и Тимофей были в этом почти уверены.)

Но я не верил, что его кто-то убил. Я складывал, как кубики в голове, осколки из впечатлений о Леджике и времени, проведенного с ним вместе за те пару лет, что мы дружили, его голос, его манеру говорить, его фразы и его легкость. И я думал, что мы не будем правы, что бы мы ни предполагали. Дело не в проблемах и не в совести. Дело в выборе: жить или не жить. Реализовывать себя или не реализовывать. Остаться или спрыгнуть.

Миша и Тимофей внимательно выслушали мою версию, но не сочли убедительной.

Ближе к вечеру позавчера мы были как замороженные. И потом полтора дня просто пили. Только и хотелось бить стекла, пока Тимофей плакал, потеряв своего лучшего друга.

Я сидел за столом напротив Насти, обжигался горячим чаем и представлял, как Леджик задыхался, и как потом он висел, раскачиваясь, хрясь-хрясь, и как дядя Леня открыл дверь и увидел собственного сына повесившимся в гараже.

Какая разница?

Если в жизни такое случилось, какая разница, случилось это со мной и моим отцом, или с Леджиком и его отцом, или с Мишей и его отцом? Или с Тимофеем, хотя у Тимофея не было отца.

И я распустил сопли тут за столом. Мне хотелось, чтобы Настя меня пожалела, и она подошла ко мне и погладила мои волосы.

— Пойдем в школу.

Тут я как снова проснулся: ведь я уже давно должен быть у Миши. То есть первое мое пробуждение было ложным, а теперь я подскочил по-настоящему.

— Ч-черт. — Ударил я себя по лбу.

Было уже девять, а я должен был зайти к Мише еще полдевятого. Через несколько секунд я уже сбежал вниз по лестнице.

Странный подарок: Настя, которую я считал обычной смазливой дурой. Она стала сегодня внезапным призом мне на один миг, я получил нечто незаслуженное — это женское внимание; скорее всего, мы никогда с ней настолько не сблизимся еще раз. Но как хорошо и вовремя это было сейчас.

Я вышел на улицу. Было морозное солнечное утро конца октября. Приятный холодный воздух и освежающая корочка льда на лужах. Я только вышел из одного подъезда и зашел в другой. Настя, Миша, Тимофей, Леджик — все они жили в длинной «змейке» — доме номер 10 на моей улице. А я жил в пяти минутах, но уже в одноэтажном доме.

Я несколько раз позвонил в дверь Мишиной квартиры, но мне никто не открыл. Хотя и так было ясно, что я уже опоздал. Мы с утра должны были ехать рыть могилу для Леджика, и, наверное, Миша и Тимофей уже были там, они работали. А я опоздал и пропустил одно звено цепочки — то есть я как бы стал предателем.

Чтобы как-то наказать себя, я побежал. Мимо гаражного кооператива, мимо частного сектора, где я живу. Мимо парка, в честь которого наша улица называется Парковой. Потом я не выдержал и перешел на шаг, задыхаясь от кашля курильщика. Прошел только вдоль озера, но потом снова заставил себя рвануть — никаких поблажек, пока лопата не попадет ко мне в руки. «Ты виноват, мы все виноваты, что Леджик покончил с собой», — накручивал я обороты, пока мимо проносился коттеджный поселок и легкие мои горели.

Я остановился и сложился пополам, пытаюсь отдышаться, а мир по инерции кружился каруселью. Но зато я совсем протрезвел. С одной стороны от меня было картофельное поле,

а с другой — кладбище, и они все время менялись местами, кружась вокруг от резкого торможения. Я обрадовался, что отбил несколько очков этим испытанием, немного реабилитировался после предательства. Но ходил и вглядывался, пытаясь разглядеть моих друзей, и никого не видел. Я обошел все кладбище, но не нашел место Леджика. В результате посидел немного на одной могилке, посмотрел на фотографию покойника, отдохнул и пошел домой.

Пока я наливал себе суп, мачеха звонила отцу. На кухне я поставил тарелку на стол и услышал, как она говорит в гостиной:

— Пришел.

Я отправил в рот пару весел, и мачеха уже протягивала мне радиотрубку. Я взял телефон свободной рукой.

— Да? — спросил я и стал слушать многозначительную тишину.

Наконец отец спросил:

— Как ты?

— Нормально.

Отец еще секунду молчал.

— Думаешь, тебе уже можно пить?

Я об этом не думал.

— А я и не пью, — сказал я.

— Есть уверенность? — спросил он.

У меня такой уверенности не было, поэтому я просто молчал. Отец сказал:

— Часто для людей похороны — лишний повод, чтобы нажраться.

Я повертел ложкой в тарелке и, поскольку отец молчал, сказал:

— Это не обо мне.

— Сегодня будешь дома? — спросил он.

— Не позже часа приду, — ответил я.

Он сказал:

— Ну ладно.

— Ну ладно, — сказал я.

И отключил трубку.

После супа я ненадолго прилег и уже очень скоро проснулся, потому что постучали в окно моей комнаты.

— Спит, что ли?

— Дрожит, наверное.

Я поднялся. Голоса принадлежали Мише и Тимофею. Миша стоял с той стороны окна и вглядывался в мою комнату. На улице было светло, а в комнате полумрак, поэтому я их видел, а они меня нет. Через открытую форточку все было слышно, и я сказал:

— Сейчас я выйду.

Миша по голосу определил, разглядел меня и сказал, в упор прислонившись к стеклу:

— Выходи, бездельник.

Я так понял, что они уже выпили. Оделся и вышел.

— Извини, я проспал совсем немного, — сказал я, пока мы шли к их дому.

Мне хотелось сказать им, что я был у Матвеевой и что она оказалась хорошим человеком, но почувствовал, что нужно сохранить это между нами. Между мной и Настей. И я просто добавил:

— Пришел к тебе чуть позже. Вы уже уехали.

— Да нас Юра забрал в семь утра, — сказал Миша.

Вот же обидно, что я не был с ними. Но тут не только моя вина. Их забрали в семь.

— Нечестно получилось, — сказал я. — Искал вас на кладбище, но не нашел.

— Да какая уже разница, — сказал Тимофей.

Я толкнул плечом Мишу, кивнув на Тимофея. Миша пожал плечами. Нужно было сказать какие-то слова, но это должен был сделать я. А я не знал этих слов. И я просто разок неловко приобнял Тимофея, и скоро мы пришли.

В квартире Леджика было много народу. Естественно, родственники, знакомые, зеваки, кое-кто из технаря Леджика, кое-кто из моего и Мишиного класса.

Мы протиснулись в комнату, где стоял гроб, и я впервые увидел Леджика после его смерти. До этого в гробу так видел только свою мать, но это было не то. Прошло уже восемь лет,

к тому же Леджик был моим сверстником. И сознательно это был первый настоящий покойник. Поэтому я стоял и пытался что-то почувствовать. Люди входили и выходили. Матери и дочери. Соседи. Валентина Ивановна Иванова — учительница по черчению и рисованию в нашей школе — качала головой. Тимофей немного постоял возле гроба и вышел. И скоро я обрадовался, что Тимофей вышел.

Потому что зашел Дима Коробкин, встал возле гроба, взял Леджика за руку и сказал:

— Эх, Леха, прощай!

Он это сказал не тихонько, а так, чтобы все слышали. Мне захотелось исчезнуть с лица земли. Я немного знал Диму, все мы его немного знали, но он не был никому из нас другом. Он был на несколько лет старше, кто он и чем занимается, я не знал. То ли простой гопник, то ли непростой. Мы пару раз пили вместе, он остроумно шутил и показался мне неглупым.

И тут он выдает такое:

— Да, Леха. Что же ты сделал? Посмотри, тут твои друзья и родители. Мы пришли проститься с тобой...

Чтобы не провалиться сквозь землю, я заткнул уши. Миша стоял рядом и курил, глядя перед собой.

Откуда этот Дима взялся, он сошел с ума — и кровь была мне в виски.

Сначала гроб несли четыре мужика, потом несли мы с Мишей и два мужика. Потом вместо мужиков взялись Тимофей и Дима Коробкин, а мы с Мишей отказались от сменщиков. И тут Дима еще раз выдал:

— Раз, два, три, — сказал он.

Я просто не мог ничего сказать. Я ждал, когда скажет Миша.

— Раз, два, три... Осторожнее, ребят, несем, несем. Вот так, аккуратно.

— Дима, замолчи, — сказал Миша.

— Заткнись, — сказал Тимофей.

— Заткнись, — сказал и я.

Несли гроб по улице, потом погрузили в кузов и поехали на кладбище. Мне стало не по себе, немного закружилась голова,

я стоял у оградки, пока гроб на веревках спускали в могилу. Миша подошел и сказал мне:

- Знаешь, кого я сегодня буду убивать?
- Диму Коробкина? — с надеждой спросил я.
- Нет.

Миша ткнул пальцем, указав на какого-то мужика в грязном шарфе.

— Этот пидор не дал мне проститься с другом. Я просто хотел постоять там, а он меня оттолкнул. Я убью его.

Но я уже не мог слушать. В глазах у меня вдруг потемнело, я уселся прямо на землю и прислонился к оградке.

— Жука? Жу-у-ук?

Сильно устал. Я слышал, как Миша протискивается сквозь людей и зовет Тимофея:

— Тима, иди сюда!

Я ведь всего несколько дней назад вышел из больницы. Две недели валялся с ушибами и сотрясением.

Леджик дал мне вести его «Урал» с люлькой, а сам сел сзади. Мы катались вдоль берега, люлька перевешивала и тянула в сторону, а я совсем не умел водить и погнал мотоцикл прямо в обрыв. Леджик тянул меня сзади и орал, чтобы я крутил руль и тормозил. Но я чего-то запаниковал и не мог расцепить рук, вместо этого, наоборот, дал газу. Леджик тянул меня сзади, но у него ничего не выходило. Он спрыгнул, а я полетел в обрыв с высоты третьего этажа. Game Over — мелькнуло у меня перед глазами, я отпустил руль и отправился в свободный полет. Я упал, а «Урал» приземлился рядом, но меня не задел. Только люлька пришел конец. Я перевернулся на спину, раскинул руки и потерял сознание.

Когда очнулся, увидел голову Леджика — он смотрел на меня сверху вниз. Заглядывал сюда, в обрыв, и по нему было видно, что он не знает, плакать или смеяться.

Может быть, жалел, что он спрыгнул, а я остался.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА РАЗНИЦЫ

1

Саша Логинов несколько секунд прислушивался и, когда убедился, что его родители ушли и закрыли дверь ключом, вдруг резко сказал:

— Брось ты эту херовину.

Он имел в виду конструктор, в который мы сейчас играли. Я как раз возился с деталями, как всегда мечтая собрать автомобиль на колесах из того, что подвернется под руку. Но я сразу выпрямился от непозволительно резкого слова — сам почти никогда еще не проносил таких, освободил руки и послушно уложил их себе на колени.

Слушал.

— Ты уже знаешь про секс? — спросил Саша.

— Не знаю, — сказал я.

— Не знаешь, что такое трахаться?

У нас было четыре месяца разницы. Он был старше на четыре месяца, и это имело значение: он знал жизнь.

Саша устроился на ковре поудобнее и закатил глаза, будто это уже будет не первая попытка объяснить мне что-то простое и обязательное.

— Знаешь, что у девчонок и твоей мамы здесь? — Он ткнул себя между ног.

— Знаю. Пушок.

— Знаешь, зачем так?

— А-а-а, — протянул я, собираясь наскоро подобрать какое-либо объяснение.

Саша остановил меня жестом руки. Он был смелее и взрослее меня. У них в квартире стоял еле уловимый запах гниения. Я как-то интуитивно угадывал, что запах этот можно связать с «не-бла-го-получной семьей». (Когда я вырасту, такой запах всегда для меня будет указывать на легкодоступный секс.)

Итак, его родители ушли и Саша остался за старшего. Он рассказал мне, что такое секс. Что становится твердым и куда вставлять. И как потом появляются дети. Саша делил людей на две категории: у одних секс будет в жизни, у других не будет. Потом он включил телевизор, и мы замерли. Затаили дыхание и слушали первую попавшуюся программу — новости на Первом или что-то вроде этого.

— Сколько ждать? — спросил я шепотом через несколько минут.

— Не знаю, — ответил Саша, — может, они вообще не заговорят. Но лучше подождать.

Мы еще немного послушали, но секса по новостям не было.

— Сегодня, значит, уже не будет, — сказал разочарованно Саша и выключил телевизор.

Но я почувствовал: со мной уже случилось что-то новое. Я был готов. Пока мы ждали каких-нибудь вестей о сексе из телевизора, со мной случилось новое для меня возбуждение. У меня стало твердым что нужно. В свои шесть с половиной я узнал, что отношусь к тем людям, которые будут этим заниматься. Но Саше я пока не раскрылся.

Стеснялся.

— А ты такой? — спросил я. — Ты будешь или не будешь?

— Не знаю, — ответил он и добавил: — Я хочу.

Скоро его родители вернулись и отправили нас на улицу. Мы немного погуляли и разошлись по домам.

2

Но моя жизнь изменилась. Теперь я собирал секс как мозаику, и уже совсем скоро кое-что знал.

У меня были более-менее внятные сведения:

— это приятно;

— даже девочки иногда хотят секса.

И какие-то совсем смутные и сложные, но явно относящиеся к делу сведения:

— японцы спят голые;

— секс нужен не только для того, чтобы родились дети; в нем нужно улучшать свой уровень, и тогда с тобой захочет быть любая девчонка;

— секс — это проявление любви.

Я смотрел на своих сверстников, на детей старше, на подростков и взрослых людей и пытался угадать: у кого из них это было? как они все выглядят голыми? какой у них уровень? какие движения надо делать и как предложить заняться сексом?

Когда я возвращался домой после гулянья, поднимаясь по лестнице с первого на второй этаж, если никого не было в подъезде, я приспускал штаны и сквозняк приятно щеко-тал мою попу и мошонку. Я стучался в дверь своей квартиры со спущенными штанами, и, только когда слышал звук открывавшегося замка, резко натягивал их. Мама пропускала меня в квартиру и закрывала за мной дверь.

Она ничего не знала. Я снимал куртку, шапку и варежки, пылая от мороза и своей новой тайны, и обнимал маму. Внешне я был тем же ее любимым сыном.

Один раз я попробовал подсмотреть за мамой, когда мама мылась. Сестра еще гуляла вечером, а папа тогда уже не жил с нами. И вот мама пошла мыться, я выждал несколько минут для конспирации и встал в коридоре напротив ванной. Сначала я попробовал поглядеть в щель со стороны дверной ручки — и ничего не увидел, только кусок полотенца, висящего на крючке, приклеенном к стене. Тогда посмотрел в другую щель — со стороны петель. И очень хорошо все увидел. Мама стояла в ванне, поливала себя из душа, живо-том ко мне. И в узкую щель как раз попадал самый важный отрезок вселенной, вмещавший в себя пространство от ма-миных колен до плеч по высоте, а по ширине — ее бедра,

талию и грудь. Я смотрел несколько минут, возбужденный, пока голова не закружилась.

Я сидел в комнате, когда она вышла. Почему-то я был уверен, что мама обо всем догадается и мне несдобровать. Но она не догадывалась.

Так я стал подглядывать за мамой и за сестрой. За сестрой смотреть мне все-таки нравилось больше (мама казалась немного староватой — ей было тридцать четыре года). Сестре же было двенадцать лет с половиной. Я не любил злую сестру и считал ее некрасивой — но ее головы не было видно в щель. А то, что я видел, мне очень нравилось. Я всегда стоял совсем недолго: пара минут — и со мной случалось новое возбуждение, еще минута-две — у меня кружилась голова и я отваливал. Головокружение, плюс боязнь разоблачения, плюс чувство вины. Каждый раз я клялся себе, что больше не буду так делать, и всегда нарушал клятву.

Что и говорить, я все время был на взводе.

3

Был май. Мы как-то в выходной от садика день лазили с Сашей внутри строящегося дома. Потом легли на третьем этаже — там был пол, весь каркас будущей пятиэтажки, но еще не было стен. Мы легли плечом к плечу так, чтобы только наши головы торчали над высотой, и плевались вниз, на дорогу. Плевки никогда не были моей сильной стороной. Поэтому мне быстро надоело, и, пока Саша плевал, я просто смотрел по сторонам. Меня привлекли две девочки, которые сидели в укромном местечке неподалеку от нас. Нашего возраста или даже младше. Они разговаривали, потом одна из них спустила трусы и начала писать, продолжая говорить с подружкой.

— Смотри. — Я толкнул Сашу.

Мы замерли. Девочка пописала. Посидела секунду со спущенными трусами и вдруг вместо того, чтобы трусы натянуть, еще и юбку задрала. Опустилась на четвереньки и давай ползать

среди лопухов с голым задом. А вторая смеется. И вдруг тоже стянула трусы и тоже оголила попу. Они поползали немного, потом натянули трусы и пошли по своим — не знаю — обычным делам.

Мы с Сашей посмотрели друг на друга.

Он только и пожал плечами. Тоже не понял, что все это значило. Одно я знал наверняка: то, что мы видели, имело отношение к сексу. Наверно, они чувствовали то же самое — приятное, что чувствовал я, спуская штаны в подъезде, когда сквозняк щекотал мою попу и мошонку.

4

Раз мы опять сидели у Саши вдвоем, и я рассказал ему все. Выложил все новое, что я узнал о сексе, рассказал, что подглядываю за мамой и сестрой, как проветриваю письку, что тоже мечтаю, когда вырасту, спать голым, как это принято у японцев. Не выдержал и все ему рассказал.

И тогда Саша строго сказал мне:

— Слишком много секса нельзя.

Я не понял и немного испугался.

— Ты уже знаешь про СПИД? — спросил Саша.

Я никогда раньше о таком не слышал. И тогда он мне рассказал. Саше уже было семь лет. Я опять чувствовал еле слышный запах гниения, запах неблагополучия в его квартире, пока он рассказывал о СПИДе. (Когда я вырасту, этот запах всегда будет заставлять меня внутренне съеживаться и испытывать страх заражения, бояться и отказываться от легкодоступного секса.)

«Нельзя много думать о сексе и много заниматься им» — вот что сказал Саша.

Иначе заболеешь СПИДом. А СПИД — это как рак, даже еще хуже.

— Например, дяхон трахает тетю два часа, — сказал Саша, — и у нее течет кровь. Она заболевает СПИДом от потери крови, а он — потому что ему на писюн падает чужая кровь.

«Потеря крови» — страшное выражение. «СПИД», «рак» — страшные слова. О раке я имел очень смутное представление, но очень боялся его. Знал, что есть такая болезнь, но не знал, как ей болеют. У меня были опасения, что я сам обязательно заболею раком, потому что я Рак по гороскопу. И теперь я решил, что еще и заболею СПИДом, раз это болезнь типа рака.

Я не на шутку перепугался.

А Саша сказал, что нужно пить мочу.

— Нужно иногда пить ссаки, — сказал он, — от них у человека становится очень хорошее здоровье.

5

Как-то я этой грязной теории про целебную мочу сначала значения не придавал. Жил себе дальше, просто теперь помимо прочего очень боялся СПИДа. Но Саша через неделю снова вернулся к идее выпить мочи, когда мы возвращались домой из детского сада. Мы жили близко и уже с пяти лет возвращались домой самостоятельно, а тем более сейчас, в последние дни перед выпуском из подготовительной группы, — мы были уже совсем взрослые. И вот мы идем домой, а Саша просит меня взять дома подходящий стакан, пропажу которого не заметит мама. Брать стакан и вечером выходить к условленному месту.

Дома мне на глаза попаласть пластмассовая головоломка. Головоломка вроде кубика Рубика, только в форме морковки, сама черная с подставкой, а тело ее было усеяно вращающимися разноцветными секциями. А упакована она как раз была в пластмассовый стакан. Чтобы вот собрал эту морковку Рубика, поставил на стол, сверху надел на нее пластмассовый стакан — и любуешься собранной головоломкой через пластмассовое стекло. У нас дома никто не умел ее собирать и пропажи бы никто не заметил.

Поэтому я взял с собой головоломку и пошел в условленное место.

К моему удивлению, Саша пришел не один. С ним был какой-то низкий толстоватый мальчик.

— Это тоже Саня, — сказал Саша, — он с нами.

Я немного нервничал из-за того, что он привел этого парня. Интуиция мне подсказывала, что он еще один Сашин младший друг. Значит, что я был не единственным Сашиним другом и последователем.

Мы спрятались в кустах за трансформаторной будкой. Я достал головолмку.

— Что это? — спросил Саша.

— Нашел стакан, — сказал я.

Саша снял стакан и придирчиво оглядел.

— Пойдет, — сказал, а саму головолмку вдруг резко запульнул куда-то в сторону.

— Будешь первый? — спросил Саша у меня.

Я покачал головой. Саня-карапуз нерешительно молчал. Саша нассал в стакан и пригубил. Вылил остатки мочи и протянул стакан мне. Я не брал. Стакан взял карапуз. Он проделал все, что требовалось, немного поморщился, вылил остатки. Теперь была моя очередь.

Я взял стакан, вылез из кустов, набрал в стакан воды в ближайшей луже, ополоснул его и вернулся в убежище. Меня ждали. Я выдавил из себя немного мочи и поднял стакан к свету. Желтые пенистые ссаки выглядели вполне безобидно и даже были похожи на газированный напиток.

— Не хочу, — сказал я, вылил мочу и запустил стакан в ту сторону, куда Саша три минуты назад пульнул головолмку.

Саша смотрел на меня с сожалением.

Я выбрался из убежища и рванул домой. Конечно, меня никто не преследовал, но я старался бежать быстро и не оглядываться.

6

Потом было лето, и мне исполнилось семь лет. Я проводил много времени на даче у бабушки с дедушкой, там уединялся на втором этаже и учился извлекать из своего тела приятные

ощущения. Еще я взбирался на длинную подушку от дивана и елозил на ней — «трахал». Если я занимался такими вещами слишком много, то голова сильно кружилась, а иногда меня даже начинало тошнить. Я стал совсем бледным, и взрослые говорили, что у меня малокровие. Но я-то был уверен, что это СПИД.

А потом я вернулся домой, и мы пошли в первый класс. Саша попал в класс «А» — для самых умных детей. Я в класс «Б» — для обычных, не умных и не глупых. Меня тоже хотели взять в класс «А», потому что я считал лучше всех детей в детском саду и даже лучше всех воспитателей — знал умножение и деление — и хорошо рисовал. Но я не умел читать. Многие дети прочли уже по одной книге, некоторые по две или три, Саша прочел уже несколько книжек. А я еле-еле складывал слоги в слова, голова моя болела от чтения, и я сразу уставал. Вот я и попал в класс «Б».

И мы с Сашей больше почти не общались. Но дело было не только в том, что мы попали в разные классы. Просто как-то он больше не хотел со мной дружить.

А вот с Саней-карапузом я их видел вместе, хотя тот вообще учился в классе «Г». Раз, заметив их на перемене, решил подойти и заговорить. Я поприветствовал их, но Саша держался как-то надменно и не хотел контактировать со мной. Я шутливо спросил:

— А ты теперь с ним занимаешься сексом? — И указал на Саню-карапуза.

Я не совсем правильно выразился. Я имел в виду, что они «занимаются» — в смысле «изучают секс». И сам не понял, что спросил.

Зато Саша понял меня. Он обиделся, медленно пошел на меня, захотел пнуть, но я успел перехватить его ногу, и мы упали. Поборолись немного на полу, а Саня-карапуз стоял рядом и смотрел. Наконец прозвенел звонок, и мы трое разошлись по классам. Каждый в свой кабинет.

Саша Логинов пошел в класс для умных.

Саня-карапуз пошел в класс для тупых.

А я — в класс для обычных, не умных и не глупых. Меня ожидали десять лет в школе, десять лет, которые я буду зажмуривать глаза и сжимать кулаки, ставить на четное/нечетное, загадывать желания и изобретать машину времени, которая перенесет меня во взрослую жизнь. Щелчок, это уже происходит на самом деле — и разница стирается.

2009

ОТВЕЧАЕТ LINDURIK

Невыносимо тревожно стало после звонка Нади.

— Привет! — прокричала она.

— Тебя взяли? — тут же спросил он.

— Я сбежала оттуда. Там стояла большая кровать прямо в офисе...

Шум улицы, Надин взволнованный голос и сигнал, сообщающий, что ее телефон садится.

— ...И эта женщина, такая... вроде бы милая, только говорила со мной как со слабоумной... или как с маленькой. Она сказала: «Вообще-то, у нас в обязанности входит интим...»

— Суки, — ошарашенно сказал Володин и встал из-за компьютера. И даже, пока слушал продолжение рассказа Нади, ударил шкаф кулаком.

— И она со мной разговаривает так, говорит: «Да ладно, у нас многие девушки работают и не жалуются». И мне все как-то неудобно сразу уйти, а она так говорит, смотрит на меня как-то странно, а еще эта кровать на полкабинета... «У нас самые богатые клиенты в городе...»

Он бы, наверно, не смог сразу объяснить, почему ему стало так обидно. Володин испытал сразу чувство ревности, обиды, уязвленной гордости и смутно осознал собственную беспомощность. Просто отпустить Надю на собеседование — опасное и грязное приключение. Воображение выдало ему несколько диафильмов про Надю, и еще это абстрактное

чувство бессилия — это было невыносимо. Становится ясно, что ты никуда не приедешь, сынок, твое ощущение, что ты выкарабкаешься, — обман. Дело пахнет мрачными историями. Мрачными историями и дерьмом. Володин не употреблял спиртного несколько месяцев, с тех пор, как переехал в Петербург, он устроился на работу (лучшую из тех, что у него были) и уже легко делал два подхода по сто отжиманий каждое утро, а говна в мире не стало меньше ни на грамм. Около месяца с ним жила Надя, согласилась приехать, шестьдесят часов на поезде ради непонятно чего. Им было как будто хорошо. Он брал за работу деньги и ощущал себя взрослым. Денег впервые в его жизни было достаточно, и Надя бы вообще могла не работать, если знать меру и понемногу воровать. Только вот висел кредит за ноутбук, но Володин с этим смог бы справиться. Жизнь налаживалась, точно. Он как будто был стерилен — в голове у него было белым-бело от трезвости и благоразумия, как в дурдоме.

А теперь оказалось, что он не избавился от них; стоило щелкнуть пальцами, и достоевщина, буковщина, кафкианство, бригады безногих попрошайек на своих колясках, злых мусоров и кривых проституток погнали его и его девушку по бесконечному метрополитену, объединявшему города, в которых он бывал. Существование.

Сказал, вдруг чуть не всхлипнув:

— И что? Ты послала их?

— Я сбежала оттуда. Погоди, у меня садится батарея. Я тебе все расскажу.

И Володин услышал еще раз звук сигнала, подтверждающий, что ее мобильный вот-вот сядет.

— Ты сразу домой?

— Да, этот охранник... Я расскажу. Уже к метро...

И связи не стало.

Володин не смог досматривать художественный фильм «Хеллбой», ни тем более читать, а вместо этого лег на пол и заплакал. Что-то вроде ощущения «захотел к мамочке» — внезапное озарение или, наоборот, помутнение. Декорации прогнили, и он свалился в реку Жизнь, блядь. Увидел все так, как оно

есть, и не очень обрадовался увиденному. Нечасто ему хотелось вернуться домой, даже если не было денег, не было работы, все равно казалось, что ему, в общем-то, повезло, если сравнивать с приятелями и просто теми, с кем Володин рос.

!

Была иллюзия движения в правильную сторону.

Жить с Надей, далеко от своей и ее родни, гулять вместе, ездить в центр раз в два или три дня, подрезать продукты в «Пятерочке» и «Патерсоне», тырить книги в «Книгомире» и «Букве». Дважды ездили за одеждой в «Мегу» — вернее, по разу в магазин «Мега Парнас» и в магазин «Мега Дыбенко». Topshop, Pull & Bear и Springfield — магазины пониженного риска, где всегда можно украсть свитер, или рубашку, или футболку. Еще Надя тянула Володина в «ИКЕА» и там набирала столько всего: чашки, свечи, гели для душа, кухонные полотенца. А потом просто выходила через кассу. И только когда они садились в бесплатный автобус до метро, его отпускал приступ паранойи. На съемной квартире было все уютней. Семейное счастье под угрозой. Счастье под угрозой.

Володин заплакал, лежа на полу, потому что понял: говном пахнет везде. Ты можешь забить жизнь чем угодно, можешь забыть надолго и впасть в кому, но все равно однажды вдруг тебя разбудит звук работающего холодильника или запах говна. Потому что ты еще и человек, и ты одинок, и скоро всему придет pizda.

Сегодня она рассказала одну историю. Уехала как ни в чем не бывало, а потом этот ее странный звонок.

Может, звонок и не был бы таким жутким, если бы не история, которую Надя ему рассказала перед тем, как поехать на собеседование. О Надиной подруге, он и не знал, как ее звали, эту подругу, никнейм у нее во «ВКонтакте» был Lindurik. История эта стоила чуть дороже слов, на нее потраченных, он бы все забыл, расскажи Надя ее в другой день.

Суть в том, что Наде один раз повезло, что она не пошла в клуб вместе с Lindurik и некой Катей Маделью. Lindurik и Катя Мадель веселились без Нади, сожрали каких-то наркотиков

и плясали, а потом один знакомый Lindurik предложил поехать на флэт (наверно, так разговаривают клаберы или еще хуже, Володину было плевать, но представлял он себе это именно так), и дамы охотно согласились. Там хачики их угостили «Ягуаром» («Да как вы могли пить, как вы пили это ссание с витаминками, и ходили в эти клубы для полоумных, и плясали под драм-н-басс?!») и, может, чем-то еще типа бухла и травы. Знакомый Lindurik ушел домой, и сами Lindurik и Катя Мадель уже тоже хотели идти. Но Главный Хач считал, что никто никуда не уйдет, пока он не кинет хотя бы одну палку. Можете орать, можете прыгать в окно, он тут человек важный, ему все равно ничего не будет. Но пока его желание не будет удовлетворено, никто не уйдет, перепих — и тогда идите хоть на все четыре стороны. Сначала он был согласен хотя бы, чтоб ему просто сделали минет, но, когда девушки начали отчаянно препираться, он решил, что минетом они не отделаются.

Поскольку Катя Мадель еще была девственницей, как-то получалось так, что отвечает Lindurik.

Тут уже Володин представлял себе совсем смутно, как одна подруга решила взять удар на себя.

Две говорящие головы, снято «восьмерками» в духе сериала «Моя прекрасная няня» и прочей продукции студии «Амедиа».

Катя Мадель: «Прости, Lindurik, ты сама ведь понимаешь, я не могу потерять девственность с грязным хачом, в логово к которому мы попали по роковой ошибке!»

Lindurik: «Но ведь мне будет обидно, что я уйду отсюда гашеная на всю жизнь, а ты отделаешься легким предупреждением!»

Катя Мадель: «Но ведь ты моя старшая подруга. А я — девственница! Если сейчас меня распечатает эта жестокая обезьяна, я никогда больше не смогу испытать радость от оргазма или в лучшем случае стану лесбиянкой, буду принимать наркотики на грязных хатах и нырять в пилотку мужиковатым бабисцам! Так что, пожалуйста, давай ты дашь этому хачу, пострадай за нас обеих, а через пару месяцев уже встанешь на ноги, и мы замолчим всю эту историю. Я люблю тебя, ты моя лучшая подруга! По рукам, Lindurik?»

Lindurik: «Ладно, Катя Мадель. Ты тоже моя лучшая подруга. Обними меня, пожалуйста, как же это будет нелегко. Но я ватащу нас отсюда».

И ей пришлось трахаться.

— И как же она жила дальше? Ходила себе спокойно в клубы? — спросил Володин после того, как секунд тридцать подумал над этой историей.

— Нет. Какое-то время не ходила. А потом снова начала ходить, что же делать, — ответила Надя.

В страшной тишине вращаются шестеренки жизни. Сейчас он с ужасом подставлял Надю на это место, пытаясь разгадать, что больше ранит душу: представлять, как ее ебут или как напихивают за щеку?

?

Живот крутило.

Снова начала ходить в клубы, что же делать. Жизнь продолжается.

Девушки слишком просто ко всему относятся, в том числе и к сексу, наверно, это чувствовал Володин, и, наверно, эта мысль была лишним поленом в костре. Нужно было взять себя в руки и встать с ковра. Наде добираться минут пятьдесят до дома, значит, она будет, скорее всего, уже минут через десять или пятнадцать.

Володин прошел на кухню и поставил воду для чая. Вода закипела. Ополоснул чайник, заварил ройбуш, подождал очень долгие пять минут и налил себе чашку. Нади не было, Володин ждал стука в дверь каждую секунду. Выпил одну и вторую чашку и попробовал позвонить Наде на мобильник, хотя и понимал, что телефон Надин если уж сел окончательно, то навряд ли она его зарядила от пальца. Естественно, абонент не отвечал или был временно недоступен. Володин надел куртку, обулся и вышел в подъезд. Он начал было спускаться по лестнице, но тут же поднялся обратно и вызвал лифт, чтобы вдруг не разминуться с ней, — Надя вверх всегда ездила на лифте.

Вот Володин спустился на лифте и вышел из подъезда.

Уже стемнело. На воздухе было немного просторнее, пространство расширилось и не давило так сильно со всех сторон. Володин глубоко вдыхал, и смотрел в сторону проспекта, откуда должна была прийти Надя, и еще смотрел вверх на кружащиеся снежинки и на черное небо на фоне. Подходил к концу еще один день новой жизни.

2009

БУДНИЧНЫЙ АНЕКДОТ

Я проснулся по будильнику и уселся на постели, растерянный после странного сна, пытаюсь его подробно вспомнить и понять. Во сне у меня откуда-то взялось два попугая: один ярко-желтый с румяными щечками, второй — не помню какой, но это и неважно. Первого я оставил себе, а второго подарил абстрактному другу.

Оставшийся попугай был совсем ручной и ласковый. Я, помню, испытывал к нему нежность, гладил и радовался, что он у меня есть. Да просто души в нем не чаял, а румяными щечками любовался и любовался. Чувства эти были очень сильные и теплые, в жизни я ничего такого к животным или людям не испытывал. Почти счастье — чувство, по силе сравнимое с первыми днями любовного романа. Наверное, в детстве я мог бы испытать что-то подобное, будь у меня любимец. Но любимца у меня в детстве не было. Во сне я долго выбирал для попугая клетку и тщательно следил за его рационом.

Я прошел в ванную и умылся над раковиной, еще храня это ощущение привязанности к несуществующему попугаю. Одновременно я смаковал это чувство и испытывал неловкость, что способен на него. Холодный кафель и утренняя вода из-под крана были как бы доказательством нелепости моих переживаний.

На кухне я включил чайник, открыл форточку, и день начался. Шум улицы, сквозняк и далекий вой сигнализации

переместили меня в понедельник. Зарядку по понедельникам я почти никогда не делаю, не стал делать и сейчас. В воскресенье я, как правило, беру выходной, провожу его бездарно и часто засыпаю поздно. Вместо того чтобы гулять, смотреть, читать, я просто думаю много закольцованных серых мыслей и жалею об упущенных или еще как будто не упущенных возможностях. А после просыпаюсь полуразобренным, не способным к физическим упражнениям и только по дороге на работу или уже в ее процессе догоняю свой обычный ритм. В этот раз я тоже уснул под утро.

Нехотя позавтракал, оделся и перебрал сумку с инструментом. Сегодня меня ожидал небольшой заказ: одна дверь и полторы тысячи рублей — это примерно четыре часа работы. Учитывая дорогу до заказа и обратно, я ожидал вернуться домой часов через шесть-семь. Если случаются большие заказы, я беру больше инструмента и пользуюсь тележкой. Сейчас же я собрал только одну сумку, закинул ее на плечо, убедился, что нормально выдерживаю такой вес, и вышел.

По дороге на остановку я почувствовал: в штанине что-то мешает. Вернее, даже не мешает, а просто есть отклонение — осязательное, но не особо существенное. Остановившись и прощупав ногу, я понял, что надел рабочие штаны вместе с трусами, застрявшими в штанине. То есть в субботу вернулся домой с работы, сразу разделся, закинул робу в шкаф, залез в душ, а трусы так и остались в штанине. Теперь одни трусы были на мне надеты как полагается, а вторые застряли в штанине на ноге, чуть ниже колена. В общем, я решил, что легче добраться до адреса в таком состоянии, чем устраивать манипуляции извлечения лишних трусов посреди улицы. Плюнул и пошел дальше.

В автобусе я решил помочь одной женщине вынести коляску, но немного смутился, когда она слишком энергично отблагодарила.

— Большое спасибо, молодой человек. Спасибо!

Случайные контакты с людьми по понедельникам у меня вызывают досаду. К тому же после этой помощи женщине, как мне показалось, некоторые пассажиры обратили на меня

внимание. Я как физически ощутил каждого, кто, пусть праздно и ненадолго, выделил меня из небытия. Если уж привлекать внимание, то не в понедельник и не с субботными трусами, застрявшими в штанине. В общем, чтобы скрыться, я включил плеер и закрыл глаза. Меня приятно покачивало на задней площадке, и я задремал под музыку. Пока не случился еще один необязательный контакт. У меня спросили:

— Вы выходите на следующей?

Я открыл глаза и мотнул головой, подразумевая «нет». Но это была непонятливая тетушка, она не поняла моего жеста, взяла меня за плечо и спросила еще раз громче:

— Вы выходите на следующей?!

Я на миг вытащил наушник, чтобы она поняла, что добралась до меня, и ответил в той же громкости:

— Нет!

Я еще отодвинул сумку, которая и так почти не загромождала проход. По времени уже миновал час пик, и тетушка вполне могла обойтись без этого вторжения на мою территорию.

Я доехал две оставшиеся остановки и спустился в метро.

Мне казалось, раз я пользуюсь проездным билетом, а не жетонами, это должно сделать меня менее интересным человеком для милиции. Да и раньше меня никогда не останавливали на каких-либо станциях кроме «Площади Восстания», и то лишь в дни отдыха. Худого и бледного, меня принимали за наркомана или барыгу на модном маршруте Петербург — Москва, когда я надевал выходную одежду. Но сегодня меня впервые остановили спешащего, настроенного как исправная шестеренка мегаполиса, существующего в режиме «Работяга». К тому же на «Проспекте Ветеранов».

Я вынул наушник и спросил:

— В чем дело?

Смуглый и каменный мент ответил:

— Ваши документы.

— Можно сначала ваши?

Он явно неприятно удивился, но достал корочки. Я даже не успел разглядеть его имя и фамилию, но решил сильно

не ругаться. Все время забываю распечатать указания, как вести себя с милицией в подобных ситуациях, и список того, что им можно, а чего нельзя. Инструкцию такого рода лучше всегда иметь при себе.

Я прощупал карманы и понял, что забыл паспорт.

— А-а, — сказал я, — у меня нет с собой документов.

— Пройдемте, — сказал мент.

— Ну куда еще? — сказал я безглаголиво.

Он провел меня в сторону, открыл дверь, мы прошли мимо обезьянника и остановились в коридоре. Обезьянник был занят — там шли другие обыски и разборки. Да и тут, в коридоре, пришлось потесниться: пропустить здоровяка мента и двух узбеков — его жертв. Я вдруг вспомнил, что в Москве вчера или позавчера взорвали поезд метро. Значит, теперь и в Петербурге поставили по десять лишних единиц в форме на каждую станцию, чтобы усиленно обыскивать узбеков и работяг. Конечно.

— Что в сумке? — спросил у меня мент.

Я открыл и показал.

— Инструмент.

Он скучающе заглянул, что-то тронул. Рыться подробно, видимо, ему не захотелось.

— Патроны есть? — зачем-то спросил он.

— Какие еще патроны?

— Какие? Боевые. Доставайте все из карманов.

Я вытащил проездной, телефон, плеер, ключи, носовой платок, блокнот, несколько мятых купюр. Мент прощупал мою куртку и карманы штанов. Я вспомнил про трусы в штанине и подумал, что мне не хотелось бы рассказывать здесь всю эту историю. Но он, обыскивая, спустился только до колен — и ничего не нашупал.

Он сказал:

— Идите.

Мент держался до последнего строго и холодно и даже не перешел на «ты». Я ожидал, что все будет гораздо хуже. Меня могли оставить «до выяснения личности», или как там они это называют. Тогда бы пришлось просить кого-то из знакомых

ехать за моим паспортом. Я даже не знаю, кого можно было бы попросить. В Петербурге у меня нет близких друзей, как почти и во всех городах.

Но, видимо, им сегодня было некогда — нужно было увеличить количество обыскиваемых, пусть даже ценой снижения ущерба каждому в отдельности. Будто машина-мясорубка, в которую автоматически попадает человек, рожденный в обществе, сегодня сменила тактику и вместо четких уколов рассеивала зло из пульверизатора.

И на меня попала лишь капля.

В такой день, еще не приступив к работе, чувствуешь усталость. Я доехал до станции «Черная речка», вышел на улицу, перешел дорогу, прошел два двора, сверился по блокнотику — проверил записанный адрес — и вот уже всем позвоночником ощущал тяжесть сумки.

Хозяин оказался полуинтеллигентного вида мужчиной в джинсах и старой бежевой рубашке. Давно уже не молодой. Он поздоровался и пропустил меня в прихожую.

— Какую дверь меняем? — спросил я, снимая куртку.

— Эту. В мою комнату.

Он мотнул головой на комнату, взял мою куртку и вместил ее среди другой верхней одежды на один из крючков.

В квартире сильно пахло собакой.

— Где сама дверь? — спросил я.

Мы прошли в его комнату. Большая старая псина дружелюбно уткнулась мордой мне в пах.

— Пожалуйста, уберите собаку, — сказал я.

Собака не выглядела опасной, но я немного испугался. Она была слишком крупной и вонючей, хотя, похоже, вовсе не злой. Хозяин немного разочарованно, как мне показалось, сказал:

— Юджин, пойдем отсюда.

И закрыл собаку в соседней комнате, откуда она тут же принялась поскуливать.

— Общаться хочет, — пояснил он.

Я достал нож и распаковал дверь — вскрыл полиэтилен, снял пенопласт с краев, вытащил полотно на середину комнаты.

Оглядел: с дверью, как почти всегда, все было в порядке, царапин и вмятин не было. Хотя сегодня мне даже хотелось, чтобы дверь оказалась бракованной. Тогда бы я позвонил в фирму и, скорее всего, сразу бы поехал домой, пусть и не заработав ничего. Они бы заменили дверь только через несколько дней.

Я пересчитал стойки для коробки, доборы, наличники, два бруска, замок — все в необходимом количестве. Ничего не попишешь и никуда не убежишь: мне оставалось только начинать работу.

— Все на месте, — сказал я, — мне понадобится только веник, совок и любой пакет для мусора.

Через несколько секунд хозяин принес все это с кухни.

Теперь мы стояли и смотрели друг на друга. Он догадался, что я не хочу, чтобы за мной наблюдали. Это была удача. Он пожал плечами и сказал:

— Я буду в соседней комнате, если что.

И удалился к собаке. Она теперь не скулила, получив порцию общения.

Я быстро прошелся ножиком вокруг старой коробки — обои приклеены к наличникам, можно оторвать большой кусок, если предварительно не прорезать периметр; затем взял старую стамеску и молоток и выдрал наличники один за другим. Тут же я выносил их на лестничную площадку. Через минуту снял и вынес туда же старую дверь. Развернул удлинитель, подключил лобзик и распилил посередине вертикальную стойку. С помощью монтажки выломал все то, что осталось от коробки, и доска за доской вынес из квартиры.

Я стоял на площадке и стучал молотком по вытащенным доскам. Я старался на всех кусках, на всех досках и обломках загнуть каждый опасно торчащий гвоздь, чтобы о них нельзя было пораниться. Выносить производственный мусор на помойку не входит в мои обязанности, но мне как-то не по себе даже от мысли, что в подъезде будут лежать или стоять прислоненные к стене доски с торчащими во все стороны гвоздями.

Времени прошло совсем немного, минута или полторы, я уже разбирался с последним обломком. Вдруг

с лестницы — откуда-то сверху — спустилась и встала рядом высокая пожилая дама. Из-за ее появления в воздухе как будто напряженно загудело. Я посмотрел на нее и снова ударил молотком по гвоздю — звук металлически выскочил в подъезд и плавно заглох. Вроде у меня тут было готово — я положил обломок. Вдруг пожилая дама ударила меня сумкой. Не так чтобы сильно, но как-то требовательно. Требовала внимания к себе. Сумасшедшая — понял я.

И сказал резко:

— Не трогайте меня!

И пошел дальше заниматься своей работой. Дама зашла за мной в квартиру и завывала в прихожей. Пока я сметал мусор, оставшийся после разбора проема, дама сигнализировала:

— Уберите это! Почему вы оставляете мусор? Неужели я должна убирать за вами?

Я поставил дверь горизонтально, или, как говорится, раком, и отметил карандашом точки — двадцать сантиметров от верха и низа.

Хозяин в это время говорил даме:

— Выйдите сейчас же отсюда и больше сюда не приходите!

— Сейчас же уберите этот мусор! И что вы стучите? Я больной человек, не собираюсь дышать вашей пылью! — отвечала дама.

Я взял петлю и обвел ее по контуру карандашом в двух отмеченных позициях. Теперь взял новую стамеску, молоток и принялся простучивать периметр будущих углублений для петель. Потом нужно аккуратно выдолбить на несколько миллиметров маленькую ровненькую могилку в двери, в которую ляжет петля. Петли вкрутить в дверь и такие же углубления под них сделать на стойке.

Хозяин вытолкнул даму, но она еще голосила:

— Сейчас же позвоню управдому. Слышите меня? Сейчас же, вы у меня давно на особом счету!

Хозяин закрыл входную дверь и сказал мне:

— Извините. Она не в себе. Хотя сама на две недели ставила ванну на площадку, и ничего.

Я ответил:

— Да, обычно таким людям и надо больше всех.

И тут же принялся работать, чтобы пауза не затянулась. Хозяин опять ушел по мелким делам, а я открыл форточку, и дело пошло быстро.

Вкрутил петли, собрал коробку — теперь нужно было ее выставить по уровню. Я продолбил стену перфоратором, закрепился на саморезы, выровнял петлевую стойку — на которую подвешивается дверь — по отвесу, и пришло, собственно, время подвесить. Ножовкой отпилил от бруска несколько кусочков, чтобы делать чопики. Тут, конечно, гораздо удобнее работать пилой-торцовкой, но ради одной двери я ее не понесу. Поэтому пилил брусочек по-дедовски.

Ладно, я подставил чопик под дверь, чтобы она держалась на нужном уровне, аккуратно открыл петлю, прикрученную к двери, и вставил часть «бабочки» в отверстие в стойке. Дрель уже под рукой — вкрутил несколько саморезов. Так же и с нижней петлей.

Дверь удалось подвесить нормально — она держалась в любой позиции, не закрывалась и не открывалась — значит, стояла в отвесе. Теперь я занялся второй стороной коробки. Закрыв дверь, прикинул зазор, который нужно оставить между дверью и коробкой, прикинул, на сколько вкручивать вторую стойку, проверил, чтобы дверь правильно закрывалась по всей высоте и не играла на петлях.

Выставить дверь и коробку — всегда самое сложное. Сначала у меня уходило на это по два-три часа. Сейчас, если везет, я делаю это за двадцать минут.

Мне, можно сказать, повезло. И скоро я уже тряс баллон с монтажной пеной. Это один из самых приятных моментов. Открываешь пистолет, нажимаешь на курок, и монтажная пена заполняет щели между стеной и коробкой, она выходит, нежно шипя, и в то же время в этом звуке слышится сила и мощь странного вещества. Проем был запенен, половина работы сделана.

Мне хотелось пить, и я решил обратиться к хозяину. Постучал к нему в соседнюю комнату.

— Я установил дверь. Нужно подождать, пока пена встанет, хотя бы полчаса.

Он кивал.

— Ну и, может, нальете пока мне чашку чая?

Он закивал энергичней и побежал на кухню.

— Да. Есть чай, и есть кофе.

— Пожалуйста, зеленого чая, если есть, — попросил я.

В ванной я помыл руки, черт, я ведь так и не вытащил трусы из штанины — ладно, потом — и прошел в кухню. Хозяин поставил чайник и стоял, глядя то на меня, то в угол, то в окно, пока не догадался сказать:

— А вы садитесь. Может, вам печенья или разогреть поесть?

— Да мне просто чая, не надо ничего больше. Осталось немного.

Я сел на стул. Немножко разглядывал свои руки, ожидая, пока вода закипит. Нужно отдохнуть дней пять-шесть, чтобы руки снова стали гладкие, чтобы зажили все мелкие ссадины, рабочие ранки, прошла сухость кожи. Я потер руки и вспомнил, что обещал себе в этом году побывать на море. Я обвел комнату взглядом, посмотри вокруг, как тебе все это надоело, хватит работать, возьми отпуск, у тебя не осталось долгов, езжай куда-нибудь и попробуй жить настоящим, а не прошлым или будущим. На холодильнике я увидел клетку с попугаями. Два маленьких попугая, они, оказывается, почирикивали, просто я не обращал внимания. Только сейчас как будто включили звук.

— О. Попугаи, — сказал я вслух.

— Да, — оживился хозяин, — правда, они совсем старые. Особенно голубенький.

Я даже встал, чтобы разглядеть их подробнее.

— А кто они? Кореллы? — спросил я наугад.

— Нет, что вы. Обычные волнистые. Просто откормленные.

Чего-то я обрадовался. Конечно, эти попугаи не были похожи на тех, из моего сна. Местный желтый был весь облезлый, перья только на голове и крыльях, а туловище голое, как у ощипанной курицы.

Мой рядом с ними выглядел бы настоящим королем.

Хозяин вложил пакетик в чашку и залил кипятком. Я даже не удержался сказать ему:

— Просто мне как раз сегодня попугай приснился. Очень ручной. А теперь я здесь их увидел — впервые за очень долгое время.

— Да, такое бывает. Видишь во сне, и вот оно уже наяву.

Хозяин подумал, что бы ему еще сказать, и сказал:

— Я бы отдал вам одного из этих, но они уже старые. Боюсь, такой стресс — поменять хозяина, и все. И конец.

Это было неожиданно как-то. Не ждал и не желал такого сближения.

— Да нет-нет. Что вы, — сказал я, — я так сразу не решусь, это почти как женитьба или ребенок для меня.

Он вежливо засмеялся.

Я допил чай, встал и сказал:

— Ладно, я теперь продолжу.

Нужно было распиливать доборы и начать их прикручивать, а дверь как раз уже вот-вот встанет. Я отрезал доборы по длине, чтобы они подходили к коробке, потом отмерил линейкой, на сколько стена шире коробки, и расчертил доборы. Теперь каждый по очереди клал на стул и долго пилил лобзиком вдоль, отпиливая лишние полтора сантиметра. Доборы были почти готовы. Только сначала осталось в каждом просверлить отверстие. Если их прикручивать сразу на саморезы, ламинат — а доборы были ламинатные — треснет. Я сменил в дрели биту на сверло, просверлил по несколько дырок в каждом доборе, обратно вставил биту и прикрутил доборы к коробке. Теперь коробка стояла со стеной, что называется, заподлицо. Можно было прибивать наличники, а можно было врезать ручку.

Я сперва решил заняться ручкой. Разметил карандашом, вставил в дрель перо и просверлил одно отверстие. Поставил фрезу и сделал еще одно отверстие — больше, прорезав дверь насквозь и частично захватив первое отверстие.

Вставил тело замка в маленькое отверстие, а ручками закрыл с боков — защелкой вовнутрь. Закрутил несколько саморезов и винтиков, подергал, открывая, закрывая, — готово.

Просверлил углубление в стойке — дырка, куда будет выдвигаться замочек, — и прикрутил ответную планку (ее пришлось несколько раз перекручивать, чтобы замок закрывался и открывался четко и дверь при этом не ходила ходуном).

Три минуты передохнул, посмотрел, сколько времени, — я успевал чуть быстрее, чем планировал, — и достал наличники.

Приставил наличник к двери, сделал метку. Достал стусло и распилил наличник ножовкой под сорок пять градусов. Тут бы мне тоже сильно ускорила работу пила-торцовка. Но одна дверь — это всего лишь несколько распилов.

Теперь прибил наличник на финишные гвозди, распилил следующий напополам (две верхние части делаются из одного стандартного наличника) сразу по стуслу — по углу в сорок пять градусов, но в противоположную сторону прошлому распилу. Приставил отпиленный кусок к уже прибитому наличнику и сделал еще одну отметку, где будет соединение со следующим наличником.

И так далее. Через стусло углы получались неидеальными, и тогда я подтачивал напильником.

Когда все было готово, выглядело хорошо. Я постучал хозяину и сказал:

— Принимайте работу.

Он даже не стал разглядывать дверь, а заговорил:

— Да-да, сколько я вам должен? Полторы? Сейчас.

— И акты дайте. У вас должно быть два акта. Один вам, один на фирму.

Работа была закончена. Я заполнил бумаги, хозяин расписался на обоих экземплярах. Один я свернул и положил в карман куртки.

В метро увидел красивую девушку. Я не мог оторвать взгляда, но и не мог позволить себе разглядывать ее. Я опять стал думать, что мне нужно сменить работу. Вот если бы я был даже каким-нибудь продавцом одежды или мелким менеджером в крупной компании, пусть бы я получал в два раза меньше и ежедневно становился жертвой или свидетелем проявлений корпоративного фашизма, мне бы пришлось снимать комнату,

а не квартиру; зато я мог бы одеваться нормально в любой день, и мне бы никогда не приходилось ехать в метро с огромной тяжелой сумкой.

Стоя в робе, я могу смотреть на эту девушку только так, чтобы она не замечала моего внимания.

А будь я даже чертов менеджер — ведь я достаточно молод и симпатичен, мне еще далеко до тридцати, — мог подойти к ней и попробовать познакомиться. А что бы я сказал сейчас?

«Простите, я работаю установщиком дверей. В выходные я выгляжу как обычный молодой модник, но, к сожалению, мы встретились не в мой выходной... Так что давайте встретимся в воскресенье».

Я уткнулся в газету, которую читал человек рядом. Это были анекдоты. Я даже и забыл, что существует такой жанр. Я прочел несколько из-за плеча украдкой, не испытав никаких эмоций. Газета явно была новая, но анекдоты эти я знал еще в отрочестве. Один из них, точно помню, прочел в сборнике анекдотов, который со скуки отрыл на даче у деда с бабушкой. Прошло пятнадцать лет, а его в очередной раз публикуют в какой-то там газете. В анекдоте два мужчины встретились в раю. Первый спрашивает: «Как ты умер?» «Я, — говорит второй, — был у любовницы. Звонок в дверь — муж, она ему ведро помойное в руки, а я пока свалил домой. А дома мне жена ведро в руки... Я злой, забегая в квартиру, смотрю в спальне, под кроватью, в шкафу, под шкафом, на балконе, в ванной, зашел в кухню — и там никого. Я и умер от смеха». А первый отвечает: «Эх ты, заглянул бы в холодильник — оба бы живы остались».

Наверное, кому-то правда нравится читать такие маленькие истории смешные или несмешные. Я поднял взгляд, чтобы еще один раз поймать красивую девушку, как воздуха глотнуть. Но ее уже не было в вагоне. Только что вышла. Жаль, нужно было смотреть, какая разница, если мне хотелось на нее смотреть, нужно было смотреть.

Последний раз мне так понравилась одна девушка — дочь клиентов. Я тогда делал в квартире шесть дверей. Можно было успеть за два дня, но я так сильно никогда не тороплюсь,

поэтому отработал три полных дня в спокойном темпе. Хозяева меня кормили, даже в последний раз совпало, что я обедал вместе с ними и их дочерью.

Я в те дни по дороге на работу читал одну хорошую, на мой взгляд, книгу. И, отобедав, как раз решил почитать, пока пища уляжется, к тому же оставалось совсем немного. И вот быстро дочитал, книга меня чуть удивила и сильно порадовала. Я решил оставить роман как приманку. Положил на кухонный стул, задвинул и пошел доделывать работу.

Я вообразил, что именно дочь хозяев найдет книгу, она вроде поглядывала на меня с любопытством. Я думал, она скажет: «Эту книгу ведь оставил установщик. Нужно ему вернуть!»

Заполняя акт, я вписал свой номер телефона, хотя никогда его не оставляю. Обычно со всеми вопросами и жалобами звонят в фирму. Но на этот раз я оставил свой номер как замануху. Переоценил себя.

— Гарантия год. Если с дверьми что-то случится, можете звонить мне напрямую.

Звонка не случилось.

Я решил выйти на станции «Ленинский проспект». Второй раз попадаться ментам не хотелось — раз уж на «Ветеранов» такое их логово. А насчет «Ленинского» — отчего-то решил, что там их будет меньше.

Народу было совсем немного — сегодня управился до вечернего часа пик, я пошел к выходу. Один белобрысый мент стоял как раз возле будки, оглядывая и входящих, и выходящих. Он стоял ко мне скорее спиной, и я уже думал, что он плевать на меня хотел, как он вдруг вытащил назад металлоискатель и рванул на меня, типа, хочет отбить сложный мяч в большом теннисе.

— Что такое? — спросил я.

— Ваши документы, — сказал белобрысый мент как-то радостно.

Я решил, что радовался он, как провернул такую шутку: я думал, что ухажу, мяч улетает за поле, а он делает умелое движение ракеткой — и я в тюрьме.

— Я не взял сегодня паспорт, — сказал я, выделяя каждое слово.

Он весело мотнул головой в сторону соответствующей двери.

— Подождите, — сказал я, подчеркивая усталость и досаду, — меня уже обыскивали сегодня на «Ветеранов». Я еду с работы. У меня только инструмент.

— Кто обыскивал? — спросил он.

— Такой смуглый, черноволосый, м...

Я чуть не сказал «мент» или даже «мусор», возможно, это было бы тактической ошибкой. Никогда не думал, как они называют друг друга сами.

Он остановился. Я чуть расстегнул замок сумки.

— Вот, там инструмент. Я с работы еду.

Мы смотрели друг на друга с белобрысым ментом. Мы разговаривали глазами, и я выкидывал в полотно беззвучной реальности сверхскоростной монолог.

Знаешь, почему я не взял документы сегодня? Ты еще молодой, и хоть ты мент, но тебе нужно это понять. Знаешь, почему я так и не вытащил эти субботные трусы из штанины? Думаешь, мне это сложно? И, если тебе не дано понять, я все равно скажу почему. Потому что я работаю, месяц за месяцем я работаю и вроде бы что-то зарабатываю, раздаю старые долги, живу какое-то время в Санкт-Петербурге. Но я даже не вижу этого города. Я вижу метро, тебя, вижу путь на работу и с работы, душ и завтрак. Романы, которые со мной случились, как будто мне приснились. Друзья, с которыми я раньше жаждал быть вместе, тоже стали воспоминаниями о далеком сне. Я слишком одинок, и сегодня понедельник. А это еще пять рабочих дней на неделе, точно таких же дурацких дней. Конечно, все квартиры разные, и все люди разные, и все заказы разные. Но вся их разность только доказывает, какие они все одинаковые, и я одинок. Хочу путешествовать, да, я хочу путешествий, но не из города в город, чтобы работать, а из страны в страну, чтобы отдыхать. Да что я тебе объясняю? Давай, заberi меня, закрой в тюрьму, что это такое, я подозрительный тип, сто процентов преступник с субботними трусами в штанине и без паспорта, наверняка

полная сумка взрывчатки. Зачем-то сочинил, что я иду с работы и несу инструмент, а на деле просто хочу взорвать наше близкое к идеальному общество. Мне место за решеткой или в гробу!

— Ладно, иди, — сказал белобрысый мент.

Я моргнул и как-то неуверенно стал разворачиваться.

— Иди давай, — повторил он властно и благостно.

Он был младше меня и вот обратился на «ты», это фамильярное похлопывание, эта излишняя близость.

Но, может, он уловил хотя бы часть моего внутреннего монолога, и тогда у нас с ним наступило полное «ты», взаимопонимание и дружба. И сейчас он скинет свою идиотскую фуражку, запульнет вдаль металлодетектор и в эту же секунду начнет жить.

Я вышел из метро на остановку.

Сегодня понедельник. Сколько дней нужно мне, чтобы попробовать начать жить? Пока я думал об этом и пока прикидывал, что хочу на ужин, подъехал мой автобус.

НИ ОКЕАНОВ, НИ МОРЕЙ

Из университета я вернулся только вечером, но пошел не домой, а сразу, с автобуса, к Мише. Он накормил меня тушеной картошкой с мясом, и мы засели в его машине за домом. Конечно, это была не его собственная машина, а его отца. Миша еще был несовершеннолетний, как и я, и машина ему не полагалась. Но он свободно брал ключи и ездил по Металлплощадке. Вот уютный сентябрьский вечер, у меня с собой пакет, в котором две тетрадки с уродскими рисунками вместо лекций, а у Миши полный карман пластилина. Но я это пока не просек.

Но вот вышли мы из подъезда, сели в машину, отъехали за дом, и тогда он мне показал. Важно достал из кармана паке-тик, наполненный граммюльками, и потряс перед самым моим носом, сукин кот. Пока я объедал его, наворачивал картофан, запивая чаем, он, наверное, грел этот момент за пазухой, как родное дитя.

— Откуда? — просто спросил я.

Может, он думал, что я тут же начну полировать ему шляпу, но промахнулся. Я, конечно, немного обрадовался, но, в общем, остался ровным. Из тех немногих способов вмазаться, которые я пробовал, синька пока была несомненным лидером. План для меня был как семечки.

— От людей, — сказал важно Миша.

Он достал банку спрайта, мы ее тут же распили. Миша деловито примял алюминий, делая ровную площадочку, прокол

дырочки, попробовал, как дышится, отломил порцию для меня. Я тут же поджег башик, дунул и задержал дым. Миша сделал для себя.

— И что? — тупо спросил я, когда выдохнул. — Мы вдуюм все это палево?

Миша посмотрел на меня как на дегенерата. Он любил слово «дегенерат», и иногда по взгляду я догадывался, что Миша про себя его произносит.

— Лицо треснет, — сказал он.

Мы хапнули еще по разочку, и Миша объяснил:

— Я взял на реализацию. Попробую раз, если получится, возьму больше.

Я всегда скептически относился ко всем его преступным начинаниям. Взять хоть случай, как в десятом классе Миша где-то откопал пугач, дико похожий на настоящий пистолет. И мы — с его, естественно, подачи — пытались устроить легкий шмон у аграрного техникума. Поменялись куртками для конспирации: господи, я как Филипок в Мишином XL, он как гомик в моем M. Стыдно вспомнить, мы мялись, как две девочки, пытаясь на глаз выпалить лохов. Но отменять аферу было еще постыднее. Первый же «лох» оказался таким прошаренным, так кумарил по фене, что я бы не удивился, если мы по итогу свои штаны отдали бы ему. Но гопничек нормально все раскидал, потом скинулись, выпили бутылку портвейна, посмеялись (лично я — натянута) и разошлись.

А пугач потом Миша потерял. Я ему раз пятьсот повторил тогда свою любимую поговорку: «Доверь дураку стеклянный хуй — и хуй разобьет, и жопу порежет».

Но этими дураками, в общем-то, были мы оба.

Ладно, скоро появился первый клиент. Это был один из местных опасных парней, которым в среднем по двадцать, я их остерегался, не очень с ними общался; они не такие, как мы. Наглее, отмороженнее. Я думал, что они немного тверже, может, потому что у них было больше: они успели побывать октябрятами, перестройку застали чуть более взрослыми детьми, а в середине девяностых уже были подростками и мотали на ус. Для нас,

детей восемьдесят пятого года, середина девяностых — это лишь воспоминание об унылой нищете.

Он поздоровался с нами, засмеялся этим особым смехом хриплой гиены — фокус всех гопников мира — смехом, от которого у меня очко сжимается, и спросил:

— Миш, есть че?

Миша достал для него кубик, завернутый в фольгу, и получил сторублевку. Мы еще пыхнули, потом был еще клиент, а потом были еще двое, и я впервые поверил в Мишу. Что у него пойдет дело. Тут прохлада: все менты на поселке — друзья чьих-то друзей, план курят четверо из пятерки, и Миша, если не будет давать в долг, может что-то поднять на карманные расходы, пока наркоконтроль до него не доберется. Но и там, наверное, у кого-то есть знакомые. Такие благие мысли спокойно текли под планом.

Когда в первый раз появился Биолог, стемнело и мы уже взяли пива. Ну сначала, понятно, он для нас не был Биологом — просто какой-то неприятный парень годов двадцати восьми. Не местный, городской. Хотя до города двадцать минут пешком, те, кто тут живет, немного отличаются, точно не знаю чем. Может, какой-то плавностью. А Биолог мне сразу не понравился, мне не нравятся брюки в сочетании с опьянением. Позже мы узнаем, что у Биолога был день зарплаты.

— Парни, — сказал Биолог, заглядывая в машину, и замолчал. Мы уставились на него, ожидая продолжения.

— Да? — спросил Миша.

— Вы знаете Матвееву Настю?

Лично я очень хорошо знал Матвееву Настю, она училась со мной в одном классе. Я был влюблен в нее. К выпускному она согласилась, но у меня ничего не вышло. Она тоже была девственницей, и я очень хотел ее, но перепугался так, что руки тряслись, а член домкратом было не поднять. Я об этом не рассказал даже Мише. Потом она съездила на море, и мы иногда виделись, разговаривали, но как будто между нами ничего не было.

— Да, училась с нами в школе, — ответил Миша.

— А, — сказал Биолог.

Он на секунду выпал, и его тут же увело в сторону.

— А счас вы где учитесь?

Мы с Мишей переглянулись. Поняли, что парень не совсем в своем уме.

— Я в техникуме, — ответил Миша.

Биолог посмотрел на меня. Я не хотел ему отвечать, но пока и не видел причины грубить.

— Я в универе.

Ответ его обрадовал. Он даже руку вверх поднял.

— Я тоже в универе учился. А ты на кого?

— На филолога, — ответил я.

Мне было приятно говорить, что я учусь на филолога. И с этого момента разговор на время перестал меня раздражать. Я точно знал, что из молодежи я единственный филолог в нашем населенном пункте, и это значило, что хоть в чем-то я особенный. Они этого могли не знать, но у меня был шире кругозор, я смотрел на них с высоты прочитанных книг и отве-
данных стилей. Мы все одинаково плыли в никуда и убивали себя, не успев еще вырасти, нас ничего особенного не ждало: ни путешествий, ни Европы, ни Африки, ни океанов, ни морей. Мы несколько раз в неделю напивались разбавленным спир-
том, курили план и химку, даже запивали феназепам самого-
ном. И я был почти таким же, но зато у меня теперь никогда не отнять этот волшебный чемоданчик, я как бы тоже тонул, но из последних сил прижимал к груди томик Кафки.

— А я на биологическом учился, — ответил Биолог.

Так он и стоял рядом с машиной и вел эту непонятную беседу. А мы сидели в машине и зачем-то ее поддерживали.

— Наш друг на биологическом учится, — сказал Миша, — Тимофей. Пьяница и дегенерат.

— Не знаком, — сказал Биолог, — но там все пьют, это да. Этого не отнять.

Это была правда. Я учился первый месяц и уже успел зареко-
мендовать себя как главный алкаш филологического, но по мер-
кам биофака был бы вполне себе рядовой. Мы замолчали. Миша

отхлебнул пиво и протянул баллон мне. Я глотнул, вернул Мише и указал, чтобы он протянул Биологу. Неприятно после этого левака пить, конечно, но все-таки не предложить было бы как-то не по-людски.

Биолог глотнул, поблагодарил и вдруг вспомнил, с чего начал.

— Вы видели Настю Матвееву?

— Сегодня нет, — сказал Миша.

Я тоже сказал, что не видел. И вдруг спросил как-то не очень ровно:

— А что у тебя к ней?

— Она моя девушка, — сказал он.

Миша озадаченно посмотрел на меня. Даже ему было неприятно узнать, что Матвеевой, по-видимому, регулярно вставляет тридцатилетний пьяница в брюках. Когда рядом с тобой хорошенькая девочка вырастает в красивую девушку, всегда как будто имеешь ее в виду и надеешься, что она будет с тобой или хотя бы с твоим другом. Виду я не подал, но в мыслях проклял этого урода.

Он еще немного поговорил с нами о какой-то ерунде. Больше с Мишей, я как-то задумался, ушел в себя, был в легком дурмане. Вернулся, когда Биолог достал мобильник и пытался звонить Матвеевой. Матвеева не брала трубку.

— Вы знаете ее домашний? — спросил он.

— А у нее что, есть мобильный? — удивился я. — Я думал, ты на домашний и звонишь.

Да, у нее был мобильник. Он звонил на мобильник, домашнего он не знал. Но она — блядь. Что она водит его за нос? Мобильник свой выключила, хотя сегодня было обговорено, что он придет к ней. Конечно, я прекрасно знал наизусть домашний номер Матвеевой, но я не сказал, что знаю. Миша смог вспомнить только часть цифр.

— Ладно. Пойду искать, — сказал Биолог.

— Подожди, — сказал я. — Можно от тебя позвонить?

Биолог протянул мне мобильник. Это вроде был первый или, по крайней мере, один из первых моих звонков по мобильному

телефону. У меня даже и пейджера не было никогда — не видел в нем смысла. Я думал позвонить домой, сказать отцу, что гуляю и приду поздно. Но связи не было. Вечерами на линии поселка постоянно происходили сбои у той половины, где номера начинались на 13. А у другой половины, у Миши, например, номер начинался на 74 и сбоев никогда не случалось. Хотя мы жили на одной улице. Часто я просто не мог дозвониться до дома, и, когда приходил поздно ночью ушатаанный, случались короткие, но выматывающие ссоры с отцом.

Мы с Мишей еще съездили за пивом, дали круг по поселку и вернулись на то же место. Где-то на двадцатом дурмане откуда-то из глубокой ночи вернулся Биолог. Он заглянул в машину, и мы увидели в свете его нервное бледное лицо, как у покойника.

— Ну что, нашел Матвееву? — спросил я, как мне почувствовалось, немного резко.

— Не нашел Матвееву! — еще резче ответил он.

И я понял, что он сделался раз в сто пьянее. И — как в подтверждение — Биолог протянул нам в окно пакет. Миша взял этот пакет и раскрыл передо мной. В пакете была водка, сок и пластиковые стаканчики. Миша открыл заднюю дверь и впустил человека на борт. Я оперативно разлил.

— Бляди! — сказал Биолог торжественный тост.

И мы выпили.

Биолог залипал. Что-то бормотал, просыпался, опять уходил. Мы с Мишей неторопливо и деловито разделялись с водкой.

— Что с ним? — спросил я.

— Не знаю. Разбудим и пошлем на хуй, — предложил Миша. Вдруг Биолог очнулся.

— Довезите до города, парни. А я вам сотню заплачу.

Миша повертел головой вправо, влево, вверх, вниз, наверное, оценивая свое состояние, и сказал:

— Поехали.

Мы из-за дома выехать не успели, а Биолог уже храпел. Миша несколько раз поворачивался, внимательно смотрел на Биолога, и я догадался, что у Миши на уме.

— Не надо. Нельзя, Миша, — упрашивал я.

Миша остановил машину.

— Садись за руль, — сказал он.

И перелез на заднее сиденье. Я пересел за руль, хотя водить почти не умел. Пробовал несколько раз на отцовской «Оке» и обычно трогался рывками, часто глох. Однако Мишин бобон стартанул гладко.

— Получилось, — сказал я удивленно.

— Тише, — сказал Миша.

Бобон трясся подо мной и ехал как медленный танк. Мы проехали девятиэтажки — сердце поселка, проехали коттеджи и выехали на дорогу в город — финишную прямую. В зеркале я увидел, как Миша аккуратно шмонает Биолога. Нашел кошелек, достал его и через секунду положил обратно. Вот Миша все сделал, и мы как раз приехали. Он был королем этой ночи: хранение и распространение легких наркотиков, вождение в нетрезвом виде и без прав, грабеж. Хотя у меня был этот же набор минус наркотики. Миша перелез на переднее сиденье, оглядел себя, меня, Биолога, убедился, что все чисто сработано, и вдруг резко сказал:

— Подъем! Приехали!

Биолог не реагировал. Мы потрясли его, тогда он проморгался, увидел силуэты городских домов и сказал:

— А дальше?

— А дальше нельзя, — сказал Миша. — Прав нет, и водка с пивом.

Биолог порывлся по карманам, дал нам сотню, что-то там пробормотал и вышел. Миша развел руками, как бы завершая фокус. Я сказал:

— Подожди минуту.

Я вылез из машины. Помочился у обочины, глядя, как Биолог неверным шагом идет в город. Я застегнулся и вдруг, вскинув руки, со страшным воплем побежал за Биологом. Он повернулся на меня, ничего не понял, отвернулся, пошел дальше, опять повернулся, я все вопил и неся на него, и тут он испугался и побежал. Пару секунд я еще бежал за ним и орал, а потом резко остановился и пошел в машину.

Миша уже пересел на водительское сиденье. Он удивленно разглядывал меня.

— Жук, ты ебанулся?

— Мне не нравится, что он трахает Матвееву, — объяснил я свое поведение.

— Может, и не трахает, — ответил Миша.

Он пересчитал деньги и отдал мне половину. Я пожал плечами и взял купюры. Мы подняли по семьсот рублей.

— Ты ему сколько оставил? — спросил я.

— Больше, чем взял, не ссы. У него там целая зарплата.

— Хорошо. Поехали, пожалуйста, домой, — сказал я.

Вдруг усталость навалилась, как когда выходишь из речки. Вроде пока бултыхаешься, не чувствуешь, что вымотался, а как выбираешься на сушу — мышцы как налиты свинцом.

Мы поехали домой. Уже начало светать, немного тревожное утро, этот непонятно откуда свалившийся неприятный тип и ожидающий меня дома вербальный распиздон. «Хорошо, если Матвеева не привезла обратно свою девственность, когда ездила на море», — думал я. Мне хотелось считать, что она не подарила это сокровище человеку, с которым нас зачем-то свела сегодняшняя ночь.

КИСЛОРОД

На улице +38 уже не первую неделю, и невозможно пальцем пошевелить, чтобы не вспотеть. Торфяные болота горят, область в вонючем тумане, и повсюду валяются трупы голубей.

Но в торговом центре прохладно, работают кондиционеры, уходить отсюда не хочется.

В офисе при магазине бытовой техники жду начальника склада. Анкету уже заполнил, просто жду. Начальник склада заходит в кабинет и предлагает сразу перейти на «ты». Его зовут Денис, мужественный приятный парень лет тридцати. Он изучает анкету быстро, но внимательно и спрашивает по некоторым пунктам.

Все документы в порядке? Паспорт, ИНН, военный билет?

Да, у меня все документы в порядке.

Служил ли в армии?

Нет, не служил. Но со здоровьем все в порядке. Просто удалось получить военник по плоскостопию.

Раньше работал строителем и установщиком дверей?

Да, это так. Работал строителем и установщиком дверей.

Но почему ушел?

Потому что не хочу зависеть от случая, не хочу ждать хо-рошего заказа. Хочу иметь пусть зарплату небольшую, но ста-бильную. И хочу иметь оплачиваемый отпуск.

Да, начальник склада говорит, на стабильность могу рассчитывать. Немного рассказывает о работе на складе.

Бесплатные обеды, и еще мне выдадут специальную обувь с металлическими носами.

— Чтобы холодильником не придавило, — догадываюсь я.

Мою анкету должна проверить служба безопасности, говорит Денис. И мне позвонят дня через три. Мы пожимаем друг другу руки, и я выхожу.

Еще есть время до электрички, думаю посидеть где-нибудь здесь, в торговом центре под кондиционерами, и почитать. Но в очередной раз не могу прочесть больше двух абзацев. Почти за месяц жары мозги превратились в желе. За лето не прочел ни одной книги, не посмотрел ни одного фильма, не написал ни одного стихотворения. Несколько лет назад в Москве было жаркое лето, думал, что это будет конец. Тогда мне казалось, что не переживу +30. Теперь температура доходит до сорока. Но ни я, ни кто-то из моих знакомых пока не умерли.

Стою на одном конце платформы и не вижу другого конца из-за дыма. Часть людей в бумажных масках или респираторах. На днях О. купила несколько масок в аптеке и сама носит, но я не стал носить. Даже не смог бы объяснить, почему не ношу. Примерил маску и тут же снял из-за невятного внутреннего противоречия.

В электричке тяжело дышать, и я сразу покрываюсь потом. Все люди липкие, пот катится по лицам, рубашки и футболки насквозь промокли. Вот-вот люди начнут падать и растекаться.

Остаюсь в тамбуре, и через пару станций появляется дерзкий парень, который не дает дверям плотно закрыться. Мы едем со сквозняком, на остановках парень выпускает людей и снова встает в дверях — держит их.

Выхожу в подмосковном городе. Здесь теперь живу. Пятнадцать минут от платформы, вот дом, в подъезде приятно прохладно, поднимаюсь на второй этаж. О. выдала мне комплект ключей, вхожу как к себе домой. В квартире хуже, чем в подъезде, но лучше, чем на улице.

Толик издает звуки: что-то среднее между писком и чириканьем. Привлекает к себе внимание. Подхожу к клетке,

открываю дверцу и глажу его шею и грудку. Толик поднимает передние лапки, замирает. Ему одновременно страшно и приятно. Устанавливаю колесо, чтобы он немного побегал. В такую жару мы позволяем ему бегать в колесе не дольше двух-трех часов в сутки, иначе он перегреется.

Иду в душ. Долго стою под прохладной водой. Не вытираясь, выхожу в комнату, ложусь на диван и закрываю глаза. Вода испаряется с кожи, стараюсь тщательно прочувствовать этот процесс.

Звонит О. и спрашивает, как прошло мое собеседование.

«Прошло удачно. Кажется, что меня возьмут», — говорю. Она тоже надеется, что меня возьмут. «Как Толик?» — спрашивает она. «Ничего, позволил ему немного побегать. Сейчас уже сниму колесо», — говорю.

О. предлагает встретиться ее после работы на платформе.

Хорошо, встречу.

Снимаю Толику колесо — хватит, вечером еще побегаёт.

Скоро мы с О. идем домой вместе. Держимся за руки, она в маске, я без. На секунду отпускаю О., вытираю свою ладонь футболкой, вытираю ее ладонь своей футболкой, снова беру за руку.

Дома О. уделяет пять минут Толику: тоже гладит, разговаривает с ним, подсыпает корм. Потом идет в душ. Жду немного, даю ей время вытащить тампон и смыть кровь в одиночестве.

И захожу к ней.

Намыливаю ее шею, спину, руки и ноги, потом смываю пену. Целую ее. О. нежно дробит мне одной рукой, одновременно намыливая другой, потом смывает гель для душа.

Выходим в комнату мокрые.

О. устанавливает Толику колесо.

Стелем полотенце, ложимся на диван. Целуемся осторожно, чтобы не задохнуться от духоты. Она ложится боком ко мне.

Толик бесконечно бежит в своем колесе.

Морги переполнены. Медленно двигаюсь, чтобы не потеть, целую О. в шею и в ухо.

Не уверен, что меня возьмут на работу. Так получается: заполняю анкеты, прохожу собеседования и все хорошо. Служба

безопасности проверит анкету, и мне перезвонят. Но уже из четырех мест не перезвонили. Хотя не привлекался никогда даже за административные правонарушения.

Может быть, думаю как-то неправильно, может быть, живу как-то неправильно и меня включили в черный список? Может быть, теперь никогда не устроиться на работу, во всяком случае, официально?

Переворачиваю О. на спину и ложусь сверху. Она смотрит мне в глаза, я ныряю в ее взгляд и бегу, как Толик в колесе.

Мой телефон звонит, торфяные болота горят, а люди дохнут от жары, как мухи.

Загрязнение превышает норму в восемь-десять раз. Не исключено, что у всех, кто дышит сейчас этим воздухом, через несколько лет начнутся серьезные проблемы со здоровьем.

Кончаю, и О. прижимает меня к себе.

Вредные вещества оседают в организме, и, пока Правительство РФ делает вид, что ничего не происходит, мы отравляемся. Через десять лет окажется, что последствия для нас серьезны, чуть ли не как для жертв Чернобыля.

О. не выпускает меня. Лежу на ней, и мы смотрим друг другу в глаза. Колесо крутится и поскрипывает. Целуемся, раскаленный воздух гудит, голова немного кружится.

Телефон снова звонит.

Тянусь к своим шортам, О. не выпускает меня. Отвечаю на звонок, еще находясь в ней.

— Да? — спрашиваю и не верю, что буду говорить с реальным человеком по телефону.

Это звонит наш басист. Все ли в силе с выступлением в Петербурге?

— Да, двадцать девятого числа.

Все в силе.

Покупайте билеты.

Что-то спрашивает, что-то отвечаю и выключаю телефон.

Лежим, чувствую, что уже окреп в ней, чтобы продолжить.

Целую и разгоняю поршень по кочкам, а мир, кажется, не сможет дотянуть до конца этого лета.

О. закатывает глаза и нежно сокращается, глубоко дышу и еле уже держу свое тело над ней, упираясь в диван трясуцимися руками. В глазах темнеет, нужен кислород.

На следующей неделе температура должна упасть до +32.

Со стоном падаю на О., губами — к ее губам. «Кровь, кислород, сперма, — крутится у меня в голове, — на карусели этого лета, сжигающего нас к чертовой матери».

Одна знакомая девочка-блядь сказала как-то за пивом на детской площадке:

— Это как маленькое сердечко бьется в тебе.

О. прижимается ко мне и говорит это во второй или третий раз.

Любит меня.

Ей говорил это раньше, теперь, как хожу по краю, не совсем верю и отвечаю:

— Я тебя.

Через какое-то время встаю и снимаю Толику колесо. Он должен отдохнуть. О. тоже встает, убирает полотенце, перепачканное кровью.

Идет в душ. Прислушиваюсь из комнаты к звуку воды. Почему-то знаю: утром я должен собрать вещи и уйти.

Уже вижу, как буду сидеть на платформе, задыхаться от недостатка кислорода и жалеть, что не остался с ней.

ВМЕСТО ПУТЕШЕСТВИЯ

О том, чтобы сейчас куда-то ехать, не могло быть и речи. Нам нужно было успокоиться и выспаться. Но у меня не получалось успокоиться. Я немного посидел над спящей Кристиной — Леонид и Лена спали в другой комнате — и решил пойти прогуляться. Рассвет уже заглядывал в окна, поэтому я поправил шторы, чтобы на лицо Кристины не падали утренние лучи. Легонько поцеловал ее и вышел. Вызвал лифт и, слушая звук его механизма, смотрел вниз через перила и лестничные пролеты. Какая страшная утомительная ночь. Двери распахнулись, я вошел в кабину, нажал кнопку «1». Лифт тронулся. Я заметил клочок Лениных волос на стене рядом с панелью. Волосы приклеились на запекающуюся кровь, как на клей. Леонид — мой хороший друг, но я подумал, что никогда теперь не смогу относиться к нему так хорошо, как прежде. Я стал смотреть себе под ноги, машинально ища сигареты в кармане, хотя и знал, что они закончились. Ранняя осень и утренняя свежесть помогли мне унять волнение. Но адреналина в крови было еще слишком много, чтобы назвать мое состояние адекватным. До круглосуточного магазина нужно было пройти несколько дворов. Людей на улице не было, только слышно было, как где-то дворник метет тротуар. С чего все началось? В моей памяти все началось с того, как Лена сказала:

— Ты просто ему завидуешь!

— Перестань пороть чушь, — ответил Леонид.

— Завидуешь, завидуешь, завидуешь, — не унималась Лена.

— Перестань. Тебе чего-то не хватает? — спросил Леонид.

Он ненадолго оторвался от диалога, чтобы указать водителю дорогу.

Потом сказал:

— Я выбрал такую жизнь, какой живу. И никому никогда не завидовал.

Но Лена разошлась и хотела скандала. Она повторила:

— Завидуешь, — и совершенно напрасно добавила: — Потому что Эдуард — мужик.

Я пытался нащупать слова, с которыми можно было встрять в разговор.

Хотя я знал, что Леонид прекрасно понимает умом, что не имеет смысла ревновать Лену к бывшему мужу, но также знал, что горячее сердце Леонида пронизывает боль каждый раз, когда он слышит это имя.

Но я не успел подобрать слова, потому что Леонид перегнулся (он сидел на переднем сиденье) и отвесил Лене крепкую пощечину.

По-моему, я вскрикнул от неожиданности: такая ссора совершенно не вязалась с моими представлениями о них.

— Тряпка! — сказала Лена.

Все замолчали. Я обнял Кристину. Мне было очень неловко и обидно, что ей пришлось стать свидетелем такой сцены.

Через несколько секунд Лена повторила:

— Тряпка.

— Заткнись, сука, — тяжело произнес Леонид, не поворачиваясь к нам.

Лучше бы переночевали в гостинице. Но теперь было поздно. Никогда прежде не заставлял их за ссорой, конечно. Как я вообще мог предположить, что нечто подобное произойдет? «Тебе понравятся мои друзья», — сказал я Кристине.

Сойдя с поезда Москва — Петербург, мы хорошо погуляли. Зашли в кафе и книжный магазин. Позже собирались встретиться с Леонидом и Леной, переночевать у них и утром на автобусе поехать в Хельсинки. Прежде я не был в Европе, но в последнее

время дела налаживались, и можно было позволить себе небольшое путешествие.

Вечером посидели вчетвером в баре на Невском проспекте. Когда решили, что посидели достаточно, расплатились и Леонид поймал частника.

Мы вылезли из машины, я сказал:

— Давайте возьмем вина и успокоимся.

Леонид пожал плечами.

— Пойдем, — сказал я ему. И Лене с Кристиной: — Идите домой. Мы скоро.

Выбрал три бутылки красного сухого. Леонид ходил за мной по магазину, как заблудившийся ребенок за милиционером.

На кассе он сказал:

— Извини, что так получилось.

Кассир пробила вино. Расплачиваясь и складывая бутылки в пакет, обдумывал, что ему ответить. Наконец я сказал:

— Ничего страшного. Это ты извини, что я стал свидетелем. Надеюсь, это не разрушит нашу дружбу, как в книге «Черный принц».

Леонид как будто даже немного просиял. Он неловко пожал мне плечо, не найдя жеста лучше.

Позже меня преследовало странное ощущение. Лена и Леонид ссорились этой ночью совершенно так же, один в один, как мои родители. Мне очень больно было наблюдать. Но дело не только в этом. Я испытал настоящий, какой-то страшный стыд. Его причина была не в том, что мой друг — интеллигентный человек — ни с того ни с сего избил свою женщину. И даже не в том, что эта бытовая драка была точной копией многочисленных ссор моих родителей. В чем-то я себя обманываю — вот что я чувствовал, был в этом уверен, но не мог понять, в чем именно. Купил сигареты и закурил на улице. Я обратил внимание на свои руки. Они были поцарапаны, но я не помнил, откуда взялись эти царапины. Мне захотелось ударить себя со всей силы по лицу. Память что-то прятала от меня. Я смотрел на небо, на серые облака. Мне удавалось сдержаться, но я ненавидел себя за то, что во мне жило нечто темное, непонятное,

что играло мной. Я докурил и медленно, как к эшафоту, пошел к дому Леонида.

К нашему возвращению в квартире была спокойная, даже дружелюбная атмосфера. Кристина поцеловала меня и шепнула:

— Все ровно. Как у тебя?

— У нас тоже, — ответил я.

Она умела располагать людей и находить нужные слова. У Кристины получилось и у меня получилось. Можно было проводить время. Леонид поцеловал Лену в шею и сказал:

— Я проголодался.

Помню, что мы снова ели и пили. О чем разговаривали, вспомнить не могу. Я обнимал Кристину, с другой стороны стола мирно сидели Леонид и Лена. Две молодые счастливые пары. Леонид со страстной брюнеткой Леной и я с Кристиной — красивой, белокурой, с острыми аристократическими чертами лица. Женщиной, которую люблю. Прокручивая эту ночь, я не мог найти точку, тот момент, когда конфликт стал разгораться вновь. Как по щелчку, мир создается с уже стоящей посреди кухни и кричащей в точности как моя мать Леной:

— Да кто ты вообще такой?! Что ты умеешь в этой жизни и что знаешь?!

Леонид смотрел куда-то в центр стола. Ленины слова наполнили его, и я чувствовал, что скоро он взорвется. Лена перешла на мат. Кристина, вскрикнув, схватилась за мою руку. Как предугадала: в следующий миг Леонид обрушил свои сильные руки на стол, разбив тарелки и стакан. Лену это не остановило.

— Давай, бей посуду! — сказала она и закрылась в ванной.

Пока мы перебинтовывали его руки, Леонид не сказал ни слова. Весь стол был залит кровью, мы тщательно наматывали бинты на разбитые руки. Леонид не принимал в происходящем участия. Кристина тоже молчала. Только я говорил:

— Вот так.

Потом добавлял:

— Дай-ка сюда. Перемотай здесь.

Мне казалось, если я не буду вставлять эти риторические реплики, все пространство утонет и растворится в страшной

тишине. Леонид так и сидел как труп, с перемотанными руками. Мы с Кристиной стояли над ним, не в силах оставить его одного и не в силах оставаться с ним.

— Нам, пожалуй, стоит лечь, — предположил я. — Автобус рано утром.

Моя реплика прозвучала совершенно фальшиво. Как будто я случайно зашел на съемочную площадку серьезной драмы, заготовив сериальную реплику. Какой автобус, кому стоит лечь? Очевидная ложь. Но Леонид едва заметно кивнул. Я услышал, что Лена открыла дверь ванной. И вот я уже лежал в углу. Лена кричала, и Кристина кричала, а я не успевал за бардаком, творящимся вокруг. Это Леонид откинул меня и вцепился в горло Лене, лежащей на небольшом возвышении, на ступеньке, отделяющей коридор от кухни. Я поднялся и стал оттаскивать Леонида, пока Кристина пыталась расцепить его пальцы. Он был сильнее меня, оттащить не удавалось, носки скользили по плитке. Тогда я несколько раз ударил Леонида и сам начал душить его. Он переключился с Лены на меня. Мы катались по полу, и я слышал, как Кристина кричит:

— Пожалуйста! Что ты делаешь?!

Дальше я помнил сидящего на полу Леонида. Он бормотал:

— Прости меня, Лена. Прости меня, любимая. Прости меня, Лена. Это не я. Это все алкоголь.

Помнил заплаканную Лену, как она одевалась. Мы с Кристиной молча сидели за столом. Я пил вино прямо из бутылки.

Лена много раз повторила:

— Я поехала к маме.

Она вызвала такси, потом металась из коридора в свою комнату и как будто убеждала себя:

— Я еду к маме.

Леонид ползал по полу и бормотал извинения, пачкая плитку кровью, потому что бинты растрепались и от них теперь не было никакой пользы. Он оклемался, только когда Лена захлопнула дверь. Вскочил и пошел за ней. У меня не было сил, я сидел и пил вино, боясь взглянуть на Кристину. Не знаю,

сколько мы просидели так. Мне было непонятно, что делать. Кристина сказала:

— Нужно сходить за ними.

Надел куртку и вышел в подъезд. Лена плакала на лестничной площадке. Она сказала мне:

— Он не дал мне уехать. Вцепился в дверь и не дал мне уехать. Он не отпустил меня, а водитель уехал один.

Завел ее в квартиру и сказал Кристине:

— Дай ей успокоительное, если есть.

Кристина обняла Лену и спросила:

— У тебя есть успокоительное?

Не успел услышать, что ответила Лена. Оставил их, снова вышел из квартиры. Не стал ждать лифта, бегом спустился по лестнице. Леонид был на улице. Он, как раненое животное, стоял на проезжей части в перепачканной кровью и пищей футболке и выл.

— Пойдем домой, пойдем, — уговаривал я.

Леонид перестал издавать звуки и теперь смотрел на меня стеклянными глазами. Я потянул его к подъезду. Он не сопротивлялся, но еле передвигал ногами. На нем не было обуви.

— Пойдем, тебе нужно лечь, — говорил я.

Тут я понял, что сам иду необутый по мокрому асфальту. Сумасшествие какое-то, я медленно шел босиком по утренней улице и курил сигарету за сигаретой. У меня не осталось сил, чтобы управлять собой. Я выпустил из рук собственный разум. Как упрямого ребенка, приходилось упрашивать тело пойти в подъезд. Как будто я сидел в будке и командовал непослушным работником через голосовую связь. Тело упрямялось, я даже расплакался, пока вернул самому себе управление. Зашел в подъезд и стоял на площадке, глядя на кнопку. Скоро случится что-то страшное. Но я надавил на кнопку через страх. В лифте до последнего старался отводить взгляд в сторону, в угол, куда угодно. Доехал до нужного этажа и, уже выходя, не выдержал. Посмотрел на это место рядом с панелью и увидел светлые волосы, прилипшие к стене.

Открыл входную дверь ключом и вошел в квартиру. Вдруг я собрал все концы, разгадал загадку. И тогда чуть не закричал.

Из последних сил прошел по коридору, заглянул в дальнюю комнату: Леонида и Лены не было дома. Я не удивился. Их даже не было вчера с нами. Леонид оставил для нас ключи в почтовом ящике, потому что его самого даже не было в городе. Что же я наделал? Я сказал вслух:

— Кристина.

Зашел в нашу комнату, тихонько подошел к кровати. Стоял несколько секунд, разглядывая Кристину сквозь слезы: она была очень красива.

Кристина лежала, до груди прикрытая одеялом. Ее глаза были закрыты. Я не видел никаких следов побоев, но знал, что, если повернуть голову, увижу их. Приподнял одеяло и лег рядом с ней. Я понятия не имел, жива ли она. Обнял ее и тихонько сказал:

— Я тебя очень люблю.

Нужно было сделать звонок. Нужно было вызвать скорую и милицию, но я не мог заставить себя. Просто лежал рядом с Кристиной, стараясь концентрироваться на звуках, доносившихся из открытой форточки, и ни о чем не думать.

ДРУЖБА ДРУЖБОЙ

Не знаю, сколько у Вовы было карманных денег. Его семья была ненамного богаче моей, но он периодически платил за меня в барах. На этот раз, правда, с нами был еще дерзкий тип Ваня и я не мог расслабиться: чувствовал, что просто так вечер не закончится. «Сибирская корона» на Октябрьском проспекте была четвертым и последним заведением в этот вечер.

Возле входа к нам привязался какой-то странный человек. Взрослый уже, лет около двадцати пяти — тридцати, и прилично одетый, но пьяный в жопу. Он обнял меня и сказал:

— Ребята, здорово, это же я — Рома!

— Ты обознался, — сказал я и аккуратно оттолкнул его.

Но Ваня даже обрадовался.

— Рома! — воскликнул он. — А давай-ка тебе пизды дадим!

— Рома! — сказал Вова. — Ничего себе, да это же сам Рома!

Лучше иди отсюда, Рома!

Они смеялись над этим Ромой, но я попросил их быть вежливее, мне не казалось, что нормально над кем-то смеяться или тем более бить, если тот просто обознался и пьян.

— Рома, Рома. Спокойно, — говорю. — Ты обознался, не связывайся с ними. Они злые сегодня. Пока, Рома. Уходи.

Но Ваня успел напоследок зарядить ему пенделя, и Рома тут же ушел куда-то, по-моему, прямо в кусты, а мы зашли в бар.

Нам отказались продавать водку, потому что, по мнению бармена, мы выглядели слишком пьяными. Он нацедил три

кружки разливного пива. Честно говоря, я даже немного обрадовался: не считая пива, мы уже выпили два пузыря и я боялся не успеть на последний автобус. Мы с Вовой жили неблизко, за городом.

— Подойдите через двадцать минут, — сказал бармен и указал на Ваню. — Если он еще не свалится, продам водки.

Ваню это разозлило. Но, к моему удивлению, он ничего не ответил бармену, а только резко отодвинул свой стул, уселся и пригубил сразу треть кружки.

— Хули ты смотришь? — спросил Ваня у парня, сидевшего за соседним столиком.

После этого парень и его друг подсели к нам. Парень представился:

— Костя.

Его друг не стал представляться — молча сидел, стодвадцатикилограммовая хуeta с перемотанной башкой.

— Женя, — сказал я.

— Вова, — сказал Вова. — Спокойно, Ваня. Это Ваня. Он немного выпил.

— Не обессуживай, Костя, — добавил я. — Ничего личного, он просто потерял нить вечера и не успевает за здравым смыслом.

Ваня хитро заулыбался.

— Прости, Костя. Я принял тебя за другого. За одного своего врага.

Ваня протянул здоровому парню пиво, тот отхлебнул и наконец сказал:

— Саша.

— Ну вот мы и знакомы, — сказал я.

— Он больше не будет выебываться? — спросил Костя.

— Он принял тебя за другого, — ответил Вова. — Все нормально.

После этого ребята вернулись к своему столику и продолжили пить там. Я пошел в туалет. Помочился и хорошенько умылся. Стоял, разглядывал свое отражение в зеркале, пытаюсь немного протрезветь, пока не зашел Ваня. Взгляд у него был

совершенно безумный. Он оглядел кабинки, убедился, что никого нет, и сказал мне:

— Я убью его.

— Кого?

— Жука, сегодня я ебну этого Костю. И ты меня не переубедишь.

В общем-то, я и не собирался. Но меня тревожило, что мы с Вовой не успеем на последний автобус, если начнется рамс. Я ответил:

— Может, в другой раз?

— Стой. Я клянусь тебе, что сегодня его убью. Вова меня предал. Он считает, что я виноват и что я вообще не понимаю, что говорю. А я просто знаю, что должен убить на хуй этого гондона. Знаю, и все.

— Нормальный вроде парень, — сказал я.

Ваня что-то еще говорил. Но я не стал слушать, сказал, что иду пить пиво. Он ответил:

— Главное, не осуждай меня. И приходи навещать на зоне.

— Это обязательно.

Почему-то Костя и Саша снова сидели за нашим столиком, а еще откуда-то взялся пузырь водки. Когда я сел, Вова разлил.

— Давай, пока Вани нет, — сказал он.

Мы выпили. Эти ребята о чем-то переговаривались между собой, а я немного выпал из реальности. Вова тоже устал пить. Он никогда не был силен по части выпивки. Я собрался с силами и предложил:

— Давай еще по рюмке, проводим Ваню и поедем домой?

Костя сказал:

— Давно его проводить пора.

— Я, блядь, сам тебя еще провожу, — сказал Ваня, присаживаясь.

Я испугался. Теперь должны были начаться проблемы.

Ваня и Костя внимательно смотрели друг на друга. Два злых беса. Но должен признать, что моя симпатия была не на стороне друга, а на стороне противника. Хотя какой, в пизду, Ваня мне друг — я видел его третий раз в жизни и знал только

через Вову, с которым действительно дружил. Строго говоря, Ваня мне был изначально несимпатичен из-за рассказа Вовы. Как-то раз Ваня задрочил ночью, лежа с Вовой на одном диване. Вова сначала не понял, что происходит, проснулся оттого, что диван поскрипывал, а когда понял, не выдержал и засмеялся в темноте, на что Ваня спросил: «Вова, у тебя все в порядке?» И после этого оба притихли. Понятное дело, Ваня думал, что Вова спит, но мне такие животные выходки не по душе. Убийца, блядь, нашелся. Неужели сложно было дойти до туалета и там подрочить, как сделал бы любой нормальный человек? Но, вопреки моим желаниям, мы оказались с Ваней в одной лодке в этот субботний вечер.

— Может, ты лучше меня проводишь? — спросил Саша, отодвигаясь от стола.

Через несколько минут мы стояли возле бара, окруженные толпой в двадцать человек. Дым и пар вылетали из злых ухмыляющихся ртов. Наша маленькая компания не понравилась всем посетителям бара. Каждый хотел по разу пнуть Ваню, и этого бы ему хватило, чтобы сдохнуть. Но почему-то страшный момент расплаты никак не опускался на нас, а лишь угрожающе застыл в холодной темноте вечера. Ваня что-то говорил стремительно и нагло, он за считанные секунды успевал надерзить каждому человеку. В какой-то момент я просто закурил и сел на ступеньку крыльца. Я закрыл уши руками и отрывал одну руку, только чтобы стряхнуть с сигареты пепел. Если меня ждала гибель по Ваниной вине, то я хотя бы мог не слушать этот тупорылый поток его сознания.

Видимо, я даже задремал, сидя на ступеньке, и очнулся, когда Вова тряс меня за плечо.

— Пошли, мы еще успеваем.

Я огляделся. Местные гопники, смеясь над Ваней, расходились. Сам он стоял на крыльце, уставший и заткнувшийся, хмурый. Ваня не сдал позиции и ни перед кем не извинился, но его приняли за совершенно невменяемого. Нас не стали пиздить, мы были в безопасности. Вова пожал руки нескольким людям, покрутил пальцем у виска, как бы извиняясь за Ваню, и мы

пошли. Нам оставалось только пройти по Волгоградской улице через пустырь, отделявший проспекты Октябрьский и Ленина. Там была наша с Вовой остановка, а Ване пять минут пешком до дома. И у меня не было желания провожать его до двери, даже если бы вопрос стоял о его жизни и смерти.

Тут Вова попросил подождать пять минут.

— Меня мутит, — сказал он.

— Сколько сейчас? — спросил я.

Вова посмотрел на часы.

— Без пяти одиннадцать. Еще двадцать минут.

Вова подошел к кусту и засунул два пальца в рот. Всегда удивлялся, как у других так легко это получается. Мне нужно было очень сильно перепить и потом засунуть себе в глотку руку чуть не по локоть, да еще и пошерудить там пальцами хорошенько, чтобы рефлекс сработал. Может быть, дело было в каком-то инстинкте нищего человека: я всегда получал карманных денег меньше, чем все мои знакомые, а вот пил много.

Совесть не позволяла мне выблевывать бухло. А Вова справился меньше чем за минуту.

— Теперь гораздо легче, пойдете, — сказал он.

И вот тут с криком и непонятно откуда выскакивает Рома.

— Это они! Стойте! Это они!

Рома, тот самый, которого я спас от моих друзей полтора часа назад, подбегает ко мне и с размаху дает в челюсть. Я ударил его в ответ. Я был в полном недоумении от подобного стечения обстоятельств.

— Ты что делаешь, больной?! — завопил я.

Но Вова и Ваня потянули меня в сторону. У них закончилась агрессия. С Ромой было два друга — один из них здоровый бородач, другого не разглядел — и какие-то девки. Они тоже оттащивали Рому.

Бородач кричал нам:

— Все, мужики, домой! Рома, пошли отсюда.

— Он меня по роже ударил! — возражал я.

— Это они! Они первые начали! — орал Рома.

Меня отпустили, и я, жестикулируя, пытался объяснить бородачу:

— Ваш Ро-ма, — разжевывая по слогам, указал на Рому, — меня по ро-же у-да-рил! — Указал на свою челюсть.

Бородач в это время отечески заслонил всю свою компанию и сказал тоном, не терпящим возражений:

— Все на сегодня. Все — домой!

Ваня не проявил к потасовке никакого интереса, зато Вова сказал мне:

— Давай по какой-нибудь коряге оторвем и будем драться.

У меня просто яйца сводило от несправедливости. Я с какой-то детской радостью побежал к дереву и на удивление быстро отломал сухую здоровенную ветку. Вова тоже подобрал палку. Я что-то закричал, как индеец с копьем, и бежал на бородачу, который все еще что-то объяснял Роме и своим девкам в нескольких метрах от нас.

Это история о нас с Вовой, история дружбы и предательства. Она произошла в марте 2002 года, на тот момент мы дружили больше семи лет. Забыл сказать: Вова был рыжим, а я всегда относился подозрительно к рыжим людям; и в тот день он перестал быть исключением из правила. Мне придется немного расширить рамки хронотопа, чтобы обозначить несколько драматургически знаковых точек и оглядеть нашу противоречивую дружбу как бы с высоты птичьего полета.

1. 94-й год — третий класс, знакомство, рождение дружбы, совместные занятия легкой атлетикой и борьбой.

2. 95-й год — Вова впервые сказал мне: «Ты мой лучший друг». Но через несколько месяцев после этого заявления не вынес мне воды, когда один гондон, наш одноклассник, исподтишка разбил мне нос. Я стоял с окровавленными рожей и руками, естественно, так я не мог идти домой, а Вова ответил на мою просьбу вынести воды так: «У нас дома только стеклянные стаканы, ты замараешь их».

3) 97–98-й год — совместные посиделки у Вовы, просмотр родительских видеокассет с порнухой Магма. Занятия тяжелой атлетикой, потом занятия брейк-дансом.

4) Начиная с 2001 года — наши еженедельные вылазки в город. Я знакомлюсь с девушками, он — покупает выпить.

5) 2002 год — Вова видит, как бородач отнимает мою корягу и сильно бьет меня в живот. Вова останавливается. Он смотрит назад и видит Ваню, убегающего с поля боя. Вова бросает свою палку, бежит вслед за Ваней.

6) 2003 год. Наша дружба снова прошла проверку, и Вова доказал, что я могу на него положиться и что он смелый человек. Но между нами происходит ссора и драка, в ходе которой он разбивает мне голову тяжеленным домашним телефоном. Я на несколько дней попадаю в больницу. Но мы быстро миримся.

7) 2004 год. Вова оказывается единственным человеком, который через полгорода в раннее воскресное утро приезжает в вытрезвитель заплатить за меня.

8) 2006 год. Вова трахает мою девушку. После этого мы прекращаем любого рода общение.

Конец лирического отступления.

Бородач держал меня за грудки, бил о землю и кричал:

— Ты что, охуел? Ты понимаешь, кто ты такой? Ебаное быдло. Ты понимаешь, что ты говно? Понимаешь? Скажи мне, ты понимаешь, что ты говно? Я тебя спрашиваю.

Отчего-то мне не было ни больно, ни страшно. Правда была на моей стороне, и она заключалась в том, что первый начал Рома, а не я, и в том, что я не быдло. Я был начитаннее своего окружения, но уважал друзей. И я никогда не дерзил незнакомым людям, не участвовал в коллективном избиении человека и готовился поступать в университет. Мне казалось, бородач неправ. Но у нас произошел даже, несмотря на мое неудобное положение, в какой-то мере интересный спор. Я ответил ему:

— Если я говно, кто ты? Интеллигент? Ты кто?

— Да, я интеллигент, — не раздумывая, ответил бородач, продолжая бить меня и таскать по земле.

Но через несколько секунд, видимо, почувствовал какое-то противоречие между своими действиями и словами. Он отпустил меня, выпрямился и стал отряхиваться. Воспользовавшись паузой, я прыгнул на него и начал бить. Минута славы быстро

закончилась, и пришла расплата: я опять упал и три пары ног пинали меня. Я слышал, как кричат их девки:

— Отпустите его, отпустите! Не нужно так сильно!

Меня положили лицом вниз и заломили руки за спину. Видел я только землю перед своей рожей, но слышал, что Рома отводит подальше девок, и чувствовал, как бородач и третий персонаж крепко держат меня. Совсем не успел запомнить лицо третьего, но говорил он как мусор, насколько я, конечно, мог судить — опыт у меня в этом вопросе небольшой.

— Счас посмотрим, что у него в карманах, — сказал третий.

— Будешь шмонать?

— А ты не рыпайся, а то пристрелю.

Третий ткнул мне чем-то в спину. Не знаю, был ли это пистолет или просто он брал меня на понт. Страшно мне до сих пор не было. Я отчего-то был уверен, что они мне больше ничего не сделают. Из кармана моей куртки достали органайзер — чей-то бессмысленный подарок. Черт, я вспомнил, что там было двести рублей, которые я сегодня забыл отдать за занятие репетитору. Я планировал приплюсовать их к плате за следующее занятие. Ходил к репетитору раз в неделю, учился технике написания вступительных сочинений и правилам русского языка. Собственно, поэтому я не мог просить у отца деньги, ведь он оплачивал эти занятия. Никто из друзей, например, к репетитору не ходил. Еще в органайзере были записаны многочисленные номера каких-то отдаленно знакомых полублядей (номера копил, но стеснялся звонить), проездной билет на месяц, взятый на сегодня опять-таки у отца, и мое военное приписное свидетельство. Только его не жалко было потерять, оно восстанавливалось за пять минут.

— Так, Евгений Игоревич, — сказал третий.

Я понял, что как раз приписное он и изучает.

— У вас серьезные проблемы. Проживает: поселок Металлплощадка.

— Дай посмотрю, — сказал Бородач.

Я почувствовал, что органайзер засунули мне обратно в карман.

Бородач сказал:

— Восемьдесят пятый год рождения. Он же несовершеннолетний.

Я почувствовал, что время пришло: поднялся и побежал вперед. Они не преследовали меня, но что-то кричали в спину. Я обернулся и крикнул в ответ, что они пидорасы. До дома час пешком, не меньше. В одном из ближних дворов я остановился отдышаться в свете фонаря. Достал органайзер и посмотрел по отделам: деньги были на месте. Приписное осталось у них, и проездного тоже не было. У меня было две проблемы: добраться до дома и потерянный проездной отца. Думать о Вове совершенно не хотелось, для этого я был слишком растерян.

2012

ПЛЯЖ

Убедившись, что семья спит, он спустился к морю. Первые дни отдыха тяжелее работы. Ни поспать нормально, пока не привыкнешь к смене поясов, ни побыть одному — нужно быть со своими; к тому же еще не знаешь местности. Плюс жена все время просила его разговаривать с незнакомыми людьми на английском, что было хуже пытки. Каждый раз бесился, пытаясь ей объяснить, что иметь какой-то запас слов совсем не значит уметь разговаривать. Он был согласен узнать, сколько стоит снять бунгало на сутки и где дешевле арендовать лодку, но расспрашивать хозяев, какое кафе лучше посетить, если твоя жена вегетарианка, а дети всеядны, не собирался. Зато сейчас одному в темноте на пляже стало почти хорошо: лег в шезлонг и пил белое вино из дьюти-фри, уже два дня лежавшее в холодильнике. Слушал море. Неожиданно быстро выпил всю бутылку, прошелся по песку — море отделилось из-за отлива — опустил в еще теплую воду, перебирая руками по дну и раскачиваясь на волнах, пополз вдоль берега. Потом перевернулся на спину, сильно оттолкнулся ногами и поплыл. До сих пор еще толком не плавал, нужно хотя бы плавать каждый день, чтобы за две недели отпуска привести себя в форму. Но сначала стоило хорошо выспаться, тогда благодарный организм будет готов к приятным нагрузкам. Засмотрелся на звездное небо и оказался метрах в пятидесяти от берега. Решился попробовать достать дно, задержал дыхание и нырнул. Не достал, сильно испугался темной воды, повернул обратно к огням, к берегу и людям. В кишках щекотало,

и казалось, что-то гадкое может схватить его из темной глубины. Как только вышел из воды, этот страх показался смешным и детским. Накинул рубашку, подобрал свою пустую бутылку и пошел к бунгалу.

Приближались звуки людей, и ему непреодолимо захотелось с кем-то поговорить. Туристы и хозяева готовили мясо на гриле, пахло очень вкусно. Решился подойти к ним ближе, потому что сегодня днем хозяйка заходила и анонсировала ночное мероприятие. Он тогда смущенно ответил:

— Нет, спасибо, мы вегетарианцы.

От запаха выделялась слюна, и сейчас пожалел, что так сказал. В общем, жена никогда не давила, но с ней за компанию он не ел мясо, даже если дети ели.

— Привет, — добродушно сказал аргентинец, живший в соседнем домике.

Откуда-то случайно знал, что этот мужчина — аргентинец, видимо, неосознанно — из услышанного разговора.

Хотелось что-то ответить. Он ответил:

— Доброй ночи.

И потом вдруг сказал аргентинцу:

— Я видел много флагов на вашем рюкзаке. В хорошем смысле я позавидовал тому, сколько вы путешествуете.

Хотел сказать «нашивок», но не помнил или не знал слова.

— О, спасибо. Но это не очень много, — ответил аргентинец.

Разговора, видимо, не получилось. Смутился, стало неловко, что он стоит тут, еще мокрый, и пытается праздно беседовать на языке, который толком не чувствует. Попрощался, пошел к своему бунгалу. Вытерся в темноте, надел сухие трусы и лег рядом с женой. Вентилятор гудел, и этот звук казался очень странным и мрачным контрапунктом в наложении на голоса и далекую музыку, доносившиеся с улицы. Что если попробовать дотронуться до жены? Дети спали во второй комнате, отделенные от родителей пустым дверным проемом и шторкой. Можно, конечно, попробовать все сделать очень тихо. Такое условие даже будоражило: все сделать не громче звука вентилятора, жена была бы благодарна, он знал это, но не мог переступить через какую-то неловкость, возникшую несколько лет назад и делавшую близость временами почти невозможной. Наверное,

они уже были не так молоды, как раньше, и не нужно было искать другого объяснения. «Что она такое? Что я знаю о ней?» — такие вопросы возникали в воздухе и не давали прицелиться. Десятилетняя жизнерадостная дочь и пятилетний угрюмый сын — кто-то из них всегда был рядом, и становилось неловко даже просто думать о сексе.

Он положил руку на жену. Испытал возбуждение и услышал, как бьется его сердце. Жена что-то пробормотала во сне и повернулась к нему. Уже намного больше, чем ничего, и немного лучше, чем одиночество. Он так и уснул, держась за жену в сладком предвкушении. А когда утром проснулся, все еще был немного возбужден, и это было хорошо.

После завтрака все вместе сели на небольшой катер — их привлек человек с табличкой «To the island» — и поплыли на остров. Сильно и хорошо пекло. Он купил дочке и сыну по одинаковой панамке, только разных цветов. Выпили с женой пива, и он решился поесть креветок с детьми. Загорали, потом ходили вдвоем с сыном следить за крабами, быстрыми и неуловимыми, а когда опьянение прошло — плавал, пока дети ковырялись в песке. И даже начало казаться, что теперь он понимает, что такое настоящий отдых. Тело как будто привыкло к воде, такой прозрачной и доброжелательной днем, получалось плыть легко, без судорожного усилия всех мышц сразу. Он понял, как плавать правильно, и лицо само расплывалось в улыбке удовольствия. Останавливался в воде, стоял на цыпочках, задрал подбородок, сдерживался, чтобы не смеяться в голос от почти детской радости, гладил руками морскую воду, и этот день пролетал мимо быстро и без рефлексии.

Обратно возвращались на том же катере, который вел темный азиат. Катер покачивался, пока азиат привязывал канат к причалу. Вернулись как раз вовремя: ветер начал разгоняться.

Сначала он поддержал жену, пока та поднималась, потом легко поднял на причал сына, немного сонного к вечеру, и почти так же легко — дочку.

— Спасибо, — сказал он азиат, расплачиваясь.

Взял жену за руку и повел на берег. Было хорошо, хотелось сегодня раньше уложить спать детей и остаться вдвоем. Жена, словно угадав эту мысль, улыбнулась и поцеловала его в щеку.

— Моя шляпа! — вскрикнула дочка, вскинув руки, но не успела схватить панамку. Панамка быстро, как краб по песку, проскользила по причалу, подлетела на несколько метров и оказалась в воде. Он прыгнул, не задумываясь, рыбкой, ведь всего час назад море приняло и полюбило его. Но расстояние оказалось не таким близким. В своем воображении он доплыл до цели за несколько секунд, а в действительности волны здесь были неожиданно сильными и темными и он совсем не приближался к дочкиной панамке. Было тяжело бороться с волнами, глотая соленую воду, еще плыл, но уже знал, что вот-вот сдастся. Это неизбежно — позорно повернуть назад, к причалу и катеру, но теперь и до них было далеко. Азиат стоял на краю, ближе всех, но его фигура ничего не выражала. Жена прижимала детей к себе, а волны становились все выше.

— Кидай круг! — крикнул он азиату, почувствовав, что утонет чуть раньше, чем доплывет.

Но тот, похоже, совершенно не понимал по-русски и вообще не понимал, как можно настолько плохо плавать.

— Пусть кинет круг! Спасите!

Но вот азиат понял, в чем дело, замахнулся и как-то совсем недоверчиво, вяло швырнул ему спасательный круг.

Когда он вылез, то только и смог выдавить:

— I'm sorry to have troubled you.

Вряд ли получилось сказать это с иронией. Он обернулся заглянуть в пропасть, из которой выбрался несколько секунд назад. Панамки отсюда уже не было видно, только неприветливое мрачное море. Жена и дочь молчали, пока они всей семьей выходили на берег, а сын спросил:

— Папа, а почему ты не утонул?

С мокрых шорт капало сначала на причал, потом на песок. И он заметил, что небо здесь впервые стало совсем серым, оно как будто висело очень низко над головой и готово было упасть в любую секунду.

НОВОСЕЛЬЕ

Они переехали на новую съемную квартиру. У девушки был выходной, а парню пришлось взять отгул. Первым делом выкинули все лишнее: какие-то старые местные покрывала, шмотки из шкафа, ржавую посуду. Они поделили пространство так: девушка убирает коридор и комнату, а парень кухню и уборную. С кухней особых проблем не возникло: парень оттер плиту, пол, стены, холодильник и люстру. Но вот в уборной невыносимо несло мочой. Парень отмыл унитаз, ванну, плитку, но запах мочи не победил. Тогда парень намылил все, что можно было, еще раз очень щедро побрызгал освежителем воздуха и решил оставить так на сутки, стараясь реже сюда заходить. Парень был брезглив. Девушка уже пылесосила и на этом как раз заканчивала убирать комнату. Они осмотрели свое полупустое новое жилье: нужно было купить матрас и еще кое-что. Здесь теперь они будут жить, здесь им будет хорошо. Нормальный район, близко к метро, и в общей сложности обоим от входной двери до работы меньше часа.

Откуда-то изнутри поднялось приятное светлое чувство, парень взял девушку за руку и сказал:

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — ответила девушка.

Собрались и поехали в «ИКЕА». Парень и девушка посмотрели много матрасов и выбрали более чем бюджетный вариант: всего 799 рублей. Девушка запомнила номер места, и они пошли

на склад самообслуживания. Но по дороге к складу девушке попалось много необходимых вещей, которые она запихивала в сумку: был украден плед, глубокая тарелка, набор чашек, вилки и ложки.

— Не перегибай палку, — взмолился парень.

Он нервничал, но и самому хотелось что-нибудь украсть. Парень положил к себе в сумку ершик для унитаза, а в карман куртки засунул два удобных сита для чая. На складе парень легко взял под мышку матрас, свернутый в рулон и запаянный в полиэтилен, и они пошли к кассам. Но в последний момент вспомнили про лампочки. Им нужны были энергосберегающие лампочки, чтобы меньше платить за электричество. Пришлось вернуться в соответствующий отдел. Но когда девушка собиралась класть лампочки в сумку, парень резко сказал:

— Черт! Стой.

Он указал девушке рукой: камера видеонаблюдения внимательно смотрела прямо на них. Девушка так и застыла перед камерой с раскрытой сумкой и лампочкой в руке.

Парень сказал:

— Дай сюда. — Он забрал лампочку и показал ее камере. — Вот.

Потряс лампочку в руке, убеждая зрителей, что никакого фокуса здесь нет, красть они с девушкой ничего не намерены, и, как можно дальше держа лампочку от своего туловища, положил ее на место.

— В другой раз, — сказал парень девушке.

Они пошли к выходу, и девушка спросила:

— Что будем делать с остальным? Выгреть?

— Нет, — ответил парень. — Попробуем пройти.

Но перед кассой он почувствовал дрожь в руках. Матрас поехал к кассиру по движущейся ленте. Девушка вышла за ворота и стояла, ждала парня. К ней никто не подходил, но все равно было страшно. Человек перед парнем расплатился. Кассир пробила матрас, но страх заставил парня выложить еще и одно сито на ленту. Плюс 59 рублей к стоимости матраса, итого чек был на 858. Все остальное досталось им бесплатно.

В метро ехали стоя. Разглядывали одну цыпочку и перешептывались.

— Смотри, какая сосочка, — сказала девушка.

— Она с планеты «Секс без границ», — сказал парень девушке на ухо.

Они счастливо улыбались, глядя на цыпочку: худенькая, с большой грудью, розовые туфли на платформе, розовое платье в узорах, сумка с детскими картинками. Надула губки, стояла, ждала, пока двери откроются. Точно с другой планеты. У парня и девушки дух перехватило — настоящая порнокоролева из мультфильма.

Цыпочка вышла на той же станции, что и они, — ей тоже нужно было на Калужско-Рижскую линию. Парень и девушка шли за ней по переходу, все еще перешептываясь и не переставая любоваться и улыбаться. Но вдруг цыпочка замедлилась, поправляя туфлю, и парень на ходу задел ее матрасом. Парню показалось, что он задел совсем легонько, но одна ее нога слетела, выпала из туфли, и цыпочка неестественно выгнулась, издав какой-то почти животный звук.

— Извините, — сказал парень, искренне испугавшись.

Но, похоже, все было нормально.

Они обогнали цыпочку, пока та поправлялась, думали, что инцидент исчерпан. Но через несколько секунд парня настиг резкий и сильный удар в хребет. Как на лифте, боль поднялась в затылок, и теперь настала очередь парня издать животный звук. Он и девушка повернулись и увидели красное лицо цыпочки, она стояла, тяжело дыша, одна нога была босой, а туфля была в руке — ей сейчас и била.

— Извините, пожалуйста, — сказал парень теперь уже совершенно ошарашенно. И еще раз повторил, пытаясь с помощью интонации указать на то, что он ушиб ее не специально: — Извините.

Они с девушкой застыли на секунду, не понимая, что делать дальше. Все вокруг замерло. Время застыло в переходе метро. Парень видел только ненавидящую его цыпочку и розовые узоры на платье. Как во сне он повернулся и пошел дальше со своей девушкой. Через несколько секунд цыпочка обогнала их.

— Я убью тебя, — сказала она парню в самое ухо.

Парень замедлил шаг, увеличивая дистанцию. Девушка ничего не говорила. Спустились по эскалатору, вышли на платформу. И потом, пока ехали, все еще видели цыпочку через стекло двух вагонов — она стояла, хотя мест было много. Парень хорошо видел это красивое обиженное лицо. Через пару остановок в поезд набились люди, и ее стало не видно.

— Думаешь, я сделал ей больно? — спросил парень.

— Не думаю, — ответила девушка и обняла его. — Просто для нее это хуже любого унижения. Я думаю, в этом дело.

Выходя из поезда, парень озибался и надеялся, что цыпочка не выйдет на этой же станции. На эскалаторе девушка сказала ему:

— Для некоторых важно четко продумывать свой образ и не отклоняться. Важен каждый жест, каждая деталь. Они репетируют перед зеркалом и очень расстраиваются, если что-то выходит из-под контроля. Наверное, она очень не уверена в себе, — добавила девушка.

Она придержала для парня дверь, и он вышел с матрасом на улицу. Уже стемнело, теперь этот район не казался таким уж дружелюбным. Они взяли за руки и пошли вдоль дороги. Фонари горели, и город издавал тысячи звуков. Парень увидел краем глаза на огромном баннере: «Мы крадем людей», и холод разлился по всему нутру. Даже девушка спросила:

— Что с тобой? Что случилось?

Но нет. Это просто была реклама замороженных овощей «Мираторг», и на самом деле там было написано: «Мы кормим людей». Но появилось ощущение, будто настоящий мир на одну секунду проявился сквозь маскировку и его тут же заретушировали. На всякий случай парень ускорил шаг так, что девушка еле поспевала за ним, и ему казалось, что нельзя смотреть по сторонам. Если смотреть по сторонам — обязательно случится нечто страшное.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Офис находился недалеко от площади Восстания. Петр отдал накладные и зашел в туалет умыться. В принципе, он почти не замарался и планировал оставить здесь инструмент, чтоб иметь возможность прогуляться без рабочей сумки. Петр снял грязную футболку, помылся над раковиной: лицо, шею и подмышки — вытерся (здесь у него было свое полотенце), надел чистую футболку. Отряхнул влажной рукой джинсы — Петр выглядел хорошо, правда, под коленом был след от монтажной пены, а слипоны немного запачкались штукатуркой. Но в этом даже что-то было — модный работяга: потертые зауженные джинсы, обувь на босу ногу. Сегодня Петр заработал три тысячи двести рублей, установив антресоль и отремонтировав вещевой шкаф. Получилось быстро и без проблем, рабочий день можно было считать более чем удачным. Петр посмотрелся в зеркало, немного смочил волосы, чтобы не поднимались, и остался доволен своим видом.

— До завтра! — сказал он на ресепшене и оказался на улице.

Еще не было пяти часов, когда Петр вышел на станции метро «Проспект Ветеранов». Он не стал ждать троллейбус, пошел домой пешком через весь проспект. Слишком хороший майский день, первый неожиданно по-настоящему теплый, к тому же подруга Петра уехала на сессию в Москву. Спешить было просто некуда.

Он зашел в «Новый книжный», где выбрал книгу из оранжевой серии «Альтернатива». Книга стоила двести шестьдесят

рублей, у Петра как раз хватало мелкими купюрами и монетами, тысячные разменивать не пришлось. Он расплатился, вышел и направился дальше в сторону улицы Партизана Германа, на которой жил. Руки и шею приятно согревало солнце, справа от него был уже совсем зеленый Полежаевский парк. Петр просто выбрал цель — какого-то опрятного молодого китайца впереди — и шел за ним в ногу, соблюдая дистанцию примерно в десять метров. Chinese Student — такой тег закрепил за ним Петр и стал как-то автоматически копировать пластику и походку этого человека.

Вдруг навстречу китайцу вышла девушка, она приветственно помахала, и Петр решил, что китаец и девушка — пара. Китаец остановился, а девушка что-то говорила. Через несколько секунд Петр поравнялся с ними и, когда проходил мимо, смог только разобрать: «...Минет — пятьсот рублей, секс — тысяча...»

Петр даже перепугался, настолько дико было услышать такое от юной красивой девушки, очень приличной с виду. Все еще продолжая идти в сторону дома, но замедляясь, Петр повернулся вполоборота, прикованный к сцене. Китаец встал как вкопанный и смотрел на девушку не моргая. Потом попятился назад, вдруг как по команде «Кру-у-у-гом» развернулся на сто восемьдесят градусов и быстрым шагом пошел в сторону, противоположную той, куда ему было нужно. Девушка растерянно и огорченно развела руками. Этим жестом она как будто объясняла зрителям или конкретно Петру: «Я же говорила, ничего не получится».

И в этот момент Петр налетел на случайного прохожего. Чувствуя себя так, будто его застукали за чем-то неприличным, Петр извинился и пошел дальше, не оборачиваясь, домой. Но с каждым шагом он все сильнее возбуждался.

Что если он вернется и предложит девушке эту тысячу? Петр никогда не пользовался услугами проститутки, всегда брезговал, но теперь вдруг очень захотелось. Не так он их представлял себе, а гораздо хуже. Он вполне мог бы себе позволить раз в три-четыре дня отдавать тысячу этой милой проститутке за секс, и подруга Петра бы ничего не узнала. Его заработок

зависит от случая, и подруге никак не уследить. У него есть три недели свободы. Только Петр не знал некоторых тонкостей, нужно было срочно залезть на соответствующие форумы в интернете. Хотя какие там форумы, просто не целуешь проститутку в губы и используешь презерватив. Петр шел с эрекцией через улицу и судорожно думал об этом. А согласится ли проститутка пойти к нему домой? Вдруг он перережет ей горло, вдруг он маньяк — ведь проститутка может так решить? Нет, он нормально выглядит, обычный молодой парень. Если она не согласится идти к нему, они, что ли, будут заниматься сексом прямо в парке? Нет, такое вряд ли у него получится психологически. Ведь проститутка должна сначала принять душ, у нее ведь в этот день могли быть другие клиенты. Она должна сперва помыться, иначе как он будет ласкать ее тело? Или никаких предварительных ласк не должно быть и даже не может быть, если секс — с проституткой?

Добравшись до квартиры, Петр первым делом залез в душ сам и там разрядился. Потом заварил чай, написал незначительный пост в «Живой журнал», скачал фильм и как-то незаметно позабыл обо всей этой истории: о том, как шел за китайцем с тегом Chinese Student, о милой девушке-проститутке и о своем внезапном возбуждении. А вспомнил только три года спустя, за которые он успел жениться и развестись, сменить профессию (больше он не работал руками) и начать новые отношения. Наверное, в душе Петра что-то изменилось за годы, наверное, это уже был другой Петр. Потому что, вдруг увидев книгу из оранжевой серии, купленную в тот день да так и не прочитанную, и вспомнив все вышеизложенное, он вдруг совершенно четко себе все представил: платишь деньги и получаешь секс. А все остальное — по обстоятельствам.

ПРИЕМ МАКУЛАТУРЫ

current music — «Соломенные еноты»

Девушка-мент держала за плечо, а моя девушка звонила на мобильник. Я принял звонок.

— Ты где есть? Куда делся?

— Прости. Меня тут мусора принимают, — ответил я нерешительно, как будто пробуя это существительное.

С одной стороны, я прекрасно понимал, что в данной ситуации не стоит так их называть, но с другой — мы с моей девушкой никогда не называем полицейских иначе. У нас есть игра, которая не вмещается в хронотоп описываемого дня, и нарушать правила этой игры я не был намерен.

И это их обидело: девушку-мента и парня-мента. Пока моя девушка вышла из поезда метро, стоявшего на «Щелковской» перед отправкой, и подошла к пункту милиции, меня уже закрыли в обезьяннике.

— Какая еще, в пизду, ориентировка? Покажите мне ее! — орал я.

Моя девушка спросила, когда меня отпустят. Они сказали, что будут дожидаться главного. Тогда моя девушка отперла дверь и подсела ко мне в обезьянник. Нас закрыли.

— Я опаздываю, — сказал я, — вы испытываете мое терпение.

— Почему вы так себя ведете? Я показала удостоверение. Но вы нам нахамили, — сказала девушка-мент.

Я ответил, что мое дело — как говорить по телефону со своей девушкой, а лично им я не хамил. Парень-мент смотрел на меня

печальными глазами. Папа так смотрел, когда в подростковом возрасте я приходил домой пьяным, а у Буковски это называлось «взгляд человека, страдающего запором».

— Зачем ты так нас назвал? — сказал парень-мент устало.

Я в грубых выражениях предложил не тыкать мне, а он сказал, что мне придется извиниться. Пока я не извинюсь, мне отсюда не выйти. Мы поиграли в гляделки. Я предложил ему пойти ловить преступников, он попросил не учить его работать. Я предложил не использовать служебное положение для разрешения частного спора. Может, лучше решить это посредством кулачного боя? Парень-мент сказал, что готов снять форму. Оставалось 50 минут до концерта. То есть я действительно опаздывал, но не мог же я извиниться за то, с чем не был согласен. Во всяком случае, пока меня не начали бы пытаться.

Мои родители, как и я, были интеллигентами в плохом смысле слова. Жидкое, как говорится, говно нации. Первый милиционер избил меня на хоккейном матче в родном Кемерове, когда мне не было пятнадцати; и я попросил папу сходить со мной на судмедэкспертизу. Папа ответил, что есть у него одно правило: никогда не связываться с милицией. Раз связался — и жизнь загублена. Я не поверил папе. Если смотреть в таком ракурсе, рифмуя прошлое с настоящим, мой мелкий спор с этим ментом и милицией (полицией) вообще вырастал в целую главу поэмы моей жизни. Но, конечно, никакого кулачного боя не могло состояться, это было лишь словами. Мент не был готов снять форму. Я тоже не был... «Кто не пиздил мента, тот не жил», — сказал один мой друг, но я пока не был готов стать борцом, я был рабом и знал свой удел — мечтать о свободе.

Главный наконец пришел. У него не было оригинального мнения: выслушав парня-мента, он сказал, что меня отпустят, как только я извинюсь.

— Мне не за что извиняться, кроме того, что я матерился при девушке. Но это никак не относится к моему задержанию.

Обезьянник открыли и нас выпустили. Я победно махнул (сейчас я понимаю, что это уже было безвкусицей с моей стороны) на прощание парню-менту. Он проиграл и был уязвлен,

тогда как остальным было плевать по большому счету. Обыскать меня забыли. Мы с моей девушкой поехали в сад имени Баумана на фестиваль «Мегавеганфест», где должен был состояться концерт группы «макулатура».

— Простите за задержку, — сказал я, оказавшись на сцене с микрофоном, — просто меня приняли мусора на «Щелковской».

Главное — теги «путин», «мусора», «рашка», «федералы». Досыпать их в каждый трек и между — и успех гарантирован. Но я наступал второй раз за день на одни и те же грабли. Впервые мы выступали на открытой площадке, и охраняющие сад полицейские стали группироваться вокруг сцены. Мы тем временем исполняли композицию «милиционер будущего», в которой фигурировал Путин. У припева этой песни есть несколько вариантов, и, поскольку мы с Костей не обговорили заранее, какой читаем, я читал:

*эй ты трутень запомни путин крутень
на указательном пальце земной шар крутит
даже бог не знает ответа на вопрос
когда слезет с трона этот говносос*

А Костя, перебивая меня, читал более мягкое:

*...у меня никогда не вставал вопрос
за кого голосовать единокласс.*

После первого трека на сцену поднялся организатор и попросил не материться. Дескать, полиция дает нам первое и последнее предупреждение: завязать с нецензурной бранью. Я не знаю, мне вообще никогда не казалось, что в наших текстах есть нецензурная брань, для меня это такие же слова, как и все остальные. К тому же я был в каком-то странном состоянии после задержания на «Щелковской», в таком лучше бы пробежать несколько кругов по стадиону, чем читать рэп перед аудиторией. Поэтому меня больше волновало, как читать и не сбиваться, чем как не оскорбить полицейских. На четвертом треке на сцену

вышел большой человек в форме — майор Брежнев — и забрал у нас микрофоны.

Под крики «Позор, позор, позор!» и «Макулатура, макулатура, макулатура!» Брежнев повез нас в ОВД на «Бауманской». Мне в голову приходили страшные истории, пытки, центр «Э», тысячи невинных. Несколько дней назад я попросил свою девушку надеть пакет мне на голову. Она застегнула мои руки за спиной сиреневыми наручниками из секс-шопа, и мы начали тренировку. Один пакет я прокусывал за две-три секунды. На два пакета уходило от трех до восьми секунд. Четыре пакета прокусить не получилось — я стал мычать и мотать головой, чтобы моя девушка освободила меня. В ментовском арсенале, я слышал, еще в ходу удары по яйцам. От этих мыслей становилось по-настоящему тоскливо.

Нас оформляли несколько ментов. Тут же вертелся какой-то мутный тип из тех, которые постоянно ошиваются в переходах. Он зачем-то попытался выяснить наше отношение к «Пусси Шмусси» и успел выцыганить у Кости поездку на метро. Сказал, что он человек православный и за такое два года — слишком мало. Потом менты прогнали этого мутного типа и занялись бюрократией.

Первый — Брежнев, который принял упоминание Путина за личное оскорбление. Его позиция: «Про Путина петь нельзя. Я вас закрою на 15 суток».

Я пытался объяснить, что для меня Путин — такой же бренд, как «Кока-кола», только без истории и культуры, что никакой политики нет в моих стихах, есть только сухой отчет о прожитых днях. Но для Брежнева и это показалось оскорбительным. И «Путин — кока-кола» для него не катило. Брежневу было лет 45. Интересно, как давно он был милиционером? Интересно, смог бы я работать в милиции и что бы я чувствовал, услышав слово «мусор»? Мне доводилось работать на разных работах, и по большому счету я почти готов понять, как человек может проснуться в форме. Ведь профессия — это всего лишь платье. Или нечто большее?

Позиция второго — крепкого толстоватого мужика (слишком мягкого, как мне показалось, для мента): «Вы как детонатор.

Если бы вас не задержали, публика бы пошла громить дома и машины».

И третий, интеллигентный, наш с Костей ровесник, похожий на молодого Уэльбека: «Ну зачем было материться в парке? И зачем было нагло говорить слово «мусора», глядя прямо мне в глаза? Зачем вы это говорили?»

Я вообще не помнил его глаз, и Уэльбек докидывал мне баллов протеста. Льстил моей решительности.

Мы несколько раз все рассказали, обмусолили, написали несколько бумаг. Суд должен был состояться на следующий день, и прогноз был такой: либо штраф, либо 15 суток. Уэльбек был уверен, дело закончится штрафом 500 или 1000 рублей. Но майор Брежнев грозился уголовным делом. Это он настоял, чтобы мы заночевали в отделении. И когда нас закрыли и стало ясно, что домой сегодня не попасть, я успокоился. Заплатим штраф, ничего страшного. Дадут 15 суток — это нормально. Сочиним какую-нибудь шнягу на эту тему, как Нойз МЦ, станем мучениками. Я наконец-то прочитаю «Бесов»...

Костя уснул на спальном мешке, переданном нам кем-то из слушателей и журналистов, которые паслись возле ОВД «Басманный». И пока не появились ночные психи — пьяные завсегдатаи обезьянников, — я смотрел в окошко через решетку на московскую ночь, размышляя о том, что такое поэт в России, и сравнивая кемеровских, петербургских и московских ментов. Судя по моему опыту, первые просто избивают всех, кто подвернется под руку, вторые только и пытаются вытянуть «чаевые», а третьи пекутся исключительно о своем имени и чести. А за окном ждало будущее, в котором BBC берет у меня интервью, Костя идёт на круглый стол журнала «Афиша», мы вместе — на прямой эфир телеканала «Дождь». Какая-то чепуха в блогах, искажение фактов и прочие «новости» — мыльные пузыри. Но первые плоды такого пиара я соберу только в следующем месяце, когда надумаю сменить работу. Меня не возьмут даже в Venetton кладовщиком, потому что на территории нашей страны служба безопасности любой крупной компании почему-то имеет свободный доступ к ментовским базам данных.

Введя мою фамилию, они получают «Хулиганство, август 2012-го». И придется идти работать на какой-то склад без оформления за 130 рублей в час...

Так что, как герой фильма «Человек, которого не было», извиняюсь за свою многословность, которой, возможно, не заслужила эта история, но «журнал платит за мои слова».

2012

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

1

Муж нашей классной сказал:

— Вот ваше пиво, мужики.

Он держался за багажник своей тойоты и казался немного смущенным. Не знал, что сказать, поэтому и назвал нас так панибратски. Хотя чего ему смущаться, выглядел он крутым, даже не ожидал, что у Татьяны Михайловны такой муж.

— Спасибо, — ответил я и взял две упаковки по шесть пластиковых бутылок.

Свежее пиво — только с пивзавода. Оставшиеся две упаковки взял Миша. Стоял очень приятный июньский вечер, свежий и тихий, и я в этом галстук и с пивом испытал предчувствие настоящей жизни. Или это было предчувствие пьянки.

— Хорошего выпускного, — пожелал муж Татьяны Михайловны.

— Я скоро поднимусь, мальчишки, — сказала Татьяна Михайловна.

С крыльца я видел, как она отряхивает и без того чистую кожанку своего мужа — девочка, пытающаяся казаться мамашей, — и целует его в щеку на прощание. Нашей классной было лет двадцать пять, но выглядела она как наша ровесница. Она нравилась мне внешне, и я иногда праздно думал о ней как о своей возможной девушке. Но мне очень не нравилось,

как она преподавала психологию. Мы прошли тысячу тестов по профориентации, но она ни разу не дала внятного ответа, кем я могу стать в жизни. Треугольники и круги, лидерство и творчество — я сначала искренне пытался поверить в то, что в этом есть какой-то смысл, что мне дадут подсказку, но прямые вопросы загоняли Татьяну Михайловну в тупик. Казалось, она не может справиться со своим предметом. Сейчас я простил ее, увидев с мужем. Что она могла знать о моем будущем? Молоденькая учительница, которой достались взрослые озабоченные дети. Все психологические тесты равнялись ее пустому жесту, этой попытке отряхнуть чистую куртку мужа, чтобы заполнить смущение перед бессмысленностью грядущего.

— Он назвал нас мужиками, потому что считает детьми! — вдруг сказал я Мише.

Эта противоречивая мысль на минуту взволновала меня, я принял ее за откровение.

Миша ухмыльнулся.

— По двадцать литров пива детям в руки.

— По восемнадцать, — поправил я. — Ты не понял. Я говорю о том, как разнятся тут смысл и форма.

— Подожди с философией. Дай горло промочить, — ответил Миша.

Мы поднялись на второй этаж школы. За окном было видно газон и клумбы, в фойе расставили парты. Скатерти, салаты, посуда. Один мой одноклассник сидел рядом с музыкальным центром, торжественно держа бокал вина в одной руке и пульт в другой. Настя Матвеева надела синее платье. Сидела со своей мамашей. В день последнего экзамена мы целовались взад и она дала мне обещание, что на выпускной все будет. Как героиня какого-нибудь «Американского пирога». Сердце у меня снова забилося. Мишины родители на даче, и Настя позволит мне трахнуть ее. Я уже целых десять минут не думал об этом, но теперь снова попал в капкан, нужно отвлечься. «Наконец-то мы окончили школу и теперь выходим на свободу», — подумал я театрально. Не чувствовал я важности момента. Папа сказал мне сегодня утром, что есть люди, которые всю жизнь тоскуют

по школе, и что он надеется, я не окажусь одним из них. Я ответил, что не намерен тосковать по своему унылому отрочеству и что у меня есть определенные планы. Настоящие ли это планы, я толком не понимал: стать рэпером, поэтом и прозаиком. Не очень убедительное будущее, писанное пердежом на тумане. Учителей и родителей сегодня было гораздо больше, чем выпускников. Нас всего восемь — самый маленький выпуск за всю историю школы. Наши одноклассники выбрали колледжи и техникумы, и в старших классах был недобор. Восемь выпускников и Миша, тоже ушедший из нашей школы между десятым и одиннадцатым классами, однако мы, конечно, его позвали. И человек тридцать учителей и родителей.

Миша спросил:

— Что будем пить?

— Пиво для начала. Подождем, пока мой папаша уйдет.

Мне не нравилось, что директриса говорила сейчас с моим папой. «Ваш сын не такой, как все, мы очень боялись за него». Я прислушивался, чтобы отвлечь их от беседы в случае чего. Не люблю, когда меня обсуждают. «Да, осенью он испугал всех нас. Он тогда лежал в больнице, а потом был какой-то странный, мы думали, что он пьет. Я боялась за него, как мама». Что это такое, она флиртует с моим отцом?

Директриса пила вино, улыбалась и говорила о материнских чувствах ко мне. Миша дал мне пиво и что-то спросил. Я что-то ответил.

Директрису клонило не в ту сторону. Переживала, что ваш сын не окончит школу, ла-ла-ла. Но он молодец, окончил, всего одна тройка по математике. «Мы предлагали ему идти на золотую медаль. После девятого класса предложили». — «Вот как?» Мой папа ничего об этом не знал. «Какая уж ему медаль, он, кажется, стыдится хорошо учиться». — «Да, он странно повел себя на экзамене, хотя все знали, что он лучше других в математике. Наверное, нервничает, экзамены — это всегда стресс, но он сильный ученик. И в литературе, да, хорошо, что кто-то поступает на филологический факультет. Хорошо, что именно он поступает». Одинокая душа ее встрепенулась, вспомнив, что

мой папа — филолог, так же как и сама директриса. Муж ее наверняка получил какое-нибудь более полезное образование. Сейчас она вспомнит, как я единственный выучил стихотворение «Смерть поэта» в девятом классе. Но кто-то спас меня и папу от ее воспоминаний, предложив тост. Папа отвлекся от директрисы. Ученики приглашают учителей на медленный танец! Миша тут же пригласил Татьяну Михайловну, а я — сорокавосемилетнюю учительницу химии. Я поглядывал на Настю, скущующую над тарелкой, — вместе мы или нет?

Танец закончился. Папа напомнил мне, что завтра мы едем на свадьбу моей сестры и что в полдень я должен быть дома трезвый, чистый и собранный. Он ушел. А я только этого и ждал.

— Миша, пойдем! — сказал я.

Я также подозвал Настю Матвееву и одноклассника. Тайком прошли в кабинет с табличкой «Психолог». Здесь лежали наши вещи, среди которых была припрятана водка. Пока Миша наливал в пластиковые стаканчики, я поцеловал Настю. Все было в силе.

2

Сначала у меня не было рук, ног и туловища. Мы накурились. Я целовал Настю, не чувствуя своего тела. Были только мы — то есть наши большие губы. Еще был враждебный смех, который усиливался, стоило обратить на него внимание. Это Миша и Тимофей ржали на кухне, и им подвизгивала одна из моих одноклассниц. Они все ухаживались, их накрыло, а меня это пугало. Мне хотелось отмахнуться от их смеха, он очень мешал — так, что хотелось выключить звук, оставить только ощущение губ. «Чтобы были одни сплошные губы», — сказал Маяковский, и опять назойливый смех, неужели я еще девственник, не мешайте мне, у меня нет рук, «одни сплошные губы», «целовать, целовать, целовать». Если бы я не врал, что у меня уже был секс, все бы получилось. Было бы неплохо, если бы Тимофей разоблачил меня с высоты своего опыта. За два

года блядства в университете он же мог научиться отличать девственника от начинающего ловеласа, за которого я себя выдавал.

Тимофей сказал бы мне:

— Почему ты этого так стесняешься? Все мы через это прошли. Не сразу начало получаться. Все еще будет.

И я бы раскрылся, стал относиться к своей девственности проще. Все получится, время придет. Но Тимофей сейчас ни при чем, пусть подавится своим смехом на кухне. Я — здесь. У меня появились руки, и этим рукам было позволено дотронуться до Насти. Можно было трогать, но нельзя было снимать платье, можно было целовать губы, но нельзя было прикасаться к тайне. Мою одежду тоже нельзя было снимать, и я до сих пор кувыркался тут в белой рубашке, как пьяный чиновник. Стоило дойти до молнии на платье, и Настя говорила «нельзя» и отбрасывала меня к началу лабиринта, к нерешительным поцелуям. Я привязывал нитку и шел коридорами, целовал плечи и уши, пробирался к ее глазам и губам. Нужно было найти комбинацию, несколько рычагов, но множество позиций: если не угадываешь, опять оказываешься у порога, если делаешь все правильно, целуешься уже по-настоящему. Губы вспухли и размазались по лицу, пока я блуждал в потемках. Контур комнаты и наших тел растаяли, тьма залила все формы, но и смех стих. Я уже не надеялся на что-то, но вдруг двери распахнулись, и утро упало на простыни. Полоска рассвета освещала голую Настю, и мне был дан зеленый свет. Я не верил глазам. Я еле стянул рубашку, потому что не было возможности расстегнуть все пуговицы моими неумелыми руками новорожденного. Но, когда я снял штаны, понял, что ничего не выйдет.

— Что такое? — спросила она.

— Ничего.

Ничего. Просто с моим организмом происходило что-то странное. У меня не было эрекции, но при этом я отчетливо чувствовал, как семя протекает в трусы. Никакого удовольствия в этом не было. Уши мои горели, я оказался шарлатаном на этом празднике, а Настя тем временем даже попыталась проявить инициативу. Она дотронулась до моих трусов, намекая, что можно снять их, не ведая, что

за ними ее не ожидает ничего хорошего. Я аккуратно оттолкнул ее руки, положил их на кровать, а сам наклонился к месту, в которое стремился попасть всю свою сознательную жизнь. Что-то нужно было сделать. Перед глазами плясали разноцветные пятна и зигзаги в броуновском движении, голову как будто накачали воздухом, и я ворочал лицом, пытаясь поймать все эти яркие точки и линии, пока не отключился, уткнувшись носом Насте между ног. Она трогала мою голову и звала издалека. А меня не было дома.

Я вышел на кухню. Миша сидел тут один, как царь, спал, положив голову на свои руки. Я немного прибрался на столе, помыл стаканы и вытряхнул окурки из пепельницы. Старался занять себя и надеялся разбудить Мишу. Закурил и глотнул выдохшегося пива. Миша открыл один глаз и несколько секунд наблюдал за мной.

— Оставь мне, — сказал он.

Я протянул сигарету. Он затаился и тут же вернул ее обратно. Расправил плечи и, промотав на сверхбыстрой скорости вечер и ночь, спросил:

— И как?

— Отлизал, — ответил я. — Лучше бы ты не курил со мной.

— Куннилингус, — сказал Миша и засмеялся.

Мы не раз шутили по этому поводу, и на этот раз я все преподнес как шутку. Тем, что я сделал такое, я нарушил серьезное гоп-табу и пока не знал, стоит ли делиться опытом. Я даже не мог понять, как я сам его оцениваю. Нужно было подумать об этом, оставшись одному.

— А где Тимофей? — спросил я.

Миша пожал плечами.

— Ушел прямо в ночь.

— Наверное, даже прихватил подружку?

3

На свадьбу к сестре ехали на маршрутке. Папа, мачеха, я и мой сводный брат. Я весь был наполнен пустотой, но спать не хотелось.

В салоне было душно, на въезде в Центральный район много машин, люди ехали на дачи, и маршрутка еле двигалась в этом потоке. Что дальше? Нужно как-то сказать Насте Матвеевой, что этот прокол ничего не значит, и в следующий раз все получится, и что я хочу, чтобы мы с ней встречались. С утра я проводил ее домой (что там провожать, они живут с Мишей в соседних подъездах), но не смог даже и слова выдать. Молча обнялись и простояли несколько минут.

В ЗАГС приехали как раз вовремя. Жених выглядел растерянным и трезвым. Сестра была в платье и с животом. Нервничали, их радость не казалась искренней. Они расписались и обменялись кольцами. Я впервые в жизни попал на свадьбу, но мне казалось, что все остальные ничем не отличаются от этой. Попытался представить себя и Настю на месте молодоженов. Наверное, Настя — нормальная девушка, мечтает увидеть себя в свадебном платье. Хочет, чтобы на свадьбе гостей развлекал тамада и стол был украшен множеством блюд. Гостей рассадили по машинам и повезли в дом свекрови. Я сел где-то с краю, ближе к пластиковой бутылке пива «Балтика «Медовое». Не хотелось ни с кем разговаривать. Папа дал мне несколько купюр, чтобы я, как другие гости, согласно традиции, положил их в трехлитровую банку. Подарок для молодых, их первый совместный капитал. Я так и сделал, и мне хлопали, как будто я сам заработал эти деньги во имя будущего счастья сестры.

СЛОНОПОТАМ И ЕГО СООБРАЖЕНИЯ

Момент прикосновения пера ветра. Синдром утят в ванне. Бред. Мы стояли с Ниной возле нашего корпуса после занятий по режиссуре, закончившихся сегодня немного раньше. Я Нину обнял и поцеловал, и она слегка отстранилась, дескать, стесняется. Она младше меня на два года, только школу окончила. И есть в ней что-то детское. А у меня ни разу не было девушки младше меня. Когда ты юн, хочется найти постарше. И еще она моя одноклассница. А я уже третий раз учился на первом курсе — на этот раз в университете культуры.

Я собирался идти на встречу выпускников, посмотреть на одноклассников и одноклассниц, что с ними за два с лишним года случилось, с бедными.

— Ты там уж смотри мне, — сказала Нина. — Ни с кем ни-ни.

Это она мне подражает. Я ей так все время — такими словами.

— Что ты, Ниночка, — говорю, — любовь моя, и радость, и печаль моя, и крест мой, и рок. Уж не с одноклассницами ведь.

— Ну уж уж, — и пальчиком так грозит, опять же мне подражая.

Незадолго до этого мы с Симановичем ночевали у нее в общежитии. Я сказал ему, когда мы курили в туалете:

— Будешь спать на кровати головой к нашим ногам. Так вот, дергай меня за ногу, как только услышишь, что я вдруг начну приставать к Нине. Понятно? Я буду любить ее любовью светлой

и чистой, а посему обязуюсь до первого нашего полового акта побывать в кожвендиспансере.

И, как только я пытался что-нибудь предпринять, дергал он меня за ногу, и ругал я себя за эту просьбу и благодарил. Потерлись мы немного с Ниной, а она вроде бы хотела, но не совсем. Будто бы не время да не место. Не знаю, была ли она девственницей, я думал, что скорее да, чем нет. И сказал тихонько: «Ладно, давай сделаем это как-нибудь потом». И она обрадовалась, что я так сказал, и уснула. Но мне уснуть не удалось, штучковина одна такенная мешала. Сделал полезное наблюдение: когда нужно, чтобы эта шняга работала, а она не работает из-за бухла, кажется, что она маленьких-маленьких размеров, а когда не нужно, чтоб она работала, а она, соответственно, работает, кажется, что она могла бы быть и поменьше. А на следующую ночь мы опять с Симановичем остались в общежитии. Этот говночист отвратительно играл на гитаре и пел Нине тупые, но забавные песни о моих похождениях. Потом я один не спал, тупо сидел при тусклом светильнике да смотрел на спящую Нину, зная, что наступит тот момент, когда я перестану видеть ее в таком свете, что-то отключится. С тех пор как меня бросила Элина, я постоянно влюблялся и всегда ненадолго.

Но Нина была как-то даже нереалистично красива во сне, и ничего больше не надо было, и я смотрел и смотрел на нее, а потом не стал ложиться с ней, чтобы случайно не разбудить. Лег на полу, как монах.

Но, собственно, это дело прошлое. Вернемся сюда.

Посмотрел, как Нина идет от корпуса к общежитию, и пошел в сторону дома. Мне было идти минут тридцать. Денег на проезд не было, потому что я отдал все имеющиеся с утра другу и бывшему однокласснику Мише, чтобы он купил водки.

Но я хорошо прогулялся, было тепло, обычно в октябре гораздо холоднее. Когда пришел к Мише, оказалось, что у нас мало денег. Мы встали возле его подъезда.

— Да сколько они потратили на эту жратву? — разорился я. — Мы что, будем жрать, что ли, всю ночь?!

— Я не знаю, зачем они накупили столько.

— Да я знаю! Все потому, что все бабы озабочены едой! Они готовы жрать целыми днями. Я это понял еще в школьной столовой!

— Эй вы, идемте! Что там встали?

Это нас звали две наши одноклассницы. Как раз в соседнем Мишиному подъезде пиршество и должно было пройти у одной из них.

— Ну почему мы все должны вас ждать?!

— Идите сюда! Только вас и ждем! Мы же договорились в восемь!

Миша крикнул, что мы задержимся. Они обиделись, особенно одна из них, не знаю почему. Наверное, потому что они, несчастные, там готовят эту еду чертову весь день, прибираются, а мы опаздываем уже минут на двадцать. Послали нас в жопу и пошли в квартиру.

Мы с Мишей стояли и стояли. Из класса будет восемь человек, наверное. А может, девять, прикидывали мы. Четыре пацана.

У нас хватало только на три бутылки водки. Там еще было десять литров пива и много жратвы, которая ни мне, ни Мише вообще в жопу не уперлась.

Мы стояли и стояли. Денег не прибавилось, поэтому мы купили эти жалкие пузыри и пошли ко всем.

В принципе, остальные пили мало, и я прикинул, что нам хватит. Не стоит делать расчеты, исходя из своих питейных показателей, и тогда расчеты будут оптимистичней. Сначала было скучно, как я и ожидал.

«Да, я вышла замуж, вот колечко. Ребенок, полгода. Была худой, а стала совсем тощей». «А я поступил на «режиссуру театра»: много нагрузок. Актерское мастерство или режиссура с часа дня до девяти вечера четыре раза в неделю, но зато интересно». «А я поступала сюда же, черт. Не поступила, пошла в училище».

Когда мы с Мишей курили, он сказал:

— Не знаю, хоть одноклассниц трахай.

«Да, заливай, Миша», — думаю. Максимум наорешь на кого-нибудь здесь и, может, еще отлупишь кого-нибудь

на улице, после чего пойдешь без особого энтузиазма поддерживать свою полувялую колбасу дома в одиночестве.

— Миша. Одноклассниц. Это же подло, — ответил я, тем не менее поддерживая игру.

— Да мне уже все равно.

— И с кем ты собрался?

— С любой из них.

— А я знаю, что, скорее всего, у меня получится только с Юлечкой.

Я чувствовал, что так будет. Юля. В моем сознании она лежит как игрушка, стройная матрешка на моей ладони, уже раздетая и даже влажная, пациентка, готовенькая к мясному уколу. Но здесь, в мире людей и мебели, она задорная. Не знает, что я уже предсказал исход вечера. Юля, молодец, активистка, чтоб нам не было скучно, стала веселить нас забавными играми. Сначала вывела всех из комнаты, кроме двоих.

— Заходите один, — сказала чуть позже.

Я зашел.

Там, замерев, Павлуша и Лена стояли в позе, будто у них секс.

— Что ты хочешь поменять в этом памятнике? — спросила Юля.

А ничего игра — смешная, наверное. Делай вид, что это интересно, и тебе сегодня дадут. Я решил, что Павлуша должен уткнуться лицом Лене в промежность и схватить ее за зад. Павлуша отошел и засмеялся. До меня дошло.

— Ну вставай на колени и делай все это сам, — сказала Юля.

И так далее. Потом меня девушка Олеся подержала за промежность через штаны. А потом Юля нацепила на всех нас шарики, приклеила ко лбу кнопки на скотч, разбила на команды и заставила гоняться друг за другом. В таком духе. Наша команда проиграла. Я вспомнил, что Юля учится на тамаду или еще что-то в этом роде. Режиссура театрализованных представлений, прости меня, господи. Такая профессия, ничего не поделать, кому-то приходится в жизни заниматься такими вещами, людей много, а пиздатых дел — раз-два и обчелся.

Потом все начали танцевать. Я потанцевал с Юлей, трогал ее за зад. Она одергивала мои руки, но было ясно, что это кокетство и что ей приятно.

— Ты стала симпатичной, — сказал ей.

— Да я давно уже стала.

— Прости мою невнимательность. Не пойму, куда смотрел.

А голос-то у нее писклявый как был, так и остался. Но сама, да, взрослеет, становится заманчивой. Или просто я недостаточно искушен в женской красоте.

Я поймал Павлушу, чтобы проверить свою интуицию.

— У тебя же есть презерватив?

— Есть. И что?

— Так я и думал. Дай мне его.

— Не дам.

— Ну кого ты сегодня собираешься? Неужели собираешься?

— Собираюсь.

— Кого?

— Кого надо, того собираюсь.

Мне казалось, Павлуше нужны были эти презики, как зонтик в ясный солнечный день.

— Ну Павлуша, радость моя, вот что я тебе скажу: помоги мне. — Я начал размахивать руками. — Ну дай ты мне этот вонючий гондон. Помоги моей душе поэтической в минуту трудную. Все равно ведь он пролежит у тебя в кармане твоём, пока срок годности у него не кончится.

Последнее предположение, как я понял по его лицу, я высказал зря. И я пошел по другому, безобидному пути.

— Ну Павлуша! Дай-дай! Ну, да-а-ай.

Его это утомило, и он отдал мне презик.

— Ладно, у меня два. На один.

— Ну, Павлуш, мне одного не хватит! Это уж точно!

Он заржал. И пошел выпить. Я усиленно мешал водку с пивом, думая о Нине. А через час или два я сидел уже на балконе Юлечкиной квартиры и смотрел через стекло на комнату, служившую залом. Юлечка расправила диван. А потом зачем-то начала расправлять кресло-кровать.

Я докурил и зашел в комнату.

— А это еще что за херня?

— Что?

— Вот это?

— Это кресло-кровать.

— Я вижу.

Я разделся до трусов и сел на диван. Юля была в ночнушке.

— Слезай, — говорит.

Я встал. И, стоя, смотрел на нее.

— Хочешь, — говорит, — мой фотоальбом посмотреть?

Мы минут пять посмотрели альбом. Зря посмотрели. Потому что я едва не решил уже с ней ничего не делать, но она была на некоторых фотографиях такой заманчивой, что я не мог себе позволить бездействия. Когда она выключила свет, я сказал с этого кресла-кровати:

— Ну все, хватит, я иду к тебе.

— Нет.

— Как нет?

Я выдал какой-то невнятный монолог, отключив мозг, после чего она сказала:

— Ладно, бери с собой одеяло и подушку и перелезъ.

Так-то лучше. Я перелез.

— Где у тебя эрогенные зоны? — говорю.

— Я тебе все равно не дам, — так вот она сказала.

Я положил Юле руку на живот.

— У меня месячные еще не закончились, — говорит.

— Так самое время, — говорю. — Они как раз сейчас закончатся, а это лучшее время.

И поехали. Я терся об нее, а ей это нравилось. И спустя много минут все еще терся об нее, ей это сильно нравилось, но она почему-то не позволяла мне засунуть.

— Я надену презерватив, — сказал ей.

— Одевай, но я тебе не дам. Только так можно.

— «Надевай», — поправил я. — И что, мы будем тереться всю ночь, как полоумные?

— Не хочешь — иди на кресло!

Ладно, придется обходным путем.

— Хорошо, ты тут главная. Но ты сможешь так кончить?

— Да. А ты?

— Вряд ли. Но как скажешь. Попробую.

Презерватив я все равно надел, потому что ни на секунду ей не поверил. Второй или третий раз в жизни надел, я еще толком не освоил это изобретение. Мы все терлись, и терлись, и терлись, и я был умеренно возбужден, не взрывался, все-таки я был заключен в резиновую тюрьму. Плюс она не давала мне вставить. И я уже нашел в этом какой-то восторг. Я покручивал у нее тампакс и все пытался его вытащить, но она говорила нет и все заставляла тереться о порог час за часом, и, похоже, она правда кончила от этой свистопляски, и даже не раз. Не знаю, вроде да. Она стонала, и ее конечности спазматически дрыгались. Если это не женский оргазм, то я умываю руки. Я утратил чувство реальности, в голове звучал рассказ моего друга Кости: «Когда я работал охранником в этом лагере, там был еще парень, медик. Он говорил, что девушки лет до двадцати пяти вообще не испытывают оргазм, а только его имитируют, особенно девственницы. Еще этот парень каждую ночь трахал такую страшную девушку, что я считал его Иисусом Христом».

Так я терся о Юлю, а Костя примостился у меня на плече и нес эту околесицу, хотя я и не знал, как привязать ее к сегодняшнему дню. Но раз Юлечке нравится так, то я решил, что буду так. И тогда почувствовал себя святым дамским угодником. Это было даже интересно. Трешься о клитор и крутишь тампакс — если ты выдержишь этот марафон, тебе дадут согреться в мясистой рукавице. Я впадал в полусон и выпадал из него. Надо работать в предлагаемых обстоятельствах — говорят нам на актерском мастерстве. Я протрезвел и потянулся за неуловимой красотой в темноте комнаты, мой член разбух между нашими двумя животами, и я со стоном кончил в соскообразный клапан, упираясь в Юлин пуп. Голова кружилась от пустоты и свежести, когда вышел на кухню — как в весенней роще выпил воды — и выкинул нелепо использованный презерватив в окно — цветок зла, обреченный висеть на дереве.

Я предатель. Ведь совсем недавно, может, неделю назад, мы пили группой пиво в горсаду. Нас осталось несколько человек. Девчонки сидели на лавочке, я — на корточках — напротив. И тут я увидел, что у Нины (отсюда это было очень хорошо видно) между ног алые разводы. Я заволновался, подошел к Ане Бычковой, отвел ее и жалобно сказал: «У Нины там месячные начались». Аня заботливо отвела Нину, пока я сидел, разговаривал с остальными и у меня дрожали руки, потом подошла ко мне: «С чего взял?» «Увидел, но не хочу, чтобы это увидел еще кто-то». И она отвела Нину в туалет, а потом они пришли, и Нина не стала уже садиться, а встала за мной (хорошо, что у нее была длинная куртка) и гладила мои волосы. «Ах ты деточка моя», — думал я. А потом Нина рассказывала о своих котах, о всех котах ее жизни. Какое прекрасное слабоумие, я хотел нежно изнасиловать ее рот, говорящий глупости.

Я вернулся с кухни. С Юлей мы опять терлись, но мне этот бред поднадоел. Я все пытался извлечь из нее этот тампакс и наконец-то вытащил, бросил его радостно на пол. А она разнервничалась. А потом все рассказала, поведала о своих проблемах.

— И когда я была последний раз у гинеколога, — говорит она, — я вскрикнула от боли. Она спросила: «Как ты с пацанками, тоже кричишь?» Я хотела ей сказать, что мне всегда очень больно, но не сказала.

— Почему не сказала?

— Не знаю.

Мы лежали рядом.

— Я, — говорит, — так давно этого хотела. Но не ожидала, что с тобой. Ты у меня был самым последним вариантом.

— Наверное, трудно найти лояльного к таким проблемам ебаря?

— Трудно.

Я гладил ее по голове. Она рассказала про своего парня, у которого были очень широкие плечи. Как же она его любила, но он не хотел делать все это дело нормально. И она согласилась с ним через боль. И что это было ужасно. Потом про другого

парня, у которого не стоял. Она не понимала, в чем дело: в ней или не в ней. Просто не вставал, может быть, от неловкости. Она могла говорить своим голосом бесконечно.

— А со мной ты когда захотела?

— В десятом классе.

— Черт. Ты уже второй человек, который мне говорит о школе. Где вы были тогда? Почему не спасли меня от спермотоксикоза?

— Ты сидел с Дрюпой. И он весь был такой тощий, а у тебя такие плечи. Сидел в своей бежевой толстовке с такими плечами. И я хотела подойти и потрогать. Мне еще очень нравится, чтобы от плеч к талии шел треугольник. Не квадрат, как у Миши, а треугольник, как у тебя.

Она сказала что у меня хорошие, пролетарские руки.

— Пацан должен быть пацаном. Пацан должен колоть дрова, таскать навоз. Пацан должен быть сильным, а не каким-нибудь педиком...

Она еще несколько минут смаковала слово «пацан». Возможно, она была не очень умна, но ведь и я не был особенно умен. А потом вдруг вспомнила что-то и надулась. Но скоро снова заговорила:

— А ты сам помнишь, как ты ко мне относился?

— То есть?

— Ты весь такой был из себя. Умного строил. А еще ты мне сказал, что я долго не найду себе парня. Помнишь?

— Ладно, хватит. Я тогда был злой и глупый. И всегда страдал от недоеба. Вернее, от полного отсутствия секса. Я был девственником, сечешь?

Она продолжала жаловаться. Как я смотрел, как пренебрежительно отзывался. И тогда я, пристыженный, сделал ей куннилингус так старательно, как делал только в первый раз. У меня есть знакомые, которые тебе руку больше не пожмут за то, что ты пилотчик. Так что жест с моей стороны довольно щедрый, не правда ли? Еще я надеялся, что она соизволит отсосать в ответку, но этого не произошло. И вот мы снова вернулись к этим теркам члена о входное отверстие. И вдруг все получилось. Она

лежала, сжав ноги, на спине, и получилось. Я решил, что, может, она все это зачем-то выдумала.

— Неужели?

— Что неужели?

— Получилось?

Она засмеялась.

— Ты трешься о мои ноги и упираешься членом в диван. Ты что, дожился, Жука, диван от влагища отличить не можешь?

Меня немного рассмешило, что она назвала меня Жукой.

— погоди, значит, я не внутри? Ничего не понимаю.

— Да, тебе нужен перекур!

Мы говорили не останавливаясь. И тут я загнал куда надо. Она взвизгнула от боли и расплакалась от обиды на собственное тело. Пришлось ее успокаивать. Так и скоротали время.

На рассвете я стоял на балконе в одних трусах и жалел, что у меня нет сигареточки. Тревожно, все-таки есть небольшая вероятность, что придет Юлин папа. Сама она была в ванной. Вообще-то, я изменил часть имен, сами знаете, как это бывает, может быть, даже где-то и сюжет переврал, эта история не пациент, а я не врач, если я сгублю по неосторожности, никто не умрет. Вообще, я не пилоточник, пацаны, вы же, это же художественная литература, ха-ха, ну, типа, от первого лица шпаришь, а на деле этого чувака, «меня», даже не существует в природе.

Ну и кто-то очень серьезно относится к таким вещам. «Это моя жизнь, ты охуел? Ты рассказал про мои генитальные проблемы, ты рассказал про то, что я шлюха или неверный муж, ты рассказал, что я убил человека в апреле 97-го года». Так что ломайте голову, о чем этот рассказ, может, не было никакой вагинальной истории, а на самом деле два парня едут в машине и у одного из них вскочил ячмень.

— Не вздумай обо мне писать, дурень, напиши лучше о девятнадцатилетней телке с вагинальными проблемами.

— Какого рода у нее проблемы?

— Не знаю. Я смотрел передачу, бывает такая тема. Ей больно, когда ты пытаешься запихнуть. То ли смазка плохо выделяется,

то ли стенки влагилица слишком чувствительные. Короче, напиши лучше о ней. Как бы ты выкручивался? Дано: дымящаяся шашка, то есть твой болт, и пися, в которую не вставить. Такая задачка, найди решение.

Машина останавливается на светофоре, парень трет свой больной глаз.

— Ладно, попробую, — отвечает рассказчик, — но тогда герою придется поработать языком.

И еще мне не нравится, что имен так мало. Редко встречается знакомый, у которого бы было особенное имя. Даже если рассказываешь одну историю, вероятны повторы имен и путаница. Но я не призываю вас называть детей, типа, Аполлон или Платон. Я просто указал на проблему, решения у меня нет, дорогие друзья.

Но все это было неважно, когда я стоял на балконе. Думал о том парне, спектакль которого мы по учебе смотрели недавно. Спектакль был такой — в одну каску, то есть моноспектакль по роману Юрия Коваля. Никого, кроме парня, на сцене не было. И парень был неплох, хотя я первую половину стоял чуть ли не в дверях, мало что видел и там пахло пердежом. А потом он (конечно, не пердеж, а этот парень — Петр) пришел к нам на занятие по режиссуре пообщаться. Момент прикосновения пера ветра. Очень важно почувствовать его. Это в спектакле было. И об этом мы говорили.

Это было, когда Нина говорила о том, какие у нее были коты. Котята там, кошки, коты, какие они милые. Я смеялся здоровым счастливым смехом, готовый принять тихое обывательское счастье. А Нина, которой я теперь изменил (или как это назвать?), говорила о своих котятах быстро и увлеченно. Я чувствовал добро и единство: я и вселенная заодно.

Это могло бы меня раздражать, но это вызвало во мне умиление. Желание хлопать в ладоши.

Как когда получается написать что-нибудь интересное, стремительное, и важное, и простое. Это ощущение, будто ты огромный счастливый ребенок, который играет со всей этой действительностью, как с утятами в ванне.

Так вот что. Я бы не стал вам все это рассказывать, если бы не это: стоя на балконе после недополового акта, я испытал секунду подлинного блаженства. Я был счастлив и несчастлив и силен и слаб, я был и самым умным, и самым тупым. Мне хотелось прыгнуть с этого балкона, с седьмого этажа, и разбиться. Спрыгнуть и лететь не вниз, а вверх. И мне хотелось жить, как никогда прежде. И я мог сделать все что угодно, ничего не умея делать. А вокруг это утро, холодноватое, чтобы стоять в трусах, и в то же время теплое. Немного туч, и никого нет. И мне смешно и грустно. И пронзительно и радостно. И я смеюсь, зная, что все мы всего лишь нарезаем круги, путаясь в собственных следах, придумывая для себя все новых и новых слонопотамов.

Юлечка вышла из ванной. Туда пошел я. Вышел из ванной голый, но она уже оделась.

— Наверное, вот-вот твой папа придет. Да?

— Может быть. Но, вообще-то, еще нескоро.

Растерялся. Поторопилась она, слишком рано оделась. Вот и не знал, что сказать.

— Я скоро пойду. Тебе нормально было со мной?

— Да, спасибо тебе.

Я получил нежный поцелуй благодарности — в край рта. И во мне вдруг проснулось то чудесное, немного злое полупухомельное состояние. Решил задержаться. Целовались, и я опять возбуждился. Бросил ее на диван, подтянул юбку и отодвинул трусики. Потом приспустил свои штаны. Снова начал тереться об нее, как утюгом разглаживал ее губы своей алой башкой. Задрал футболку, оголив соски. Мне было обидно. Значит, я из кожи вон лезу всю ночь, а она просто лежит и бычит, если я пытаюсь вставить? И даже минет сделать не может! Если я принимаю правила твоей игры, делаю, как ты хочешь, почему ты не помогаешь мне? Это у тебя проблемы, а не у меня, почему я должен выкручиваться, стараться в одного? Просто-напросто отсоси, не высохнет от этого твой рот! От обиды я жутко возбуждился. Конечно, я виноват был перед ней своим подлым поведением в школе, но черт подери! Если человек отвечает взаимностью на твое отношение, значит, ты нашел к нему правильный подход.

Какая умная мысль! Давление в шланге нарастало. Угадал: ты просто мстительная и злая, а туда же, лезешь на крест. Я терся о Юлю, о ее проблемную вагину, не позволяющую принять меня внутрь, исключающую возможность соединения, терся радостно, зло и настырно, по-обезьяньи, по-крокодильи, по-слонопотамьи, как кролик, как Иван-дурак на Змее Горыныче, и вдруг ощутил более настоящее, более реальное удовольствие, чем если бы я был внутри. У меня все сошлось, как у одержимого поэта: недостижимая вагина была моей музой, когда я ухватился за Юлину кисть, положил ее пальцы себе на ствол и мошонку. Сработало: я выстрелил длинной белой соплей поперек Юлиного туловища. Повалился на спину, глубоко вдыхая жизнь. Она не успела, я убежал вперед повозки, а ей не хватило считанных секунд, чтобы получить удовлетворение. Она поднялась на локоть, сверкнула глазами, как ведьма.

— Быстрее, — говорит. — Бери любое полотенце и вытирай.

Недовольство, мелкая ложь, суета. О чем мы говорим, когда говорим о запачканном животе?

— Зачем так суетиться?

— Вдруг какой-нибудь упорный сперматозоид доплывет!

Я покрутил пальцем у виска.

— У тебя же месячные. И даже если они только что закончились, я могу кончать еще несколько дней не только на твой замечательный живот, но и в тебя.

— Лучше перестраховаться, — уперлась Юля.

Хотел было рассказать, что в таком случае она может забеременеть от того, что в жидкости, которая выделяется во время всего этого действия, уже могут быть сперматозоиды. Как профессор кислых щей сказал бы: «Юлия, после первой эякуляции в ходе полового акта в предэякуляте уже присутствует семя». Но решил не говорить. Ладно, сначала усмехнувшись, но быстро поправившись, скорчив серьезное лицо, беру полотенце, сохнувшее на двери, и старательно вытираю мою даму. Она брезгливо трет руку о полотенце — немного сгущенки попало на ее пальчики. Нормальная девчонка бы облизала их, но только не Юля. Юля вместо этого обиженно смотрит в потолок. Видок у нее тот еще.

— Ну и вид у тебя... отъебанный какой-то, — говорю.

— А у тебя лучше?

— Наверное, нет.

— Как ты говоришь?! Что это такое — вид отъебанный?!

Ага, на это ты обиделась. Что за игры?

— Что ты обижаешься? Я же в хорошем смысле слова.

— В хорошем?

— В хорошем. Просто злишься, что я кончил раньше тебя.

— Просто нельзя так со мной разговаривать!

Через секунду она меня выгоняла. Лицо у нее было красное. В дверях я ее поцеловал в сжатые губы. Юля смотрела на меня враждебно. Я широко улыбнулся.

— Я тебя ненавижу, — был ее ответ на улыбку.

— Пока, любовь моя, — сказал я.

Она хлопнула дверью.

Утро было прекрасное. Я шел домой, ощущая себя самым потрепанным мартовским котом. Было просто думать обо всем. Чудесное воскресное утро. Я знал, что, когда я выплюсь, мне будет очень грустно. Что я не позвоню Нине, что мы с ней не погуляем. Хотя, может, и решусь позвонить? Но я же не смогу ходить с ней рядом, улыбаться, делая вид, что ничего не случилось. В жопу, сейчас можно было думать об этом, оставаясь радостным, такое было утро. Я прикоснулся к самой сути, я пока еще помнил, знал и чувствовал, что можно жить, ездить в автобусе, сидеть в туалете, чистить зубы, заниматься чем угодно, но оставаться стоять на балконе седьмого этажа, чувствовать мгновение, прикосновение пера ветра, и играть с утятами в ванне, и быть большим до неба, и маленьким, и хитрым. Можно путаться в своих следах, но быть внутри сути. Этим утром все было так.

«Я»

Из небытия появляется ванная комната. Маленькая, с полутораметровой, собственно, ванной, и раковиной, и одним краном. Он ржавый, таким я его вижу, а возможно, воображение обмануло память, добавив деталь — ржавчину. У крана есть два неестественных положения и одно естественное. Естественное — когда он смотрит прямо и, если его включить, вода польется на пол, затопит квартиру и дальше потечет к соседям на первый этаж, расширяя вселенную. Два других, неестественных, положения для того, чтобы лить воду в раковину или в ванну. Но это унижительно для крана, так вкривь он льет воду по краю, как будто пытаясь дотянуться каждый раз, как нищий. Если бы он сразу мог стрелять в центр мощным напором, если бы он был длиннее и увереннее в себе, это было бы слаженное существование, геометрически верный союз: кран — раковина — ванна.

Тем не менее мы не льем воду на пол, а наливаем в ванну. Я пока еще не знаю, кто такие «мы», я пока даже не знаю, кто такой «я». Но уже вижу, как вода течет по краю, сначала заливает дно, а потом ее становится все больше в ванне. Знаю откуда-то эту комнату, могу представить отчетливо даже то, что не попало в фокус, детали, осознаю их — они мне знакомы. Но только сейчас я научился вмещать их во вдруг сдвинувшееся с места время и сохранять в его течении.

Ванна уже наполнена больше чем наполовину. И в воде сидит сестра, вдруг оказывается, что она здесь, напротив, глядит

на меня. Взгляд сестры непонимающий и испуганный. Я знаю, что она не могущественное существо (потому что она голая и небольшая), любопытное ко мне и пока еще не несущее разрушение и боль, не претендующее на мою собственность. Сейчас она боится меня, хотя я знаю, что обычно все происходит наоборот. Резко появляется звук, до этого вселенная была беззвучной — это крик. Кричу я. Со звуком все ускоряется, начинает жить, исчезает возможность разглядывать все как на стоп-кадре. Я не владею информацией, почему кричу, — только догадываюсь. Скорее всего, причины две. Первая: сознание начало работать, начало записывать реальность, создавать мою собственную базу данных. То есть это крик новорожденного сознания — сам ребенок родился два года назад. Вторая: в ванне что-то плавает. Ребенок видит, как в ванне что-то плавает. Это я вижу, что ванне что-то плавает, и первое сложное чувство, которое испытываю и которое я запомню, — отвращение. Появляется мама. Это могущественное существо, от которого я завишу и которому я принадлежу. Ее я зазываю своим криком, это становится понятно. Она протискивается мимо корзины с грязным бельем, заслоняющей почти все свободное место в этом тесном кубе ванной. Мама с недоумением что-то говорит сестре. Я пока не понимаю их язык. Но когда мама обращается ко мне, я разбираю слова: «Да замолчи ты!» — первые слова, сохраненные в памяти.

Они обнаруживают раздражитель, и мама каким-то способом убирает нечто из ванны. Тут записывающее устройство дало сбой, способ изъятия этого нечто не сохранен. Но мы все еще в ванной, вода уже почти набралась, но я продолжаю кричать. Я бью по воде, потому что это плохая вода, ее нужно заменить.

— Да что ему надо?

Мама что-то пытается выяснить, не понимает, трясет меня.

— Ничего нет. Все чисто, посмотри.

Замолкаю, только когда она догадывается слить воду. Плохая вода утекает, я становлюсь спокойным. Моя первая победа, я пробую ее. Она получена нечестным путем.

Последующие двадцать четыре года я буду думать (хотя и не буду в это верить), что это нечто было моим собственным

дерьмом. Что я обосрался, когда меня купали в одной ванне с сестрой. Как они догадались купать меня с восьмилетней сестрой? Восемь лет — это немало. На две трети женщину, наверняка желавшую мыться самостоятельно, посадили в ванну с куклой, неразумным существом. И только обосравшись, существо стало человеком, получило сознание, разбудило его собственным криком. Мое первое воспоминание — позор. Так буду думать, пока случайно сестра не расскажет мне эту же историю.

— Омерзительным, капризным, брезгливым ребенком — вот каким ты был.

Скажет:

— Я помню, как нас купали вместе в детстве. И ты орал двадцать минут из-за того, что в воду упал маленький паучок. Отказался мыться в этой воде. Брезгливый и капризный, вода тебе больше не нравилась. Тебе двух лет еще не было. И так было во всем. Еще удивляешься, почему я тебя била.

Она не смогла понять, что я орал не только и не столько из-за паучка. «Я» орало, родившись.

БЕЗАЛКОГОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК 2015

2 сентября. Первые часы без алкоголя

Благодаря сериалу «Луи» немного легче проходит отходняк. Вот что самое жуткое — невозможность организовать быт. Легко можно смотреть кино, читать, даже делать какую-то не очень нервную и не очень тяжелую работу (хотя помню, я как-то работал бензопилой в один из отходняков — и ничего, управился, плотно пообедал, попил, это даже было легче, чем просто сидеть дома и пытаться себя вылечить подручными средствами). Но вот тяжело расправить постель. Решить, надевать ли носки. Я вторую ночь не застилаю постель, сплю на голом матрасе. Если я осилю это, все будет норм. Еще проблема — добиться нужной температуры воздуха. Решить, нужно ли открывать форточку, накрываться ли одеялом или лежать просто под простыней. Спать ли в одежде или раздеться. Одновременно холодно и жарко, и еще можно не разобраться, что готовить, и остаться голодным. А голодный отходишь гораздо тяжелее, жрать надо много, потому что организм пытается выгнать всю заразу, обмен веществ разогнан на максимум, при общей слабости и головокружении испытываешь какие-то сумасшедшие эрекции. Необходимо по 3–7 эякуляций на один день отходняка, чтобы не мучиться от постоянного стояка. Понимаешь: надо приготовить поесть, иначе просто в картонку превратишься, но нервы как струны. Достоешь кабачок и смотришь

на него. «Хули тебе надо, дядя?» — говорит кабачок. Ты что, Василий Шукшин? Любишь русскую тоску, так давай, расхлебывай. Топишь города в разгуле и разврате, ну вот тебе, жопа с ручкой! Прости, кабачок. Я не буду тебя есть. Или буду его есть? И че мне с ним делать? Картошка? И че? В пароварку засунуть или на сковороду резать? Начинаешь резать ее, нет, это невыносимо, зачем мне эта картошка. Откладываешь, возвращаешься к попытке заправить постель. Потом начинаешь проводить рукой в каких-то местах, нюхать, недоумевать, чесаться. И не понимаешь: был ли уже в душе в последние пару часов или пора опять сходить? Но самое мучение — желание спать, которое невозможно удовлетворить. Стоит лечь — ничего не получится. Каждый шорох причиняет тревогу и страх, путь, который еще придется пройти через жизнь, шокирует. Застонешь, укусишь наволочку, чтобы не будить соседа, приготовишься беззвучно плакать, но тут же забудешь, что собирался плакать. Спыхватишься, включишь новую серию, или рассказ новый «отца» Марата. «Луи» спасает, хороший и добрый сериал, посмотрел сейчас третий сезон. Особенно понравились серии про внутреннее устройство шоу-бизнеса. Последние серии третьего сезона как повесть в сборнике. Очень похож на хорошую прозу его метод. Все лучше и лучше.

Ладно. Это всего одна из ночей, потом будет еще одна, а потом я буду почти здоров. Я смогу обучиться каким-то вещам. Что-то писать, ходить, думать, спать. Главное — спать. Это самое полезное умение. Привет.

3 сентября. День 1

Снится, что снимаюсь в сериале и там ставится комическая сцена, где нужно плавать с крокодилом. Меня на надувной лодке спускают в бассейн, малюсенький бассейн, два на два метра, и хоть я знаю, что этот крокодил добрый и он хорошо знает текст (крокодил читал сценарий! все окей, это лучший

актер из крокодилов), все же мне страшно. Я чувствую спину, как моя резиновая лодка опускается прямо ему на хребет. Даже самый воспитанный крокодил может обидеться. Но меня уже зовет реальность: разряд в сердце и я просыпаюсь в своем холодном поту. Один из побочных эффектов: тебе холодно и жарко и ты барахтаешься в этой луже отравы: водка, пиво, вино, виски, хорошие напитки, которые мы потребляем, чтобы раскрепоститься, чтобы расслабиться после работы. «Я знаю меру», — говорим мы. Давай, выпей со мной после работы. Короче, вот я просыпаюсь, думаю: «Что же не так? Я плохо прописал сцену? Что-то с крокодилом не то, надо переписать этот сон, блядь. Это несмешная комедия. Должна же быть какая-то связь с реальностью? Я что, несся через пучину треша и угара ради того, чтобы придумать это?» Но я уже в другом сне, мне снится, что я еще не вышел из запоя. Я не могу это смотреть, сердце пронзает жуткий страх. Опять быстро выбрасывает, одеяло невозможно на себя удобно уложить. Кто их делает, эти одеяла? Для кого? Вот я человек среднего роста и худой, и для меня нет подходящего одеяла. Сука, в этой банке, в этой комнате заперли одного комара. Надо включить свет и достать его, но сил на это может не хватить, мне еще сегодня надо совершить одну поездку. Одну поездку, скорее всего, на метро. Какие комары, спи. Если я не вырублюсь на несколько часов, я проебу пробы на маленькую роль (моя последняя надежда!) в новой романтической комедии модного молодого режиссера и кровопийцы Романа Каримова. Звуки улицы проникают в дом, мелькают флешбэки, катай свои саночки, пидор, катай их. Почему у меня разбит кулак? Я бил стену или человека? Когда я уже перейду к другим людям? Чтобы напрямую причинять насилие? Зачем делать это через свое тело? Это потому что солидарность. «Надо постирать постельное белье», — подумал я и начал день. Лучше бодрствовать, пока не усну. О нет, я забыл, как я всю ночь ходил мимо соседа? Моего соседа тоже зовут Алехин. Какой еще сосед Алехин? Ты что, ебнул, дядя? Нет никаких соседей. Кто-нибудь отредактирует этот текст? Мой внутренний голос сбивается, путается во временах, я перехожу

с настоящего на прошедшее. Ладно. Даже Сенчин так иногда делает. Мы с редактором Викторией решили не указывать Сенчину, в каком ему времени писать. Господи, вы летали «Победой»? Если бы меня не отправили «Победой». У меня там отобрали полторы тысячи за то, чтобы я сдал книги в багаж, личного моего гонорара. Какой твой гонорар, за что? За то, что ты плакал в обнимку с девками в Омске? Бля, парень, да тебе там точно переплатили. Ты сколько треков-то отчитал, дядя? Но у меня всего восемь тысяч до конца месяца. А мне надо написать список правил. Не пить алкоголь, не пить алкоголь, не пить алкоголь, делать зарядку, заниматься языками, учиться, учиться. Но на хуя учиться дураку в 30 лет? Нет, можно же уйти в запой. Есть такой эффект у запоя. Когда ты из него выходишь, организм черпает последние резервы. Ты не можешь связать двух слов, пес, донести до рта стакан воды не можешь, не можешь понять, как положить вещи в эту ебучую стиральную машину, зато вдруг вскакиваешь посреди тремора, садишься за стол и пишешь реп-текст. Ты истощен, ты вместо школы выбрал кабака, вместо любви — саморазрушение, и теперь есть такая награда. Можно было бы месяц провести за учебником. Взять интервью, побеседовать с самой умной феминисткой, до которой доберешься, чтобы написать хороший реп-текст-утопию о феминизме. Да в рот я ебал. Я уже написал два прошлых альбома полностью трезвым. И хули? Разве это помогло монетизировать реп? Дядя. Список на каждый день. Если ты такая тряпка. Берешь ручку, бумагу, пишешь список, приклеиваешь на стену. Что сперва? Сдать Кирилла Рябова в типографию. Внести в верстку все финальные правки, сдать книгу. Дальше че? Доредактировать реп? Дальше че? Решить с короткометражкой. Будешь ты ее снимать, пацан? Какая короткометражка? Мне бы воды стакан до рта донести.

В этот день он смог сходить в магазин. Он достал белье из стиральной машинки. Помыл посуду. Решил, что по-новому понял Сэлинджера! О, победитель! Он думает, что не такой идиот, что может что-то понимать в литературе! Может быть, лет через десять! Один такой запой в год, и с этим парнем случится

десять озарений! Я бегу к финишу! Матрас все еще не застелен, но у меня под рукой феназепам, о да, перелет через ленту. Десять похмельных озарений вместо сотни учебников и тысячи книг! Вместо иностранных языков и путешествий! Это будет война и мир! Малыш спит, одна рука под головой, другая в паху. Это будет и мир, и война! Десять таких лет! Но завтра его ждет потеря как последствие таблеточки. (Пока не будем рассказывать об этом Жуке, ладно, ребят?! — хитрое подмигивание — но он будет смотреть на мир через толстый слой киселя, его и без того вялые мысли будут валяться на лужайке головного мозга, как задыхающиеся рыбины.)

Занавес.

5 сентября. День 3

Ничего выдающегося не происходило. Кроме того, что ездил к Маргарите Захаровой монтировать клип с Антоном Секисовым (а с кем же еще?) в главной роли. Клип, который сняла Рита Филиппова.

И по дороге — хуяк — почувствовал дикую слабость. Начал чихать, кашлять. Ну да, простуда подбиралась ведь. К тому же после безумного лета и пьяного начала осени никаких у тела сил не осталось. Но ничего, Маргарита предоставила мне малиновое варенье и уйму бумажных полотенец, я сморкался и тыкал пальцем, пока она знай себе монтировала Секси Секисова в рапиде. И у нас вроде бы получился странный клип и даже хороший. Счас осталось сделать цветкор и пару фишаков, и Антон Секисов станет еще чуть моднее, еще чуть читаемее среди любителей унылого репа. Потом еле добрался от Маргариты домой. «Ну, — я думаю, — хули валяться, надо делать полезные дела». Пора же думать о хлебе. Пусть о скромном, о корочках хлебных. Но надо. Переиздавать свои книги, например. На них есть спрос, они закончились, если я их переиздам (кроме КМ: это я открыл

и у меня уши покраснели), я получу немного денег и (если буду экономить и давать реп-концерты изредка) смогу дописать новую книгу: чуть лучше или такую же унылую о своей унылой жизни и унылой жизни некоторых моих друзей. Я знаю, бывает и неунылая жизнь, кто-то проживает веселую жизнь, но я об этом писать не люблю и не умею. Может, даже выдумаю пару унылых событий, со мной такое иногда случалось: хоба — и на пустом месте что-то выдумал. Что-нибудь да будет. Главное же — как это преподнести, ну похуй же, че рассказывать, главное — найти пару фишаков. Дело прошлое, короче, взялся я верстать, параллельно попивая терафлю. Вроде все нормально вышло. Сверстал «Ни океанов, ни морей» 120 на 180 в-pocketбук-формате. Но смотрю: шрифт не тот. То есть я всю дорогу был убежден, что использую PT Serif, а я его не использовал. Но это еще не все. Сверстал-то я книгу за пару часов, но потом не мог вспомнить, как верстать оглавление. Ну раньше я частенько забывал такие вещи: как верстать оглавление, как там сделать колонтитулы через маркеры разделов, чтобы не создавать лишние новые шаблоны. Но тут я совсем затупил. Мало того что последние мозги пропил, так еще и простуда отупляет. Я стал открывать видеоуроки, но почему-то сраный «Ютуб» ничего не показывает. «Адоб плеер» обновлял, он все равно ебланит. Читал какие-то сайты, наконец, вспомнил. Я забыл про табуляторы, господь всемогущий. Табуляторы надо указывать отдельно, сначала поджариваешь оглавление через заголовки, а потом досыпаешь, типа, как молотый перец, отточия через табуляторы. Такая система, но мне понадобился битый ебанный час, чтобы это понять.

Но день был хороший. Что-то происходит. Как-то привязываю себя на оборванные во время пьянки нити. Хотя поутру было желание не перемещаться никуда из постели. И тогда это был бы день, в который ничего не происходит, и это был бы другой день.

6 сентября. День 4

В первой половине дня ничего особенного не произошло. Болел, лечился, чихал, сморкался, кашлял чутка. Доверстал книгу.

В середине дня в гости пришел сам Антон Секси Секисов, покушали гречи, овощей и фасоли, поговорили о нашем будущем. Забились пойти в спортивную секцию и дописать по книге к концу осени. Я придумал рассказ с названием «Колыбель», накидал план. Писать-то пока голова не варит, но зацепки делаю. Пишу не шедевры, но моему папе и небольшому ряду людей иногда нравится.

Вышли на улицу, встретили Сынка, все вместе пошли на Даниловский рынок, там, не поверите, проходила книжная презентация. Я живу в десяти минутах пешком оттуда.

Среди овощей отыскал Кирилла Маевского, он показал, где наши столы. Разложились, побарыжили книгами «Ил-music».

Меня знобило, я сказал, что долго не задержусь. Потом Кирилл рассказывал о нашей издательской кухне, Котомин, Крюков, Фальковский, Сенчин тоже немного поговорили в микрофон, а я стоял в стороне, втыкал. Попробовал что-то вякнуть про Сенчина, почему, собственно, и как я его издал, но совсем уж сопли залили мозг. Отдал микрофон. Попрощался, с кем успел, ушел домой.

В клубе «Дич» сейчас как раз начинается афтерпати. Сыграет группа «Ленина пакет», а еще выступят какие-то кайфовые люди. Можно будет найти, ухватить за штанину даже Котомина и Куприянова, великих людей в нашем невеликом бизнесе.

Если бы не заболел я, мы с «макулатурой» выступили бы тоже.

Еще Александр Снегирев подарил мне свою последнюю, хорошую, книгу. «Вера». Вообще, пользуясь случаем, отправлю ему ответный поклон (он вчера мне щедро соснул на «Фейсбуке», и я с радостью сделаю ответочку): пишет он все лучше и лучше и отношения у нас все нежнее и нежнее, хотя он уже не тот «солнечный мальчик», как его назвали в давнишней критической статье. А взрослый пацан со своей жизненной мудростью, с ходу зрящий в корень и ссущий на стереотипы.

Так прошел очередной хороший день без бухла. Кипяток как раз остыл до 80 градусов, лью его в чашку на лимон, варенье из шишек и пакетик шиповника. Хуярит дождь.

7 сентября. День 5

Хорошо выспаться пока не удастся. С утра лежал в постели, пытаюсь вспомнить дурные физические ощущения от недавнего отходняка, чтобы взбодриться.

Внутренний саморазрушитель предлагал побухать недельку, чтобы освежить память. Не поддался соблазну. Меж тем почти прошли сопли и кашель. Хотел сделать зарядку, но подумал, что лучше купить сигарет. После завтрака купил «Галуаз», скурил пару штук. Сельдерей Отец сказал, что они все-таки не тестируются на животных, а более достоверного источника у меня нет. Первую половину дня маялся. Разглядывал свои конечности. Потом посмотрел порнографию, действие которой разворачивалось под водой. Девушка вытаскивает трубку, минуту сосет член парня, а то и полторы, пока все пузыри не выдохнет, потом опять вставляет трубку в рот, дышит, отдыхает, потом опять за дело. Потом они приступили, собственно, к вагинальному сексу, даже чуть слышно было их мычание в этом булькающем глубоководном бассейне. Потом она снова вынула трубку. Парень кончил девушке в рот, она выплюнула, и все это походило на зиму в стеклянном шаре. Талантливая актриса. Мне

пришлось искать другой способ коротать время. Установил себе программу-лупер DM1 по наводке Вовы Седых. «Простая, — говорит, — программа, даже моя жена разобралась». Как бы то ни было, мне было непросто разобраться. Все же настукал примитивный трек. Потом, к счастью, пришло время ехать к Маргарите, довести до ума клип на песню «счастье». Съездил. Монтировали, делали цветокоррекцию, я даже вник в процесс. Пили чай, разговаривали о работе, карьере, призвании. Я все высказал быстрее, чем даже допил чай. Послушали новые песни «макулатуры», подумали, каким может быть очередной клип. Закончили «счастье», я вернулся домой.

Нашел в себе мужество приготовить ужин. Съесть его не составило труда. Счас буду либо дочитывать биографию Сэлинджера, либо досматривать «Луи». Пока печатал, подумалось: какая хорошая жизнь и как странно, что я ею всегда недоволен.

9 сентября. День 7

— хозяйка квартиры снова не брала трубку, не отвез ей квитанции

— раз одно дело сорвалось, то и плюнул на ряд остальных дел (маршрут-то был продуман): не поехал забирать веганские витамины у Сынка, не поехал забирать книги Сенчина в «Фаланстер», все дела перенес на завтра

— голова квадратная весь день, потому что ночью маялся, уснуть не мог, делал афиши, читал и просто тупил, славная была ночь

— ходил прогуляться, надо было взять фотоаппарат, это был лучший момент дня

— а в целом побочный эффект с хорошим настроением закончился

— кот устроил мне странное испытание: насрал в душевой кабине

— вышел из дома за «Кротом» для труб, но вышел без ключа и захлопнул дверь

— провел час на улице в шортах и длинных носках

— купил имбирь и киви

— сейчас еще прочищу канализационные трубы, отмоюсь и сделаю чай из имбиря

— завтра вечером с Сыном летим в Мурманск мерзнуть, гулять по сопкам, смотреть достопримечательности, или уж не знаю, какую нам культурную программу подготовили Андрей Пизда и организатор Кирилл

10 сентября. День 8

Приходится писать отчет раньше, потому что вот-вот уже поем и надо будет ехать в аэропорт.

Проснулся в хорошем расположении духа. Решился съездить в «ИКЕА». Нужно было купить одеяло, пододеяльник и наволочку. Добирался полтора часа. Сперва зашел в «Ашан», купил там мисо-супы быстрого приготовления и пленку для заворачивания предметов. Есть вещи, которые пылятся, надо их поскорее завернуть в полиэтилен. У «Ашана» остановился сожрать картофельный чебурек. И где-то потерял пленку. Но я об этом даже не думал, пошел себе искать одеяло и прочее. Магазин «ИКЕА» быстро расправился с моим хорошим настроением. Это сложный лабиринт, странно, как я раньше в нем ориентировался. Может быть, «ИКЕА Теплый Стан» устроена иначе — сложнее, чем остальные магазины? Все проклял. Еле отыскал там то, что надо, потом рванул на выход. Зашел купить какое-то имбирное печенье по акции, тут меня и нагнал охранник: «Вы забыли столик на кассе». Да, прикроватный столик, я же его еще купил и чуть не забыл на кассе. Когда-то торговые центры расслабляли, я туда ходил отдохнуть, посмотреть на людей, поугорать, как Джейсон Ли в Mallrats. Сейчас никакого веселья — одна паника, удушье и головокружение.

Как хорошо было выбраться оттуда, вернуться домой, отмыться, съесть мисо-суп быстрого приготовления с нежнейшим шелковым тофу, потом закинуть кукурузу в пароварку. Кукурузу возьму с собой в самолет, а то эти ссанные фашисты почти перестали подавать на внутренних рейсах нормальную человеческую еду: без говна, трупчатины, молочки вонючей.

12 сентября. День 10

С утра прилетел из Мурманска. Долго добирался из аэропорта, там сейчас опять перекрыли метро на зеленой ветке. Ходит бесплатный автобус, но второй раз вход в метро платный. Последнее время я не прыгаю на халяву в метро, но тут возмутился, пристроился за каким-то дядей. Вышел на «Павелецкой», шел пешком. По дороге встретил местного бомжа, у которого изо рта торчит пурпурная опухоль, как больная мошонка. И все ебло в маленьких опухолях. На бомже был свежий оранжевый плащ, но я все равно отругал себя мысленно. «Нехуй, — сказал я себе. — Кто счастливее трехногого пса? Четвероногий пес». Дома обустроивал быт, досмотрел четвертый сезон «Луи», лежал под одеялом, смотрел в одну точку. Съездил в «Ашан», купил соевое мясо, тофу, чечевицу, крюки настенные (две пачки по три штуки), рулон полиэтилена (чтобы завернуть матрасы и всякие местные пыльные штуки) и еще ряд какой-то хуйни. Что-то завернул, отмыл плиту. Остался пятый сезон, наверное, сейчас и досмотрю. Хотел съездить в клуб «Смена», Феликс Бондарев звал, он там выступает. Я собрался, оделся, но в дверях передумал. Надо пользоваться возможностью не бывать в клубах. Очередной день вот-вот испустит дух.

13 сентября. День 11

После унылого утра решил погулять. Сводил приезжую знакомую во «Второе дыхание», ей там очень понравилось.

Сам употребил баночку газировки. Потом еще погулял, в 22:30 мне нужно было в бар на Китай-городе, там была сегодня смена. Я играю персонажа по имени Озицкий. Меня одели в брюки, рубашку, галстук и жилетку и вытолкнули на улицу. Мы с главным героем стояли перед витриной бара, я разматывал киномонолог о ебле, пока красотка Ксюша за стеклом вертелась на шесте почти что голая. Несколько кадров сняли нормально, удачно и быстро, несмотря на зевак и комментаторов, проходивших мимо. Воскресная ночь была тут как тут, синих на улице становилось все больше, процесс съемки замедлялся. Рядом начался махач, и между дублями пришлось подсказывать к чуваку в спорткостюме, орущему «Он меня пидорасом назвал, а я Чечню прошел!», осаживать, оттаскивать, чтобы он не убил совсем несчастного тупого парня-алкаша. Если бы чувак был не в тапочках, а в ботинках, от его пинков весь скудный мозг алкаша растекся бы по Большому Златоустинскому переулку. Почему-то чувак даже уважил меня (может, из-за короткой стрижки, жилетки и галстука) и сказал: «Клянусь, я больше его пиздить не буду, чисто лещей надаю». Все это меня освежило, отвлекло от моего уныния и тяжких размышлений о личной жизни. Вдруг неожиданно смена закончилась, меня на такси отправили домой, но я вышел у «Сэндвичей 24», прежде называвшихся Subburger, это наш здешний поддельный «Сабвей». Съел на ночь овощной саб, выпил зеленый чай. Хотя я стараюсь не пить чай, ничего тонизирующего, но замерз сниматься у бара, надо было въебать горячего. Теперь вот уже началось 14 сентября, и этот день будет сложным, так уж сложилось. Привет тебе, ебанный день.

18 и 19 сентября. Дни 16 и 17

Решил чуть больше суток пожить без мобильной связи и интернета.

Прокатился на велосипеде моего соседа Алехина: проехал все Садовое кольцо. Ушло на это часа два или меньше.

Потом смотрел кино, потом спал, потом дочитал биографию Сэлинджера, люто делал зарядку в перерывах.

Потом все-таки не удержался: купил сигареты и давай дымить.

Потом снимали видео с Маргаритой для клипа, потом был концерт в «16 тоннах», потом поехали на пьянку к Сергею Миненко, я там один, как уебок, шарохался трезвый.

Потом еще погулял на райончике в шесть утра, а сейчас вот пришел и теперь знай себе не могу уснуть.

А уже вовсю 20-е число идет, то есть уже восемнадцатый хуярит.

Такие были последние два дня без синего.

22 сентября. День 20

Ходил гулять. Купил себе в «Седьмом континенте» манты с картофелем, фасоль и банановый нектар. Манты были вкусные, я их съел, как бомж, сидя у памятника Пушкину. Брал руками (немытыми, само собой) и запихивал в пасть. Потом из пенопластовой коробочки сделал подобие ложки и сожрал фасоль. Фасоль была не очень, но я с ней, такой мандой, все равно расправился. Пил банановый нектар, пока не подурнело. Потом появился Секси Секисов, сходили в сад «Эрмитаж», попиздели немного и разъехались. Оказался дома, нужно только выбрать, какой фильм или какие фильмы из ряда имеющихся посмотреть.

Вчера было 23 сентября. Сначала это был день 21 без алкоголя

Утром снимался в короткометражном кино. Реплик у меня не было, просто надо было паяться в электричке на главного героя как на говно. Собственно, сели в электричку на Белорусском вокзале, час ехали, вышли, я присел на корточках, закурил и поплакал аккуратненько, придерживая пальцами

(чтобы на них текли слезы) глаза, а то на ебале была пудра, пока никто не палит, опять сели в электричку, опять час ехали. На этом смена и закончилась. Приехал домой и думал поспать (ночь до этого не спал), но не получилось. Сидел в интернете, договаривался насчет концертов на ноябрь, это ебаное дело — планировать туры, изматывает, точно говорю вам. Отвечал на «Аск.фм». Пошел за кроссовками в пункт выдачи «Ламода», но кроссовки мне не понравились. Однако с меня пидоры все равно взяли 150 рублей за примерку. После чего я пошел в сторону парка Горького встретиться с Лео. Но не дошел до парка, даже до «Октябрьской» не дошел, потому что увидел сосущую парочку, — повернул обратно. Я еле сдержался, чтобы не напасть на них, так хотелось раскрошить их ласковые ебальники. В общем, дошел до магазина «Вкусвилл» и купил сидр. Денег у меня было до хуя, мог себе позволить выпить сидра с Лео. Лео сам подъехал на скейте, мы выпили по две бутылки сидра и по одной пива. После чего пошли съесть осетинские пироги. Был уже вечер, а я совершенно забыл поесть в этот день, только каких-то орешков. Но мне это даже нравится — пытаться нащупать свой живот, но нащупывать пустоту и думать: «Посмотрите, у каждого поэта есть невозможная баба и тьма, из которой он на нее смотрит». Мы поговорили как раз с Лео о поэтах и бабах, я пожаловался, что тяжело быть занудой. Бабы не любят нас, зануд. Вот если бы я был сутенеристым мудаком, как муж Эми Уайнхаус, тогда было бы другое дело. Но такого говноеда слишком легко прищемить. О, как мне хочется набить ебальник такому человеку, Господь, сделай, пожалуйста, так, чтобы он мне встретился сегодня вечером, такой необходимый человек. Короче, пришли мы с Лео в «Осетинские пироги», а там — ебать конем — поэтические чтения. Это же какая радость, если бы я был счастлив в любви, я бы никогда не попал на это мероприятие. Одно нас очень расстроило: нет осетинского пирога со шпинатом, но без сыра. Я очень люблю шпинат, но сыр не ем. Пожалуйста, дорогие осетины, сделайте пирог со шпинатом, но без сыра. Это может быть шпинат — картофель, а? Как вам такой микс? Почему

вы не делаете пирог со шпинатом и картофелем для веганов, было бы заебись.

Обнулился.

28 сентября. День 1

Вернулся из Воронежа, дел много.

29 сентября. День 2

Ночка опять какая-то адовая вышла, принял феназепам, думал, выплюсь, как пес. Но не тут-то было. Позвонила плачущая подруга. Приезжай, говорит, приободри меня, а то конец мне. Я говорю: «Ну ладно, я никуда выехать не могу, чтобы с тобой посидеть, хотя понимаю, что иной раз такое нужно, но я уже вот-вот вырублюсь, но можешь сама приехать, только я уже одной ногой сплю». Она приехала, выпили по стакану воды, и мне пришлось ответить на вопрос «Зачем жить?», придерживая при этом пальцами веки и еле выплевывая слова. Я говорю: «Ну как, есть у тебя все, ты не инвалид, есть физическое здоровье, и есть некая проблема (в ее случае — биполярное расстройство, о котором я знаю только по сериалу «Бесстыжие»)». Она, плачущая подруга, кстати, уверяет, что у меня та же самая болезнь, что она рыбака видит издалека.

В общем, я че-то промышчал про то, что можно только давать пиздюлей каждому дню, делать любое дело одно за другим и ждать просвета, ждать, как что-либо озарит темень мрака, по которому все мы разбросаны. И радоваться, если еда в тебя лезет, если есть форточка, в которую можно высунуть ебло, потому что у кого-то даже нет ни ебла, ни форточки.

Потом пришлось напомнить о своих делах, отправить ее спать и самому уютиться где-то с краю. Однако сон был тревожен

и нарушен. Даже если где-то рядом кто-то ворочается и страдает, изо всех сил пытаюсь тебе не мешать, он действует как раздражитель. Но подруга рано ушла на работу, после чего я хорошенько поспал целых пару часов. Но, проснувшись по будильнику, тормозил. В результате не выспался, с утра тупил. Мне нужно было сделать сложное дело. Снять деньги, которые выслал мой друг детства, встретить оптовика, который бы привез три большие коробки сигарет, и отправить все это на Север, в населенный пункт Лабытнанги, через компанию «Желдорэкспедиция». Но была такая проблема: пока я снимал деньги, то захлопнул дверь, а ключ оставил дома. Если бы у меня с собой был паспорт, все было бы норм, поехали бы в «Желдорэкспедицию». Оптовик должен был подъехать с минуты на минуту, а потом он бы довез меня до места отгрузки. Была только одна возможность забрать еще ключ — он был у знакомой, которая должна была вписываться у меня, пока я был не дома и, вообще, пока ей это необходимо. Но знакомая, видать, вернулась к своему парню или еще как-то зажила, вписка ей была не нужна, ключ, сука, вожделенный второй ключ, был сейчас лишь у нее. Скоро мне привезли эту партию сигарет, я проверил, все ли на месте, и остался на улице с 1500 пачек сигарет в трех коробках. Мне казалось, что я выглядел подозрительно в черной кофте, черной куртке с капюшоном. Вот я и маялся с этой оптовой партией сигарет, пытался дозвониться до данной знакомой бабы, чтобы узнать, где она. Короче, я пасся. «Блядь, это же три коробки, сейчас меня накроют и арестуют», — подумал я, потом затащил их в подъезд, на этаж, и стал думать, че делать.

Наконец вызвонил Сынка, попросил его сесть в такси, взять паспорт и заказать такси мне, чтобы мы приехали в эту океанную компанию по отправке груза. Выбрали самый близкий к его дому филиал — на «Варшавской». За мной такси сразу приехало, таксист мне даже помог дотащить, хороший попался дядя. Потом я доехал до транспортной компании и, пока Сынок все еще не приехал, оформил все без паспорта. У меня не спросили паспорт за эту отправку. Можете что угодно отправлять,

наркоту, все будет чики-мони. Такое дело. Я позвонил Сынку, дал отбой, он лишь пять минут в итоге провел в такси, так долго оно ехало до его дома. (А я там минут 40 маялся с этими накладными.) Потом ездил и гулял, пытаюсь вызвонить бабу-ключницу. По ходу зашел в «Ходасевич», забрал там бабки, которые нужны, чтобы оплатить тираж книги «Клей».

Но меня тревожило, что я не успеваю в типографию. (Туда-то меня не пустят без паспорта.) Я хотел сегодня ночью ехать в СПб, но в результате пришлось отложить все на завтра. Че, делать было нечего, обошел весь центр, купил себе билеты на день позже. Потом еще пересекся с Сынком в метро, забрал у него немного необходимых мне книг «Ил-music» и сборник с дневниками и «Парижским сплином» Бодлера. Тут наконец-то написала баба, что отдаст мне ключ через два часа, еще прогулял час, потом просидел один час, пил огромный чай в одном месте на районе, читал «Парижский сплин», спиздил один образ и накатал какой-то стишок. Несколько его кривых частей теперь хранятся в папке Drafts в моем «Нокио». Потом додумался созвониться с хозяйкой, чтобы отдать ей квитанции, которых скопилось уже очень много, и это дело выгорело на вечер. Потом я уже запутался, в какой последовательности эти шары летали, и заодно пришлось отложить на завтра забирание книги из типографии. И такое облегчение испытал, что удалось отхуярить этот идиотский день, что я даже поблагодарил этот день, что он вытряхнул меня из кокона. Уже отпизженному дню помог подняться, пожал руку и сказал:

— Спасибо за бой, пес.

30 сентября. День 3

Ночью, когда я уже почти заснул, позвонила знакомая. Вот такое второй раз подряд, не поверите. Но, к счастью, не плакала, и ехать никуда не звала, и даже не собиралась ко мне. Зато у нее был день рождения, невыносимый для нее праздник, она

напилась и решила (осмелилась) немного поделиться со мной. Ты, говорит, отличный писатель (не думаю, что она хорошо разбирается в литературе), рэпер (здесь я согласен, что у меня есть потенциал) и добрый (даже к ней со своей стороны не замечал такого) человек, зря ты себя окунаешь в дерьмо. Вот у меня с детства, говорит, одно дерьмо (не буду вдаваться в подробности, че хотите, то представляйте, но я не по-доброму охуел, пока слушал о ее жизни), а у тебя все хорошо. Но ты его везде ищешь, окунаешься. Вместо того чтобы задрать подборок и подумать: «Я пиздат» — и тем самым сотворить себя таким. О нет, пришлось перевести тему. Обсудили что-то, и разговор закончился. Отвлекся от своих тревог на ее тревоги, но и от сна тоже отвлекся. В результате чего проебланил часов до трех, чередуя Бодлера с перепиской в «ВК». Потом все-таки выпил полтаблеточки, но все равно не получалось уснуть еще долго.

Утром надо было в типографию. Проснувшись по будильнику, решил отложить поездку на пару часов, но сон не вернулся. «Малыш, давай же, — подзывал я его. — Типография никуда не убежит». «Хуй тебе», — отвечал он. Поехал, хули, в Текстильщики. Накануне договорился, что позвоню от проходной, а мне помогут — подкатят книги куда-нибудь на рохле, а я вызову такси и не успею ошалеть от тяжести. Однако менеджер, которая имеет со мной дело, забыла вчерашний разговор, просто взяла деньги, дала пропуск на выход и подвела к стопке книг. «Забирайте и уходите», — сказала она.

Я не стал ерепениться, лень было капризничать. Прикинул: 200 небольших книжек, не знаю уж, сколько они весили. Эти рассказы ведь почти что мои, я издал их, это мой друг Кирилл Сжигатель Трупов Рябов, и я с его книгами пройду через любые испытания. Две пачки по 30 штук сунул в рюкзак (спина болит до сих пор, сучка), остальные 140 упаковал в большую черную сумку. И медленными шагами пошел к проходной. Там набрал такси «Максим» (номера другого такси у меня не было), и мне предложили подождать 25–30 минут. Тогда я решил, что лучше сэкономить.

Добирался долго и тяжело, но это такая терапия. Давай, хули, вчерашний день был жесток, но ты его одолел, сегодняшний день гораздо легче, но хотя бы дарует такую славную физическую нагрузку.

В общем, чтобы не зачахнуть дома, отдыхать долго не стал. Взял уже всего 30 книг Кирилла Рябова в рюкзик плюс еще десять каких-то и прошел пешком маршрут «Серпуховская» — «Циолковский» — «Ходасевич» — «Фаланстер». И так же обратно. Еще купил старенькую книжку «Фрэнни и Зуи», по-моему, «Зуи» я давно не перечитывал, уже лет восемь. Хотя в 2012-м пытался перечитать все повести о Глассах, «Зуи» я тогда упустил (ну и «16-й день...» читал всегда только кусками). Меж тем уже настал вечер. Собрал вещи, которые нужно взять в Петербург, — скоро на поезд. Надеюсь, этот день выкинет какой-нибудь внезапный финт, который оглушит меня, свалит с ног и отправит в крепкий и сладкий сон. И таким образом я, упав на верхнюю полку в плацике, как на маты, все же одолею данное 30 сентября.

1 и 2 октября. Дни 4 и 5

Ноутбук с собой не брал, а у Максима Тесли, у которого я ночевал, не работает клавиатура. Пришлось делать пометки в блокноте, как это делает большой мастер прозы Александр Снегирев.

Короче, в четверг приехал в Петербург. Проснулся, уже когда люди выходили из вагона. Наконец поспал без всяких таблеток. Сон в поезде, конечно, это не совсем пиздатый сон — из-за духоты. Просыпаешься как будто ватой набитый, но зато проспал необходимые семь или восемь часов. Потом гулял, хотя это было и нелегко со здоровенной сумкой книг. Нужно было скоротать время до 12, в 12 передать посылку и съесть «антикризисный обед» за 150 рублей в Las Veggies на Владимирском. Посылку передал, обед съел, надо признаться, он меня не очень впечатлил.

Раньше там был вкуснее обед, раньше там был лучший из веганских обедов, год всего лишь назад. Но и цену за этот год они подняли всего на 15 рублей, так что удивляться тут нечего. Сейчас уже выбирать салат нельзя.

Потом я занес книги во «Все свободны» и пошел к Максиму Тесли, реперу из групп «Он Юн» и «Щенки», человеку с моторчиком в жопе. Принял холодный душ (горячей воды не было) и почалился.

Потом сидели с Максимом, Феликсом Бондаревым и Кириллом Рябовым в «Маяке». Они неспешно выпивали водку, я — гранатовый сок. Сожрал две порции картошки с горошком и еще порцию риса с изюмом. Я много дней хавал плохо и тут вдруг разогнался. Оттуда Феликс поехал домой, а мы трое пошли презентовать книгу Кирилла «Клей».

Пришло человек двадцать, мы с Кириллом перед ними неловко расселись. Я сказал что-то, Кирилл что-то сказал. Вот такая книга, такая серия, такое издательство. Но тут подоспел Валера. Книгу он еще не успел прочесть, но у него на спине есть специальные ручки-крутилки, я выкрутил «реализм» на 90, «нуар» на 40, «любовь» на 70 и еще несколько кнопок нажал, так что из Валеры потекла речь и он спас вечер, рассказывая о Кирилле и его прозе. Он робот-оратор.

Потом я погулял еще с Валерой, излил ему всю душу, о своей сложной любви рассказал, короче, про то, что я прячу между строк этого идиотского дневника, и ночью пошел спать к Максиму. Максим был пьян, как бог, и мы еще погуляли. После этого он показал мне по серии хороших сериалов, которые я не смотрел: «Массовка», «Жизнь так коротка» и «В норме». Еще мы смотрели стендапы Дага Стэнхоупа, это действительно великий человек.

После чего я лег спать на полу на матрасе. Максим разговаривал во сне. Я постоянно пытался ему ответить, но оказывалось,

что это он сам с собой. Потом вдруг он соскочил со своего кресла-кровати, наступил мне на голову. Я сказал:

— Мудила, ты мне на голову наступил!

Он тут же лег обратно и, кажется, даже не проснулся. Я на всякий случай оттащил матрас подальше и хорошо выспался без происшествий. Правда, мы спали слишком долго и не пошли на суд над Павленским, на который Максим очень желал сходить.

Ладно, мне нужно было сделать ряд дел, съездить в один магазин, потом в клуб «Мод», обсудить реп-план «макулатуры» с нашим директором Мишей, потом забрать бабки из «Все свободны». Вернулся к Максиму, почитал Бодлера, пока Максим опять вырубился с похмелья. Наконец приехал Феликс, и мы принялись делать реп-музыку.

Сначала час слушали черновики Феликса, потом полтора часа собирали из них треки. Собрали шесть черновых треков для нового ЕР «макулатуры».

Пошли в «Ионотеку». Там Максиму и Феликсу бесплатно наливают. Встретил там знакомого Леху, который в прошлой жизни спас меня от 15-летней девочки. В «Ионотеке» можно курить, там играл какой-то нойз или построк, я не разобрал, потому что трезвый начинаю паниковать в таких местах, еще этот сигаретный туман, мрак и куча пьяных людей. Мы вышли на улицу, стояли там, разговаривали, и тут меня узнал какой-то парень лет 18, выходящий из «Ионотеки».

— Женья! — говорит. — Я купил твою последнюю книгу. Ты меня разочаровал. Вот «Камерная музыка»...

— «Камерная музыка» — параша! — говорю я.

— Она лучшая!

— Ладно, считай так, — говорю, пытаюсь спрятаться от парня.

— Дай хоть обнять тебя, — отвечает он.

— Так разочаровал же, — отрезаю и все прячусь от него за стоящим рядом человеком, как за деревом.

— А как же кемеровский андеграунд?! — крикнул мне парень, когда его друзья или девушка (я уже тут так разволновался, что не понял ничего, да и темно уже было) уводили.

В общем, я решил лучше погулять перед поездом. Не торчать в таком месте.

Но такой ветер хуярил, что я съел в какой-то столовой вегетарианский борщ и ржаную булочку с чесноком и пошел в метро. Приехал на Ладожский вокзал (так вышло, что уезжал оттуда), почитал немного Бодлера. дождался поезда. Залез на верхнюю полку, зачем-то подумал о жизни, уснул. А что еще мне оставалось?

7 октября. День 10

Очень хорошо выспался впервые за долгое время. Потом принялся за уборку. Снял со шкафа какие-то местные пылящиеся штуки, обернул их в полиэтилен, чтобы не пылились. Потом вытащил из шкафа и сложил аккуратно все вещи, разобрал книжную полку, протер пыль, все отпидорасил, собрал заново, помыл плиту, помыл полы, постирал шторы, сменил постельное белье, отжался, и настало время ехать на книжную презентацию. В одном вагоне метро заметил подряд двух мужиков с книжками Макса Фрая (разными, но из одной серии в похожем оформлении). Я был фанатом в подростковом возрасте, собственно, это то, с чего я начал читать книги в 99-м году. Даже перечитывал («Гнезда химер» и «Мой Рагнарек» прочел раза по четыре, почти все книги серии «Лабиринты Ехо» по два раза), но сейчас почитал немного из-за плеча второго мужика, не заманило совершенно. Доехал до бара «Дич». Там мы как-то провели презентацию с грехом пополам. Сынок че-то поговорил,

Антон Секси Секисов поговорил, великий Сенчин поговорил, я сказал пару слов, продали 14 книг, выпили водки (я пил чай) и разошлись. Секси пошел ночевать ко мне, дошли пешком от «Китай-города» до «Серпуховской». Еще успели в «Дикси», купили там мороженую цветную капусту и брокколи, а еще овощной сок. Поужинали, пытались посмотреть фильм «Двойник» с Джесси Айзенбергом, но словили тухляка. Посмотрели две серии «Жизнь так коротка», на том решили послать этот день подальше и лечь спать.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ

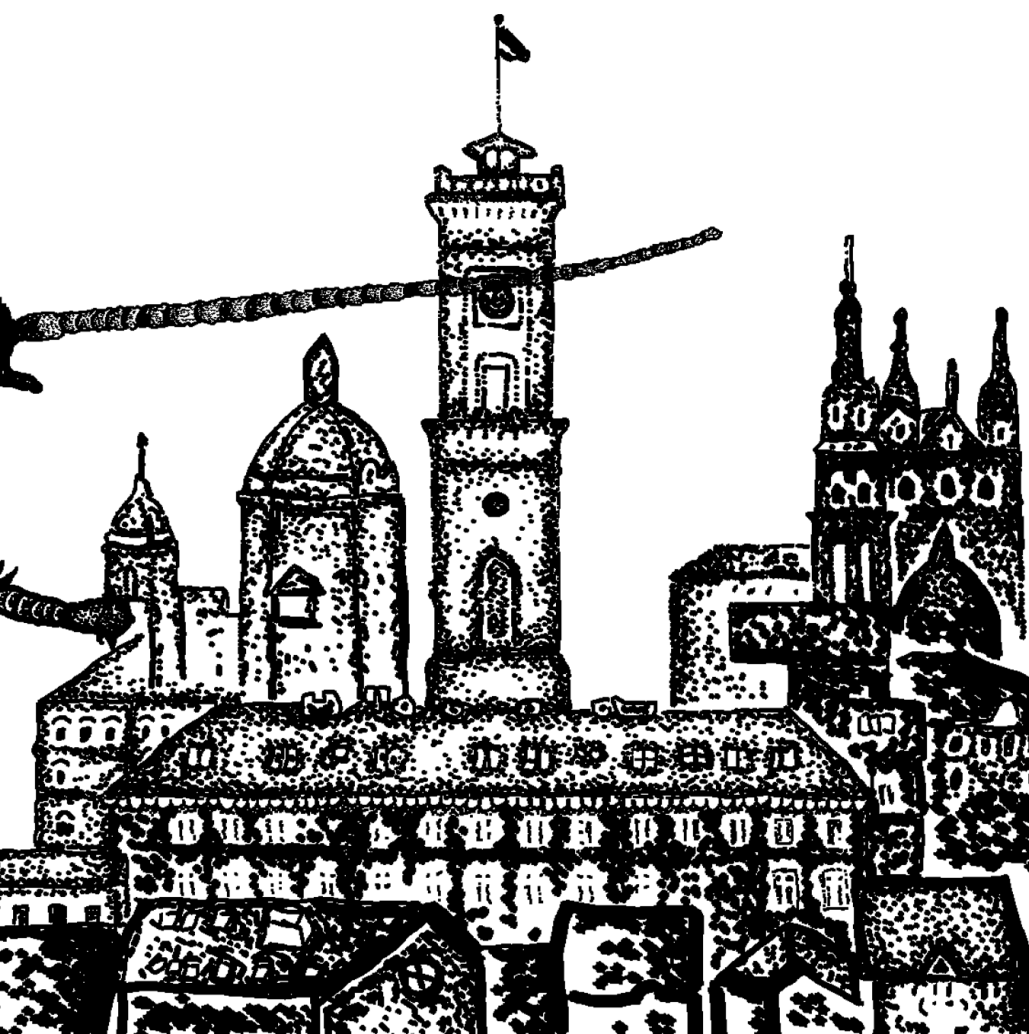
Моя реп-кухня зародилась так. Мачеха сказала: «Я смотрела интервью. И там сказали, что рэпер — это только тот, кто пишет рэп, слушать его недостаточно». К тому времени мной была написана только пара сказок и стишат, надо было спасать ситуацию, надо было дебютировать. Поэтому мне пришлось написать дисс на своих одноклассников. Это были два высоких брата-близнеца, любители металла. Я всем вру, что это было двадцать лет назад, на самом деле прошло еще только девятнадцать лет. То есть я был не двенадцатилетним самородком, а тринадцатилетним с ломающимся голосом и лоснящимся лицом семечком дяденьки, куколкой вонючего мужика. Уже пора было проявлять талант. Короче, я написал на них дисс, где предложил им искупаться в ванне спермы. (Опять я вру, тогда не знал, что так можно писать, поэтому я это просто сказал им прозой уже после первого своего короткого выступления.) После чего один из них переебал мне так, что я подлетел и упал на школьный бетонный пол.

— Я победил, — сказал я, ухмыляясь и неуклюже пытаюсь встать, отталкиваясь руками от холодной поверхности.

Как сейчас помню блеск своих слюней, недоумение и странное чувство торжества. Действительно, я был рад, что мое выступление вызвало такую реакцию.

Мне очень редко покупали новые шмотки, но тогда на мне были они, несмотря на девяносто восьмой. Джинсы-бананы «Кардинал» и клетчатая толстовка с капюшоном (тогда еще не говорили «кенгуруха») «Зе норс фейс», дешевые и купленные

на китайском рынке напротив кинотеатра «Юбилейный». Именно так и должен был выглядеть репер в моем представлении. Моя первая победа, выбор призвания.

* * *

Что такое победа, я узнал за три года до этого, в десять неполных лет. В моей личной истории какой-то сбой. Я не знаю, то ли жесткий диск с моей памятью уронили, то ли что еще. Но у меня вот до пятидесятилетия Победы ничего этого не существует, я ничего не помню по этой теме. Но я всегда плохо понимал историю как предмет, до сих пор не верю в нее, это же сплошной пиздеж. Я свой прошлый год могу рассказать кучей разных способов. Какие могут быть учебники по истории, как это? Короче, мне нет и десяти, идет девяносто пятый и тут появляется новая линия в моей жизни, в которую я должен вникать. По телевизору показывают военные фильмы, они идут целыми днями. Я так охуел, что в итоге начал уже задним числом сочинять свое прошлое, чтобы как-то понятие войны не изувечило зачатки моей личности. Придумал себе ложное воспоминание или вспомнил правду, что почти одно и то же. Сижу я, пятилетний карапуз, вижу Сталина, который машет мне рукой, и думаю: «Отец Ленина. А Ленин — наш действующий президент». Все ведь говорили: «Ленин жив». И вот в этот день я узнал, что такое победа. Победа, ребята, — это, конечно, пиздец. Я сам запутался, мне иногда сложно работать в одном хронотопе, потому что мне сейчас одновременно тридцать два, десять и пять, и вот я сижу и пишу этот текст, пытаюсь усреднить язык разных пацанов, каждый из которых есть я.

Концентрат абзаца такой: «Победа — это пиздец».

* * *

Это слово всегда притягивает к себе, напоминая нам, что умереть будет не так просто, что к этому моменту надо себя

духовно подготовить. «Пиздец» просто так не прочитаешь и тем более не произнесешь, мне лично сразу хочется выбрать звонок другу. Бородатый малыш Михаил Енотов обычно помогает в таких ситуациях, он в нашей семье отвечает за библейские вопросы. Знаете, всем детям необязательно все знать, проще, когда каждый ребенок только в одном вопросе разбирается, так вам их будет легче контролировать. Вот и я за пределы своей кухни не выхожу, я занимаюсь текстами, менеджментом, организацией концертов. А когда нужно — набираю друга.

* * *

Так о том я и говорю. Пока личность есть, тобой можно управлять. Поэтому все великие умеют на время отказаться от личности, сойти с ума. Тебя уже в угол загнали, а ты переходишь на другую радиоволну, и они просто вокруг твоего туловища гуляют да попинывают. Потом повестка сменилась, перестал быть неудобным, все вспомнили, что ты пассажир неопасный, просто сильно любопытный не до тех вещей. А в каких-то ситуациях даже нужный — как подтверждение народной мудрости о том, что все умные говно жрут. «Но ладно, пусть работает совестью», — так они, по-моему, говорят в этих случаях. Короче, моя оценка человеческой личности такая: только серая масса личность имеет. О таких вещах даже иным тоном, кроме как тоном юродивого, не скажешь. Стилистически никакого труда особо, зато нужный антураж появляется. Слово там поменял, там сынтонировал. Потому что, когда мы открываем дверь «Михаил Енотов», тут сразу и Достоевский на подходе.

* * *

Единственный завод, на котором мне доводилось работать, производил газводу. Моим непосредственным начальством были кладовщики, один из них даже книги читал. Может, тогда

я и подумал, что как в настоящем мире, в мире пота, работы и крови, встречаются интеллигенты, так и в мире интеллигентов может быть настоящий живой человек, любопытный ребенок в теле взрослого.

Сейчас вот у меня был тур, я там в унитаз окунулся и неделю назад вынырнул на детокс-диету. Встал сегодня, выпил воды, через десять минут тыквенный сок (с небольшим добавлением сока брокколи), сел за компьютер, вхуярил два СММ-поста. Потом залил соевым молоком мюсли, позавтракал. Хуяк — на четыре часа за комп. Бытовой райдер написал, реп-планы на несколько месяцев вперед рассчитал, письмо в типографию написал: как там тираж «Медеи»? С завода газводы я таких писем не писал. Вот уже и пообедать можно. Пошел в кафе «Буфет» по брусчатке, там постный борщ без сметаны, картошка тушеная, салат витаминный. Вернулся домой.

Все, интернет выключаю, никакой менеджерской работы, стихи писать буду. Это разве жизнь пролетария? Ну да, стихи, конечно, они как бы такая работенка тоже опасная. Ведь ты весь мир иллюзорный, фотообои эти, сдвигаешь в сторону, и тут уж как в том фильме, про который Жижек рассказывал. Как же он назывался? Надеваешь очки — читаешь подтекст. Не, ну я, понятно, до Жижека его видел, а потом решил пересмотреть; фильм, конечно, редкостное говно, но идея хорошая. Короче, стихи писать — работа не самая простая, это как ходить в этих очках, и мир просто трахает тебя подтекстом, прямиком, без смазки. Да уж, тут два часа как 12 часов на стройке, поверьте мне. Я и там и там работал. Но стихи — это жизнь, это и не совсем работа, и бросить их нельзя — вот в чем фокус. Ну и вот, значит, снимаешь эти суперочки, отдышался, надеваешь розовые очки, ну его на хуй, этот стих, завтра допишу... Тут же свеклу, морковь, брокколи в соковыжималку трясущимися руками запихиваешь, не-не, сейчас попою, здоровье поправлю. Что это за бред я начал писать? Ха-ха-ха, увлекся я этими стихами, решил, что райский уголок, который я тут выстроил в маленьком городке Западной Украины, где сижу при ласковой бабе, чуткой, и умной, и вообще лучшей, сижу на детокс-коктейлях, — говно

и выдумка, а моя жизнь — это моя борьба с метафизическими чудовищами. Кря, ох уж я, вот глупыш, возомнил себя поэтом.

Но очкам розовым уже не сидится на длинном любопытном носу. Пара глотков фреша, и все: пламени не видно, крики стихают. Еще курнул, и чистые куражи. Садись за свои неуклюжие стендапы. Но стихата растут внутри, рвутся наружу, не удержать их долго.

* * *

Гречка (она же греча, что еще нежнее, как если говоришь о еде, так и о хмуре) с шампиками есть то, от чего бы я сейчас не отказался.

* * *

Я считаю, что выбор — это обман. Нельзя от чего-то отказаться в пользу чего-то другого. Как сказал великий Александр Иванов, мы выбираем только майонез. Но я бы вот что еще дописал и прошу вас на моем могильном камне выгравировать следующее: «Выбор — это обман. Отказ — это сон».

* * *

Вот не могу, кстати, понять, да. То есть секс ради денег я еще как-то готов понять — работа не хуже другой. Но вот ради удовольствия — это мне уже непостижимо. Сидишь планируешь еблю, как отпуск. Ну ладно, неужели такое может сработать? Один раз я ходил в бордель. Какое там удовольствие? Так, рассказ получился, напишу его как-нибудь, но ведь за удовольствием туда же нет смысла идти! Совокупляюсь я ради облегчения, а не ради удовольствия. Наверное, я все-таки антигедонист. Я вообще ничего никогда не делал ради удовольствия. Я просто иногда выходил подышать

воздухом, тут мозги отключались, и вот ты уже эякулируешь фонтаном на деву, на ее чудное лицо, грудь и волосы, и какую-то долю секунд нет мыслей в голове. «Как же охуенно, — думаешь ты, — вот это удовольствие, реально охуеннее, чем в аквапарке». Но это бонус, а никак не цель игры. Если удовольствие — твоя цель, ты, как мне кажется, гнида и сатанист.

* * *

В последнее время цвета мои все темнее, одеваюсь в черное. Хочется даже специально спрятаться туда, где нет света, но все-таки желательно, чтобы оттуда было видно его хоть чуть-чуть. Поэтому в этом сезоне призываю выглядеть как пугало либо же быть одетыми в черное. Но всегда имейте какую-то белую деталь. Чтобы невзначай неуклюжий, казалось бы, жест ослепил надеждой, задержав черный плащ, под которым покажется краешек вашего белого поло — оно озадачит, а может, и обрадует. И кто не понял, тот поймет.

* * *

Вот выглянул в окно и немного освежился. А то уже начало казаться, что знаю все обо всем. Надо выглянуть иногда из комнаты, пройтись, встретить незнакомца. Ну или хотя бы разглядеть в соседнем окне. Я, например, ем руку сейчас, чтобы не провалиться в мир собственного бредового текста, остаться на поверхности. Я держу самого себя на ниточке, и надо иногда все же убеждаться, что опора еще есть под ногами. Это рукола и братва моя. Доброй дороги тебе, великодушнейший читатель, дошедший до этого места. До точки «Продолжение следует».

БУКЕТ АЛЕХИНА

В Екатеринбурге я выступил перед публикой с маленьким скетчем про букет Алехина. «В репе у нас есть такой термин», — объяснил я. Им мы называем эффект, когда ты становишься неуязвимым к венерическим болезням после того, как счетчик ебли наживую перевалил за полтос. Ты впитал уже в себя столько слизи, столько бактерий стали родными, и это работает как прививка. Но это не все — ты еще и можешь прививать юных девчонок. В этом наша санитарная работа, это наша вечная гастроль, а может быть, ради этого вообще изобрели реп.

Потом мы начали петь реп, кричать и прыгать. Закончили и стали подписывать книги и билеты. Потом я свалился в ночь со своей старой знакомой, слушательницей со стажем и профессией. Моя двадцатичетырехлетняя любовница, мы пили то в одном месте, то в другом, сначала усыпляли мозг пивом, потом будили туловище текилой. Она привела меня в караоке-бар, где надо было платить за вход, и там роскошным грудным голосом пела древние американские шлягеры, а я спел песню певицы Светы.

Мы курили у входа, и местные гопники респектовали мне.

— Как ты спел, братан! Пробрало!

— Если бы вы только знали, — сказала моя любовница. — Он настоящая рок-звезда.

Я аккуратно заткнул ей рот поцелуем, чтобы избежать неловкости. Мы все ждали утра, чтобы ее мама уехала на работу.

— Если ты уже совсем устал, я могу проводить тебя до гостиницы, — говорила моя любовница.

— Ну ладно, потерплю, поставлю тебе пистон, — отвечал я.

Когда я оказался в ней, глаза уже закрывались, туловище, отравленное недельной пьянкой, хотело в отпуск, но член давал команду размножаться. Потом я в отчаянии глядел через окно первого этажа на грязь и ноябрьские лужи, руки тряслись, в голове был вихрь. Мои мысли разбудили любовницу, она начала, пританцовывая, варить кофе, я держался за череп, чтобы башка не лопнула. Любовница рассказывала про провинциальный театр, про то, как, на ее взгляд, мы подходим друг другу, я смотрел на ее уютную грудь, домашние растянутые штаны, на пошлость этого утра, на ее энергию молодой дородной бабы, на это пританцовывание и хозяйское пение под нос, на бабье внезапное счастье, наложенное нелепым фильтром на мой алкогольный отходняк, и хотел отмотать вечеринку, чтобы закончить на караоке-баре. Ведь так все было хорошо, можно было ограничиться дружескими отношениями, я же влюблен в другого человека.

Когда я вернулся в гостиницу, я открыл «ВКонтакте». Там было очередное приглашение в розовую хижину, вернее, даже сразу в три: девятнадцатилетняя дерзкая чика отписывала, что она с двумя подружками ждет меня на приватной вечеринке. Член снова зашевелился. «Наше тело умирает, — сказал он, — ты отравил его запоем, так что размножайся, чтобы оставить частичку себя, брат». Но я вышел в магазин, купил чекушку водки и лимон. Быстро, тихонько, чтобы не разбудить спящего в номере Костю, выбухал этот объем. Лег за кроватью на полу, обложился подушками, помолился, пытаюсь утихомирить колышущееся сердце. Наконец вырубился и проснулся трезвым. «Я завязываю», — сказал я. Но продержался всего неделю.

* * *

— Зачем реп-артисту выдают женщины? — спросил меня главный интеллигент современной России Иван

Смех. — И почему они просто не найдут себе нормального пацана?

Из-за подписчиков, бабы дают тому, у кого больше подписчиков, братиш. Они не держат реп-артиста за мудака и идиота, они уважают его, даже где-то по-сектантски относятся. Женственные девчата, старомодные, выдают как альфа-самцу, главному в секте, члены которой — подписчики твоего паблика. А неженственные, такие, которые уже в уме своем мужиков побороли, создали идеальный веганофеминистский антифашистский мир, эти из тщеславия выдают, да еще, прости господи, видя в тебе рупор, надеясь посеять в твою башку правильную мысль. И здесь сплошная политика, сам видишь, брат.

А нормального пацана для моногамных отношений уже мало кто ищет. Вот я всегда старался, казалось мне, что-то должно сойтись, у меня будут моногамные отношения и в них я обрету счастье. Но каждый раз ничего не получалось, хотелось другого, все шло не так. Мой папа вообще на меня как на идиота смотрит, не понимает моих страстей по бабам. Так ведь просто все: любишь одну, тебе никто больше не нужен. Нам бы уже к самой истории перейти, что-то затоптались. Я хотел рассказать про четвертую стену, как она неожиданно упала. Мне нужно выйти на улицу, встретить подругу, купить в магазине чего-нибудь сладкого, курнуть, вернуться к беседе.

* * *

Так мы ездим в эти туры, и постоянно кто-то падает в кал. Вроде бы все ведут себя прилично, но один всегда перебирает и превращается в самое слабое звено. Как будто мы все подвержены этому пороку, но ныряем по очереди: то я, то Костя, а иногда и оба, не говоря уже о том, что творилось, когда мы взяли с собой Феликса Бондарева и Максима Тесли, — кто-то нет-нет да и превратится в животное.

Не для этого я становился репером, конечно. В общем-то, я никогда им и не становился, а был всегда. У меня с детства было

знание, что я должен писать. Когда дети в детсаду говорили, что хотят стать космонавтами или шоферами (по-моему, в моем детстве это были самые крутые профессии, шофер даже круче, потому что это имело связь с реальностью), я знал, что я — писатель. Мой папа репортер, я не очень понимал, что это значит, но знал, что буду рассказывать истории. Потом увидел, что бывают рассказы, стихи, реп, и каждый раз начинал этим заниматься.

Бонус не приятный, а какой-то обескураживающий.

Помню, как четвертая стена упала. Я выступал в пивном баре в одном из тех городов, в которые хрен доберешься. Перед концертом мы продавали книги, и ко мне примостилась девочка с большой грудью, давай что-то спрашивать и отхлебывать мой сидр. А сидр нам с Костей наливали бесплатно владельцы бара — они были и организаторы. Вот, дело уже близится к концерту, надо поссать. А очередь в туалет большая. Смотрю, что в этой очереди моя девочка-титки.

— Пусти в толчок, а то мне реп петь надо.

Она говорит:

— А пойдем со мной.

Захожу с ней в туалет. Неловко как-то, люди же в очереди видят, что мы вдвоем идем, но я, уже закрывая дверь, останавливаю жестом руки подозрения, как бы говоря им:

— Ноу сакинг, ноу факинг, онли писинг, онли какинг.

Она, не смущаясь, садится на унитаз, я при ней целюсь в раковину, чтобы время сэкономить. Это очень уютный туалет: чистый, просторный, с большим зеркалом, напротив которого стенной книжный шкаф. С теми книгами, которые вы прочли в юности, а если не прочли, то вряд ли доберетесь до них сейчас. Рэй Брэдбери, Клиффорд Саймак, все эти серьезные парни, которые предупреждали нас, чтобы мы не путали берега. Поссал я, значит, помыл тут хер, поворачиваюсь к девчонке и на секунду ломаю субординацию, она как будто этого и ждала, чтобы авансом дать немного женского тепла, тут же часть меня пропадает у нее во рту. Я смотрю сверху, вижу ее согнутые ноги, тряпочку трусов, ее руку, которая уже — да — гладит мои яйца. Все, хватит, я заправляюсь, она встает, мы не обсуждаем произошедшее. Застегиваюсь и бегу

на сцену, я уже на крючке. Черт-те что, говорю себе, руки трясутся, за микрофон хватаюсь, чтобы унять эту дрожь, ведь я же как раз таких вещей хотел избегать, знал же, что реп-культура чревата падением иллюзий относительно человеческих отношений, отвязным шовинистом сделает самого нежного поэта-андрогина.

Тут спрос тебя превратит в рок-звезду и обезьяну. Запах пиздятины поднимет в воздух, как запах сыра мышь по имени Рокки, а после уронит об пол. Если такие бонусы называть словом «приятный», всю эту психологическую свистопляску, то да, не ожидал даже таких ништяков получить, об этом в школе не рассказывают.

И ведь такое можно проделывать на каждом втором концерте. Поэтому, стоит мозгу со скуки захотеть провести туловище по этому обезьяньему маршруту, чтобы в очередной раз воскресить чувство вины, целебное для эго, мозг, не особо брезгуя, берется за дело.

Тут сложно подсчитать. Раз в 15 концертов? В 10? В 3?

Начиналось-то все так хорошо. Обычно я запасаясь планом. Если я буду снимать по отчетному видео каждый концерт и монтировать это видео перед сном, я удержусь весь тур от запоя и блядства. Либо же вести туровой дневник, терпеливо писать прозу, увлекательный документ с флешбэками в былые истории. Ведь через все это я уже проходил, нужно уметь остановиться, не разрушать себя и других.

Потом — хуяк — монтажная склейка: ты в какой-то подворотне спускаешь за шиворот самой некрасивой женщине на вечеринке — красивые-то уже поперек горла. Вся эта реп-поездка — сэд-порно, сентиментальное и лиричное, как письма, которые хочется писать литературным друзьям из добровольной ссылки. Из покосившегося, но уютного домика в глуши.

* * *

Смотрю я на нежный белый снег и вспоминаю свою жизнь, дорогой друг. Кладу я поленья в печь, а пока они разгораются,

я поделюсь с тобой этой историей. Был у меня тур из пяти городов. У меня тогда только закончилась маниакальная стадия биполярного, длившаяся аж рекордные три месяца без перерыва, и я впал в тяжелые, полные чувства вины думы. Зато работа кишечника наладилась, ведь до этого я дрисстал и похудел килограмм на десять, пока был лишен внутреннего критика, уходил от жены, снимал сериал и клипы, снимался в кино, писал новые треки и был влюблен до одури в красотку, вокруг которой и плясал этот эпилептический танец.

Короче, я задолжал всем денег, поехал в тур, и тут-то накрыло. Я вспоминал, какой я дилетант во всем, какое ничтожество. Я страдал, восстанавливая свое эго. Ссал в собственное нутро, не жалея жидкости. И за эти пять городов только в одном не случилась ебля, благодаря чему этот город стал историей.

Начинается она так.

Новосибирск.

В середине реп-сета, в короткой паузе между песнями, малая кричит мне:

— Алехин, я люблю тебя!

Я, не будь геєм, сразу же в ответ (не успел задуматься, так бы промолчал):

— Отсосешь?!

— Конечно.

Мы как будто забываем об этом, пока выступление не заканчивается. Я-то точно забываю. Иду в гримерку, кого-то обнял по дороге, кому-то расписался, пью пиво. Тут она меня и хватает и целует.

— Я здесь, — так говорит она мне.

Как будто все это уже дело решенное.

Мы ходим, ищем место, в гримерке неудобно — она проходная, там и на сцену выход, и в коридор, да еще где-то Костя тут бродит, считает наши деньги и ищет меня. Побежали в женский туалет — там занято, в мужской — там есть свободная кабинка. Заходим, шпингалет отломан, я придерживаю дверь. Девчонка мне тут же расстегивает ширинку, достает половой хуй, одной рукой придерживает, другой счищает с него спутавшиеся трусы

и джинсы. Ее губы совсем рядом. Я уперся в потолок и все свое несчастье депрессивной стадии трансформировал в омерзительную животную похоть, тут охрана хватает за дверь.

— Женщинам нельзя в мужской туалет! — гнусавит печально охранник.

Я понимаю, что это максимально тактичный человек, что нельзя его так обижать, но мы уже играем в разных командах.

— Пожалуйста! — прошу я. — Дайте нам пять минут.

Мы с ним тянем в разные стороны, девчонка застыла на коленях, смотрит на меня в пьяной растерянности. Я одной рукой держу дверцу, второй слегка давлю ей на голову: надо, надо, чтобы губы поцеловали хер. Но охранник побеждает, дверь открывается, он всматривается в эту картину и повторяет: «Женщинам нельзя».

Я ставлю стакан, рассказав эту историю. Конечно, никакое это не письмо из ссылки, а просто история, рассказанная в баре. Бар «Буковски» в Воронеже.

— Ничего, — отвечает Саша, арт-директор этого места. — Из нашего туалета тебя никто не выгонит! Делай там что пожелаешь.

Октябрь две тысячи пятнадцатого. Я накачиваюсь в этом баре, звук уже отстроен. Костя куда-то вышел прогуляться. Рядом — две девчонки. Они пришли до концерта, выпивают тут, вернее, только одна из них пьет, второй не наливают. Они слушали эту историю, и я, уже поддатый, не стеснялся их ушей. Одна из них подходит ко мне.

— Можно сфотографироваться?

— Конечно, — говорю я и обнимаю ее, поворачиваю морду к телефону.

Она берет меня за голову и говорит:

— Не так.

Целует в губы и делает фотографию.

— Я Маша. И моя подруга тоже Маша.

— Хочу так же сфотографироваться с подругой, — говорю я. Они уже обе рядом, я целую их обеих, по очереди и сразу.

— Мы обе Маши. Мне восемнадцать, а ей семнадцать.

Я целую их и смеюсь, хотя хочется плакать. Никакой радости, только надежда, что они отметят меня в «Инстаграме», а моя баба, бросившая меня, неожиданно уехавшая с вещами неделю назад, увидит эти фотки и заревнует. Я приехал из Мурманска трезвый, завязавший, заработавший немного денег и увидел, что ничего не осталось. Она не брала трубку несколько дней, потом сказала, что вернется, потом сказала, что не вернется, потом вернулась, но сразу ушла опять. Не хотелось ехать и выступать, но отменить концерты было нельзя. Посетители наполняют зал, нужно выходить на сцену. Из темноты на меня смотрят глаза.

2017

БРОККОЛИ И ВРЕМЯ

С одной стороны, хочется съесть меда, чтобы немного ускориться. А с другой стороны — чтобы замедлиться. Короче, я не понимаю. То ли мозгу стала скучна эта игра, и, стоит мне только подойти к ноутбуку, он обманывает меня — говорит, что меня отпустило. Но вот, стоит мне подумать о еде, тут же ощущаю действие шишек. Знакомо ли вам это чувство? Короче, за каждый абзац, в котором есть хоть какая-то история или же какой-то маленький ответ на маленький вопрос, я награжу себя каким-то ништяком.

Может быть, яблоком?

Или, например, глотком соевого молока.

Или чашкой сладчайшего чая.

Черт, сегодня в «Шпинате» надо было купить постных сосисок. Очень хочется сварить себе сосисок с макаронами и поесть их с кетчупом.

«Кетча» — мне даже кажется, что он вкуснее стал благодаря этой надписи на банке.

Пять гривен за пирожок. Пирожок с горохом, я такое только на Украине встречал. Это пушка.

Все-таки брокколи недооценивают. У меня в планах омолодиться хотя бы лет до 28 к январским концертам. В этом брокколи, безусловно, мой суперпомощник. Добавляю немного брокколи в тыквенный и морковный соки.

Старое доброе нестарение. Есть у меня приятель, у которого была молодая баба, он решил не стареть. И узнал все

о нестарении. Брокколи — самая великая еда, если вы не хотите стареть. Еще пророщенная пшеница. Он так сказал. С тех пор я не упускаю возможность съесть брокколи. А этот приятель с бабой расстался, но тяга к нестарению до сих пор с ним. Он даже экстракт брокколи принимает. А мне кажется, что вся пища зеленого цвета замедляет старение. Рукола, зеленый лук, петрушка. Я чувствую, как зеленый цвет поворачивает время вспять.

С одной стороны, я очень боюсь старости. А с другой — мечтаю дожить до старости. Наблюдаю за своим дедом годами, у нас с ним похожие характеры, мы одинаково ворчим.

Надеюсь, что я буду в старости есть очень много брокколи, научусь выпивать в меру, вечерами много-много дуть и смотреть умиротворяющие видения, при этом писать поэзию как из пулемета, просто насаживать свои бесконечные истории на наработанный метод, держать разум на острие ножа, читать людей за полсекунды и не расплывусь. Стремление к такой старости, движение в ее сторону — уже радость.

Все верно: когда твоя история зашла в тупик, либо просто включи радио, чтобы заглушить тишину, либо жди любого вопроса, что разродится в ответ бессмысленным смол-током. А вы как относитесь к старости, дорогой друг?

Все мастера смол-тока немного похожи. Как правило, они немного склонны к полноте и имеют темные волосы. Роста невысокого, голос негрубый, даже временами звонкий. Умеют поддержать разговор и о еде, и об искусстве и так называемым трагическим смол-током владеют: вот как группа «макулатура» пишет, только в прозе, с более выраженной фабулой.

Сам я всю жизнь стремился освоить афористический смол-ток. Но начинаю вот с кулинарной тематики. Это азы — о еде и говне любят поговорить все люди. Если не научусь говорить афоризмами, стану душнилой, у которого на все есть своя теория.

Например, вы говорите мне:

— Нынешние подростки такие остроумные!

На что я отвечаю:

— Это все из-за мемасиков. Они думают мемасиками, мемасики заменили анекдоты, только в них шарить необходимо всем. Но их остроумие более шаблонное, в наши дни остроумие было более индивидуальным.

Тут я на секунду замешкаюсь, но посмотрю на вас, собеседника. Вы киваете. Все нормально, ваш мозг выключен, вы не ставите под сомнение мои слова. Просто не слушаете и довольны.

Хочется извиниться, это да. Хотя за что — вроде бы и непонятно. Садился, делал все, чтобы сделаться человеком, который пишет каждый день, даже придумал это странное пари с курением. Все ради того, чтобы быть тем, кто умеет рассказать историю, вытащить одну из арсенала и точным движением прибить ее к вечности. А с другой стороны, отрицаю такую тактику. Надо ведь рассказывать только те истории, которые не можешь не рассказать. У меня их и так было много. И когда они начинают выбираться, думаешь, как бы сбавить этот поток, как бы лишиться этого умения, умения просто фиксировать хоть на каком-то языке, хоть для того, чтобы это долго пришлось расшифровывать.

Ищем ли мы покоя? Наверное, да, это и есть та самая старость, к которой можно прийти только беспокойным путем.

А на одни и те же грабли наступать не так страшно, как каждый раз на разные, кстати. Вот что я еще хотел добавить. Не знаю, продолжим ли мы еще этот эксперимент, — может быть, и не стоит. Будет вечер другого дня, там и решим.

ПОШЕЛ ТЫ НА ХУЙ, ТУПОРЫЛЫЙ XX ВЕК

Чего я не люблю, так это когда меня разглядывают через черные очки в маршрутке. Сидит напротив этот лопух, челюсти сжал и не понимает, что я его читаю по поганой пасти. Выражение твоего рта говорит мне гораздо больше, чем ты думаешь, тупое насекомое с раздутым до размеров вселенной эго! Спрятал глазенки, но твои мысли можно прочесть по изгибу губы. Разве кому-то здесь непонятно, что ты прикидываешь, кто кого? Отец или соседский алкаш показал тебе два приема, и сейчас ты отрабатываешь их на мне. В параллельном мире, в котором ты настолько крут, насколько мечтаешь.

— Не расслабляйся, а то выебут! — хохотал батя/отчим/дедок, пока ты кувыркался, не успевая увернуться, еще даже не подросток, не понимая, зачем эти добрые руки, которые дают тебе еду и карманные деньги, сейчас так грубо забавляются с тобой и при чем тут вообще секс.

Укус вампира! Пидорас только что создал пидораса. С плешивой башки упала перхоть, похожая на засохшую сперму, сын, всхлипывая, но, конечно, не плача — плакать мальчикам нельзя, — вдохнул отцовскую заразу, и понеслась! Вместо того, чтобы подумать пару секунд, вычесть из нуля единицу, ты трусливо копируешь эту модель поведения, выстраиваешь в голове новый ад и мечтаешь отомстить. Тело твое начинает потеть, выделять собачью вонь, хер наливается кровью. Да я сам тебя выебу, отец!

Рассказываешь себе сказки о крутизне, и, справившись со мной, ты пойдешь насиловать женщин, запивая свой праздник техническим спиртом. Я чувствую эти удары, но не реагирую. Знаешь почему, браток? Потому что у меня есть свои черные очки, мне их зачем-то подарила знакомая, но я не такой дебил, чтобы сейчас сидеть в них в маршрутке. Я просто ношу их с собой, в своей сумке с тетрадками. Твоя история понятна, я вижу эту дрессуру. Отец смеялся, превращая тебя в тупого пса, но мое тело послушно, никакого страха, я не реагирую. Моя остановка.

Встаю и на выдохе едва слышно произношу:

— Гомосек.

Случайно задеваю этого крутыша, и он соскакивает.

— Че, блядь?

Я показываю ладошки и говорю:

— Простите, пять сек. Моя остановка.

Едва ставлю ногу на разбитый асфальт, меня тошнит на этот прекрасный сентябрьский вечер и на колыбель моей героической личности — поселок Металлплощадка Кемеровского района. Прямо в центре Гипербореи я выблеваю весь этот бред, все то, что я сдерживал в себе, чтобы не вступить в конфликт. Мое тело выделяло яд, но я, чтобы не спровоцировать запахом этого падальщика на поединок, перенаправил поток в желудок. Пропитая стипендия стекает с моей обуви. Следом выскакивает женщина, и я, элегантно пытаюсь помочь ей, подставляю руку — это рефлекс, не потому что я угнетатель, а потому что санитар на этой войне.

— Позвольте... и простите, милая леди...

— Господи, — отвечает перепуганное лицо.

Я просто хотел защитить вас и себя от пидора. Милая, больше всего на свете я, как и вы, ненавижу тех, кто шпилит соседа и/или собственного батька, напивлив на себя военную форму. О да, устраивает оргии с блядами и побоями и читает лекции на тему «Собственной жене в рот не давать!».

Путь домой пролегал через парк. Я вертел эти очки в руке. Мой отец сказал: «Я понимаю, что в институте ты отупеешь

быстрее, чем работая на огороде, но только не ходи в армию. Я знаю, что твое сердце разорвется, когда ты увидишь, как честные ребята вроде тебя стреляют себе в рот после того, как их отымел откормленный конформист-защеканец».

В парке было темно, и я надел их, чтобы стало еще темнее.

Знакомая, одна знакомая девчонка. Мне отдала их Элеонора. А потом она меня бросила. Она ненавидела, когда говорят «твой парень». Она говорила о себе в мужском лице. Мне плевать на это, я люблю ее. Именно за это, за странную поломанную личность, за то, что она отдаленно напоминает мою мать, за то, что она хрупкая, и дерзкая, и немного недоразвитая физически и интеллектуально, за то, что она — мое искаженное отражение, за что угодно. В парке было темно, но ничего, самое время. Я ходил между пней и стволов в полной темноте, надев на глаза ее очки. Ветки били по лицу, плевать.

— Я Элеонор, — говорил я ее губами.

Где-то она сейчас была в квартире с музыкантом, уродливым говнарем. Пускала по вене или заваривала ему чай, пока он брэнчал на басу, а в паузах покручивал леску, вставленную в губу вместо серьги, которой не нашлось. Они меня изгнали из этого рая, потому что я был душлилой, не хотел делить ее, не хотел писать слова под звуки музыки ее любовника. Мне не нужны были эксперименты, тройнички, наркотики, свобода.

Вот он я, в очках, иду, они нужны мне этой ночью, Элеонора. Я здесь, чтобы разрушить комплекс, я здесь, потому что презираю тебя и желаю, но я ухожу во тьму, чтобы напоследок забрызгать эти стекла своими слезами. Я моногамен, но ты не женщина, а тренировка — шаблон, созданный моим параноидальным сном. Ты — красивый шаблон, который я вынужден разрушить, чтобы полюбить снова.

— Суп на плите, — сказал папа.

— Спасибо. Я написал рассказ, — ответил я и протянул ему дискету.

— Отдашь, когда протрезвеешь.

Я просыпаюсь среди ночи в своей маленькой камере. Недочитанный «Идиот» лежит рядом — лабиринт, в который

я заглядываю сверху, и вижу пустоту между букв, она обжигает, я помню, как надиктовывал эти коридоры, лишенный таланта, но не ярости, не умеющий играть музыку слов, но этот поток разрывал меня так, что я не успевал это записывать, надиктовывал эту библию своей вечной жене, трогательной стенографистке. Но не помню, как ее звали в том сне. Сколько ей сейчас лет? Наверное, она еще даже не трогает себя за свою писю, с другой стороны — с этой стороны, вызревает. Я встречу ее через двенадцать лет и сразу узнаю.

Жена, мама.

Мне оставалась четверть книги или чуть меньше, когда я вышел покурить. Мне стало грустно, я стоял у себя в ограде, курил и смотрел на пятиэтажку из свежего совершеннолетия и необходимости познавать мир заново, чтобы опять научиться писать. Я в этом рассказе уже, внутри его уродливого тела, хотя напишу его только спустя много лет.

У нас тут частные дома и одна пятиэтажка не в тему. Я смотрел на пятиэтажку, думая: «Может, тут есть кто-нибудь для меня, несчастного?» Несколько одиноких симпатичных женщин? Мусорское общежитие. Какие там одинокие женщины? Они заставят тебя кончить вовнутрь, и это будет не дробка, а купля-продажа. Я услышал голоса.

По улице голоса продвигались в мою сторону, они громко спорили, прошли всю улицу и остановились за оградой, именно напротив моей калитки. Они шли, шли, и именно здесь их спор достиг апогея. Не нашлось ни одного места лучше!

Я курил жадно. Это дом мой и моего отца, моей мачехи, ее детей. Суперсемейка, гости из будущего, гости из прошлого в этой застывшей эпохе — у нас есть маленькая библиотека в кладовке, это мы здесь настоящие маргиналы. Мой сводный брат не для этого обучил меня программированию, когда мне было шесть, чтобы вы сейчас испортили нам сон. Мой сводный брат не для этого заставил меня прочитывать двадцать томов научной фантастики, мы не сдадим вам нашу планету, черти в погонах, урки и шлюхи.

Их было трое: два пацана и девушка.

— Ты невежливо с ней разговаривал! Ты разговаривать научись!

— Если я говорю «блядь», это не значит, что я говорю на нее. Это значит, я так говорю. Сам так никогда не говорил? Это ты вмешался, когда тебя не просили, в чужой разговор!

— А как ты разговариваешь с девушкой?! Ты бы разговаривал нормально!

— Да ты меня заебал уже!

— Мне тоже неприятно, когда ты так говоришь со мной, — поддакнула она. — У меня, между прочим, ребенок есть.

«Веский, — думаю, — аргумент». И иду к калитке. Подошел к калитке, проследил за своим телом — никакого мужского запаха, животные должны чувствовать, что ты совершенно спокоен.

Я сказал ровным голосом:

— Господа, люди спят! Пожалуйста, отойдите!

Один повернулся ко мне.

— Иди на хуй!

Если отец проснется — это будет битва за литературу XXI века. Мой папа — лучший репортер в Сибири, настоящий мастер, ушедший в подполье и наконец избравший нишу для своей нехитрой науки «сельское хозяйство», мы легко с ними справимся: однажды папа два часа продержал меня в захвате, пока из меня выходили эти пидорские комплексы. «Я убью тебя», — орал я. И из меня выходила симпатия к любовнику моей матери, инкассатору Валере, который застрелил ее, не выдержав того, что она была в десять раз умнее его, и тут же отправился за ней, продырявив свою грудь. Из меня выходила обида на то, что папа оставил меня с сестрой и матерью как оружие, которое они использовали в войне друг против друга. Я орал точно так же своему собственному папе, в жизни не ударившему человека в лицо:

— Иди на хуй!

Теперь это эхо вернулось.

— Иди на хуй, — нашелся, повторил гопничек.

Защитник девушки. Я его знал. Лет пять назад мы были почти друзьями. Ему тогда было четырнадцать, а мне тринадцать,

и как он был артистичен, вмещал в себя и мужское, и женское, его тоже назвали именем андрогина — Женя, а фамилия его была Аксенов. Ксюха — называл я его, коверкая фамилию, но он не обижался, он любил странные шутки, понятные только нам.

— Ксюха?

И он ел ягоду у меня в огороде. А теперь этот засранец стоял и парил мне это.

— Что? Как ты меня назвал?

Вот во что ты превратился, когда выбрал себе компанию быстро созревших крутышей. Готов предать своего бывшего друга, стихи которого так хвалил, чтобы показать себя крутым боевым пидорасом, а потом присунуть хуй какой-то перезревшей дуре на кухне, в то время как ее мамка будет лежать с открытыми глазами, с ненавистью думая: «Если твой выродок проснется, шалава, я выцарапаю глаза тебе и твоему красивому ебарьку, который прикидывается, которому ты сейчас должна вставлять сзади, а не распахивать свою вонючую дырку!»

Второй, в свете тусклого фонаря ничем не отличающийся от старого валенка, сказал с досадой, что не послал меня раньше Ксюхи, тоже повернулся.

— Иди на хуй!

У меня не было выбора, я включил заднюю.

— Что за блядь, люди спят!

Я развернулся, зашел к себе, у меня в сенях стоял нерабочий холодильник, на нем лежал молоток. В кладовке лежали книги. Библиотека. Хэм, великий писатель, нобелевский лауреат, который рассказал о своих проблемах с пиписькой всему миру, о да! Пришлось даже упростить и без того самый тупорылый язык на свете, чтобы любой знал: БЫЛИ В ИСТОРИИ ВСЕЛЕННОЙ ВЕЛИКИЕ СТО ЛЕТ ДРОЧКИ. Бедный мир наблюдал за этими стенаниями слабоумного журналиста и сказочника — заебался наблюдать и вручил ему Нобелевку, и вот, конечно, сбылась мечта — хуй тут же перестал стоять, он догадался, что, оказывается, не зря его наряжали в женское платье в детстве! Ружье — это и есть хуй, надо вставить его себе в рот и смешать свои мозги со спермой!

Как я ненавидел этот стиль, ленивую верхушку айсберга.

— Вот видите, человек вмешался в чужой разговор, его на хуй послали, нельзя просто вмешиваться в чужие разговоры.

Слышно было, как изрек мудрость этот второй, сгнивший от собственной тупости валенок.

Я взялся за молоток и держался за него секунд тридцать. Сердце стучало, в башке пульсировало, но потом я перестал чувствовать страх и мир остановился. Моя личность перестала существовать — так я впервые умер. Я смогу избавиться от Элеоноры, у меня будет жена, любовь, ребенок — я увидел это. Это будет человек, а не лягушка, не жаба с разумом бога, квакающая хуйню ради того, чтобы ей платили хуйню, чтобы она покупала хуйню. «Это называется психоз», — объяснит мне психиатр спустя сколько-то там лет. Я выходил и начинал свою борьбу. Баба с криком убегала, Ксюха прыгал мне в ноги, а валенок ломал мне челюсть одним ударом. Я снова умирал и снова выходил за калитку с молотком.

Их уже не было.

Я стоял, сильно сжимая рукоятку и вращая глазами. Я рассказчик историй, и вы все сейчас находитесь в моем мозге — так устроен мир, ребят, если кто не в курсе. Ну и что бы я сделал, если бы они еще не ушли?

Ха. Хемингуэй на моем месте, не думая долго, сразу бы вышел и навалял бы всем, иначе бы соседский алкаш Фолкнер обозвал его трусом. Вот уж парень совсем был без башки, сука, ладно, если первый просто дурак, этот вообще подошва, и чем доставать ее из ящиков — лучше пишите рассказы про свое вечное Пало-Альто.

Головы Ксюхи и валенка валялись на тротуаре. Воспоминания летали вокруг, я замахнулся и стал долбить через их головы, пытаясь достучаться до асфальта. Вот тебе, Ксюха, долбоеб, привет из Древнего Рима, биполярный ублюдок, знай, что такое старая и добрая как мир шизофрения.

Я закинул молоток в кусты и, как полагается победителю, побежал в комнату. Член мой стоял: победа, убийство. Где там твои очки? Я сейчас тебя изнасилую, шаблон сломается, ты

ушла ставиться герычем, презрительно обозвав меня алкашом. Но я все равно найду любовь, я умер сегодня, умер и родился новым человеком, меня назвали женским именем, чтобы я начал понимать, что такое любовь, чтобы я писал стихи своей кровью. Хуй был твердый, как нож, и шаблон лопнул, а я оказался в тесноте, в своем параноидном сне: в своей будущей любимой жене, двоеточие в двоеточии, и она (где-то на юге страны) проснулась в этот момент. Мать моих детей, она проснулась оттого, что у нее пошли первые месячные. Мне понадобилось сто лет драть, чтобы создать эту великую любовь, сто лет я носил платья и стрелял в животных с криком, что дарю им жизнь, писал про негров и собак, а мой брат подошва продавал экранизацию моей хуйни в кинотеатр — ебанный стыд! — я принимал ванны со льдом, чтобы смыть с себя этот позор и говорил на языке классической философии, мне надо выдрочить этот бред, чтобы оправдать мир.

ЕВГЕНИЙ АЛЕХИН

«Я НИКОГДА НЕ БЛЮЮ В ТАЗИКИ» И ЕЩЕ 46 РАССКАЗОВ

КОРРЕКТОР — *ИРИНА СЕМАШКОВА*

ИЛЛЮСТРАЦИИ, ОБЛОЖКА — *ANTIDOTS.ART*

ВЕРСТКА — *ВОВА СЕДЫХ*

Е. АЛЕХИН, 2021

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛ-MUSIC», 2021